

Последняя жертва

Шэрон Болтон & Sharon Bolton &
Alex1979

calibre 0.7.44

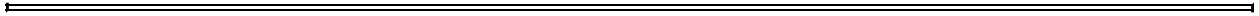
Annotation

Ветеринар Клара Беннинг, лицо которой обезображено в результате несчастного случая в детстве, рассчитывает спрятаться от всего мира в глухом английском поселке. Однако здесь происходят жуткие события — в домах обнаруживают ядовитых змей, гибнут люди. Клара становится главной подозреваемой и вынуждена начать собственное расследование. Тайны прошлого сплелись в «змеиный клубок», и распутать его будет непросто.

- [Шэрон Болтон](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Пролог](#)
 - [ЧАСТЬ 1](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [Часть 2](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
- [Заключение](#)
- [Эпилог](#)
- [От автора](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

Шэрон Болтон

«Последняя жертва»

Моей матери, полной
противоположности матери Клары, за
исключением любви, которую к ней
питали окружающие; моему отцу,
подарившему своим дочерям мечты и
научившему их мужеству,
необходимому, чтобы добиться их
осуществления; и Винсенту — нашей
надежной опоре

Хорошенько смотри, куда
прыгаешь, — среди цветов порой
таятся змеи.

Пословица

Предисловие

Этот роман по праву станет бестселлером.

The Times

Под таким лозунгом выходит новая долгожданная книга Шэрон Болтон. Успешный PR-менеджер и маркетолог, она и предположить не могла, что давнее увлечение литературой принесет ей славу и всемирное признание. Дебютный роман «Жертвоприношение» неожиданно для самой создательницы стал необычайно популярным и снискал восторженные отзывы как критиков, так и широкой читательской аудитории. После блестящего успеха первой книги не просто удивить читателей, но Шэрон Болтон удалось преподнести своим поклонникам новый сюрприз.

Динамичный, захватывающий сюжет романа «Последняя жертва» достоин пера самого Джеймса Хэдли Чейза. Полная мистики интрига завораживает своей реалистичностью. Ведь герои этой истории — обычные люди и... змеи. Опасные, непредсказуемые, коварные, беспощадные рептилии. Но действительно ли они так опасны? Ведь человек, охваченный жаждой власти, мести, богатства, опаснее во сто крат, его жестокость не знает границ! Не потому ли главная героиня романа Клара предпочитает компанию диких животных обществу людей?

Девушка не понаслышке знает, что значит быть отверженным. Уродливый шрам на лице сделал ее изгоем среди сверстников, объектом жалости и насмешек взрослых. Но Клара не сломалась, она нашла занятие по душе — стала ветеринаром в клинике для диких животных. Она жила в одиночестве и относительном покое, но... Поселок всколыхнула страшная новость — в больницу попал человек, которого укусила гадюка. Дальше события разворачиваются с невероятной скоростью: дома заполоняют змеи — ужи, гадюки, — а в детской комнате находят одну из самых ядовитых тропических змей планеты — тайпана. Как она оказалась в Англии? Клара единственная, кто может пролить свет на загадочное поведение рептилий. Ей на помощь приходят полицейский Мэт Хоар и герпетолог Шон Норт.

Глубоко, тонко и точно талантливая писательница раскрывает перед нами внутренний мир героини, ее потаенные мысли, мечты, желания. Распутывая клубок событий, Клара развязывает и тугой узел своей жизни и внезапно находит то, на что не смела и надеяться, — понимание, дружбу, любовь... Извилистый змеиный след приводит девушку к разгадке тайны,

корни которой кроются в прошлом. У истоков этой тайны стоит человек-загадка, обладающий удивительной силой воли, безграничным обаянием и... властью над змеями. Почему в городке до сих пор боятся вспоминать о нем? И почему вернулись змеи?

Великолепная история, открывающая тайны человеческого сердца...

Пролог

Весь этот ужас начался в минувший четверг, с первыми лучами солнца.

Помню, я, выходя из дому, подумала, что утро обещает быть великолепным: теплым и безветренным, исполненным радужных обещаний, — в общем, таким, каким оно может быть только в канун лета. Воздух пока дышал прохладой, но его переливчатость над горизонтом предупреждала о приближающемся зное. Птицы пели так, как будто каждая трель, которую они выводили, была последней, и даже насекомые проснулись пораньше. Стараясь максимально воспользоваться щедротами раннего утра, вокруг меня носились ласточки — настолько близко, что мне иногда приходилось даже зажмуриваться.

Когда я подошла к подъездной аллее, ведущей к дому Мэта, голова у меня тут же закружилась от запаха диких ромашек, растущих за живой изгородью. Его любимый запах. Я на минутку задержалась, вглядываясь в посыпанную гравием дорожку, исчезающую за кустами рододендронов. Ноги сами несли меня за запахом, а в голову лезли мысли о том, что ромашки пахнут переспелыми яблоками и едва различимой горечью дымка, приносимого осенним ветром. Меня неотвязно преследовало желание пройтись по этой аллее, незаметно пробраться в дом и разбудить его хозяина, ссыпав с ладони лепестки ромашки на его подушку.

Я продолжила свой путь.

Достигнув конца переулка, выходящего на Картерс-лейн, я заметила, что дверь домика Виолетты приоткрыта. Невероятно, особенно в такой ранний час. Я подошла к двери и остановилась на пороге, разглядывая в полумраке прихожей облупившиеся стены. Может быть, она и ранняя пташка — старики обычно рано встают, — но при виде открытой двери внутри у меня все сжалось.

Порог был мокрым. Минуту назад здесь прошел кто-то в мокрых сапогах. Возможно, это ничего не значит — просто совпадение. Но ни одно из приходивших мне в голову объяснений не могло развеять растущее чувство тревоги. Я толкнула дверь. Она открылась еще сантиметров на пятнадцать и застопорилась. Что-то изнутри не давало ей распахнуться.

— Виолетта? — позвала я.

Тишина. Молчаливый дом ждал, что я предприму дальше. Я опять толкнула дверь. Она приоткрылась еще на несколько сантиметров, на полу

я увидела мокрый след. Я протиснулась в щель и оказалась в прихожей.

Мешок из обычной дерюги, мешавший открыть дверь, был завязан веревкой. Он был похож на мешки с песком, которые использует Служба охраны окружающей среды в случае грозящего наводнения, но я очень сомневалась, что внутри этого мешка находился песок. Я понимала, что он был не настолько тяжелым. И не таким твердым, и не такой правильной формы, как мешок с песком, особенно мокрым. А этот мешок был не просто мокрым, из него так и сочилась жидкость.

— Виолетта! — вновь позвала я хозяйку.

Даже если Виолетта меня и слышала, она не откликнулась.

Дверь в дальнем конце коридора была распахнута, и я видела, что комната пуста. Да и никакого следа Бенни, пса.

Вот отчего моя тревога переросла в настоящий страх. Из-за пса, пусть даже такого старого и больного. Пес, как правило, никому не позволяет незаметно войти в свой дом, он так или иначе реагирует на гостя. Предположим, Виолетта спит, вероятно, она не слышала, как я ее звала. Но Бенни-то должен был меня учуять!

Прекрасно сознавая, что делать это мне страшно не хочется, я повернулась и наклонилась над мешком. Мокрый, твердый, но не песок. Стопроцентно не песок. Я вытащила из кармана маленький перочинный ножик, перерезала веревку — мешок завалился и открылся. Затем я взялась за кончики и вытряхнула влажное мертвое содержимое на потертый линолеум прихожей Виолетты.

Передо мной лежал Бенни. Он казался еще меньше, чем при жизни. К нему не нужно было прикасаться, чтобы понять: пес мертв. Но несмотря на это я наклонилась и погладила его жесткую шерсть. Вокруг морды и шеи он сам себя поранил, но эти раны были неглубокие: он из последних сил царапался, чтобы высвободиться, когда все глубже и глубже погружался в воды пруда или реки, куда его сбросили. Но в мешке он был не один. Я пошевелила рукой, и из мешка выпало что-то еще. Изогнувшись в последней конвульсии, на пол шлепнулась змея — вся в ужасных ранах, искалеченная и даже разорванная в нескольких местах.

Меня едва не стошнило. Я опустилась на холодный пол, понимая, что необходимо найти Виолетту, но ни сил, ни смелости сделать это у меня не было. В моей голове пронеслась самая невероятная мысль.

Было ощущение, что чего-то не хватает. Я вспомнила школьные уроки, когда мы проходили историю Древнего Рима и ловили каждое слово нашего учителя, развлекавшего нас байками о римском правосудии, пытках и казнях. Особенно нам запомнился один способ казни: осужденного —

который, кажется, совершил самое тяжкое из преступлений — завязывали в мешок с собакой, змеей или другим животным, возможно, обезьяной или каким-то домашним животным, а потом сбрасывали в Тибр. Большинство ребят смеялись. Это было так давно! Было что-то комичное в таком подборе животных. Даже я так думала. Но мне никогда и в голову не могло прийти, как это ужасно — оказаться вместе с животным, каким угодно, в завязанном мешке, а потом быть сброшенным в реку. Любой стал бы бороться за жизнь — яростно, отчаянно, а повсюду зубы и когти, и легкие заполняет вода. И боль такая!..

Необходимо было найти Виолетту.

Я направилась по коридору в гостиную. Дверь в дальнем конце вела на лестницу. Нашарила выключатель и зажгла свет. Лестничный пролет был коротким, но, казалось, я взбиралась по ступенькам целую вечность.

На втором этаже я увидела две открытых двери. Слева — маленькая комнатка: двухъярусная кровать, буфет, камин и окно, выходящее на лес. Я собралась с духом и повернула направо.

ЧАСТЬ 1

1

Шестью днями ранее

С чего все началось? Думаю, с того дня, когда я спасла младенца от ядовитой змеи, узнала о смерти моей матери и повстречалась со своим первым привидением. Мысленно возвращаясь в тот день, я даже с точностью могу назвать время. Было почти шесть, раннее летнее утро пятницы, когда моей спокойной, размеренной жизни пришел конец.

Без семи минут шесть. Я бежала, выбиваясь из сил. Тяжело дыша и обливаясь потом. Нашла ключи и открыла дверь черного хода. Как только я вошла, мои юные питомцы начали пронзительно пищать.

Вытирая полотенцем шею, я прошла в кухню, подняла крышку инкубатора и заглянула внутрь. Их было трое. Каждый уместился бы на ладони — голодные, сердитые пушистые комочки. Птенцы сипухи: двух недель от роду, осиротевшие почти сразу после рождения, когда их мать сбил большой грузовик. Местный любитель птиц обнаружил мертвую сову, и он знал, где найти ее гнездо. Он принес птенцов в ветлечебницу, где я работаю ветеринаром. Они были еле живые, холодные и голодные.

С тех пор птенцы постоянно хотели есть. Я достала из холодильника поднос с едой для них, нашла щипцы и опустила в инкубатор крошечную мертвую мышку. Ждать пришлось недолго — птенцы быстро справились. Меня беспокоило то, что они уже слишком привыкли ко мне. Приручить диких птиц сложно. Без участия человека осиротевшие птенцы обязательно погибнут, но, с другой стороны, они не должны становиться зависимыми от людей. Я надеялась через пару недель подсадить их к взрослым совам, которые привили бы им навыки, необходимые птенцам для того, чтобы они смогли сами охотиться и прокормить себя, да и просто выжить. До тех пор я должна быть осторожной. Вероятно, пришло время пересадить их в вольер и начать пользоваться во время кормления перчаткой-манекеном, напоминающей по форме сипуху.

Без трех минут шесть. Я направлялась вверх, чтобы принять душ, когда зазвонил телефон. Приготовилась услышать, что меня вызывают по той причине, что на шоссе АЗ 5 сбили очередную коосулю.

— Мисс Беннинг? Это мисс Беннинг, ветеринар? — Звонила молодая женщина. Очень взволнованная молодая женщина.

— Да, это я, — ответила я, гадая, удастся ли мне все же принять душ.

— Это Линей Хьюстон. Ваша соседка. Из второго дома. В детской

кроватке, где спит моя малютка, — змея. Я не знаю, что делать. Черт возьми, я совершенно не знаю, что мне делать! — С каждым словом ее голос звучал все громче и громче, казалось, она уже на грани истерики.

— Вы ничего не путаете? — Глупый вопрос, знаю, но ведь не каждый день слышишь о том, что в детской кроватке нашли змею.

— Я ничего не путаю! Я сейчас смотрю прямо на нее. Что, черт возьми, мне делать?

Она уже срывалась на крик.

— Сохраняйте спокойствие и не делайте резких движений. — Я же при этом двигалась молниеносно — вылетела из дома, схватив ключи от машины, открыла брелком багажник, нырнула внутрь. — Вы думаете, змея укусила малышку?

К своему удивлению, я вспомнила, что ребенок — девочка. Несколько недель назад я видела, что их дом был украшен розовыми шариками.

— Не знаю. Думаю, она спит. Боже, а если не спит?

— Какого цвета ее кожа? Вы видите, она дышит? — Я выхватила пару вещей из багажника машины и поспешила вверх по холму.

Дом Хьюстонов был в пределах моей видимости: красивый, выкрашенный в белый цвет домик стоял в начале переулочка. Их семья недавно переехала из города, они прожили здесь всего пару недель, но, пожалуй, я припоминала, как выглядит мать, — приблизительно моего возраста, высокая, с длинными, до плеч, светлыми волосами. Раньше мы с ней никогда не разговаривали.

— Да, вижу. И кожа у нее розовенькая. Вы можете прийти? Пожалуйста, пообещайте, что придете.

— Уже бегу. Самое главное — не испугать змею. Не делайте ничего, что могло бы ее потревожить.

Я толкнула ворота и побежала по тропинке к входным дверям. Заперто. Я побежала вокруг дома, направляясь к черному ходу. Телефон я отнесла слишком далеко от базы, поэтому он начал пищать. Я отключила его и толкнула дверь.

Я оказалась внутри светлой современной кухни. Для дома, где есть грудной ребенок, здесь было на удивление опрятно. Я положила телефон на стол и пошла по коридору на голос, доносившийся сверху. Подходя к лестнице, я заметила грязные мокрые следы на совершенно чистом кафельном полу. Мое внимание привлек знакомый писк. Повернув голову направо, я заметила в маленькой подсобке инкубатор для цыплят. Семья разводит кур.

— Я уже в доме, — негромко произнесла я.

Когда я поднялась по лестнице, в дальнем конце коридора увидела белое от испуга лицо, высунувшееся в проем двери. Женщина сделала мне знак, и я направилась к ней. Она отступила, пропуская меня в комнату.

Я оказалась в маленькой розово-бежевой спальне, расположенной под крышей. Несущие балки чернели на фоне белых оштукатуренных стен. Розовая штора с изображением фей и грибов обрамляла маленькое окно в глубоком проеме. Куда ни кинь взгляд — везде мягкие игрушки, в основном розовые. Вдоль длинной стены стояла детская кроватка, колыбелька сказочной маленькой принцессы: вся в бежевых кружевах и розовых рюшах. Я подошла ближе, все еще теша себя надеждой, которая родилась, когда я подняла трубку: змея — игрушечная, над мамой зло подшутил кто-то из старших детей.

Малютка, просто крошечный ангелочек в белом комбинезончике с вышитыми розовыми кроликами, мирно спала. Ее рот был приоткрыт. Я увидела самый милый курносый носик, длинные ресницы и едва заметные следы молока на щечках. Кулачки сжаты, ручки подняты над головой — классическая поза спящего младенца. Она выглядела совершенно здоровой. Правда, делила постельку с ядовитой змеей, готовой ужалить в любой момент, чуть ребенок шевельнется.

Удивительное дело: несмотря на шум, поднятый матерью, казалось, что змея тоже спит. Она лежала, пригравшись на груди у ребенка, вытянув голову, свернувшись до половины в клубок. Змея была длиной где-то сантиметров тридцать пять и в самой широкой части тела в окружности имела восемь с половиной сантиметров. Уже не молодая особь.

С моим приходом мать немного успокоилась, но все еще могла в любой момент запаниковать.

— Я решила, что это уж, — сообщила она громким шепотом, — но не могу сказать наверняка. Ужи бывают темно-серые, верно?

Я уже натягивала свои перчатки из грубой кожи длиной выше локтя — они защищали меня от укусов диких млекопитающих куда крупнее этой змеи: барсуков, лисиц и прочих. Раньше я никогда не пользовалась этими перчатками, имея дело со змеями.

— Это не уж. Мне нужно, чтобы вы оставались на месте и не шевелились. Не делайте никаких резких движений, не издавайте громких звуков.

— Черт, но это же не гадюка, нет? Того мужчину, который живет на главной улице, — его на прошлой неделе укусила гадюка. Говорят, он очень плох.

Я подошла ближе. Я не слышала, чтобы кого-то укусила змея, но эта новость непосредственно меня не касалась.

— Он поправится, — начала я. — От укуса гадюки...

И прикусила язык. Я хотела сказать, что взрослый здоровый человек не может умереть от укуса гадюки, но в данном случае это было совершенно неуместно и бестактно. Последним, кто в Великобритании погиб от укуса змеи, был пятилетний ребенок. Младенца же после укуса взрослой гадюки мы не успеем и до больницы донести.

— Пожалуйста, сейчас помолчите.

— Что мне делать? Может, вызвать «скорую помощь»? Молчать она не умела. Пусть лучше уйдет из комнаты.

— Да, спуститесь вниз, молча. Объясните им ситуацию, скажите, что ребенку может срочно понадобиться помощь. Они должны быть готовы к реанимации грудного ребенка.

Она неохотно вышла из комнаты, а я подошла еще ближе к кроватке. Ноги не слушались, а руки в плотных перчатках дрожали. Давненько же я

так не боялась животных! Я входила в клетки с тиграми и обрабатывала напильником ногти слона. Вводила успокоительное обезумевшим от боли барсукам и помогала отелиться буйволице. Я извела и волнение, и азарт. И не раз. У меня случались нервные припадки, но страх я испытывала очень редко.

А вот сейчас я боялась — боялась за невинного младенца, который лежал всего в метре от меня. Боялась за малышку, смотревшую свои мирные детские сны о молоке и маминой ласке. Боялась из-за гада, свернувшегося на ее животике, высасывающего, словно паразит, ее тепло, и смертельно опасного. Змеиный яд — сложное вещество, предназначенное для того, чтобы обездвижить, убить, а после этого еще и помочь переварить жертву. Если бы эту кроху укусила змея, за считанные минуты антикоагулянты, содержащиеся в яде гадюки, начали бы препятствовать свертываемости крови, и место укуса продолжало бы кровоточить. Девочка страдала бы от нестерпимой боли, а болевой шок может привести к смерти. Спустя некоторое время расщепляющие ферменты стали бы разлагать ткани тела, началось бы обильное кровоизлияние. В конечном итоге ее плоть разбухла бы, кожа стала бы синюшной, багровой и даже черной.

И все это лишь от одного укуса. Достаточно внезапного, молниеносного броска — и малышке, которая и пожить-то еще не успела, пришел бы конец. Даже если бы малышке и удалось выжить, последствия были бы ужасными.

И ничего с этим не поделаешь.

Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Змея продолжала спать, а девочка — о, нет, нет, нет! — начала просыпаться. Она стала что-то бормотать, потягиваться и изгибаться. Если она хоть каплю похожа на моих племянниц в детстве, через мгновение после пробуждения она поймет, что хочет есть, откроет рот и закричит, призывая мать. Примется сучить ножками и размахивать руками. Гадюка запаникует, станет защищаться. Тянуть было нельзя. Но даже теперь я не двигалась.

Мне раньше не доводилось прикасаться к дикой британской змее. И я вряд ли раньше видела гадюку, но сейчас у меня не было ни малейших сомнений, что я смотрю именно на гадюку. Ужи — длинные тонкие змеи с головой овальной формы. Эта особь была короче, толще, с хорошо различимым зигзагом вдоль темно-серой спинки и характерной для гадюки меткой в форме латинской буквы V на лбу.

Крошка запищала, змея проснулась.

Тварь подняла голову и огляделась, ее язык затрепетал, — гадюка почувствовала опасность, но не поняла, откуда она исходит. Снаружи

внезапно послышался шум — вернулась Линей. Я потянулась к змее. Она резко изогнулась и бросилась на меня.

Когда гадюка вонзила зубы в мою кожаную перчатку, я свободной рукой схватила ее поближе к голове, приподняла и вытащила из кровати. Линей прокричала что-то нечленораздельное и бросилась — мне показалось, быстрее змеи — к кровати своей дочурки. Она схватила малютку и стала бормотать ей всякую успокаивающую чушь, а я в это время ногой открыла крышку контейнера для транспортировки животных, который захватила с собой из машины, и бросила туда змею. Она не сразу отпустила мою перчатку, но я слегка сдавила ее у основания головы — и дело было в шляпе. Я закрыла контейнер, заперла его и стянула перчатки. На моем правом запястье, в месте, куда впилась змея, виднелись два крошечных следа от зубов, но кожа не была повреждена. Я обернулась к Линей, все еще прижимавшей к себе дочь. По лицу матери ручьем текли слезы.

— Нужно раздеть ребенка, — сказала я. — Уверена, что с ней все в порядке, но нужно проверить.

Я подвела их обеих к пеленальному столику и, поскольку от Линей было мало проку, взяла у нее из рук ребенка и положила на столик. Я стянула с малышки одежды, расстегнула подгузник — какая нежная, словно перламутровая, у нее кожа!

Недовольная тем, что после сладкого сна с ней обращаются столь бесцеремонно, а молочка не дают, малышка протестующе размахивала ручками и ножками, а ее личико стало красно-коричневым, когда она начала вопить, требуя завтрак. Я схватила ее за запястья и расправила ручки, то же проделала с ножками. Перевернула на животик и осмотрела спинку, пухлую попку, затылок. Все безупречно.

Я взяла ее на руки и нехотя (удивительно, раньше я не испытывала тяги к детям) отдала матери. Линей схватила малышку так, как будто та была недостающей частью ее тела, и рывком расстегнула блузку.

Через несколько минут, в течение которых Линей, похоже, была не в состоянии разговаривать, а я не знала, что сказать, внизу послышались шаги и мужской голос. Взяв себя в руки (первая встреча с незнакомыми людьми — всегда суровое испытание), я подхватила контейнер со змеей и спустилась вниз, чтобы встретить бригаду «скорой помощи». Старательно избегая встречаться взглядом с членами бригады «скорой», я объяснила, что произошло, забрала свой телефон и попрощалась с Линей и ее дочерью.

Уже по пути домой я поняла, что не спросила, как зовут малышку. Возможно, второго шанса узнать мне не представится. Я решила, что буду

звать ее Жемчужинка — у нее кожа была нежной и розовой, как жемчуг.

Когда я открыла входную дверь, совята громче прежнего завели свою песню. Может быть, они производили и меньше шума, чем оба моих телефона, домашний и мобильный, но разница была незначительной. Я посмотрела на трезвонящую трубку домашнего телефона, которую продолжала сжимать в руке. Потом взглянула на мобильный, лежащий на кухонном столе. Тоже звонит. Надо было выбирать.

— Клара, у нас барсуки. — Это звонила Харриет, моя медсестра и одновременно администратор ветклиники. — Сильно искалеченные. Приезжай как можно скорее. Сколько тебе нужно времени, чтобы приехать?

— Барсуки? Их много?

— Трое. Чуть живые. Их нашли сегодня утром на одном из складов в окрестностях Лайма.^[1] Они сильно искалечены.

Я вздохнула и посмотрела на часы. Двадцать минут восьмого, а я уже «познакомилась» с ядовитой змеей и имела беседу с тремя людьми — многовато для обычного утра. А вскоре мне придется иметь дело с последствиями крайне отвратительного случая барсучьих боев.

Примерно через три километра я свернула с шоссе А35. Здесь простиралась пустошь — естественное место обитания гадюк. Я прошла метров сто вглубь и выпустила змею из контейнера. За считанные секунды гадюка исчезла, и я больше о ней не думала.

Среди барсуков была беременная самка, которая через пятнадцать минут после того, как ее доставили в лечебницу, произвела на свет потомство и тут же сдохла. Три крошечных детеныша размером не больше мыши сразу же были помещены в палату интенсивной терапии.

Из оставшихся двух взрослых особей больше всего досталось молодому самцу: поперек всего брюха у него зияли глубокие рваные раны, на обеих передних лапах виднелись следы укусов, половина морды была откушена, и мне особенно не нравилось, как выглядит одна из его передних лап.

— Ублюдки! — сказал за моей спиной Крэг, старший медбрат, и с ним трудно было не согласиться.

Барсучьи бои были запрещены в Великобритании еще в 1835 году, но и в наши дни проводятся эти незаконные жестокие развлечения. По какой-то необъяснимой причине в последние годы на юго-западе страны эта забава переживает, пожалуй, второе рождение. Правила проведения боев были предельно просты: брали здорового взрослого барсука, намеренно наносили ему увечья, чтобы не убежал, и помещали в загородку с несколькими собаками. Потом делались ставки на то, сколько удастся продержаться барсуку.

Одно время бои обычно проводились в норах — естественной среде обитания барсуков, но теперь животных все чаще вытравливают из нор собаками, тайно перевозят и помещают в ямы. Отдаленная сельская местность, особенно если там имеется подходящее помещение, — например, старые хозяйственные постройки, — популярное место проведения боев, но свидетельства барсучьих боев находили и в городах, в промышленной зоне или на заброшенных складах.

Если барсуку удастся выйти из схватки победителем, его забивают до смерти битами. Обнаружить трех выживших особей — дело необычное; я могу это объяснить только тем, что бой прервали и преступники были вынуждены бежать.

Одного барсука уже поместили в крепкую, с частыми прутьями клетку, поэтому мне не пришлось думать, как с ним справиться. Барсуки — необычайно сильные, абсолютно непредсказуемые и зачастую агрессивные животные. К тому же у них на удивление мощные челюсти. Боже упаси, чтобы вас — хоть один раз! — укусил барсук! Больше часа я пыталась

стабилизировать его состояние; я обработала самые серьезные повреждения и ввела ему обезболивающее. Теперь все зависело только от самого животного.

Крэг опускал верхнюю стенку клетки до тех пор, пока второй барсук не оказался обездвиженным, и тогда я вколола ему в заднюю лапу медетомидин, кетамин и буторфанол — довольно действенную смесь анестетиков и болеутоляющих. Когда вводишь анестетик, необходимо контролировать дыхание пациента. Это было заботой Крэга. Когда я увидела, что барсук больше не опасен, я открыла клетку, и мы с Крэгом уложили барсука на операционный стол.

Животное потеряло много крови. Мне не сразу удалось найти вену, но когда нашла, я быстренько поставила капельницу с метилпреднизолоном — чтобы вывести барсука из шокового состояния, и антибиотиком амоксицилином — чтобы не допустить распространения инфекции.

— Есть надежда арестовать преступников? — поинтересовалась я, когда стала обрабатывать рану на морде, с облегчением обнаружив, что мышцы не задеты глубоко.

Местами шкура свисала лохмотьями. Я попыталась зашить разрывы.

— Вряд ли, — ответил Крэг приглушенным из-за маски голосом: на юго-западе страны туберкулез у животных встречается часто. Не все барсуки, разумеется, являются разносчиками заболевания, но мы обязаны принимать меры безопасности, когда лечим их. — У полиции есть номер грузовика, они отследили машину до самого Эксетера,^[2] но эти машины почти всегда оказываются краденными, верно?

Я кивнула. Это организованная преступность. Они зарабатывают кучу денег на нелегальных боях. И они знают, как себя обезопасить.

Рваные раны на брюхе были не такими серьезными, как мне поначалу показалось, но в конце весны личинки мух в открытой ране могли стать настоящей проблемой. Я промыла раны дезинфицирующим раствором и обработала средством от насекомых. Произведя необходимые манипуляции, я быстро наложила швы.

— Полиция нашла там жедохлую собаку, — продолжал Крэг. — Стаффордширского терьера. Чьего-то домашнего любимца.

Мне уже доводилось слышать, как дрожит голос Крэга. Он мог выдержать вид самого больного, самого истерзанного животного, но перед лицом намеренной жестокости терял самообладание.

— Как тебе это удается, Клара? Как удается оставаться такой спокойной? — спросил он меня однажды, а по его щекам ручьями текли слезы — нам тогда пришлось усыпить олененка, которому ватага

подростков выколола глаза.

Он и остальные сотрудники считали меня бездушной. Как мне им объяснить, что меня никогда не удивляла людская жестокость? Я изо дня в день, сколько себя помню, сталкиваюсь с ней.

Открылась дверь, и я увидела Харриет. Судя по выражению ее лица, можно было предположить, что первый барсук сдох.

— Клара, ты должна подойти к телефону, — сказала она, маяча в проеме двери.

Я отрицательно покачала головой и подняла вверх руки в перчатках, все в крови и шерсти.

— Я освобожусь через час, — сообщила я и вернулась к своему пациенту.

— Клара, звонит твой отец. Тебе на самом деле нужно взять трубку.

Я вновь взглянула на нее и по ее полным слез глазам, в которых читался испуг, тут же поняла, что случилось. Значит, не барсук. Умер не барсук.

Я стянула маску и перчатки. Прижав трубку к уху, я слушала, что говорил мне отец, потом сказала, что позже ему перезвоню. Он продолжал говорить, когда я нажала кнопку отбоя и отдала трубку Харриет.

— Я считаю, что плечевая кость передней правой лапы сломана, — произнесла я. — Если он переживет эту ночь, утром я его осмотрю. Может понадобится интрамедуллярный штифт.

Харриет все еще находилась в кабинете, она нарочито старательно протирала телефон дезинфицирующим раствором. Краем глаза я заметила, как они с Крэгом обменялись понимающими взглядами.

— Все в порядке? — поинтересовался у меня Крэг.

Я медленно кивнула и продолжила шить. Я попыталась сконцентрироваться на этом занятии, а краем глаза видела, что Харриет что-то беззвучно говорит Крэгу, а тот изо всех сил пытается прочесть по губам. Он больше не смотрел на голову барсука, и мне не сразу удалось привлечь его внимание. Я подняла глаза.

— Кажется, барсук просыпается, — заметила я.

Крэг взглянул на стол и вспомнил наконец о работе.

— Клара, тебе нужно ехать. Быть с родными, — не унималась Харриет.

— Когда закончу, — бросила я, не поднимая взгляда. — Можешь проследить, чтобы образцы крови отправили в министерство окружающей среды?^[3] Как там детеныши?

Она пожала плечами, последний раз взглянула на Крэга и вышла из

кабинета.

Направляясь за вторым барсуком, я проходила мимо ординаторской. Трех осиротевших детенышей поместили в инкубатор. Их накормили молоком — специально разработанным продуктом для детского питания, которым мы выкармливаем новорожденных млекопитающих. И чувствовали они себя, как и ожидалось: лежали, сбившись в кучу, чтобы согреться, тяжело дышали и попискивали. Крошечные, испуганные, осиротевшие.

Совсем как я.

Небольшая лечебница Святого Франциска, где я работала уже около пяти лет, была основана католическими монахами в конце девятнадцатого века. Здесь лечили больных и раненых диких животных. В настоящее время наша ветклиника финансируется благотворительным фондом. Нам поступают пожертвования со всего мира, сотни людей получают статус наших «друзей» и годовой абонемент на посещение, а благодаря центру по работе с экскурсантами к нам каждый год приезжают тысячи посетителей. Мы лечим всевозможных диких животных, обитающих на территории Великобритании, — млекопитающих, рептилий, птиц, амфибий — независимо от их размера и тяжести повреждений. Только в крайних случаях, когда животное настолько пострадало, что дальнейшее лечение только причинит лишние мучения, мы усыпляем его. Некоторые обвиняют нас в том, что мы до смешного сентиментальны, в том, что мы разбазариваем пожертвования, которые можно было бы потратить более разумно. Лично я считаю, что люди сами вправе решать, на что тратить свои деньги, что жизнь любого существа, в том числе и самого крошечного, недоступного взору, даже самая короткая жизнь имеет свою ценность и предназначение.

Второй барсук не получил сильных увечий. Его осмотр и оказание помощи заняли у меня лишь сорок минут, потом я поместила его в клетку, чтобы он мог прийти в себя. Будем дальше наблюдать за его состоянием. Когда мы закончили, меня поджидала Харриет, и на сей раз я скрепя сердце вынуждена была принять ее материнскую опеку. Она решила уговорить меня взять отпуск, предложила сделать горячий сладкий кофе, старалась разговорить, чтобы я таки дала слабину и расплакалась у нее на плече. Харриет работала со мной уже пять лет, и я считала, что она знает меня лучше.

Я направилась в инкубатор, и Харриет была вынуждена чуть ли не бежать, чтобы поспевать за мной.

— Клара, к тебе посетитель. Он в приемном отделении. Какой-то доктор из Дорсета. Он ждет уже целый час. Я сказала ему, что ты занята, — что и говорить, сейчас не до него, — но он настаивал, заявил, что дело важное. Что-то насчет змей.

Я остановилась как вкопанная прямо посреди коридора, сзади на меня наскочила Харриет. Малышку, которую я спасла сегодня утром, отвезли на

обследование в Дорчестер,^[4] в больницу графства Дорсет. Если доктор хочет побеседовать со мной безотлагательно и раз уж он сюда приехал, значит, змея ее все-таки укусила. Как я могла недоглядеть? Я развернулась и уже через несколько секунд была в приемном покое. При моем появлении молодой мужчина в джинсах и свитере вскочил со стула, возле которого стояла большая сумка с ручкой через плечо. Он бросился мне навстречу, протягивая руку. Мы не были с ним знакомы, но, казалось, он несколько не сомневался, что ему нужна именно я. Кто-то, видимо, описал ему мою внешность.

— Мисс Беннинг? Спасибо, что уделите минутку. Меня зовут Гарри Ричардс. Я работаю в отделении интенсивной терапии в Дорсете. Я действительно рад представившейся возможности получить у вас консультацию.

— Речь идет о малышке? — Я не могла вспомнить ее фамилию. — О девочке, которая поступила к вам сегодня утром?

— Нет, — ответил он, озадаченно глядя на меня. — Какая девочка? Я приехал насчет Джона Эллингтона.

— Вот как! — промолвила я.

Я не знала никакого Джона Эллингтона. За нашими спинами Харриет делала вид, что роется в документах.

— Как ни прискорбно, я вынужден вам сообщить, — продолжал доктор Ричардс, — что мистер Эллингтон сегодня утром скончался.

— Вот как. — Для меня ничего не прояснилось.

— Соболезную. Надеюсь, он был не очень близким вашим другом.

— Нет, — ответила я.

Сколько же может продолжаться этот бессмысленный разговор? Поскольку доктор явился сюда не из-за малышки, я потеряла к нему всякий интерес.

— Салли Джонсон порекомендовала мне встретиться с вами. Она сказала, что вы специалист по змеям.

Так, с меня довольно!

— Прошу прощения, но, думаю, тут какая-то ошибка. Я не знаю ни Эллингтона, ни Джонсон, и мне действительно пора...

— Вы же Клара Беннинг, ветеринар?

В его голосе теперь звучало раздражение. Оно и понятно!

— Да. У меня было очень тяжелое утро и...

— Салли Джонсон — одна из местных медсестер, прикрепленных к больнице. Она сказала, что вы с ней живете в одном поселке. Там же, где жил и мистер Эллингтон. Она утверждает, что вы соседи.

Вот вам, пожалуйста! В довершение всего еще и унизили. Конечно же, моя соседка работает медсестрой — я часто видела ее в белом халате. Я даже вспомнила, что ее зовут Салли. Когда я только переехала, она несколько раз заглядывала ко мне, не обращая внимания на то, что я встречала ее все прохладнее и прохладнее. Закончилось это тем, что я просто перестала открывать ей дверь.

За нашими спинами Харриет перестала делать вид, что занята делом. Позади нас распахнулась дверь, в приемное отделение вошли женщина и двухлетний малыш. Кроха нес коробку из-под обуви.

— Птичка, — пояснил он, направляясь к стойке. Еще один несчастный случай.

— Прошу прощения, — извинилась я перед доктором Ричардсом. — Конечно, у меня есть соседка Салли. Просто сегодня такое утро... Послушайте, мне нужно осмотреть вольеры во дворе. Хотите пойти со мной? Мы могли бы побеседовать по дороге.

Ричардс кивнул, повернулся, чтобы забрать свою сумку, а потом прошел за мной к выходу через магазинчик сувениров.

— Вам известно, что произошло с мистером Эллингтоном? — поинтересовался он, когда мы, кивнув сидящей за столиком Холи, вышли на улицу.

Я не торопилась с ответом. Потом вспомнила. Линей упоминала, что какого-то человека с главной улицы укусила гадюка. Должно быть, это и был Джон Эллингтон. Он умер?

— Его укусила змея, верно? — произнесла я. — Гадюка?

— Пять дней назад. Мне на самом деле необходимо проконсультироваться с кем-то, кто понимает, каковы последствия змеиных укусов.

Мы находились в той части территории клиники, где содержатся в низких вольерах ежи, зайцы и утки. Дети очень любят здесь бывать. Мы прошли мимо двух малышей с родителями, все они заглядывали в небольшие вольеры.

— Вы, разумеется, связывались с центром по ядам? — спросила я.

Любой доктор, если он имеет дело с отравлением, обязан позвонить в Британский национальный информационный центр по ядам. Центр имеет многочисленные региональные отделения, и там всегда готовы предоставить любую консультацию по телефону или на интернет-сайте «Tox-Base».

— Естественно. Я связался с ними, как только Эллингтон поступил в больницу, они консультировали меня в ходе лечения. Но там не оказалось

ни одного специалиста по змеиным укусам. Они смогли мне дать лишь общие рекомендации. В Великобритании, представьте себе, нет необходимости в специалистах такого профиля.

— Понятно.

Доктор был прав. Последний раз в Великобритании смертельный случай от укуса змеи зарегистрирован тридцать лет назад. Погиб пятилетний ребенок. С тех пор, согласно статистике, обратившихся в больницу в связи с укусом змеи было не более двадцати человек.

— Ну как, вы можете мне помочь? — спросил доктор Ричардс.

Я тянула с ответом, поскольку не была уверена, что смогу хоть чем-нибудь помочь. К тому же не была уверена, что хочу это делать. Наконец я произнесла:

— На втором курсе университета я посещала факультатив, где изучали экзотических диких животных. Летом я стажировалась в зоопарках Бристоля и Честера, и так вышло, что много времени провела в террариумах.

Я прервала разговор, чтобы перебраться парой слов со смотрительницей вольеров. Она заверила меня, что все пациенты чувствуют себя хорошо. Мы с доктором, пройдя по мостику, оказались возле озера.

— Окончив университет, я несколько месяцев работала ассистентом ветеринара в Честере, потом целый год провела в Австралии, участвовала в исследованиях, касающихся рептилий, — призналась я и поняла, что доктор Ричардс ждет, что я скажу дальше. — Время от времени я также на общественных началах работаю в Бристоле в центре по восстановлению популяции рептилий. Последние пять лет я постоянно работаю здесь. Жаль, но в Британии змею не часто встретишь.

Мы остановились полюбоваться водоплавающими птицами, снующими по озеру. Их было больше, чем обычно, — в это время года сюда ненадолго залетают абсолютно здоровые особи. Доктор Ричардс наблюдал за шотландской куропаткой, плескавшейся в камышах.

— Видите ли, Клара, никто в больнице не знает, что я здесь, — признался он, когда я закончила со своей краткой «змеиной» биографией.

Я молчала. Куропатка выбралась из воды и отряхнула перья.

— Вы, разумеется, знаете, что здоровый взрослый человек, даже такой пожилой, как мистер Эллингтон, обычно не умирает от укуса гадюки, — заявил доктор Ричардс. — Как только он поступил к нам, мы отослали образцы его крови в биохимическую лабораторию. У нас была змея, которая, предположительно, и укусила его. Но даже при таком раскладе мы

были обязаны точно знать, с чем имеем дело. Пару дней назад мы получили результаты.

— И?..

— Вне всякого сомнения, в его крови присутствовал яд гадюки.

— Вы сказали, что змею нашли, — сказала я. Мне уже стало интересно, куда нас заведет эта беседа. — Было установлено, что это гадюка?

Ричардс полез в свою сумку и вытащил запечатанный чистый пакет. В нем лежала маленькая змея, которая, судя по всему, сдохла несколько дней назад.

— Ее нашли в саду, недалеко от того места, где садовник обнаружил мистера Эллингтона, — пояснил Ричардс. — Ему удалось убить ее прежде, чем он потерял сознание.

Я взяла удоктора пакет, подняла его повыше, чтобы лучше разглядеть содержимое.

— Его доставили в больницу в бессознательном состоянии? — уточнила я.

— Да, но потеря сознания явилась результатом черепно-мозговой травмы. Мы полагаем, что он упал и ударился головой, вероятно, вследствие недомогания. И в довершение ко всему он упал в пруд, причем довольно глубокий. К счастью, его голова виднелась над водой. Хотя, учитывая происшедшее...

— Да уж! — пробормотала я, отдавая пакет. Неужели я теперь разделяла обеспокоенность доктора Ричардса в связи со смертью его пациента? — Он приходил в сознание?

— Да. Но это не помогло прояснить ситуацию. Он ничего не мог вспомнить, а в конце говорил уже бессвязно. Его постоянно тошнило, он задыхался, ноги и руки не слушались, поднялась температура — он весь горел.

— У гадюк по весне яд более сильный, когда они просыпаются после зимней спячки, — объяснила я. — Еще какие-нибудь осложнения? Как у него с сердцем? Простудные заболевания?

— Ничего. Ему было шестьдесят девять, но для человека его возраста он находился в отличной физической форме.

— Люди, страдающие от аллергии на укусы пчел и ос, иногда тяжело реагируют на змеиный яд. Может быть, проблема именно в этом?

— В центре выдвигали подобное предположение, но ни один из симптомов не свидетельствовал об аллергической реакции. Просто сильная интоксикация.

— Можно поинтересоваться, какая помощь была ему оказана? — спросила я, проявляя все большую заинтересованность.

— Когда он поступил, мы промыли место укуса и сделали ему укол против столбняка. Потом я позвонил в департамент по ядам. Там мне велели внимательнейшим образом его осмотреть, измерить пульс, давление и контролировать дыхание каждые пятнадцать минут. Тогда мы еще не слишком тревожились.

— Но ему становилось все хуже?

— С каждой минутой. Появилась отечность, и не только в месте укуса. Он страдал от невыносимой боли, поэтому я вколол ему обезболивающее и дал противорвотное, чтобы его перестало тошнить. Мы сделали ему вливание коллоидного раствора, вкололи антигистаминный препарат и адреналин.

— А противоядие?

— Из департамента по ядам доставили с курьером сыворотку, которую применяют при укусах ядовитых европейских змей. Ему стало лучше, но на следующий день резко снизилось давление, появилась аритмия. На третий день у него начались судороги. На четвертый развился острый панкреатит, стали отказывать почки. Последние десять часов жизни он провел в коме.

Я помолчала — того требовала ситуация.

— Просто ужасно. Мне очень жаль, — наконец произнесла я. — Но чего вы хотите от меня?

Я сидела за своим столом в лаборатории, разглядывая документы, которые оставил Гарри Ричардс. Биохимический анализ крови умершего. Каждые две-три секунды я поднимала глаза и сверялась с данными на мониторе компьютера. По всему столу были разбросаны мои старые учебники. Я еще раз просмотрела результаты анализов. Ничего нового. Я сняла телефонную трубку.

— Это Клара Беннинг, — представилась я, когда на том конце линии услышала голос Гарри Ричардса. — Змея совершенно точно *Vipera berus* — черная гадюка. Другими словами, обычная британская змея. С результатами вашей лаборатории не поспоришь. Яд тоже принадлежит черной гадюке.

— Понятно. — Он помолчал, понимая, что я сказала не все. — Что-то еще?

— Нашли только одну змею? Может быть, были и другие?

Повисло молчание.

— Те, с кем я общался, тоже в первую очередь интересовались другими змеями. Может, и были, но... — Он запнулся.

— Когда вы осматривали пациента, сколько следов от змеиных укусов вы обнаружили?

Он опять замолчал, очевидно, задумался. Я услышала, как он шуршит бумагами.

— Один. Две дырочки в том месте, где зубы впились в кожу. Сейчас я держу перед собой снимки. Могу вам их показать. А в чем дело? Что вы обнаружили?

— Пока еще только догадки, — ответила я. — Я могу пару дней поддержать у себя результаты анализов и змею? Хотела кое с кем проконсультироваться.

— А что мне сказать коронеру?^[5]

— Скажите, что проводятся исследования. Я верну вам все в понедельник.

Мы с доктором Ричардсом тепло попрощались, и я встала из-за стола. Дел было невпроворот. Потом я опять, задумавшись, опустилась на стул. Два несчастных случая с участием ядовитых змей. За одну неделю. Причем в одном поселке. Я вздохнула и вновь сняла телефонную трубку.

— Роджер, — заговорила я, когда мне ответили, — что ты делаешь завтра утром?

— Больше никаких змей!

Я подпрыгнула. Харриет маячила у меня за спиной, пытаясь заглянуть мне через плечо. Она присмотрелась повнимательней.

— Сомневаюсь, что мы можем помочь этой бедолаге. — Потом она склонилась ко мне, положив руку на плечо. Я не стала ее упрекать — она не хотела меня пугать. — Клара, у тебя точно все нормально? Да, у нас полно работы, но если тебе нужно ехать, мы постараемся справиться.

Я обернулась. Харриет стояла рядом, ее лицо находилось очень близко, но она уже привыкла ко мне. Ни один мускул на ее лице не дрогнул.

— Что ты имеешь в виду, говоря «больше никаких змей»? А сколько их у нас?

— В клинике ни одной, — ответила она. — Но, кажется, в последнее время здесь прямо нашествие ползучих гадов.

— Я не видела ни одного.

— А зачем тебе их видеть? Они были либо мертвы, либо абсолютно здоровы, просто запутались в сетях. Как только мы освобождали змей, их тут же отпускали. Они все вернулись в естественную среду обитания.

Я на стуле на колесиках подъехала к другому концу стола. Каждое животное, попадающее в нашу клинику, регистрируется в журнале поступления пациентов. Я просмотрела последние записи. Вот она — май, третья декада месяца. В начале недели кто-то обнаружил ужа, который застрял в сетях, расставленных на пруду. Харриет и одна из наших сестер разрезали нейлоновую сеть, осмотрели змею, увидели, что она совершенно здорова, и отпустили. Я проверила, кто сообщил об уже. Мой односельчанин.

На прошлой неделе один собачник принес гадюку, которую во время прогулки поймал и потрепал его пес. Когда змею доставили в клинику, она была уже мертва. Интересно, а что с собакой? Любая загнанная в угол змея оказывает ожесточенное сопротивление. Собачник — мой односельчанин.

В третьем случае змею в клинику не принесли. Кто-то позвонил и взволнованно сообщил, что у него в кухне гадюка. Крэг выехал на вызов и обнаружил, что «гадюкой» оказалась медянка обыкновенная, внешне похожая на гадюку, но совершенно безобидная для человека змея. Крэга попросили убрать эту тварь из помещения. Это также произошло в моем поселке.

Возможно, просто совпадение. Прошлым летом долго стояла жаркая погода, и совершенно очевидно, что потомства у змей было больше, чем обычно. А теперь у нас небывало теплая весна. Все змеи очнулись от зимней спячки, ожили. Возможно, нет причин для беспокойства. Рано или поздно природный баланс восстановится.

Так я убеждала себя — и не раз — по пути домой.

Я намеревалась уйти пораньше, но день выдался тяжелым. Не успели мы разделаться с барсуками, как привезли молодого мунтжака, которого сбила машина. Когда я закончила накладывать ему швы, меня уже ждали три осиротевших лисенка. Несмотря на мои благие намерения, я свернула в свой переулок, когда стрелка часов приближалась к семи.

Люди во дворе перед домом.

Короткий узкий переулок делал крутой поворот направо, поэтому дом в конце улицы — мой дом — как бы прятался от посторонних глаз. Его не увидишь с дороги, пока не подойдешь почти вплотную. Я въезжала на подъездную аллею, когда увидела визитеров: один стоял на пороге, еще двое прохаживались по палисаднику, а четвертый, опершись о стену, беседовал с моей соседкой Салли, местной медсестрой.

Я припарковала машину и сидела не шевелясь. У меня теплилась надежда, что они решили тайно осмотреть мой участок, а теперь, когда я приехала, быстренько ретируются. Нужно только выждать.

Когда я снова посмотрела на гостей, оказалось, что все они ждут, когда я выйду из машины, и, очевидно, удивляются, почему я этого не делаю. Поборов искушение спрятаться, пригнувшись, я собрала свои сумки, выбралась из машины и направилась к неожиданным гостям, заставляя себя смотреть на них, а не себе под ноги. Самый старший из четверых мужчин шагнул ко мне, протягивая руку. Это был высокий мужчина с копной густых седых волос. Я решила, что ему под шестьдесят.

— Мисс Беннинг? Прошу прощения за вторжение, но мы надеялись, что вы вернетесь вовремя. Я Филип Хопвуд из «Вязов», особняка в начале главной улицы. Я уверен, с Дэниелом вы знакомы.

Я знать не знала никакого Дэниела, но тот сгреб мою руку двумя своими.

— Не могу передать, как я вам благодарен! — выпалил он. Это был простой тридцатилетний деревенский житель, высокий и темноволосый. — Линей целый день в себя прийти не может. Не знаю, что бы мы без вас делали!

— Страшно и представить, — согласился третий, теперь стоявший у

меня за спиной. Из-за этого мне показалось — знаю, это прозвучит смешно, поскольку они все были настроены чрезвычайно дружелюбно, — что меня намеренно окружили, что я опять оказалась в прошлом, на детской площадке. Я обернулась. Это был молодой человек, но почти лысый. И он давно не брился. — Как вы думаете, каким образом эта тварь попала в спальню?

Дэниел покачал головой и провел пятерней по волосам.

— Одному Богу известно, — сказал он. — Через открытое окно, но... А может, ее привлекли цыплята? Змеи же едят птенцов, верно?

— Как она? — удивившись собственным словам, спросила я. В мои планы не входила светская беседа, только обмен необходимыми фразами.

— Отлично, совершенно здорова. А у Линей нервное истощение. Постоянно дергается. Ни на секунду не сводит с Софии глаз.

— Разве можно ее в этом винить? — подал голос мужчина, который до моего появления беседовал с Салли. — Линда вела бы себя точно так же. Страшно подумать!

— Да уж, — согласился седовласый мужчина. — А время идет. Может, объясним мисс Беннинг...

— Конечно, Филип, давай ты.

— Мисс Беннинг — Клара, если не ошибаюсь? — люди встревожены. Мы все слышали о Джоне Эллингтоне... ужасно... и сегодняшнее происшествие... Слава Богу, что вы пришли.

— Не за что меня благодарить, правда, — сказала я, поскольку они, казалось, ожидали моего ответа. — Я не была знакома с Джоном Эллингтоном, но приношу свои соболезнования.

Я почувствовала, как моя рука еще крепче сжала ручку сумки. Змея, убившая Джона Эллингтона, была намного ближе к их жилищам, чем они думают.

— Да, да... дело в том, Клара, что я разговаривал с местными властями и они заявили, что это дело не в их компетенции. Поэтому сегодня вечером мы хотим все собраться, чтобы обсудить, что нам делать. Одна голова хорошо...

— Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы пришли, — сказал Дэниел. — Через десять минут. В дом Клайва Вентри. Старый особняк.

Я уже было открыла рот, чтобы сообщить им, что в моей семье горе, что мне необходимо сделать несколько звонков, что на самом деле я, потерявшая сегодня мать, вовсе не желаю провести вечер в компании незнакомых людей. Да что они могут поделать с тем фактом, что неожиданно увеличилась популяция местных змей? Что они себе

вообразили? Однако я обнаружила, что не могу подобрать нужные слова.

— Я провожу тебя, — предложила медсестра Салли, как будто я была не в состоянии найти дорогу без ее помощи.

— Спасибо, но мне нужно позвонить. Я приду, как только освобожусь. — Я протиснулась мимо них и открыла входную дверь.

Они не сводили с меня глаз и явно хотели еще что-то сказать, когда я захлопнула перед их носом дверь. Пришлось им остаться снаружи.

Вот уж никогда не думала, что на моем автоответчике столько лампочек и что они могут так настойчиво, хотя и бесшумно, мигать. Целых семь или восемь штук. Я нажала на кнопку «воспроизведение» и пошла в кухню. Интересно, успею ли я попить чаю и есть ли у меня что-нибудь перекусить?

«Привет, Кларочка, это папа. Перезвони, когда сможешь».

Я распахнула дверцу холодильника и обнаружила бутылку минеральной воды. Отхлебнула прямо из горлышка. Жадно глотала воду, как будто целый месяц провела в пустыне.

«Клара, это Ванесса. Я звонила тебе на работу, но там сказали, что ты занята. Надеюсь, ты скоро вернешься домой. Перезвони мне, когда придешь».

Я окинула взглядом припасы, которые хранились в холодильнике: салат, фрукты, отваренная курица, творог. А мне хотелось рыбы с картофелем во фритюре, и пожирнее, или чизбургера, или пиццы, продающейся в отделе полуфабрикатов, с моцареллой и дешевой колбасой. Вот, значит, как проявляется моя скорбь! Беспрецедентной тягой к фаст-фуду.

«Это опять Ванесса. Твой мобильный, похоже, тоже не отвечает. Было бы очень любезно с твоей стороны, если бы ты все же перезвонила, Клара».

«Ой, мисс Беннинг, это Линей Хьюстон, ваша соседка. Я просто хотела сообщить, что с Софией все в порядке. Нас выписали полчаса назад, мы только что приехали домой. Огромное вам спасибо за все, что вы сделали...»

Линей продолжала благодарить меня, пока автоответчик не оборвал ее монолог.

«Снова папа, дорогая. Перезвоню позже. Надеюсь, у тебя все в порядке».

«Клара, это так на тебя похоже! Ты хоть на секунду можешь себе представить, сколько здесь хлопот? И зачем тебе мобильный телефон, если ты его не берешь? Если хотя бы раз в жизни ты попытаешься подумать о

ком-то кроме себя, любимой, будь добра, перезвони! Черт возьми, руки у тебя не отвалятся!»

Через двадцать минут я вышла на улицу. На собрание я уже опоздала, но, шагая по Бурн-лейн, я не могла заставить себя идти быстрее.

В переулке было семь домов, включая мой собственный. Построены они были в разное время, некоторые больше двухсот лет назад. Вдоль западной стороны бежал узкий, заваленный камнями ручей — один из нескольких притоков реки Лиффин. Сама река брала свое начало выше, в холмах Дауне, ее русло пролегалo через меловые горы, прежде чем разбиться на несколько мелких ручейков, многие из которых держали свой путь через поселок, а потом, примерно через километр, ниже по холму, впадали в реку Йерти.

Эти маленькие ручейки были изюминками поселка: они текли вдоль улиц, впадали в местный пруд и вытекали из него, пробивали себе путь под дорогами, исчезали под домами — и лишь затем, чтобы пробиться в чьем-то саду родником. Многие поместья с большими угодьями могли похвастаться родниками, прудами, водопадами. Было даже одно озеро с пляжем, устеленным галькой. Такая «водная» природа поселка могла, разумеется, каким-то образом объяснить прирост популяции ужей. Но с гадюками другое дело. Их естественная среда обитания — пустоши.

Дойдя до конца переулка, я повернула за угол, чтобы спуститься к центральной части поселка. Я до сих пор не перезвонила отцу и не имела ни малейшего понятия, что ему сказать. Ванессе я тоже не перезвонила. Я слишком хорошо себе представляла, чем закончится наш разговор.

Я спускалась по холму, прислушиваясь к журчанию ручейка, бегущего по гальке, и заметила еще один дом с табличкой «Продается» — уже четвертый за последние несколько недель. Однако возникало ощущение, что больше никто не поселится в этих домах. Табличку «Продается» снимут, а дома так и будут пустовать.

Последние четыре года я жила здесь, в этом тихом полузабытом поселке на границе Девона и Дорсета, где почтовый индекс был дорсетским, а местность — типично девонской. От Лайм-Риджиса около получаса езды вглубь острова, потом, свернув с автострады Б и двигаясь вниз по холму, попадаешь на узкую дорогу, ведущую только в этот поселок.

Здесь не встретишь проезжающих через поселок машин. Это место безопасно для проживания. Единственный недостаток — зимой поселок бывает отрезан от внешнего мира, что отпугивает многие семьи с маленькими детьми. Мы находимся слишком далеко от больших городов,

из-за чего нет постоянного сообщения, поэтому сюда не едут молодые специалисты. Старики жалуются на сырость и перебираются поближе к благам цивилизации, так необходимым в их возрасте. Молодежь уезжает отсюда при первой же возможности и редко возвращается. И эта медленная, но неуклонная миграция даже поощряется. Пару раз в месяц я получаю письма из местного агентства недвижимости: интересуются, не хочу ли я продать свой дом. Подозреваю, что мои соседи тоже получают подобные письма. Свои я сразу отправляю в мусорную корзину.

Потому что мне здесь нравится. Мне нравятся тишина, красивые старые дома. Нравится, что я редко встречаюсь с соседями. Мне нравится зелень деревьев и кустов, которые все скрывают, сглаживают резкие линии и приглушают звуки. Думаю, здесь самые плодородные во всей Англии почвы. Старые деревья достигли громадных размеров, даже молодые деревца образовали над некоторыми улочками густой зеленый навес. Сады цветут буйным цветом, а сорняки так и рвутся из-под стен домов и из заброшенных водосточных канав, пробиваясь даже между кирпичами кладки.

Я вышла на лужайку. Здесь начинались три дороги, которые вели к небольшому деревенскому пруду, к каменному мосту через реку и к поросшей ромашками лужайке с памятником павшим воинам по центру.

Когда я перешла ручей по мосту, ширина которого позволяла проехать только одной машине, внезапно услышала всплеск и подпрыгнула от неожиданности. Сразу же решила, что это выдры, подошла к кромке воды и стала вглядываться. Наша клиника принимала участие в проекте по восстановлению популяции выдр в этой части страны, и мы были постоянно настороже, пытаюсь уловить хоть намек на то, что дело идет.

Мы пережили долгую дождливую зиму, после которой уровень воды в реках поднялся. Я слышала, что за мост цеплялись обломки деревьев и какой-то мусор. Я сильнее наклонилась и стала ждать, надеясь, что мои надежды оправдаются. Под мостом каменная кладка скрывалась в полумраке, поэтому приходилось вглядываться в густые тени. Я ждала, не отводя взгляда от поверхности воды, надеясь разглядеть, как предательски горят крошечные яркие глазки.

Некто хрипло, гортанно откашлялся.

Я подпрыгнула от неожиданности и чуть не упала. Я огляделась, но вокруг не было ни души. Впрочем, звук доносился из-под моста. Я вновь наклонилась, не испытывая на сей раз желания подходить слишком близко. Возможно, там прячется лисица или домашняя собака. Если только не принимать во внимание, что звук явно издал человек. Под мостом ничего

нельзя было различить, кроме теней, а одного взгляда на часы было достаточно, чтобы понять: я опаздываю уже на двадцать минут.

Во что я позволила себя втравить? Могу себе представить! Пара здравомыслящих жителей безуспешно пытается успокоить окружающих. Возможно, им даже удалось уговорить констебля из местного полицейского участка прийти на собрание, и тот сейчас объясняет все более и более волнующейся аудитории, почему полиция Дорсета не может задействовать дополнительные людские ресурсы, чтобы создать «змеиные патрули».

У каждого была своя история, связанная со змеями, и каждый непременно желал ее рассказать. Меня же с чьей-то легкой руки считали местным специалистом по змеям. Люди захотят узнать, почему округа так и кишит змеями, почему умер Джон Эллингтон и что власти (в чьей бы компетенции этот вопрос ни находился) собираются предпринять. И как им уберечь собственных детей. Каждый захочет вставить слово, и ни один из присутствующих не будет прислушиваться к голосу разума. Что ж, у меня не было ответов на все эти вопросы, а попусту терять время я не собиралась. Я повернула на мост, намереваясь вернуться домой, собраться с духом и позвонить отцу.

— Клара, вот ты где! А я как раз иду за тобой! — На противоположном конце лужайки стояла запыхавшаяся медсестра Салли. — Без тебя не начинают.

Покорившись неизбежному, я последовала за Салли через лужайку по одному из трех путей, ведущих к Черч-лейн. Мы чуть спустились по холму, а потом повернули направо, и дорога привела нас в тупик. Раньше я сюда никогда не попадала, потому что здесь находился только огромный особняк в тюдоровском стиле. Мы с Салли прошли под каменной аркой и пересекли мощный внутренний дворик. Дом, казалось, окружил нас, впереди виднелось основное крыло. Салли открыла массивные деревянные двери, и мы вошли внутрь.

Мы оказались в большом холле, отделанном темными, тускло поблескивающими панелями. Вдоль одной из стен располагалась галерея для менестрелей, куда вела богато украшенная лестница. Краешком глаза я заметила, как наверху за дверями скрылась высокая, облаченная во все черное фигура.

На ступеньках стоял Филип Хопвуд, а за его спиной — высокий плотный мужчина. Я предположила, что это и есть хозяин дома и наша местная знаменитость Клайв Вентри, миллионер, добившийся успеха и славы собственными силами, он же всемирно известный яхтсмен. Голова Вентри была повернута в сторону, как будто он тоже заметил фигуру в

галерее. Однако я точно от кого-то слышала, что он живет один. У него есть слуги? Хозяин повернулся лицом ко мне, и я увидела, что ему под пятьдесят, может, чуть больше. У него были густые темные волосы, нависшие над глазами брови и немного крючковатый нос.

В холле собралось не меньше двадцати человек, преимущественно мужчины. Все стояли и громко разговаривали, но тут же замолчали, когда услышали, как открылась и закрылась дверь. Все воззрились на меня. Двадцать человек не сводили с меня взглядов: я оказалась в ситуации, которой всю свою сознательную жизнь старалась избегать.

Филип поманил меня, все еще стоя на лестнице, возвышаясь над всем собранием. Меньше всего мне хотелось оказаться над толпой, но Салли подтолкнула меня. Присутствующие расступились, пропуская нас. Филип наклонился ко мне, взял за руку и потянул к себе, пока я не оказалась на одну ступеньку ниже, чем он. Выше я не собиралась подниматься.

— Мисс Беннинг, — заговорил он, когда убедился в тщетности своих попыток затянуть меня выше, — спасибо, что пришли.

Присутствующие стали рассаживаться, двигая стулья. Кто-то остался стоять, опершись о стену, кто-то устроился за спинами сидящих, облокотившись на спинку стула. Клайв Вентри молча кивнул мне. Потом еще раз бросил взгляд в сторону галереи.

За дальним концом массивного, длинного и узкого обеденного стола восседали пятеро пожилых людей. Несмотря на теплый вечер, три женщины кутались в зимние пальто. У одной на голове была красная шерстяная шапка, а на коленях сидел маленький терьер. Двое мужчин из этой компании казались недовольными, как будто пришли сюда вопреки здравому смыслу. Один из них нервно поглядывал на стол. Второй, одетый чуть лучше остальных, пристально разглядывал комнату.

— Как я уже говорил, — произнес коренастый мужчина с волосами пшеничного цвета, стоявший во главе стола лицом к лестнице, — в Штатах постоянно сталкиваются с подобными проблемами. Нам нужно только организоваться.

За моей спиной Филип громко вздохнул.

Мужчина с пшеничными волосами вытянул руки из карманов, его взгляд остановился на мне, губы искривились в презрительной усмешке.

— В Канзасе, Нью-Мексико, Техасе, Оклахоме, Алабаме и Джорджии... — Он загибал пальцы, перечисляя штаты. Я уже знала, что он скажет дальше. Я знала, чем, помимо всего прочего, знамениты перечисленные штаты. Он продолжал: — и в нескольких других штатах гремушие змеи — серьезная проблема для местного населения.

Краешком глаза я заметила, что оба старика обменялись понимающими взглядами, а женщина в красной шапке чуть крепче прижала к себе собачку. Остальные присутствующие в холле неотрывно смотрели на выступающего. А он не сводил глаз с меня.

— Люди, работающие на полях, дети, играющие в садах, — говорил он, — их постоянно кусают змеи. Часто их не успевают довести до больницы или не имеют возможности ввести противоядие, поэтому пострадавшие умирают. Иногда теряют руку или ногу. Каждый год из-за укусов гремучих змей гибнет огромное количество скота, на миллионы долларов. Змеи заползают в дома, устраивают свои гнезда в подвалах, на чердаках, по ночам ползают вокруг домов в поисках еды. Совсем как здесь.

Я непроизвольно глубоко вздохнула, но даже не подумала подавить вздох. Правдой была лишь одна пятая сказанного им, а остальное — суший вздор. В Соединенных Штатах время от времени гремучие змеи нападают на людей, но большинству жертв удается добраться до больницы до того, как яд успевает оказать свое губительное воздействие. Чаще всего змеиные укусы — результат глупости и бравады самого человека, но даже в этих случаях лечение обычно проходит весьма успешно. Мне не было известно ни одно документальное подтверждение тому, что змеи колонизировали людское жилище. Гремучие змеи, как и большинство рептилий, избегают контакта с человеком.

— Таким образом, весной, — продолжал мужчина, который, казалось, был просто «очарован» мной, — там организуют облавы на гремучих змей. Жители отлавливают змей и гуманными методами обезвреживают их. Это законный отлов, санкционированный властями штатов. Так они держат популяцию змей под контролем, а кроме того, получают яд, необходимый для изготовления противоядия.

Оратор начал меня злить. И не только из-за того, что настырно меня разглядывал. Нет ничего гуманного в этих отловах змей! Рептилий выманивают из нор с помощью бензина или токсичных химикатов, бросают в грязные контейнеры и перевозят, не обеспечивая водой и пищей, на сборные пункты. Многие из змей не доживают до конца этого путешествия. Тех, кому «посчастливилось» выжить, используют для безрассудных экспериментов — что в результате приводит к увеличению числа укусов. Так что было бы лучше просто оставить змей в покое. В конечном итоге выжившим особям отрубают головы или забивают насмерть битами. Такие жестокие, варварские мероприятия ежегодно наносят огромный, непоправимый вред окружающей среде.

— И вы предлагаете нам, мистер Кич, организовать отлов змей? —

впервые за все время подал голос Клайв Вентри.

Говорил он с акцентом, только я не могла понять, с каким. Потом вспомнила, что он выходец из Южной Африки.

— Начнем сегодня же вечером, — заявил Кич. — Отловим, обезвредим.

Я оглядела холл: увидела сосредоточенные лица, кивающие головы. Кое у кого в глазах загорелись зловещие огоньки. Это же сразу заметно, нашу готовность обидеть слабого, правду не утаишь, верно? Дай нам законное право быть жестокими, разве мы от него откажемся?

— А вы что скажете, Клара? — спросил Филип, и я вздрогнула от неожиданности.

Я заставила себя посмотреть Кичу в глаза. Довольно меня разглядывать!

— Я бы очень встревожилась, — ответила я, — если бы полагала, что у вас есть малейший шанс поймать хоть одну змею.

Он прищурился и, несмотря на то что стоял метрах в десяти от меня, казалось, подался ко мне. Как бы то ни было, его взгляд стал еще пристальнее.

— Не беспокойтесь, уж я-то их поймаю! — Это прозвучало как угроза.

— Гремучие змеи довольно большие, — заметила я, надеясь, что мой голос не дрожит предательски. — Они живут в приметных норах.

К этому моменту мое сердце билось так учащенно, что рядом стоящие люди могли заметить, как у меня на шее пульсирует жилка. Я всегда всеми силами старалась избегать споров и ссор.

— Гремучих змей относительно легко обнаружить и отловить, — продолжала я, — хотя это чрезвычайно опасное занятие. Наши змеи значительно меньше по размеру. Они прячутся в норах, которые не так-то легко обнаружить. Большинство жителей нашей страны никогда не видели змей.

По холлу пронесся шепот. Я расслышала, как кто-то поинтересовался, где я живу.

— К тому же, — не унималась я, не сводя глаз с Кича, пусть мне и хотелось убежать куда-нибудь и спрятаться от его насмешливого взгляда. Очевидно, он был из породы мужчин, которые считают непривлекательных женщин совершенно бесполезными созданиями. — Нет ни федерального, ни международного закона, охраняющего гремучих змей. К сожалению, американцы вольны поступать, как им заблагорассудится. В нашей стране все обстоит иначе. Убийство змей, обитающих в Великобритании, или причинение им увечий карается по закону. То, что вы предлагаете, —

незаконно.

— Расскажите это семье Джона Эллингтона! — выкрикнул кто-то из собравшихся.

— Она совершенно права, — раздался голос от двери.

Повисло молчание, все головы повернулись к новоприбывшему. Это был стройный мужчина среднего роста, может, чуть выше. Его темные волосы были подстрижены очень коротко, на носу — очки в прямоугольной черной оправе. Я бы дала ему лет тридцать семь — тридцать восемь или чуть больше. У него было приятное лицо с правильными чертами, однако красавцем его трудно было назвать. В его внешности не было совершенно ничего необычного или выдающегося, но, тем не менее, его появление охладило пыл собравшихся. Во всяком случае, уже никто из присутствующих не проявлял свои агрессивные наклонности так открыто.

— Я подарю тебе экземпляр закона об охране природы, Аллан, — продолжал вновь прибывший.

В его облике ощущались властность и уверенность в себе. Может быть, он из «зеленых» или работает в министерстве охраны окружающей среды? Как бы то ни было, я с радостью уступила ему пальму первенства. Похоже, он из тех, к кому люди прислушиваются. Я же отношусь к тем, на кого лишь недоуменно таращатся.

— Так-то оно так, Мэт, — откликнулся Аллан Кич, впервые с момента моего появления отрывая от меня взгляд. — Но мы столкнулись с настоящей проблемой. Моя девушка боится выходить даже в сад.

Вновь прибывший Мэт, удостоив Аллана мимолетного взгляда, обернулся ко мне. Его немигающие глаза пристально смотрели на меня.

— Кажется, у нас действительно многовато змей, мисс Беннинг, — сказал Мэт. — Чем вы это объясняете?

— Вероятно, странная шутка природы, — ответила я, задаваясь вопросом, не приуменьшаю ли я опасность. Количество несчастных случаев с участием змей, происшедших за последние несколько дней, меня саму ставило в тупик, но меньше всего мне хотелось подливать масла в огонь — способствовать разрастанию паники. — Весна была очень теплой. В округе обилие пищи.

— А кто питается гадюками? — тут же поинтересовался Мэт.

Все в холле сидели тихо и, переводя взгляд с меня на Мэта, слушали, о чем мы с ним говорим.

— Крупные хищные птицы, — стала перечислять я. — Например, совы. И крупные млекопитающие, такие как лисицы и барсуки.

— Значит, если увеличить популяцию сов, проблема будет решена?

— Было бы неплохо, если бы в лесу стало побольше сов, — ответила я, мечтая об одном: чтобы кто-нибудь вклинился в наш разговор. — Но у сов своя программа размножения.

По холлу пронесся смех.

— Вообще-то, — продолжила я, чувствуя, что атмосфера немного разрядилась, — если станет больше пищи, будет больше сов. Птенцы получают достаточно пищи и не станут мигрировать, а ведь они могли бы даже умереть с голоду. То же с лисятами. Рано или поздно проблема решится сама собой.

— А пока, — заговорил толстяк в твидовом пальто, — пусть ядовитые змеи заползают в наши дома? Что прикажете нам делать в ожидании, когда вырастет достаточно совят и лисят? Сидеть сложа руки?

— Почему вы так уверены, что Джон Эллингтон умер от укуса змеи? — спросил меня Мэт, не обратив внимания на предыдущую реплику. — В больнице сообщили, что консультировались с вами.

Меня осенило: вероятно, он врач.

— Я считаю, что необходимо еще кое-что уточнить, но могу с уверенностью сказать: укусила его гадюка. — «Та самая гадюка, которая в настоящий момент находится у меня дома в холодильнике», — добавила я мысленно.

— Но, насколько я мог понять, у скончавшегося были какие-то проблемы со здоровьем, сделавшие его более восприимчивым к змеиному яду?

Я кивнула.

— От укуса гадюки обычно погибают или очень маленькие дети, или люди, имеющие предпосылки к анафилактическому шоку.

— Ясно, — бросил Мэт с видом человека, решительно настроенного прекратить этот разговор. — Я бы хотел, чтобы мы все успокоились. Дождемся заключения коронера, и не стоит делать скоропалительных выводов, пока мы не узнаем, от чего именно умер Джон.

Кое-кто хотел ему возразить, но Мэт продолжил, повысив голос:

— А пока нужно усилить меры безопасности. Не оставлять окна первых этажей открытыми. Не выгуливать собак в высокой траве, а если дети хотят поиграть в саду, пусть надевают ботинки и джинсы. Я что-то упустил, мисс Беннинг?

Я отрицательно покачала головой. Очевидно, он адвокат: этот властный вид, непринужденное поведение перед аудиторией и то уважение, с каким его слушали.

— А сейчас, думаю, пусть Клайв вернется к своему ужину. У меня был

тяжелый день. Всем доброй ночи.

Он покинул холл, и я обнаружила, что дрожу, испытав облегчение. Интересно, каково это — обладать такой уверенностью, способностью успокоить людей одним тоном своего голоса и парой верно подобранных фраз? Филип Хопвуд сделал шаг вперед, он явно также испытал облегчение. У подножия лестницы стояла улыбающаяся Салли. Люди расходились по домам. Аллан Кич удалился в уголок с группой молодых мужчин. Они о чем-то живо спорили. Неужели идея «змеиных отловов» не была столь блистательно подавлена в зародыше, как я надеялась?

— Пошли пропустим по рюмочке, Клара! — предложила Салли.

Я покачала головой.

— Нет, спасибо. У меня много работы.

— Я пойду с тобой, — заявила она, то ли не замечая мою втянутую в плечи голову, то ли делая вид, что не замечает. Сколько я себя помню, я всегда так ходила, стараясь избегать ненужного внимания.

Мы вышли из особняка и пошли по усаженной тисами улочке.

— Я давно хотела с тобой поговорить, — начала Салли, которую совершенно не смущали мое молчание и нежелание общаться. — Я играю в группе. Нас пятеро: бас-гитарист, ритм-гитарист, барабанщик, саксофонист и вокалистка. Мы уже пять лет вместе.

— Вот как? — из вежливости произнесла я.

С чего бы это Салли стала делиться со мной подробностями личной жизни?

— И через несколько недель у нас не будет вокалистки. Она переезжает на север, я хотела спросить, может быть...

Я продолжала идти.

— Дело в том... — Салли запнулась. — Я знаю, что ты поешь.

Я остановилась и обернулась.

— Я не умею петь.

— Я слышала, как ты поешь. — Она улыбнулась. — Постоянно. Из окна слышно.

— Это играет магнитофон, — сказала я, размышляя над тем, является ли мой дом памятником архитектуры и разрешат ли мне вставить второе стекло.

— Клара, я в состоянии отличить магнитофонную запись от голоса человека, поющего а капелла. У тебя прекрасный голос.

Через плечо Салли я увидела, что Аллан с приятелями выходит из арки ворот, ведущих во внутренний дворик. Салли стояла к особняку спиной, поэтому не заметила, что они остановились, увидев нас. Они столпились,

внимательно слушая, что говорит Аллан, который ни на минуту не сводил с нас глаз — главным образом с меня. Я заставила себя не обращать на них внимания и сосредоточиться на том, что говорила Салли. Она была чуть старше меня, ей было лет тридцать с небольшим. У нее были короткие, крашенные в ярко-рыжий цвет волосы, оливковая кожа и орехового цвета глаза. Что там она говорила? Что-то о том, что я слишком громко пою?

— Прошу прощения, я и понятия не имела, что мешаю. — Интересно, кто еще слышал, как я пою? Кто еще слушал мое пение, когда я считала, что нахожусь в полном одиночестве?

— Не говори ерунды. Может, ты попробуешь спеть с нашей группой?

Попробовать спеть? Да я лучше дам отрезать свою руку! Но Салли не имела в виду ничего дурного. Она сделала мне комплимент. Из-за ее плеча я увидела, что группа мужчин продолжила свой путь. Мне захотелось оказаться как можно дальше от них.

— Вряд ли... правда. Спасибо, но...

— Подумаешь над моим предложением? Я бы могла для начала познакомить тебя с остальными участниками группы. Никаких обязательств, никакого давления.

— Ладно, — сказала я: мне казалось, что так легче всего, положив конец этому смешному разговору, убраться восвояси. — Мне пора на пробежку. Спокойной ночи.

Я повернулась к ней спиной и рысью припустила по направлению к дому. Ну и пусть считает меня грубиянкой! Я больше не в состоянии этого выносить. Слишком много людей. Слишком много разговоров. Слишком много внимания к моей персоне. С меня довольно общения! Я мчалась через густой подлесок, прочь от шума и сомнений к уединению и безопасности.

Я не надела ни кроссовок, ни спортивного костюма, но мне было наплевать. Прибавив скорость, я пересекла лужайку, помчалась вниз по Картерс-лейн, а потом свернула в узкий переулок, ведущий в самую нижнюю часть поселка, куда еще можно было проехать на машине. В поселке это место называли Дном. Есть ли у переулочка официальное название, я не знала. Дно вело только к одному пустующему дому.

Я продолжала бежать: мимо старого дома, даже не взглянув на него, вниз по узкой, пролегающей через орешник, тропинке, которая вывела меня к березовой роще, и прочь из поселка. Миновала рощу, поле, раскинувшееся за ней. Добежала до реки Йерти, но и не думала останавливаться. Пока не начало смеркаться, я все удалялась от дома.

К этому времени я очень устала. Я уже совершала пробежку сегодня

утром, до приключения с гадюкой, и за целый день успела лишь наскоро перекусить. Грудь сжималась, глаза заливал пот, а руки и ноги начали дрожать. Следовало бы замедлить бег и остаток пути пройти неспешным шагом. Возможно, если бы я поступила именно так, ничего бы не случилось.

Весна в этом году была теплая и дождливая. Уровень осадков почти вдвое превышал норму для этого времени года, и узкая крутая тропинка, по которой я возвращалась в поселок, еще как следует не просохла. В паре сотен метров впереди меня ждали лужи с липкой черной грязью. По обе стороны тропинки заросли становились гуще и выше, поскольку к орешнику добавились боярышник, платаны и молодые дубки. Деревья смыкались вверху кронами, образуя бледно-зеленый полог и не пропуская и без того скудный дневной свет. Именно поэтому я не заметила выступающий острый камень среди россыпи камней помельче. Я споткнулась, камень поехал, я подвернула лодыжку и с грохотом упала на землю.

Несколько секунд все, что меня занимало, — это невыносимая боль, пронзавшая лодыжку и ступню. Потом я поднялась, проковыляла несколько шагов и оказалась у ворот владений Уитчеров. Опершись о ворота, я ожидала, пока боль в ноге утихнет и я смогу нормально дышать.

Дом Уитчеров был старым. Построен он был лет триста (а может, и больше). Когда-то здесь было четыре отдельных деревянных строения, расположенных в виде буквы П, которые предназначались для проживания прислуги из соседнего поместья Эшлайн. С годами разделяющие перегородки снесли и четыре хижинки превратились в один внушительных размеров дом. Тут уже несколько месяцев никто не жил.

Некогда роскошный сад был запущен, но природа брала свое и даже без надлежащего ухода сад возрождался к жизни. Я уловила тонкий соблазнительный аромат крошечных тюльпанов, растущих между яблонями. Я закрыла глаза, попытавшись не обращать внимания на ноющую лодыжку. Через некоторое время я вновь была в состоянии нормально дышать, а боль немного утихла. Вероятно, обычный вывих. Я открыла глаза и увидела, что из окна второго этажа на меня смотрит Уолтер Уитчер.

Абсолютный бред!

Тем не менее он стоял там, наверху, у третьего окна слева. Это был он, Уолтер, худощавый старик: тонкие седые волосы, выцветшие глаза, обвисшие щеки, темные круги под глазами, седая щетина на подбородке. И знаете что? Я поймала себя на том, что моя рука сгибается в локте — я уже

готова была помахать ему в знак приветствия.

Потому что Уолтер, по непонятной для меня причине, был в поселке единственным человеком, с которым я чувствовала себя свободно. Возможно, потому что он, как и я, избегал людей. Он явно тоже не испытывал желания вести пустые разговоры, но всегда был очень приветлив. Для своих утренних и вечерних пробежек я выбирала такое время, чтобы свести вероятность случайных встреч с односельчанами к минимуму, однако я была не прочь повидаться с Уолтером.

Он был милым и добрым старичком. Однажды он принес в нашу клинику раненого кролика. Животное запуталось в рыболовных сетях в саду Уолтера. Кролика я вылечила, и через две недели мы вместе с Уолтером отнесли его к реке и отпустили на волю.

Уолтер всегда смотрел мне прямо в глаза.

Вечером того дня, когда мы отпустили кролика, я, вернувшись домой, обнаружила на своем крыльце букет розовых георгинов. Записки не было, но я отлично знала, в чьем саду растут розовые георгины. Сейчас я стояла рядом с тем местом, где они росли, опустила голову, разглядела бы в траве их зеленые побеги. Но, конечно, я не могла этого сделать, не могла оторвать взгляда от лица в окне, от лица человека, который умер восемь месяцев назад.

Позади раздался крик, от неожиданности я подпрыгнула и обернулась. Посмотрела опять на дом — в окне никого не было. Лицо... Уолтер исчез.

Я проверила остальные окна. Никого. На воротах на цепи висел большой тяжелый замок. Вероятно, его дужку можно было разогнуть, хотя и с трудом, и уж точно это не по плечу человеку, которому исполнилось почти восемьдесят лет. Живая изгородь по обе стороны от ворот была густой и высокой.

Издали дверь дома выглядела довольно крепкой. Все окна первого этажа заколочены. Ни намека на то, что кто-то мог проникнуть в дом. А уж Уолтер и подавно.

Еще один крик. Женский голос подзывал пса. Я знала эту парочку. Вдова лет пятидесяти пяти и ее озорная собака-ищейка по кличке Неряха. Я боролась с искушением спрятаться за изгородью и подождать, пока они пройдут. Но я прекрасно понимала, что Неряху не проведешь. Собака мигом меня учует, ее хозяйка увидит, что я прячусь в кустах, — моя репутация чудаки во сто крат укрепитя.

Бросив последний взгляд на окна верхнего этажа — никого! — я начала взбираться по тропинке. Показались Неряха с хозяйкой, собака тут

же бросилась ко мне. Будучи слишком хорошо воспитанной, чтобы ластиться без разрешения, Неряха подняла на меня свои преданные глаза. Я наклонилась, обхватила ее голову руками и почесала за ушами. Разрешение было получено — собака стала на задние лапы, поставив обе передние мне на плечи. В таком положении мы были с ней почти одного роста.

— Неряха, оставь ее в покое!

— Ничего страшного, — пробормотала я, глядя на добродушную лохматую морду и размышляя о том, насколько добры и непредвзяты собаки.

Как было бы хорошо жить в мире, где обитают одни только животные!

— Неряха, фу! Ко мне! — Неряху ухватили за ошейник и оттащили. — Привет, Клара. Какой приятный, тихий ве... с тобой все в порядке?

Я кивнула и подняла глаза. У моей собеседницы глаза были зелеными, а в белокурых волосах уже была заметна седина. Не уверена, что прежде смотрела ей в лицо. Я опустила взгляд.

— Все в порядке, — выдавила я. — Просто упала. Все будет хорошо.

Я невнятно попрощалась с кучей грязи под ногами и продолжила свой путь. Я не видела — не могла видеть — Уолтера. Это всего лишь игра света в наступающих сумерках, которую неверно истолковало мое разгоряченное внезапной болью воображение.

Я свернула на Картерс-лейн. Еще триста пятьдесят метров, и я на лужайке. Ромашки, только начавшие закрываться, усеяли траву подобно упавшим звездам.

Мне нужно было преодолеть еще метров четыреста, и все в гору. Я продолжила с трудом ковылять, вспоминая то утро, когда узнала о смерти Уолтера.

Эделина, его жена, поджидала меня: не отреагировав на приветствие, она преградила мне путь, размахивая руками, будто пыталась остановить проезжающий автомобиль. У меня сжалось сердце. Похоже, Эделине всегда доставляло какое-то мрачное удовольствие меня разглядывать, я, казалось, гипнотизировала ее, подобно тому как мертвые животные завораживающе действуют на маленьких мальчиков. Я изо всех сил старалась избегать встречи с ней.

— Уолтер покинул нас, — растягивая слова, произнесла она.

На одну секунду мне показалось: она имеет в виду, что он бросил ее после пятидесяти лет совместной жизни. Ну что ж, не мне его судить!

— Он скончался сегодня вечером. Меня рядом не было. Меня бы никто не пустил, — продолжила она.

Я знала, что Уолтера две или три недели назад забрали в больницу с воспалением легких, он заболел из-за сырости и антисанитарии, царившей в их ветхом доме. Я сказала Эделине, что очень сожалею о его смерти, и это было правдой.

Пока я говорила, Эделина перестала смотреть мне в глаза и теперь шарила взглядом по левой стороне моего лица. Я уже привыкла к подобному поведению людей, но большинство из них по крайней мере пытаются держаться в рамках приличия и не делают этого открыто. Эделине всегда было наплевать на приличия. Я поинтересовалась, не могу ли чем-нибудь ей помочь — может быть, ее надо куда-нибудь отвезти?

Но она ответила, что утром приходили из больницы и пообещали взять все хлопоты на себя.

На следующий день и еще в течение нескольких недель она поджидала меня у ворот сада, и я была вынуждена терпеливо выслушивать ее болтовню. А она рассказывала мне о желании Уолтера завещать свое тело науке, об отпевании, которое было совершено в больнице, при котором присутствовали только самые близкие люди. О ее планах поставить памятник мужу на местном кладбище.

Я всегда недолюбливала Эделину, и с каждым днем она мне нравилась все меньше и меньше, но после смерти Уолтера я каждое утро заставляла себя останавливаться и несколько минут слушать ее болтовню. Я уговаривала себя: она одинокая несчастная женщина, ей можно посочувствовать. Насколько я знаю, она никогда не выходила за ворота. Она оплакивала мужа и была напугана, поэтому я — но почему именно я? — должна была посвятить ей несколько минут в день.

Однако мне не пришлось мириться с этим слишком долго. Через три месяца Эделина последовала за своим мужем. Она не жертвовала свое тело в научных целях. Сомневаюсь, что Эделина при жизни хоть что-то кому-нибудь дарила, не собиралась она этого делать и после смерти.

Я подошла к перекрестку с Бурн-лейн и уловила в воздухе аромат роз — насыщенный мускусный аромат одного из самых старых сортов. Плети розового куста небрежно свисали со стены, которая окружала угловой дом. Темно-розовые бутоны почти касались земли. Я склонилась к ним. Так пахла моя мама. Она делала свои собственные духи: оставляла засоленные свежие розовые лепестки в высеченных из камня емкостях, пока не отделялось масло. Этот аромат следовал за ней по всему дому, пропитывал одежду, витал в потоке солнечного света вместе с кружащейся пылью, поджидал нас повсюду. Мама! Здесь была мама. Совсем недавно. Если идти за запахом, можно ее догнать.

Я принялась шумно втягивать носом воздух. Внезапно мне стало тяжело дышать, меня переполняло неистовое желание закричать, как кричит, испугавшись, маленькая девочка.

И наконец я поняла, словно меня ударило обухом по голове. Я наконец поняла! Моя мама умерла.

На мгновение мне показалось, что я задыхаюсь. Что больше никогда не смогу нормально дышать. Что жизни моей пришел конец, здесь и сейчас, на углу моей улицы, где одинокая испуганная маленькая девочка зовет свою маму.

Потом боль утихла, я вновь смогла дышать. Я все еще была жива, все еще здесь, все еще могла двигаться, говорить, жить. А она — нет.

Я, спотыкаясь, прошла по переулку, отперла входную дверь и бросилась к телефону. Схватила трубку и набрала номер.

— Папа, — выдохнула я, когда услышала знакомый голос на другом конце линии. — Это я.

Я долго говорила с отцом по телефону, но ничего не могу вспомнить из нашего разговора. После того как мы пожелали друг другу спокойной ночи, я сидела у открытого окна в темной спальне. Просто сидела, не думая ни о чем.

И тут раздались крики.

На секунду, показавшуюся вечностью, я замерла, не в состоянии пошевелиться. Я даже не пыталась понять, о какой опасности предупреждают эти крики. Поэтому просто сидела у окна, позволив своему телу самому принимать решения: подняться, включить учащенное дыхание, прийти в состояние полной боевой готовности.

Еще одной реакцией на это — вынуждена признаться — было желание спрятаться. Закрывать окна, запереть двери, не зажигать свет и сжаться, присев на корточки. Но потом я сообразила, что кричал ребенок. Я встала и высунулась из окна, пытаюсь определить, откуда доносятся крики. Однако окна на тыльной стороне дома выходили в основном на поля и лес.

Я побежала вниз, натянула сапоги, морщась от боли в лодыжке, и открыла входную дверь. В соседних домах на верхних этажах горел свет, но крики раздавались не в одном из ближайших ко мне домов. Я пошла по переулку.

Когда я подошла к углу, в дверях своего дома показался Дэниел Хьюстон. Он поспешно натягивал свитер.

— Кричат у Паулсонов, — сказал он, заметив меня. — В длинном доме.

Он свернул за угол, я — за ним. Мы спустились по холму... и вдруг распахнулась дверь дома Паулсонов, и вся семья высыпала на улицу. Мать на одной руке несла хнычущего малыша не старше двух лет, а другой тянула за руку мальчика лет семи. Тот истерически кричал. Мужчина преклонных лет едва переставлял ноги. Он опирался на молодого мужчину, который шел, спотыкаясь, схватившись за свою руку. Все пятеро, казалось, были объаты ужасом. Мать встретилась со мной взглядом.

— Они повсюду! — закричала она. — По всему дому! Ника укусили.

Молодой мужчина покачнулся. Дэниел вполголоса выругался и ринулся вперед, чтобы поддержать обоих мужчин.

— Пошли, — сказал он. — Пошли к нам. Оттуда вызовем «скорую помощь».

К дому подбегали другие соседи, в том числе и Салли. Она бросила на меня короткий испуганный взгляд, потом поспешила помочь Дэниелу увести семью Паулсонов.

— Что здесь происходит, черт побери?! — воскликнул бородач средних лет — кажется, он тоже жил на нашей улице.

— Ника укусили, — ответил мужчина, в котором я узнала одного из приятелей Аллана. — Не знаю точно, что произошло с Эрнестом. Кажется, кто-то сказал, что он ударился головой.

— А полицию вызвали? — поинтересовался мужчина, стоящий рядом с ним. — Стив, дай свой мобильный.

— Думаю, нужно воспользоваться мобильным Аллана, — сказал Стив.

Он не двинулся с места, не отрывая от меня глаз. Они все смотрели на меня.

Входная дверь дома Паулсонов осталась открытой. Внутри горел свет. Я прошла по узкому мостику, ведущему к двери, и шагнула за порог. Это был традиционный для Дорсета дом, длинный и узкий. Моему взору открылась большая, во всю ширину дома, прихожая. На дощатом полу виднелись мокрые следы и разбросанные водоросли, и при одном их виде в мое сердце закралась тревога, хотя я еще и не понимала, почему именно.

Я шагнула в дом и прикрыла за собой дверь.

Стены прихожей были выкрашены в желтый цвет, напротив двери висело большое зеркало. Я мельком увидела в нем свое отражение и тут же отвернулась. За неплотно прикрытой дверью я слышала перешептывание мужчин, которым недоставало храбрости составить мне компанию.

В этом доме я была не одна. Повсюду в комнате были змеи, они не сводили с меня своих круглых черных глаз; их тонкие тела раскачивались в воздухе, реагируя на каждое мое движение; их крошечные язычки работали безостановочно, появляясь и исчезая в пастях, пытаясь определить, кто я: враг или пища? Они еще не решили.

Осторожно ступая, я подошла к открытой двери, ведущей в кухню, на секунду замерла на пороге, наблюдая, как длинное грациозное тело скользит по резному буфету, подобно струйке воды перетекая по желобкам. Другая змея свисала с абажура светильника. Я огляделась, пытаясь сосчитать их, запомнить местоположение, потом вернулась в гостиную. Тонкий темный хвост исчез под диваном. Свернувшись клубочком, на кресле спала еще одна змея. Третья медленно ползла вверх по шнуру, с помощью которого открывают шторы.

Я увидела достаточно. Прошла через прихожую и чуть шире приоткрыла входную дверь. На меня воззрились четыре пары человеческих глаз, я заметила, как к дому бежит еще один мужчина. Кажется, я знала, кто это.

— Это ужи, — сообщила я. — Они повсюду. Теперь понятно, почему все семейство так испугалось. Но ужи абсолютно безвредны.

Мужчины, оставаясь по ту сторону двери, переглянулись; они

держались настороженно, будто не знали, можно ли доверять моим словам.

— Ника укусили, — сказал подоспевший Дэниел. — Его скрутило от боли. Мы вызвали «скорую помощь».

— Змеи кусаются, если чувствуют опасность, — объяснила я. — Большинство из них. Но ужи не ядовиты. Нику понадобится всего пара дней, чтобы прийти в норму. С ним все будет в порядке.

— Но как, черт возьми, они сюда попали? — недоумевал Стив. — Мэнди сказала, что в доме их сотни.

— По меньшей мере десяток я видела, — призналась я. — И ума не приложу, как они сюда попали. Я сейчас пойду отлов... соберу их.

Я почувствовала, что напряжение начало спадать.

— Чем мы можем помочь? — спросил один из мужчин.

— Принесите что-нибудь, куда я могла бы их поместить, — попросила я. — Лучше всего ведра с крышками. Наволочки тоже подойдут. Я свой дом не заперла. Сбегайте, кто-нибудь, там возле входной двери лежат ключи от машины.

Я повернулась к Стиву и посмотрела ему прямо в глаза.

— А вы никого не впускайте в дом, пока мне не принесут необходимые вещи. Пусть никто не трогает змей.

Он ответил мне долгим задумчивым взглядом, и я поняла, что он пребывает в нерешительности.

Я развернулась и направилась вглубь дома. В кухне я видела ведро. Чем раньше я начну, тем скорее закончу.

Через пять минут кухню наполнил резкий запах, издаваемый испуганными ужами. В случае опасности они испускают из хвоста вещество с резким неприятным запахом. Оно безобидно для человека, но пахнет очень неприятно. Ужи были довольно крупными и оказывали серьезное сопротивление, дважды они чуть не укусили меня. Но я не стала обращать на это внимания и вскоре запихнула четырех ужей в ведро. Насколько я успела разглядеть, это были молодые ужи, вероятно, появившиеся на свет в начале весны, а может, годовалые особи.

Я услышала голоса, шаги — входная дверь распахнулась.

— Я покараулю у двери. Извините, парни, терпеть не могу змей.

— С-с-слабак! — Тот, кто насмеялся над приятелем, старался шипеть, как змея.

Говорили они чересчур громко. Ох уж эти мужчины! Как быстро страх сменился бравадой! Теперь они превратились в готовую к приключениям ватагу.

— Она в доме.

Я обернулась на звуки голосов. Четверо мужчин: мой бородатый сосед, приятель Кича Стив, Дэниел Хьюстон и вновь прибывший — рассудительный черноволосый мужчина. Это был Мэт, которого я видела на собрании. Кто-то тащил ведра, Дэниел нес контейнеры из моей машины, у Стива через руку было переброшено несколько наволочек. Нужно отдать им должное: они, не тратя времени попусту, в точности сделали то, что я велела.

— Откуда, черт возьми, этот запах?

— Ужи описались, — ответил Мэт.

Наши взгляды встретились. За стеклами очков прятались светло-серые глаза.

— Благодарю, теперь у меня есть все необходимое, — пробормотала я, повернувшись, чтобы продолжить начатое. Через секунду я поняла, что никто не двигается.

— Я смогу действовать продуктивнее, если в доме будет стоять тишина, — сказала я мужчинам. — Теперь положитесь на меня.

— Мы поможем, — предложил бородач.

Господи, неужели меня не оставят в покое?! Уже глубокая ночь, вокруг нас кишат змеи, а мне все никак не удастся вынудить людей оставить меня в покое. Я отрицательно покачала головой.

— Я не могу позволить вам ловить змей, — заявила я. — Если уж кого-нибудь укусит, я буду отвечать.

— Не будете, — бросил Мэт.

Я поймала себя на том, что не могу отвести взгляда от его холодных серых глаз.

— Мы с вами ни о чем не договаривались, — продолжил он. — И вы не обязаны о нас беспокоиться. Мы здесь по собственной инициативе. Мы выслушали ваше мнение и отклонили его. Паулсоны — наши друзья, мы хотим помочь.

Молчание. Значит, он адвокат. Я чуть не поддалась искушению возложить ответственность на мужские плечи. Но в глазах за стеклами очков ясно читалось: эту битву мне не выиграть. Я могла повести себя как дура и вспылить, а могла продолжать делать свою работу.

— Кто-нибудь раньше имел дело со змеями? — спросила я. Четверо отрицательно покачали головой в ответ. — Ладно, самое важное — помнить, что ужи не могут причинить вам вред, поэтому и вы старайтесь их не обижать. Одной рукой отвлекаете, второй хватаете. И действуйте быстро, иначе только еще больше напугаете их. Берете крепко, но аккуратно и кладете в ведро. Не больше четырех особей в одно. Когда

ведро заполнится, оставляете его в сторону. Тот парень снаружи присмотрит за ведрами?

Все закивали, слышались одобрительные голоса.

— И пусть больше никого не впускает в дом, — добавила я, боясь, что прибежит Аллан Кич со своей бандой, готовый заняться отловом змей.

— Хорошо, — согласился Дэниел, — давайте поскорее покончим с этим.

— Я пойду наверх, — сказала я.

Я взяла несколько наволочек и пересекла прихожую. Когда поднималась по лестнице, почувствовала, что кто-то идет за мной по пятам, но я не обернулась и лишь на повороте лестницы увидела, что это Мэт.

— Пстой-ка! — тихо сказал он и протянул руку вверх, к моей правой ноге. — Поймал.

Победоносно ухмыльнувшись, он поднял руку, держа в ней маленькую темно-серую змею с изящными белыми отметинами на голове, которую сама я не заметила. Я распахнула перед ним наволочку, и он бросил туда змею.

— Не знаете, как чувствуют себя Паулсоны?

Я изумилась своему вопросу. Мы дошли до верхней ступеньки. Я не имела никакого желания вести беседу, просто сделаю свою работу и вернусь домой.

— А вот еще одна. — Он потянулся за мое плечо.

Он, очевидно, совсем недавно принял душ. Я чувствовала запах шампуня, и волосы у него на затылке были еще мокрыми. Чем же он занимался в три часа ночи, после чего испытал потребность принять душ? Он устремился вперед, заставив меня отступить.

— Прошу прощения, — пробормотал он, выпрямляясь. Упустил. — Скользкие маленькие гаденыши, верно? Мэнди с детьми очень расстроены, но в остальном все в порядке. Похоже, больше всего досталось Эрнесту. Он сильно ударился головой. Нику чрезвычайно неловко, что он поднял такой гвалт из-за ужей.

Я остановилась на верхней ступеньке лестницы и огляделась. Мы оказались в длинном узком коридоре, который тянулся через весь дом. Я насчитала пять дверей, выходящих в коридор, — большинство были распахнуты. Хотя больше всего меня беспокоило то, что дом был в основном деревянный, а в особенности тот факт, что над вторым этажом не было чердака. Старая древесина и перегородки, покрытые потрескавшейся штукатуркой, были буквально испещрены небольшими дырочками. Змеи могли свободно перемещаться по верхнему этажу, и поймать их будет

непростой задачей.

— Кстати, меня зовут Мэт Хоар. Кажется, мы незнакомы. Я бы пожал вам руку, но у меня в ней змея. Вот черт! Похоже, я ее придавил.

Я взглянула вниз. Мэт Хоар поймал гигантскую, по местным меркам, змею: почти полтора метра длиной и довольно толстую. Она неподвижно, как-то неуклюже повисла в его руке, широко открыв пасть и высунув синесерый язык.

— Я только взял ее в руки, — стал защищаться он с испуганным видом.

Я раскрыла наволочку.

— С ней все в порядке, — заверила я. — Змеи, особенно ужи, в случае опасности нередко притворяются мертвыми.

Он опустил глаза, глядя с недоверием на змею в своей руке.

— Вы хотите сказать, что эта тварь просто затаилась?

Я кивнула и слегка встряхнула наволочку. Мэт понял меня без слов и опустил туда застывшую змею, которая сразу же вновь стала двигаться.

— Что ж, я... — Он покачал головой, потом повернулся ко мне. — Вас зовут Клара, верно? Наши садовые участки граничат. Я иногда слышу, как вы поете. С чего начнем? Со спальни хозяев или с дальней комнаты?

Он вошел в первую дверь слева, я последовала за ним, про себя дивясь, откуда ему известно, где находится хозяйская спальня. И, ради всего святого, неужели эти люди считают меня местным менестрелем? Я обязательно закажу окна с двойными стеклами, не задумываясь, представляет ли мой дом историческую ценность.

— А вот и ты, Скользящий Сэм, я тебя поймал! — Он подскочил к кровати, схватил свернувшегося кольцом ужа и протянул мне.

— Ну же, Клара! Пока 3:0 в мою пользу.

— Я внизу уже поймала четырех. Вам и правда не приходилось заниматься этим раньше?

Я никогда еще не видела, чтобы дилетант с такой легкостью ловил и без всякой опаски держал в руках змей. Змеи, если к ним не привыкнуть, внушают настоящий ужас.

— Никогда, но мой отец — рыбак. Я помогал ему, когда учился в школе. Если уж мне удавалось управляться со взрослыми угрями, то ужи по сравнению с ними — детская забава.

Я решила поверить ему на слово и сосредоточиться на том, чтобы увеличить счет. Мы обыскали серванты, осмотрели шкаф, выворачивая ящики, и перевернули постель — в результате были пойманы пять ужей. Возникло ощущение, что мы вторглись в личную жизнь семьи, но, с другой

стороны, хозяева должны быть нам благодарны. Наконец у нас не осталось сомнений, что в спальне хозяев и прилегающей к ней ванной комнате змей нет. Мы закрыли двери и двинулись в другую комнату.

— Думаю, я достоин звания заслуженного ловца змей, — заявил Мэт, — и теперь имею право задать вопрос. Как получилось, что столько ужей — сколько у нас сейчас, восемь? А мы ведь осмотрели только лестницу и одну комнату! — что столько ужей оказалось в этом доме?

Хороший вопрос!

— Не знаю, — честно призналась я. — Ужи собираются в группы в период спаривания. Приблизительно в это время года. Они пробуждаются от спячки и...

Я запнулась. Мне было неловко обсуждать подробности личной жизни, пусть даже рептилий, с совершенно незнакомым человеком.

— Устраивают вечеринку? — подсказал Мэт.

Я потупила взор и стала разглядывать половицы, но по тону его голоса было понятно, что он улыбается.

— Вероятно, они направлялись к какому-нибудь ручью и просто сбились с пути, — высказала я предположение, заставив себя поднять глаза. — Один из них вполз в дом через открытое окно, а остальные просто последовали за вожаком.

Мэт остановился в дверном проеме следующей комнаты.

— Вы когда-нибудь слышали о чем-то подобном? Так случилось раньше?

— Никогда. — Я отрицательно покачала головой.

Он несколько секунд смотрел на меня, как будто не решаясь задать еще один вопрос, а потом вошел в комнату. Я последовала за ним. Мы оказались в спальне старшего сына: беспорядок, яркие краски, множество игрушек и постеры из комиксов «Марвел». Несколько ящиков выдвинуты, из них вывалились вещи. Нам пришлось обходить детали конструктора «Лего» и груды нарядной одежды.

Две молодые особи, не старше семи-восьми месяцев, переплелись друг с другом, расположившись на оконном карнизе. Я направилась к ним. Я изучала в университете рептилий, даже специализировалась на них, однако моими любимцами были ящерицы, а не змеи. Впрочем, эти две особи были необычайно изящными. Каждая сантиметров сорок пять в длину, тоненькие как карандаш. Кожа у них была цвета молодой березовой листвы. Сияющие черные глазки и крошечные проворные язычки.

— Ого, какая большая! — воскликнул за моей спиной Мэт. — Несите-ка свою наволочку, мой друг.

Я не могу сказать, что заставило меня обернуться именно в этот момент. Я уже решила, что нет необходимости присматривать за Мэтом. Но все-таки обернулась. И как раз вовремя, чтобы заметить змею, которую он уже собирался схватить. У меня перехватило дыхание, я не смогла произнести ни слова. Я попыталась выдавить из пересохшего горла хоть один звук.

— Не трогать! — наконец прохрипела я.

Мэт, озадаченный, но совершенно не напуганный, обернулся ко мне.

— Что... в чем дело?

Змея подняла верхнюю часть тела, лениво огляделась, потом сосредоточила взгляд на стоящем перед ней человеке. Мы с Мэтом молча наблюдали за ней, пока я отчаянно пыталась вспомнить, что мне известно о форме змеиных голов и узоре кожи. На змеиной спине были четко различимы оранжевые пятна. Но цвет может сбить с толку, на этот признак полагаться не стоит.

— Сделайте шаг назад, — велела я. — Один большой шаг. Очень медленно.

Мэт послушно шагнул, как я сказала. Змея качнулась, поднялась выше, не сводя с него глаз.

— Еще один. Медленно. Он вновь сделал шаг назад.

— Что, черт возьми, это такое? Что...

— Не нужно говорить. — Язык едва меня слушался. — Отступайте к двери.

Змея качнулась назад и замерла в классической позе нападения. Я затаила дыхание. Я была в двух шагах от двери, Мэт чуть дальше от нее. Он сделал еще один шаг назад, я положила руку ему на плечо и потянула на себя. Потом мы отступили к двери уже вдвоем, я толкнула его, прикрывая собой и ни на секунду не сводя глаз со змеи.

И змея не сводила глаз с нас. Когда мы отступили, она немного успокоилась, но продолжала следить за нами. Я прикинула ее длину — чуть больше метра. Змея может броситься мгновенно, а человеческий глаз не способен уловить начало движения, но дальность броска равна лишь половине длины тела змеи. Сейчас мы находились на безопасном расстоянии, но змея начала двигаться, и мы почти мгновенно оказались по ту сторону дверного проема. Мэт стоял прямо у меня за спиной. Я чувствовала на затылке его дыхание.

— Я так понял, это не уж, — сказал он.

Мы со змеей не сводили друг с друга глаз, и я уже начала беспокоиться: неужели правы те, кто сочиняет сказки, что змеи могут гипнотизировать?

— Да, — подтвердила я. — Это не уж.

— Тогда кто? На гадюку вроде не похожа.

— Уведите всех из дома. Пусть ни к чему не притрагиваются. Если удастся закрыть окна и двери, — отлично, но больше не подходите к змеям. Мужчину, которого укусила змея, следует немедленно отправить в больницу. За ним необходимо постоянное наблюдение. Потом принесите мне пустой контейнер. И что-нибудь тяжелое — например, молоток или топор. Только побыстрее.

— Но что...

— Просто делай то, о чем я прошу!

Он ушел. Я слышала, как он прошел по коридору — звук шагов по дощатому полу, потом сбежал вниз, что-то крикнул остальным трем добровольцам. Я слышала, как они стали задавать вопросы, даже спорить, а потом все вышли из дома. Хлопнула входная дверь, и в доме повисла тишина.

Внезапная суета встревожила змею. Она стала двигаться в сторону открытого шкафа в поисках убежища. Если заползет внутрь — она попалась, я смогу дождаться, пока прибудет помощь и необходимые инструменты. Господи, пожалуйста, пусть она заползет внутрь!

Змея не стала заползать в шкаф, она легко заскользила вверх по створке резной дубовой двери старого шкафа и исчезла за краем.

Ладно, мне нужно сохранять спокойствие. Змею, спрятавшуюся на шкафу, надо обязательно поймать, а если не получится, — убить. И мне придется действовать, сознавая, что в доме — в этой комнате или где-либо еще — могут быть и другие змеи. Мне стало тошно, когда я поняла, какой опасности подвергла мужчин. Ни в коем случае нельзя было разрешать им оставаться в доме.

Давай, думай! Действительно ли я смогу справиться в одиночку? И насколько быстро прибудет помощь? Ближайший зоопарк в нескольких километрах, а сейчас глубокая ночь.

Услышав легкие быстрые шаги на лестнице, я испытала огромное облегчение. И это не самое худшее из происшедшего со мной той ночью. Я

никогда за всю свою взрослую жизнь не полагалась на мужчину, настолько я привыкла сама принимать решения, а сейчас чуть не расплакалась перед лицом реальной опасности!

Мэт молча пересек лестничную площадку, я рискнула на секунду оторвать взгляд от шкафа и посмотреть на него. Он, выпучив глаза, нес контейнер и большой топор. Довольно зловещее зрелище. Но уж если выбирать между обезумевшим человеком с топором и тварью, затаившейся на шкафу, я бы скорее выбрала первое.

— Отступай сюда, — прошептал он, делая мне знак подойти к нему.

Я отрицательно помотала головой.

— Я с тобой не спорил, — заметил он так тихо, что я едва расслышала.

И сделала шаг назад.

— Что это? — спросил он, интуитивно продолжая говорить тихо.

— Я не совсем уверена, — ответила я правду. — Не на сто процентов.

Он ничего не сказал, просто выразительно смотрел на меня.

— Мне кажется, это тайпан, — сказала я.

— Кто? — Он выглядел обеспокоенным, вероятно, он ожидал, что я скажу «кобра» или «гремучая змея» — назову одну из известных ему ядовитых змей.

— Тайпан, — повторила я. — Они водятся в Австралии.

— И они опасны? Я кивнула.

— Это самые опасные змеи в мире.

Он схватил меня за руку и вытащил из комнаты в коридор.

— Понятно. Убираемся отсюда. Полиция уже на подходе. Они и займутся змеей.

Я не поддавалась. Я могу быть сильной, когда возникает такая необходимость.

— Вот уж нет. Если тебе удастся за полчаса привезти сюда знающего герпетолога, специалиста по ядовитым змеям, давай, вези. Можешь мне поверить, у меня нет ни малейшего желания возвращаться в эту комнату. Но просить «зеленых» полицейских, которые никогда в жизни не держали в руках змею, поймать ее — значит подвергнуть их смертельной опасности.

Он скорчил недоверчивую мину, очевидно, полагая, что я преувеличиваю, впадаю в истерику подобно любой женщине, увидевшей ядовитую змею. Я должна заставить его поверить мне.

— Тайпаны — очень агрессивные змеи. Они быстрые и сильные. У каждой достаточно яда, чтобы убить целый отряд полицейских. После укуса люди умирают в течение нескольких часов, и я очень сомневаюсь, что в местной больнице имеется противоядие в достаточном количестве.

— Значит, мы закроем дом и будем ждать специалистов. Дождемся твоих герп... Как ты там их назвала?

— Герпетологов. Но посмотри на этот дом. Ему уже лет четыреста. Здесь повсюду дыры и щели. Змея уползет. И вряд ли ты обрадуешься, узнав, что одна из этих тварей ползает по всему поселку.

Он задумался. Я наблюдала за ним, и во мне закипала злость: пришел и раскомандовался лишь на том основании, что он мужчина и (тогда я еще была в этом уверена) адвокат. В то же время в какой-то части моего сознания жила надежда, что он настоит на своем и не позволит мне снова войти в спальню. Удивительно, насколько перспектива внезапной и мучительной смерти заставляет человека ценить то небольшое, что есть у него в жизни.

— Ладно, и что ты предлагаешь? Я не обещаю, что соглашусь безоговорочно. Просто хочу послушать.

— Нам необходимо ее поймать. Причем как можно быстрее, — с трудом выдавила я. — Возможно, придется ее убить, но, думаю, отловить ее не так опасно.

— Как именно мы это будем делать?

— Змея спряталась на шкафу, — сказала я. — Если ты согласен помочь, то первое, что необходимо сделать, — согнать ее оттуда. Потом мы используем топор вместо палки. Если сделаешь вид, что хочешь ударить ее обухом, змея укусит деревяшку. Тогда я смогу схватить ее за голову — и она обезврежена. Мы засунем ее в контейнер.

— Господи! — Он, оглядевшись, явно заметил вентиляционные отверстия под окнами, дыры в деревянных балках, открытое окошко под потолком. — Ты права, змея может уползти. А ты уверена, что сможешь ее поймать?

Когда дошло до дела, я уже не испытывала такой уверенности. Но кивнула.

— Пошли, — бросила я и повернулась к двери. Для начала необходимо убедиться, что змея все еще на шкафу.

— Подожди, — шепнул Мэт.

Я обернулась. Мэт снял свою коричневую кожаную куртку и протянул ее мне.

— Надень, — велел он.

На мне был лишь тонкий хлопчатобумажный свитер. От укуса тайпана он никак не защитит. И все равно я отрицательно покачала головой.

— Тебе она нужнее, змея ведь будет нападать на тебя.

— Я надену что-нибудь из вещей Ника. А ты пока надень куртку и

перчатки и жди здесь.

Я просунула руки в рукава куртки Мэта и натянула ее. Мэта вряд ли можно было назвать крупным мужчиной, но все равно куртка была слишком велика для меня. Она была сшита из плотной кожи — неплохая защита. Куртка сохранила тепло его тела. Но не спрашивайте меня, почему я начала дрожать, когда надела ее. От перчаток, которые я обнаружила в карманах, толку было чуть, поэтому я отбросила их к стене. Нет времени бежать домой за своими. Я стояла в дверном проеме, пытаюсь уловить малейшее движение в комнате. А правильно ли я поступаю? Неужели нет другого выхода? Подождать специалистов — единственное разумное решение, но существовала реальная угроза того, что тайпан ускользнет из дома. А полиция вот-вот прибудет. Они могут меня не послушать, попытаются поймать змею самостоятельно. Я, по крайней мере, хорошо понимаю, с чем имею дело. Я обернулась и увидела, что Мэт возвращается; на нем было зеленое стеганое пальто. Правая рука выглядела огромной — из-под обшлага рукава виднелся край намотанного на руку полотенца. Он, не колеблясь ни секунды, вошел в комнату и огляделся. Потом стянул с кровати пуховое одеяло и выбросил его в коридор.

— Проверь здесь, — велел он. Я проверила кровать. Ничего.

Когда я отрицательно покачала головой, он залез на кровать и стал разглядывать верхний край шкафа. Я вошла в комнату и внимательно всю осмотрела, сначала слева направо, потом сверху вниз, стараясь не пропустить даже намека на движение.

— Змея все еще на шкафу, — сказал Мэт. — Лежит, свернувшись кольцом, но смотрит прямо на меня.

— Нужно согнать ее на пол, — заявила я, прекрасно понимая, что это будет не так уж легко сделать. — Я не смогу схватить ее на шкафу.

— Я сейчас столкну ее в угол. Ты готова?

Я проскользнула мимо него. Между стеной и шкафом было свободное пространство, сантиметров пятьдесят, не больше. К моему удивлению, учитывая состояние остальной части комнаты, здесь не валялись мальчишечьи вещи. Если Мэту удастся столкнуть змею сюда, у меня появится хорошая возможность ее поймать. С другой стороны, загнанная в угол змея становится еще опаснее.

— Готова, — заверила я, понимая, что никогда нельзя быть готовым к тому, что сейчас произойдет.

Мэт, держа обеими руками топор за лезвие, провел обухом по верху шкафа. Змея пришла в ярость и зашипела, защищаясь. Мэт оступился и закачался на мягком матрасе. Ткнув обухом змею, он упал, завалившись

назад, но ему удалось столкнуть ее с места. Змея перелетела через верхний край шкафа, сделала в воздухе пируэт и упала на кровать, где, неуклюже развалившись, лежал Мэт.

— Сматывайся! — крикнула я ему.

Мэт перекатился через край кровати и вскочил. Змея ринулась на него. Мэт, пошатнувшись, отступил назад, ближе к окну. Топор он выронил.

Я наклонилась, мои руки нащупали какой-то предмет, и я швырнула его в змею. Это была детская маска персонажа «Звездных войн» Дарта Вейдера. Она угодила змее точно в голову. Тайпан качнулся и повернулся ко мне. Змея растерялась: угроза исходила с противоположных сторон. Потом она приняла решение и бросилась в мою сторону.

Я швырнула в змею еще что-то — похоже, футбольный ежегодник, но промахнулась, и измятый журнал упал на пол. Я поняла, что совершила чудовищную ошибку — ошибку, которая может стоить мне жизни. Я заметила, что Мэт подался вперед и наклонился, но не могла отвести глаз от серебристой блестящей чешуи и янтарных глаз устремившейся ко мне твари. Змея разозлилась. Я набрала в легкие побольше воздуха, собираясь закричать.

Но тут Мэт ударил ее обухом по голове. Тайпан обернулся, сделал выпад и вонзил клыки в обух. Я бросилась вперед, не дав себе времени подумать — я в подобных ситуациях всегда действовала очертя голову, — и схватила змею двумя руками за голову. Тайпан оставил деревяшку и попытался высвободиться, но я его крепко держала. Мэт бросил топор и потянулся за контейнером, ногой откинул крышку, схватил змею за кончик хвоста и поместил нижнюю часть змеи в контейнер. Я сунула в контейнер остальную часть тела змеи, прижала змеиную голову ко дну, а Мэт приготовился опустить крышку. Змея замерла.

Мы с Мэтом переглянулись.

— Где, черт возьми, перчатки? — спросил он. Перчатки, которые он мне дал, были для меня чересчур велики. Вероятно, они бы могли послужить подобием защиты, но начисто лишили бы меня сноровки.

— Вот такой фокус-покус, — произнесла я. — Только я отпущу ее, она тут же меня укусит. А двигается она быстрее меня.

— Поэтому я второй раз спрашиваю — где эти чертовы перчатки?

Тело змеи в моих руках задрожало.

— Они слишком большие, — призналась я. — Я бы не смогла пошевелить в них и пальцем.

— Превосходно.

— Кажется, я поймала тайпана за хвост, — сказала я.

— Абсолютно не смешно! — Он зло посмотрел на меня.

— Подай мне вон ту футболку, — попросила я, а сама подумала: «Смешно? А разве я пошутила?»

Мэт, оглянувшись, обнаружил скомканную вещь из мягкого трикотажа, которую я имела в виду. Он протянул мне футболку, и я рискнула убрать одну руку. Я могла удерживать змею одной рукой, но недолго. Я взяла футболку, скомкала ее и придавила ею голову тайпана ко дну контейнера.

Я подняла глаза на Мэта. Слова были излишни. Он прекрасно понял, что я сейчас собираюсь сделать и что нужно делать ему. Я отдернула левую руку так проворно, как никогда в жизни. Мэт опустил крышку контейнера. Я заперла его на замок. Тайпан обезврежен, а с ним за компанию и футболка с изображением «человека-паука».

Мы с Мэтом разом опустились на пол и какое-то время сидели, глядя друг на друга поверх крышки контейнера. Казалось, ни у кого из нас не осталось сил даже пальцем пошевелить.

— Что теперь? — наконец нарушил молчание Мэт.

— Поищем остальных, — ответила я.

Он закрыл глаза и растянулся на ковре. И я сделала то, чего, как мне казалось, никогда не сделала бы в подобной ситуации. Я засмеялась.

Больше тайпанов в доме Паулсонов мы не обнаружили. Через пять минут после того, как мы отловили змею, прибыл наряд из четырех полицейских. Все они, как оказалось, отлично знали Мэта Хоара. Затем мы продолжили поиски. Мы нашли еще четырех ужей и одну дохлую гадюку. Ее увидел в спальне дедушки молодой констебль и тут же позвал меня — я дала им четкие инструкции, что никто, кроме меня, не должен прикасаться к змеям. Полицейские согласились, явно испытав облегчение.

Гадюка лежала на односпальной кровати, в ногах. Кто-то размозжил ей голову. Это была единственная змея, пострадавшая в ту ночь.

— Должно быть, ее ударил кто-то из Паулсонов, — предположила я, прекрасно понимая, что дохлая змея никак не могла сама забраться в дом. — Вероятно, она и укусила отца семейства.

— Но это спальня старого доктора Эмблина, — заметил молодой полицейский, который уже больше не смотрел на змею, а разглядывал мое лицо.

Я отвернулась, и мы без лишних слов обыскали остальную часть комнаты.

Это явно была комната пожилого человека. Простая мебель темного дерева, на комод — зеркало, одежные щетки и расчески, в примыкающей

крохотной ванной — бритвенные принадлежности. На подушке пятно — похоже, кровь. А под одеялом какой-то ком. Разозлившись на констебля из-за его пристального взгляда, я двинулась вперед. Уже хотела откинуть одеяло, но на секунду замерла. Неужели ком двигался? Показалось? Но...

— Давайте я зайду с противоположной стороны, — предложил полицейский, обходя кровать.

Чуть выждав, мы одновременно схватились за края одеяла.

— Раз, два, три, — отсчитал констебль, и мы отдернули одеяло.

Молодой полицейский засмеялся. Я — нет.

— Не слишком ли он стар для мягких игрушек, как вы считаете? — Полицейский улыбался.

— Вероятно, это принадлежит мальчику, — отозвалась я, глядя на маленькую плюшевую обезьянку.

— Кажется, здесь мы закончили, — заявил констебль.

Я вышла за ним из комнаты, гадая, почему из всех игрушек, которые я видела в доме, в кровати у дедушки была спрятана маленькая коричневая обезьянка? Змея и обезьяна. Почему эта мысль не давала мне покоя?

Еще один час, еще несколько ужей — и можно было не сомневаться, что дом чист. Я посоветовала старшему группы полицейских, сержанту, перед возвращением семьи проверить дом еще раз, но это можно было сделать и утром.

Потом я ехала через поселок в машине, полной змей.

Как только в доме Паулсонов не осталось ни одной змеи, мне больше всего захотелось вернуться к себе домой — пусть во всем разбирается полиция. День и без этого происшествия был насыщенным, а я еще не ложилась, правда, не была уверена, что смогу заснуть. Но сержант заметил, что змей нужно куда-нибудь отвезти: неразумно выпускать их в поселке. Лучшим вариантом сочли ветклинику для диких животных. Я немного поартачилась, но лишь для порядка. Я прекрасно понимала, что другого выхода нет. Подогнала свою машину, и констебль, который обнаружил гадюку, помог мне загрузить тридцать девять змей — все были благополучно размещены в ведрах, наволочках и больших пластиковых контейнерах фирмы «Тапперуэр».

На какое-то время я потеряла из виду и тайпана, и человека, который помог мне его поймать. Решила, что первый находится под надежной охраной полиции, а второй ушел домой. Было уже половина пятого, светало. И тут я увидела Мэта, бредущего по переулку; он подошел к сержанту и пошептался с ним, держа в руках контейнер, где сидел тайпан. Они заметили меня и подошли.

— Ну, — Мэт поднял контейнер, — что мы будем делать с дьяволом из преисподней?

Когда опасность уже миновала, я не решалась без крайней необходимости поднимать на него глаза. Я сосредоточенно запикивала разнообразную тару со змеями в багажник своей машины.

— Я отвезу остальных змей в лечебницу Святого Франциска — это ветлечебница, где я работаю, — пояснила я. — Еще раз проверю, ужи ли это. Если они здоровы, их можно будет выпустить на волю.

Я устремила взгляд на контейнер с тайпаном: уж лучше смотреть на него, чем на Мэта.

— Боюсь, я не настолько хороший специалист, чтобы справиться с этим экземпляром, — продолжила я, на этот раз обращаясь к сержанту. Как ни странно, но уж лучше было смотреть на него. — Вероятно, необходимо

получить подтверждение, что это именно тайпан. Если так оно и есть, можно попробовать отследить, откуда он взялся. Потом найти, куда его отвезти. Возможно, в один из зоопарков. Лучше всего в Лондонский. Или отдать частному коллекционеру.

— Частному коллекционеру? — изумился Мэт. — Ты шутишь? Неужели среди домашних любимцев есть и ядовитые змеи?

Я обогнула машину, подошла к двери и ответила через плечо, вновь обращаясь к сержанту:

— Да. В Австралии. Хотя я лично не советовала бы заводить таких домашних животных. Я раньше никогда не слышала о подобных случаях в Великобритании, но все возможно.

— Мы надеемся, что вы заберете его с собой, мисс, — наконец и сержанту удалось вставить слово. — Пока не найдется для него безопасное место.

Я отрицательно покачала головой.

— Наша клиника не приспособлена для того, чтобы содержать ядовитых змей. Я не могу рисковать персоналом.

Еще не договорив, я сообразила, что знаю место, где справятся с опасными рептилиями. Знаю людей, которые могут определить, что это за змея, и найти для нее наилучшее место жительства. В любом случае я собиралась подъехать к ним сегодня днем. Оба собеседника пару секунд не сводили с меня глаз, потом Мэт кивнул.

— Ладно, — бросил Мэт. — Я подержу змею у себя. Чем ее кормить?

— Ставь контейнер в багажник. — Я вздохнула. — Я отвезу тайпана к своим знакомым.

Я открыла дверь со стороны водителя и заметила, что сержант отвернулся, пряча усмешку. Мэт обошел машину, подошел к двери со стороны пассажира, устроился на сиденье и поставил контейнер с тайпаном себе на колени.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Еду с тобой.

Нет! С меня довольно! Я хочу побыть одна.

— Зачем это?

— Уже почти пять утра, ты выглядишь усталой. Я не оставлю тебя в машине один на один с ядовитой змеей.

— Она абсолютно безопасна. Она же в контейнере. — Я оглянулась, ища поддержки у сержанта, но он уже скрылся в доме Паулсонов.

— Ты выглядишь утомленной, — настаивал Мэт. — Может быть, я сяду за руль?

Я повернула ключ зажигания, размышляя над тем, что — в пределах разумного — я должна сделать. Я работаю с дикими животными. Живу в конце тихой улочки в самом глухом поселке, какой только смогла найти. Намеренно не знаколюсь с соседями. Товары мне доставляют. Что именно я должна сделать, чтобы меня оставили в покое?

— Кроме того, — продолжил он, когда мы выехали из поселка, — на тебе все еще моя куртка.

Я решила до самой клиники не проронить ни слова. Когда дело касается молчания, способного обдать холодом любого, — тут я мастерица, можете мне поверить. Я мысленно уношусь далеко, настолько отключаюсь от происходящего, что даже не слышу, когда обращаются непосредственно ко мне. Когда нужно, я могу просто исчезнуть.

Мы ехали по узкой крутой улочке, ведущей за пределы поселка. Она постоянно вихляла и делала резкие поворота, поэтому здесь даже днем необходимо было внимательно следить за дорогой. Над головой сплелись густыми кронами березы, дубы и платаны, создавая темный туннель. Машину били по бокам торчащие ветки, а летучие мыши, испуганные светом фар, проносясь мимо, чуть не задевали крыльями лобовое стекло.

— Самые ядовитые змеи на земле, да? — заговорил Мэт. Его голос прозвучал слишком резко, если учесть, что я «отключилась». — Почему я раньше о них не слышал?

Я мысленно велела себе сосредоточиться на дороге.

— Слышал, конечно, о питонах, анакондах, гадюках... гремучих змеях. Но о тайпанах — никогда. Если они настолько опасны, почему о них не говорят?

Это невысказано! Этот человек не желает мириться с тем, что его игнорируют.

— Их относительно недавно открыли, — объяснила я. — Приблизительно в середине двадцатого века. К тому же этих змей нечасто встретишь. Что, уж поверьте мне, только к лучшему!

— Но почему они такие опасные? Мамба. Черная мамба — об этой я слышал. Мамба опасна?

Я вздохнула.

— Когда речь заходит о ядовитых змеях, вспоминаются три самые крупные: черная мамба, обитающая в Африке, кобра, которая встречается на большей части территории Азии, и тайпан. Герпетологи могут часами спорить о том, какая из этих змей самая смертоносная, но, честно говоря, все они будут правы. Каждая из этих змей большая, сильная и быстрая.

— Что-то наш тайпан показался мне не слишком большим, — перебил

меня Мэт.

— Это очень молодая особь. Тайпаны вырастают до трех метров в длину, — сказала я.

— Да ну! Итак, большие, сильные и быстрые. Что еще? Было всего пять часов утра, а я читала лекцию о рептилиях человеку, которого едва знала. Что стало с моей спокойной, размеренной жизнью? Но он не сводил с меня глаз, ожидая продолжения.

— Хорошо известно, что змеи этих трех видов в случае опасности становятся очень агрессивными, — продолжила я. — Они нападают снова и снова. Кусают, отпускают, потом опять кусают. Значит, жертва получает изрядную порцию яда. Змеи каждого вида обладают сложным по химическому составу и необычайно токсичным ядом. Если жертва не получает помощи, она погибает. Погибает в муках, «сгорает» всего за несколько часов. И по змеиным стандартам представители всех трех видов очень умны, что в сочетании с их смертоносными качествами заставит любого чувствовать себя неуютно в их компании.

— Если умен, значит, опасен?

— Совершенно верно.

— И на кого бы ты поставила?

— На тайпана. — Я даже не стала раздумывать. — При любых обстоятельствах.

— Ты видела их раньше?

Я кивнула.

— Я какое-то время работала в Австралии. Изучала ящериц, но встречалась и со змеями. Я видела людей, которым удалось выжить после укуса тайпана. Но слышать о тех, кто погиб, приходилось намного чаще.

Мэт замолк. Отличный повод поставить точку в этом разговоре.

— Существуют два подвида тайпанов, — услышала я собственный голос, — тайпан прибрежный и внутриматериковый. Яд прибрежного тайпана настолько токсичен, что яда, выделяемого при одном укусе, достаточно, чтобы убить двадцать семь человек.

— Господи! И мы поймали одного из них?

— Нет. Я полагаю, что это внутриматериковый подвид. Кажется, у этих змей имеются оранжевые отметины. У нашего приятеля вдоль спины тянется бледная оранжевая полоска.

— Спасибо и на этом! И скольких людей может убить яд от одного укуса внутриматерикового подвида?

— Шестьдесят два человека. — Я рискнула искоса взглянуть на собеседника — лицо Мэта оставалось непроницаемым.

— Можно я положу контейнер на заднее сиденье? — наконец проговорил он.

Я не удержалась и рассмеялась. Через секунду рассмеялся и Мэт.

— Полицейские сказали, что они собираются делать? — поинтересовалась я, когда мы отсмеялись, а последовавшее за этим молчание становилось неловким.

Мэт взглянул на меня, казалось, он хотел что-то сказать, но передумал.

— Утром они направят куда следует запрос по поводу тайпана, — произнес он, помолчав. — Узнают, не заявлял ли кто о пропаже.

— А ужи?

Он пожал плечами.

— Вряд ли им можно предъявить обвинение в незаконном проникновении в жилище и посадить за решетку. Полиция уже все осмотрела в доме в поисках отпечатков пальцев, но при таком количестве домочадцев и гостей это мало что дает. Нет никаких видимых признаков взлома.

Я уже решила, что на сегодня с меня довольно разговоров, не то я бы поинтересовалась, откуда ему так хорошо известно о работе полиции. Мы уже были недалеко от клиники, я молча вела машину и, хотя не отрывала глаз от дороги, чувствовала, что он наблюдает за мной. Лучше бы уж он сел за руль!

— Что скажешь? — спросил он. — Еще одна шутка природы?

Я на секунду задумалась. Одна змея в доме — явление необычное, но вполне объяснимое. Несколько десятков, включая одну не встречающуюся в этих местах тварь, — совершенно другое дело.

— Трудно найти объяснение тому, что такое количество змей смогло проникнуть в дом без посторонней помощи, — сказала я через пару секунд.

— Да уж, — согласился Мэт. — Неужели всему виной наши местные вандалы? Может, им надоело резать телефонные провода и разбивать окна?

Я кивнула, но тут же вспомнила мокрые следы и водоросли, которые видела на полу в длинном доме. То же самое я заметила в доме Хьюстонов, когда спасала маленькую Софию от гадюки. Чтобы отловить несколько десятков змей, включая парочку ядовитых, необходимы соответствующие навыки. Вряд ли такими навыками обладают вандалы, исписывающие стены домов. От меня ждут ответа? Я уже и так увязла в этом деле больше, чем мне хотелось бы.

— И то собрание в доме у Клайва Вентри могло натолкнуть их на мысль. — Вопреки моим намерениям я опять слышала собственный

голос. — Все стали опасаться змей.

— Да, хотя раньше их не боялись, — согласился Мэт.

Вновь повисло молчание. Мы выехали на основную дорогу, совершенно пустынную в этот ранний час. На востоке таяла ночная чернота, небо приобретало серебристые тона; перед нами раскинулись девонские пустоши. От внезапного звонка телефона я подпрыгнула на сиденье.

— Это мой, — сказал Мэт, но даже не пошевелился, чтобы ответить на звонок. Телефон продолжал звонить. — Я бы и сам достал, но не уверен, что мы для этого достаточно близко знакомы, — сказал он. — В левом внутреннем кармане.

Ну конечно же! На мне была его куртка. Он перегнулся и правой рукой взялся за руль. Я почувствовала запах Мэта — его кожи, волос — и запах кофе, который он недавно пил.

Вся сжавшись, я стала ощупывать его куртку, пока не наткнулась на телефон и не вытащила его из кармана. Мэт откинулся на спинку сиденья, я вновь взяла управление машиной на себя, испытав огромное облегчение от того, что хотя бы на несколько минут его внимание будет приковано не ко мне. В основном говорили на том конце линии, Мэт лишь односложно отвечал. Минут через пять он нажал на кнопку отбоя.

— Это звонили из больницы, — сообщил он, кладя телефон в карман рубашки. — С Ником все в порядке. Место укуса воспалено, это не вызывает опасений, дыхание и температура в норме. У него не наблюдается ни одного из симптомов, что были у Джона Эллингтона. За его состоянием будут внимательно наблюдать, но пока оно, кажется, стабильное.

— А как остальные члены семьи? — спросила я, вспомнив о дохлой змее, которую обнаружила в спальне дедушки.

— У старого доктора Эмблина небольшое сотрясение мозга. Вероятно, он в суматохе ударился головой. Мэнди с детьми в полном порядке. Они все в больнице, но укусов больше ни у кого нет.

— Слава Богу!

— Да уж. Но в наши дни существуют противоядия, применяемые при укусах большинства змей, верно?

— Что касается укусов европейских змей, то противоядие можно найти без труда. Даже у нас в клинике. Стоит взять несколько ампул домой.

— А как насчет этого паренька? — поинтересовался Мэт, указывая на контейнер у себя на коленях.

— Существует противоядие и на яд тайпанов, — заверила я, — но эти змеи обычно встречаются в отдаленных уголках Австралии. Так что этим

противоядием запасаются в тех местах. Необходимо выяснить, где оно имеется, и попросить, чтобы отправили в какой-нибудь крупный город Австралии, а оттуда в Лондон. Потом курьер доставит его сюда. Правда, на это уйдет слишком много времени. Мэт минуту помолчал.

— Значит, если одного из нас эта змея сегодня укусит, шансов нет? — наконец спросил он.

Я промолчала, понимая, что так оно и есть.

К рассвету ужи благополучно обрели временный приют в нашей клинике. В понедельник утром, если они окажутся здоровыми, мы выпустим их на свободу. Я пообещала, что сделаю это подальше от поселка. Прежде чем покинуть клинику, я достала из холодильника маленький контейнер с противоядием на яд гадюки, решив поддержать его в своем холодильнике пару недель. На всякий случай.

Дьявол из преисподней, как окрестил тайпана Мэт, все еще находился у меня. Я высадила Мэта у его дома, вернула ему куртку и поблагодарила за помощь. Сама, вернувшись домой, быстро приняла душ, позавтракала, вновь села за руль и двинулась в путь.

Приют фонда «Эол»^[6] находится в окрестностях Бристоля, он создан для передержки рептилий. Этот фонд был основан добровольцами и существует за счет благотворительных взносов. Здесь принимают бывших домашних любимцев-пресмыкающихся: змей, ящериц, черепах. Раненых, брошенных или просто взрослых особей, которые выросли настолько, что хозяева уже больше не в состоянии с ними справиться. В случае необходимости предоставляется и ветеринарная помощь, потом большинство подопечных пристраивают в подходящие места.

Я узнала о приюте и людях из «Эола» — невоспетых героях ветеринарии, — когда училась на первом курсе ветеринарного колледжа, и с тех пор в меру сил оказывала им помощь. Там всегда были мне рады, потому что помощь в подобных делах лишней никогда не бывает. Намеренная жестокость или просто наплевательское отношение — этого пресмыкающимся всегда достаётся с избытком, чего они не заслуживают.

Однажды в канун Рождества я работала во вторую смену, тогда в приют доставили бородатую ящерицу — хорошо известное пресмыкающееся родом из Австралии. На всем ее теле были ужасные следы ожогов. Ее владельцы из самых лучших побуждений, но совершенно не зная, как обращаться со своим новым домашним любимцем, поместили ящерицу в сушильный шкаф, чтобы не замерзла. Бедняжка застряла между стенкой шкафа и баком с горячей водой. Когда хозяева ее обнаружили, кожа у рептилии настолько обгорела, что прикипела к баку.

Это был самый жуткий случай, с каким мне довелось столкнуться, но, к сожалению, далеко не единственный. За годы сотрудничества с «Эолом» я

стала свидетельницей ужасных страданий, которых легко можно было бы избежать, если бы люди прочли пару книжек, или побродили бы по сайтам Интернета, или хотя бы проконсультровались в ближайшем зоомагазине.

В приемном покое было слишком многолюдно, как для субботы. Неужели весть о последнем «приобретении» уже облетела округу? Редкий любитель рептилий упустит шанс увидеть самую ядовитую в мире сухопутную змею.

Не успела я подойти к двери кабинета Роджера Теннанта, как она распахнулась и сам Роджер вышел мне навстречу. Мы с ним давно были знакомы; он читал у нас лекции, когда я училась в университете, и его энтузиазм сыграл не последнюю роль в выборе мною специализации. Он, как обычно, расцеловал меня в обе щеки. Он сделал это из лучших побуждений, но мне было неприятно — не люблю, когда люди прикасаются к моему лицу. Вместо того чтобы пригласить в кабинет, он увлек меня вглубь коридора, затем зашел в один из смотровых кабинетов.

Я была здесь уже тысячу раз. В приюте два смотровых стола, вдоль стены — широкий металлический стол. На уровне головы, по периметру комнаты, размещены шкафы. На всех поверхностях ни пылинки, инструменты блестят, клетки готовы принять новых жильцов — совершенно обычный смотровой кабинет в обычной ветклинике, может, чуть больше размером. В таком кабинете я работаю каждый день. Исключением был лишь высокий чумазый мужчина, который, вытянувшись во весь рост, крепко спал на большем из двух смотровых столов.

— Шон, просыпайся, она приехала, — сказал Роджер. Проявляя старомодную учтивость, Роджер сразу же взял у меня контейнер с тайпаном, несмотря на то что тот не был тяжелым. С невозмутимым видом, как будто обычным делом было то, что на смотровом столе спит бродяга, Роджер понес контейнер к свободному столу. Я видела, что у него так и чешутся руки открыть его, но он оглянулся на проснувшегося гостя. Мужчина открыл глаза, дважды моргнул, огляделся и сел.

Я никогда не пялюсь на людей. Никогда. Слишком хорошо знаю, насколько неуютно чувствуешь себя под любопытствующими взглядами. Но в ту минуту, когда мужчина открыл глаза, я посмотрела на него и сразу узнала. В жизни он выглядел еще более потрясающим.

Между тридцатью пятью и сорока годами, кавказской внешности: лицо, форма головы; глаза яркие, каре-зеленые. Он настолько загорел, что его легко можно было принять за уроженца Африки. У него были длинные черные волосы, заплетенные в косички, ниспадавшие на плечи. Он был

довольно высоким и очень худым. На нем были грязные порванные джинсы, выгоревшая голубая рубашка в клетку, кожаная куртка со следами десятка сражений и сапоги, выглядевшие так, словно он километров сто пробирался в них по джунглям. И это, как я вскоре узнала, было недалеко от истины.

— Клара, это Шон Норт, — представил Роджер. — Ты, вероятно...

Слышала о нем? Конечно же слышала! Кто же, имеющий отношение к миру рептилий, его не знает? Вот почему в приемном покое так много людей! Шон Норт — самый известный в мире герпетолог. Он англичанин, всеми уважаемый консультант по пресмыкающимся, сотрудничает с двумя или тремя крупнейшими нашими зоопарками. Но его никогда нет в Англии. Он путешествует по миру, обычно со съемочной группой, разыскивает редчайших — обычно и самых опасных — пресмыкающихся и снимает о них фильмы. Его конек — ядовитые змеи, но я видела, как он гипнотизировал варанов, крокодилов и хамелеонов. Его фильмы удивительны; о его способности выслеживать самых осторожных животных ходят легенды, а то, с какой смелостью он берет в руки опасные экземпляры, внушает почтительный трепет. Кажется, он ничего не боится — вновь и вновь рискует жизнью в самых неприветливых местах на земле. Он — гений. А кроме того, как заметил когда-то один мой коллега, он законченный псих.

Шон протянул мне руку. Не зная, что сказать, я пожала ее. Кожа была сухой из-за чрезмерного пребывания на солнце, вся в шрамах и следах укусов.

— Прошу прощения, — сказал он, сдерживая зевоту, — долгий перелет.

— Шон прилетел ранним утром, — пояснил Роджер. — Я знал, что он сегодня должен вернуться из Индонезии, поэтому оставил сообщение на его мобильном. Он тут же приехал. Лучшего специалиста мне не найти.

Мне тоже. Только жаль, что его присутствие настолько меня ошеломило.

Проснувшись окончательно, Шон взял контейнер с тайпаном, взвесил его в руке, осторожно перевернул и прислушался к доносящимся изнутри звукам. Потом опустил контейнер на стол, расстегнул замки. Роджер, стоявший слишком близко к столу, отступил назад. Оглянувшись, я заметила, что из коридора в смотровой кабинет через окно заглядывают несколько человек. Норт приподнял крышку на пару сантиметров. Я затаила дыхание. А если там окажется что-то совершенно безобидное? Какой тогда я буду выглядеть идиоткой! Шон Норт — сам Шон Норт! —

тащился сюда из Бристоля, уставший и невыспавшийся, чтобы посмотреть на безобидного беглого домашнего любимца!

— Это малыш! — Норг просиял. — У тебя есть крюк, Роджер?

Роджер передал ему крюк для ловли змей, а Шон, пренебрегая способностью тайпана взвиваться пружиной, снял крышку и сунул крюк внутрь. Вытянув тайпана наружу, он надежно ухватил змею возле головы.

— Ого! — Роджер присвистнул, приблизившись. — Разве не красавец?

При свете дня, в надежных руках — не моих — тайпан и правда показался мне красивым. Его цвет был переливчатым, слишком темным для серебра, слишком ярким для другого металла, вдоль спины — полоска чеканной меди. Глаза напоминали два живых топаза, а круглые черные зрачки были намного привлекательнее, чем эллиптические, встречающиеся у некоторых видов змей. Норт держал тайпана за хвост, вытягивая в длину. По просьбе Норга Роджер нашел линейку.

— Длина до анального отверстия — 102 сантиметра, — сообщил Роджер. — Общая длина — 117 сантиметров. Я бы сказал, явно аспид. Взгляните на щитки на голове.

Аспиды — семейство ядовитых змей, которые водятся в тропических и субтропических поясах, включая острова Индийского и Тихого океанов. У них длинное тонкое тело, гладкая кожа и треугольная голова, кожа на которой имеет крупный узор, напоминающий по форме щит. У всех аспидов ядовитые зубы расположены в ротовой полости неподвижно, а ядовитые мешочки находятся в задней части верхней челюсти. Я стала благодарить свою счастливую звезду: по крайней мере, Роджер разделяет мое мнение, что это аспид. Какого бы вида ни оказалась эта змея, аспиду уж точно не место в детской спальне в Дорсете.

— Верно, это тайпан, — подтвердил Норт. Он стрельнул глазами в мою сторону, тут же переведя взгляд на змею. — Повезло, что вы его заметили.

— Я некоторое время работала в Австралии, — произнесла я, испытыв огромные облегчение от того, что вновь обрела способность говорить. — Я раньше их видела.

— Это не австралийский тайпан, — сообщил Норт. — Из Папуа.

— Разве в Папуа-Новой Гвинее водятся тайпаны? — удивился Роджер. Я тоже раньше об этом не знала. Норт кивнул.

— Да, некоторые подвиды. По правде сказать, там они представляют проблему намного серьезнее. В Австралии тайпан — редкое явление, а в южных районах Папуа-Новой Гвинеи от укусов тайпана каждый год погибает в среднем двадцать пять человек. — Он повернулся ко мне. —

Есть подозрения, откуда он здесь взялся?

Я отрицательно покачала головой. Как раз перед тем, как Мэт вышел из моей машины сегодня утром, ему еще раз позвонили. На этот раз из полиции.

— Полиция проверяет всех, у кого есть разрешение на содержание пресмыкающихся, — сказала я, — но пока никто не заявил о пропаже.

— Маловероятно, что кто-то заявит, — заметил Роджер. — Вряд ли в Англии легально содержат много тайпанов. Не думаю, что местные власти могут дать подобное разрешение. Шон, в каком-нибудь английском зоопарке есть тайпаны?

— Несколько лет назад в Лондон привезли четырех, хотя в экспозиции представлен лишь один, — ответил Норт. — Про других мне ничего не известно. Может быть, в Бристоле. Думаю, что в Честере нет. Скоро узнаю, но если бы хоть один пропал, нам бы уже сообщили.

— Вы сказали, что это малютка, — обратилась я к Норту. — Можете определить возраст?

Норт поднял змею повыше, внимательно ее оглядел и попросил Роджера измерить ее в окружности.

— В первый год жизни они растут очень быстро, — ответил он. — Этому тайпану месяца четыре, может быть, пять. Вероятно, привезли в Англию яйцо, потом где-то хранили — в тепле, возможно, в инкубаторе.

Норт лишь подтвердил мои догадки. В стране бурно развивалась подпольная торговля ядовитыми змеями, чему, по иронии судьбы, во многом способствовало снятие таможенных ограничений по всей Европе. В Великобританию постоянно завозили и продавали на черном рынке опасных змей. Но перевозить живого тайпана из Австралии или Папуа-Новой Гвинеи чрезвычайно рискованно. А вот яйца провезти контрабандой намного легче.

— Ладно, посадим тебя назад, — проговорил Норт, обращаясь к змее.

Он перенес тайпана к железному столу, где уже ждал контейнер с прозрачными боковинами. Норт опустил туда хвост змеи, потом крюк, которым удерживал ее голову. Высвободив крюк, опустил крышку контейнера. Вспомнив, как я мучилась минувшей ночью, используя в качестве подручного средства футболку с «человеком-пауком», я не могла не восхититься той легкостью, с какой он обращался со змеей. Норт повернулся ко мне.

— Этого вы вчера сами поймали?

Я почувствовала, как вспыхнула, опустила глаза на контейнер со змеей, хотя там ничего интересного не происходило. Тайпан свернулся

кольцом, как будто устал от всей этой суеты.

— Мне помогли, — выдавила я. И добавила, отдавая должное Мэту: — Помощник оказался довольно квалифицированным. Без него я бы не справилась.

— Как именно вам удалось поймать тайпана? — поинтересовался Шон.

Я вкратце описала, как мы ловили тайпана, умолчав о своем страхе, о неудавшейся попытке, о том, что мы были на волосок от смерти.

— Похоже, в ее возрасте ты действовал бы так же, — заметил Роджер.

— Чем вы обеспокоены? — спросил Норт, не сводя с меня глаз.

Я почувствовала досаду оттого, что этот мужчина, которым я так восхищалась, заикнулся на моем физическом уродстве. Я почему-то ожидала, что такой человек не станет показывать, что заметил его.

— Я могу задать вам вопрос? — спросила я.

Он кивнул.

Я описала ему обстоятельства, при которых был пойман тайпан, рассказала о гадюке в кроватке Софии и о своем соседе Джоне Эллингтоне, который умер позавчера от укуса гадюки.

— Похоже, в Дорсете оживились змеи, — задумчиво проговорил Норт.

Я повернулась к своей сумке, которую оставила у двери, покопалась внутри и вытащила документы, оставленные мне Гарри Ричардсом, а также прозрачный полиэтиленовый пакет.

— Это же гадюка, верно? — спросила я, подняв пакет.

Норт взглянул на него и поморщился.

— Да, — подтвердил он. — Меня укусила одна такая малышка, когда мне было четырнадцать лет. На одном из представлений. Место укуса горело, будто опаленное огнем.

— Не сочиняй, ты даже в больницу не поехал, — перебил его Роджер.

— А кому бы я оставил еще трех, которые были тогда у меня? — отозвался Норт; он опять смотрел на меня.

Я протянула ему документы, он их взял.

— Это отчет гематолога, — начала пояснять я Норту, который отвернулся и склонился над столом, где было светлее. — Кровь для анализа была взята у Джона Эллингтона. Я уже ранее упоминала, что его укусила гадюка.

Норт даже головы не поднял.

— Именно эта гадюка, — добавила я, указывая на змею в пакете. — Замечу, — продолжила я, — что в образцах исследуемой крови явно содержится яд гадюки, это определили гематологи. Однако они не

отметили, что концентрация его слишком высока. Я вспомнила об исследовании, которое проводили несколько лет назад в Швеции. Это касалось укусов гадюк. Поискала в Интернете. Самая высокая зарегистрированная концентрация яда составляет 64 мг/л. Кровь брали у маленького ребенка, масса тела которого была намного меньше массы тела моего соседа.

— А здесь мы имеем 200 мг/л, — откликнулся Норт.

— Вот именно! — бросила я. — Не могу представить, как одна-единственная гадюка могла выпустить столько яда.

Мой вопрос повис в воздухе. Норт выпрямился, давая возможность Роджеру ознакомиться с отчетом. Роджер несколько секунд изучал бумаги, потом пробормотал, что нужно посмотреть в книгах, и вышел из смотрового кабинета.

Оставшись наедине с Шоном Нортом, я тут же испытала непреодолимое желание бежать. Кофе! Я могла бы предложить ему кофе.

— Здесь можно где-нибудь выпить кофе? — спросил он. — Мне необходимо взбодриться.

— Конечно, я принесу вам кофе.

У двери я замешкалась — забыла спросить, какой кофе он любит. Но Норт стоял прямо у меня за спиной. Он протянул руку, открыл дверь, пропустил меня вперед и последовал за мной в кухню для сотрудников. У меня очень чуткое обоняние. Обычно у людей, которые часто работают на улице, острый нюх, так что в замкнутом пространстве кухни я чувствовала запах этого мужчины. Но он пах совсем не так, как, по моему мнению, мог пахнуть человек, который, судя по одежде, не мылся несколько недель. Шон Норт пах мокрыми листьями тропических растений, древесной корой и теплой шкурой животных. Я сосредоточенно наливала воду в чайник, усердно искала молоко в холодильнике. Говорить необходимости не было.

— Роджер сказал мне, что вы больше, чем кто-либо, знаете об австралийских ящерицах. А сами работаете с ежами и кроликами, — завел он разговор.

Проще всего было бы кивнуть головой, не поднимая глаз. Я обычно так и поступаю. Но мне не понравились насмешливые нотки в его голосе.

— А также с барсуками, лисами, оленями, практически со всеми видами местных птиц, а в последнее время все больше и больше со змеями, — добавила я.

Если он и понял, что задел меня, то виду не подал.

— Все же странный выбор для специалиста по рептилиям. Почему бы вам не сотрудничать с одним из крупных зоопарков?

Что у некоторых людей в голове? Почему они считают, что могут вмешиваться в личную жизнь совершенно постороннего человека? Разумеется, мне уже не раз задавали подобный вопрос. Обычно я бормотала в ответ что-то о том, что в зоопарках нет вакансий. Шон Норт тут же раскрыл бы эту ложь. Возможно, именно поэтому я решила сказать правду. Я обернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я уже работала. В Честере. Я просто устала от того, что чувствовала себя экземпляром экспозиции.

Я взяла свой кофе и вышла из кухни, дверь сама захлопнулась у меня за спиной, и плевать мне было на то, что прямо перед его лицом.

«Отлично!» — сказала я себе, идя по коридору. Ко всему прочему я только что нахамила одному из самых влиятельных в моей профессии людей. Неужели непонятно, почему я решила работать с ежами и кроликами? У них нет наглых, действующих из лучших побуждений хозяев, на них не приходят поглазеть тысячи посетителей. Когда работаешь с дикими животными, меньше шансов сталкиваться с людьми. Видите, что бывает, когда я с ними все же встречаюсь.

Вернувшись в смотровой кабинет, Роджер разложил на столе книги и, совсем как я вчера, стал заглядывать то в бумаги, то в книгу. Я надеялась, что он сумеет сделать более разумный вывод. Через пару минут я поняла, что меня ждет разочарование.

— Я уверен, что это яд гадюки, — произнес он. — Нет ни одного признака, характерного для яда аспидов. Это первое, что я проверил. На тот случай, если это укусы тайпана. Но нет. Яд также отличается от яда ужовых. И уж точно это не яд морской змеи.

Роджер действовал так же, как и я: методом исключения отметал виды змей. Почти все ядовитые змеи на земле принадлежат к семейству ужеобразных, к которому относятся пять основных подсемейств: бородавчатые змеи — неядовитые змеи; настоящие ужи — большей частью неядовитые змеи, сюда же относятся несколько видов змей с задним рядом зубов; шпильковые змеи — небольшая, трудно поддающаяся классификации группа рептилий, о которых я мало что знаю. Еще два семейства объединяют самых опасных ядовитых змей. Это аспидовые змеи, к которым относятся мамбы, кобры, морские змеи и, конечно, тайпаны, и гадюковые — это собственно гадюки, ямкоголовые змеи и гремучие змеи.

— Посмотри, Шон, — окликнул он коллегу. Норт примостился на железном столе и большими глотками пил черный кофе, как будто тот не был обжигающе горячим. Он не пошевелился. — Я совершенно уверен, что это не яд ямкоголовой змеи. Он обладает свойствами, присущими яду

гремучек, но...

— Нельзя ли покороче, Роджер? — попросил Нот. — Гематолог попал в точку — это яд обыкновенной северной гадюки. Я таких повидал тысячи.

Северная, европейская, или обыкновенная гадюка — все это различные названия одного пресмыкающегося: *Vipera berus*. Но...

— Гадюка обыкновенная не может впрыснуть в жертву такое количество яда, какое показали анализы, — возразила я, на миг забыв, что злюсь на самого Норта.

— Не может, — согласился он. — Кстати, я рад, что вы опять со мной заговорили.

Роджер быстро перевел взгляд с Норта на меня, потом опять на Норта.

— Значит, мы имеем дело с...

— Либо с громадной гадюкой-мутантом, яда у которой хватит на десяток обычных гадюк, — в чем я очень сомневаюсь. Или кусали несколько змей, — подытожил Норт.

— Я уже думала над этим, — призналась я. — И задавала себе этот же вопрос. Укус был один.

— Известно, что гадюки кусают одним клыком. Вероятно, на остальные следы от укусов не обратили внимания. Или ошибочно приняли за кровоподтеки.

Я об этом не подумала, но он был прав. У гадюки клыки располагаются в передней части рта на верхнечелюстной подвижной кости. Клыки, пока они не используются, отведены назад и закрыты пленочной оболочкой. Левый и правый клыки могут выдвигаться независимо друг от друга. Я ощутила дрожь возбуждения: вот где кроется разгадка! Ну конечно же, это очень непривлекательная разгадка: в сад Джона Эллингтона проник десяток гадюк, и они одновременно напали на старика. Вот уж действительно шутка природы!

В эту секунду зазвонил мой мобильный. Я извинилась и вышла в коридор, чтобы ответить. Услышанное меня не обрадовало. Я две минуты поартачилась, говорила, что устала, что не знаю, чем могу помочь, что есть люди более компетентные, чем я. Но потом сдалась и согласилась приехать незамедлительно. Нажала на кнопку отбоя и вернулась в смотровой кабинет.

— Роджер, неотложное дело, я должна ехать, — сообщила я, когда оба коллеги повернулись ко мне. — Как быть с тайпаном? Я могу оставить его у тебя?

— Разумеется, — нахмурившись, ответил Роджер. — Не уверен, что удастся найти ему новое место жительства, но мы, конечно же, можем

какое-то время подержать его здесь.

— Я заберу его, — сказал Норт.

— Мы оба повернули к нему головы.

— Осенью я лечу в Папуа-Новую Гвинею, — продолжил он. — Если эта особь здорова и я улажу все формальности с властями, то отвезу ее на родину. В любом случае, пусть лучше побудет у меня.

— Что ж, ты, пожалуй, прав. Но ты уверен? — В голосе Роджера слышалась тревога. — Ты не воспримешь это как наказание?

— Не волнуйся, приятель, — ответил Норт и посмотрел на меня. — Что случилось?

Я не собиралась удостаивать его ответом. Это их не касалось. Это даже меня не касалось, но...

— Звонили из дорсетской больницы, — сообщила я. — Мужчине, которого вчера укусил... Я думала, что уж...

— Ну, и что произошло? — спросил Роджер, а Норт нахмурился.

— Ему стало хуже.

Моя машина неслась, намного превышая допустимую скорость, к тому же следовало учесть, что прошлой ночью я и глаз не сомкнула. Но впереди, как я ни вглядывалась, не мелькали габаритные огни «лендровера» Шона Норта. Он настоял на том, чтобы поехать со мной и лично осмотреть Ника Паулсона. Он сказал, что ему почти по пути, поскольку живет он в Лайм-Риджис. Несся он сломя голову, и я не рискнула с ним состязаться.

Подъезжая к больнице, я снизила скорость, размышляя над тем, каково теперь состояние Ника Паулсона. Формально у ужей есть клыки с ядом. Отсутствует лишь механизм впрыскивания яда в тело жертвы. Я и предположить не могла, что Ник мог почувствовать себя плохо от укуса ужа. Роджер и Шон Норт были со мной солидарны. Мы решили, что причина в другом.

Скорее всего, его укусил не уж.

Когда я въехала на автостоянку городской больницы Дорсета, «лендровер» Норта уже был припаркован у входа, на площадке, отведенной для водителей-инвалидов. Я припарковалась где положено, вышла из машины, надеясь на то, что Норт уже побывал в больнице — возможно, даже все выяснил и я смогу незаметно исчезнуть. Теща себя этой, скорее призрачной, надеждой, я заглянула в самое грязное автомобильное окно, какое мне когда-либо приходилось видеть, — Норт крепко спал. Я, глядя в противоположную сторону, постучала по стеклу. Через секунду услышала, как открылась дверца.

— Почему так долго? — спросил он, распрямляя свое скрюченное тело.

— Я торчу здесь уже целый час, — буркнула я. — Жду, пока вы выпитесь.

Я пошла вперед и, войдя в больницу, остановилась у регистратуры, чтобы узнать, в каком отделении находится Ник Паулсон. Потом вызвала лифт. Как только дверцы лифта сомкнулись, Норт оперся спиной о стенку и закрыл глаза. Неужели он опять собирается спать? Если заснет, пусть остается в лифте.

Дверцы лифта открылись, и Норт тут же открыл глаза. Мы прошли по коридору до ординаторской, где увидели Гарри Ричардса — доктора, того самого, который уже второй раз спрашивал у меня совета. Он выглядел таким усталым, как будто за последние несколько дней спал еще меньше,

чем я. Но он, похоже, был мне искренне рад и просто просиял, когда я представила ему Шона Норта. Ричардс сообщил, что вначале Ник Паулсон чувствовал себя удовлетворительно, но за ночь его состояние ухудшилось. Кровь взяли на анализ, но результаты будут не раньше, чем через час. После смерти Джона Эллингтона доктор Ричардс был не на шутку обеспокоен состоянием своего пациента.

Ник Паулсон лежал весь в липком поту, лицо его горело, а глаза неестественно ярко блестели. Дышал он прерывисто и чувствовал себя явно очень плохо.

— Как дела, приятель? — обратился к нему Норт.

Ник пристально смотрел на него, пока доктор Ричардс представлял нас. Потом Ник перевел взгляд на меня.

— Я слышал, вы обнаружили в моем доме ядовитую змею. Вчера ночью, — произнес Ник. — Откуда-то из Австралии?

— Из Папуа-Новой Гвинеи, — пробормотала я.

— Я уверен, меня укусил не уж. Змея была черной, где-то метр двадцать длиной...

Люди почему-то считают, что ужи зеленые. Обычно это так и есть, но ужи бывают разных оттенков коричневого и серого цветов, до почти черного. Черная змея длиной метр двадцать могла быть и ужом. С другой стороны...

— Какие у него симптомы? — поинтересовался Норт.

Доктору Ричардсу не пришлось даже сверяться с записями. Он знал их наизубок.

— Головная боль, тошнота, рвота, диарея, желудочные колики и жар. Первые четыре-пять часов он казался абсолютно здоровым, но утром его состояние ухудшилось.

— Можно взглянуть на место укуса? — спросил Норт.

Доктор Ричардс взял руку Ника, оторвал пластырь, фиксировавший повязку. Отвернул бинт. Место укуса опухло и воспалилось, стало ярко-красным, и мне даже показалось, что я вижу нагноение. Выглядело место укуса плохо. Я подняла глаза и встретилась взглядом с доктором Ричардсом. Он тоже выглядел неважно.

— Рана кровоточила? — спросил Норт.

— Ник взглянул на Ричардса.

— Нет, — ответил врач.

— Позвольте осмотреть ваши десны, — попросил Ника Шон Норт.

— Что-что?

— Ваши десны, приятель. Откройте рот.

Пациент и доктор в очередной раз обменялись взглядами, после чего Ник открыл рот. Норт нагнулся к нему, глухо пробормотал: «Прошу прощения», — и приподнял верхнюю губу Ника, чтобы обнажить десну. Осмотрел верхнюю десну, ту же процедуру проделал и с нижней.

— Дышать трудно?

Ник кивнул.

— У вас уже были мочеиспускания с тех пор, как вы поступили в больницу? — задал Норт следующий вопрос.

Ник снова кивнул, явно обеспокоенный тем, что мы натравили на него безумца.

— Какого цвета была моча?

— Побойтесь Бога!

— Это очень важно. Нормального? Желтоватого, цвета соломы — какого? Или красновато-коричневая?

— Нормального, — буркнул Ник, мельком взглянув на меня, а потом на доктора.

Как будто ждал от нас объяснений.

— Можете пошевелить руками и ногами? Если нужно будет, сможете идти?

В ответ Ник Паулсон отбросил одеяло, свесил ноги с кровати и поднялся. Не очень уверенно, но он прошелся по палате, потом повернулся к нам.

— Поздравляю, дружище, вас укусил не тайпан, — ответил довольный собой Норт.

— Почему вы так уверены? — спросил доктор Ричардс.

— Черт возьми, откуда вы знаете? — одновременно с ним потребовал ответа и Ник.

— Яд тайпана чрезвычайно опасен, потому что содержит как нейротоксины, так и антикоагулянты, — объяснил Норт, скрестив руки на груди, опершись о стену. — Нейротоксины парализуют нервно-мышечные соединения, и мышцы перестают функционировать. У большинства жертв, не получивших противоядия, через четыре-шесть часов наступает паралич дыхания. Антикоагулянты препятствуют свертываемости крови: место укуса и десны постоянно кровоточат. Основная опасность — внутренние кровоизлияния, особенно в мозг. Человек страдает от судорог, иногда впадает в кому. Да, и еще яд разрушает мышечную ткань, в результате моча становится красновато-коричневой.

Норт перевел дух, и нам представился шанс задать вопросы. Но все

молчали, и тогда Норт продолжил:

— Дружище, все мои скучные байки сводятся вот к чему нет никаких сомнений в том, что вас укусил не тайпан, просто потому, что вы до сих пор живы.

Ник Паулсон побледнел. Он подошел к кровати и тяжело опустился на нее. Повисло тягостное молчание. Потом Норт повернулся ко мне.

— И раз уж я коснулся этого вопроса, дорогая, в следующий раз, когда наткнетесь на одного из этих ребят, не трогайте его руками.

Я ничего не ответила. Огрызаться совершенно не хотелось. Я посмотрела на Ника Паулсона и поняла, как близка была к тому, чтобы самой оказаться на больничной койке. Или на каталке в морге.

— Тогда, черт побери, что со мной? — спросил Ник.

Норт подошел к кровати. Нагнулся и еще раз осмотрел рану Ника.

— Думаю, в ваш организм попала инфекция, — ответил он. — Большинство ужей являются переносчиками сальмонеллеза. Вам проколят антибиотики — и снова будете как огурчик.

Я и не заметила, что замерла на месте и затаила дыхание.

— Что ж, надеюсь, вы правы, — обрадованно произнес доктор Ричардс. — Вот-вот принесут анализ крови. С инфекциями мы справимся.

Мы оставили Ника Паулсона в палате — совсем не такого довольного, каким хотелось бы видеть человека, узнавшего, что он не умрет, — и по приглашению доктора Ричардса поднялись к нему в кабинет. Попивая кофе, который мы с Нортом глотали так, будто умирали от жажды, я объяснила, к каким выводам мы пришли в «Эоле»: Джон Эллингтон явно умер от яда обычной гадюки, однако концентрация яда была слишком высокой для укуса одной-единственной змеи. Доктор Ричардс нашел несколько снимков ранки Джона Эллингтона. Их сделали сразу после его поступления в больницу, потом два дня спустя и после кончины. Шон озвучил свое предположение о других, менее заметных следах укусов.

— Не обязательно должны были остаться два четких отпечатка клыков, возможно, было несколько небольших отметин от зубов и лишь один след прокола побольше, а кожа кое-где припухла, может быть, посинела.

Ричардс покачал головой.

— Ничего похожего я не заметил. Но, признаться честно, я не рассматривал вариант множественных укусов. Слишком был занят тем, что видел явно.

Норт пристально рассматривал один из снимков.

— Клара, взгляни на это, — обратился он ко мне. Вместо того чтобы

передать мне снимок, он поманил меня пальцем, и мне пришлось перегнуться через спинку его стула.

— Ничто не настораживает? — поинтересовался он.

Я протянула руку и взяла снимок. Он выпустил фото из рук, и я подошла к окну. В кабинете было достаточно светло, но я чувствовала себя неуютно, находясь так близко к Норту. В Шоне Норте было что-то от рептилии. Слишком пристальный взгляд, как будто он оценивал собеседника, прежде чем... чем что? Броситься на него? Укусить? Чего я ожидала от Шона Норты, изучая снимок? Я чувствовала, что он не сводит с меня глаз, но заставила себя сосредоточиться.

Это был снимок шеи мужчины, сделанный с расстояния всего в несколько сантиметров. Должно быть, снимок сделали сразу после поступления Эллингтона в больницу, потому что ранка на месте укуса лишь чуть припухла. Я могла разглядеть даже поры его кожи, щетину на подбородке и жесткие седые волоски на шее. Над ключицей четко виднелись два прокола. Красные, слегка кровоточащие.

— Что скажешь? — поинтересовался Норт, и я не могла избавиться от чувства, что он меня проверяет.

Я испытала сильное искушение ответить: «Нет, ничего не настораживает», — и отдать ему снимок, но...

— Вы измеряли расстояние между двумя проколами? — спросила я у Гарри Ричардса, намеренно не обращая внимания на Норту.

Ричардс несколько секунд рылся в записях, потом поднял голову.

— Восемнадцать миллиметров, — ответил он. — А зачем...

Я не удержалась и посмотрела на Норту. Он удивленно поднял брови, как будто был моим учителем зоологии. И почему, скажите на милость, мне так хотелось произвести на него впечатление?

— Похоже, не слишком большой экземпляр, — рискнула предположить я, поскольку, должна признаться, не была сильна в анатомии гадюк. Просто расстояние между клыками было не настолько большим, чтобы можно было говорить об огромной змее.

— Теория о змее-мутанте не нашла подтверждения, — согласился Норт.

— Я не совсем понимаю... — начал было доктор Ричардс.

Норт повернулся к нему.

— Я полагаю, вскрытие будут делать?

Ричардс кивнул.

— Почти наверняка.

— Попросите патологоанатома тщательно осмотреть ранку и сравнить

ее с описанием укусов гадюк, — продолжал Норт. — А еще надо осмотреть тело на предмет других укусов. Кровь нужно...

— А может, сами осмотрите? — спросил Ричардс.

— Я? — изумился Норт. Он отрицательно помотал головой. — Ни черта в этом не смыслу, приятель.

На мгновение я почувствовала удовлетворение оттого, что этому мачо претила даже сама мысль осмотреть труп. Потом сообразила: раз отказался Норт, следующей буду я.

— Мне не с руки просить, — признался Ричардс. — По правде сказать, коллеги не разделяют моих опасений. Самого факта, что эта змея оказалась гадюкой и, соответственно, яд оказался ядом гадюки, для них достаточно. Однако Джон Эллингтон был моим пациентом, и я обязан предоставить коронеру как можно более полную информацию. Пока я не удовлетворен.

Он помолчал, ожидая нашей реакции на свои слова.

— И вы оба, похоже, тоже неудовлетворены, — подытожил он, не дождавшись ответа.

— Меня озадачивает то, что пациент получил сотрясение мозга, — продолжил он. — И настораживает тот факт, что мистер Эллингтон смог убить змею, а попросить помощи был не в состоянии. А к этому еще надо прибавить нападение на семейство вчера ночью и змею в кровати малышки. Насколько я понимаю, если бы не вы, мисс Беннинг, ее тоже укусила бы змея.

— Я пойду, — решила я. Потом повернулась к Норту. — Хотя, положив руку на сердце, я плохо разбираюсь в змеиных укусах. Опыта маловато.

Норт смерил меня сердитым взглядом, потом я заметила, что его губы вот-вот растянутся в улыбке.

— Ладно, уговорили, — сказал он, качая головой. — Господи, я начинаю жалеть, что не остался в джунглях!

Я раньше никогда не имела дела с трупами, поэтому единственное, о чем могла думать, пока спускалась в лифте в больничный морг: моя мама умерла в то же утро, что и Джон Эллингтон. Мама сейчас тоже лежит где-то в морозильнике. Вероятно, мамино тело в таком же состоянии, что и тело, которое мне придется осмотреть. В голову лезли глупейшие мысли: чехол на трупе будет расстегнут, и мама уставится на меня мертвыми глазами.

Пока лифт шел вниз, я репетировала извинения, которые избавят меня от этого испытания: «Прошу прощения, но на этой неделе умерла моя мама. Я просто не готова видеть труп». Меня, разумеется, поймут, но тут же пристанут с расспросами: когда? как? почему? Появится еще один повод меня пожалеть.

Но я ничего не сказала. Не успела я и глазом моргнуть, как мы уже стояли у дверей морга. Мы вошли, Ричардс провел нас через небольшой зал, где, очевидно, располагаются вызванные сюда родственники умершего, в следующее помещение. Большую часть стены занимало огромное окно. Через него мы могли видеть ярко освещенную прозекторскую. Я стояла и думала: «А что, если я упаду в обморок? А если меня вырвет? Он решит, что я последняя дура».

— Дать куртку? — приблизив губы к моему уху, шепотом спросил Норт.

Я отрицательно покачала головой и отодвинулась от него, чтобы он не заметил, что я снова дрожу. А в помещении было не так уж и холодно.

Гарри Ричардс извинился и оставил нас, а через секунду мы увидели, что он вошел в прозекторскую и обратился к одному из санитаров. Тот взглянул на нас с Нортом, подошел к телефону, перебросился с кем-то парой фраз и кивнул доктору Ричардсу. Когда Ричардс вышел из прозекторской, Норт повернулся ко мне.

— Клара, это не очень-то приятное зрелище, — сказал он. — Ты не обязана это делать. Может, подождешь нас здесь?

Довольно разумное предложение. Я не врач, не герпетолог, поэтому, будь я здравомыслящей женщиной, сразу бы согласилась.

— Вы и сами немного позеленели, мистер Норт, — заметила я. — Может быть, это вам стоит подождать снаружи?

Норт пожал плечами и отвернулся к окну. В этот момент двое

лаборантов через двустворчатые двери вкатывали в прозекторскую каталку. Они остановились всего в полуметре от окна, расстегнули молнию на черном мешке и вытащили из него труп. И хотя я настраивала себя как могла, с моих губ сорвался вскрик.

Последние пять дней жизни Джона Эллингтона были не из легких. Надеюсь, ему давали сильные обезболивающие и он не осознавал, что происходило с его телом.

Потому что тело его начало умирать задолго до того, как перестало биться сердце.

Из специальной литературы я узнала, что науке известно двадцать токсичных ферментов, содержащихся в змеином яде. И у каждого из них свои, особые функции. Одни должны парализовать жертву, другие предназначены для того, чтобы разлагать ткани тела жертвы, помогая змее их переваривать. В яде каждого вида змей обычно содержится от шести до двенадцати таких токсинов — свой уникальный коктейль смерти. Гадюка принадлежит к семейству гадюковых, ее яд гемотоксичен — он разрушает формулу крови, некротизирован — вызывает отмирание тканей и антикоагулянтен — препятствует свертыванию крови.

И у всех этих токсинов было время поработать над организмом Джона Эллингтона. Место вокруг укуса, чуть выше ключицы, лишь припухло, но обе руки и левая нога раздулись неимоверно. Одно из наиболее частых осложнений при укусе змеи — острый синдром межфасциального пространства, сопровождающийся вздутием конечностей. Фасциотомии — хирургической процедуре рассечения соединительных тканей для снятия напряжения мышц — подверглась правая рука Эллингтона. От плеча к локтю по обе стороны конечности шли два глубоких надреза. Джон скончался до того, как стало отекать все тело. Раны оставались открытыми, мышцы выпирали из разрезов на усыпанной крапинками коже.

Я подошла ближе к окну, с любопытством разглядывая тело человека, который несколько лет был моим соседом. Ему было под семьдесят, темные волосы с сединой прикрывали виски и были редкими на макушке. Высокий, выше среднего роста, и в молодости он, пожалуй, был крепким мужчиной.

Этот человек был мне совершенно незнаком, ничто в нем никого мне не напоминало. Спустя сутки после смерти кожа на его лице приобрела лимонный оттенок, что придавало ему сходство с восковой фигурой. Рот был широко раскрыт, как будто он и сейчас пытался вдохнуть воздух. Роговицы открытых глаз были тусклыми, помутневшими.

На мое плечо опустилась рука Шона Норты. Я обернулась и увидела,

что он смотрит на большой экран монитора в углу комнаты. Гарри Ричардс, держа в руке маленькую переносную видеокамеру, ходил вокруг стола, а изображение с камеры передавалось на монитор, установленный в помещении, где мы находились. Современные технологии позволили нам с Норттом, не приближаясь к телу Эллингтона, осмотреть его на предмет наличия других укусов.

Омертвление тканей, к счастью Эллингтона, когда он был еще жив, и к нашему счастью, поскольку нам пришлось осматривать его тело, наблюдалось лишь на правой руке. В остальных местах плоть, несмотря на сильную отечность, оказалась неповрежденной. Имелось несколько синяков, но никаких признаков рваных ран. Незначительные ранки могли, конечно, зажить за несколько дней пребывания пациента в больнице. Но крошечные укусы не привели бы к такой интоксикации. Чтобы произошло то, что случилось, клык змеи должен был глубоко проникнуть в ткань. Если бы у Джона Эллингтона были другие серьезные укусы, их следы остались бы на теле до сих пор.

А других укусов не было. Через несколько минут тело перевернули на живот, и доктор Ричардс снова стал медленно обходить с камерой каталку. Через двадцать минут мы уже не сомневались, что Джона Эллингтона другие змеи не кусали.

— Похоже, мы ни на йоту не продвинулись к разгадке этого случая, — сказал Гарри Ричардс, даже не пытаясь скрыть разочарование.

— Не знаю, — ответил Норт. — Пожалуйста, покажите еще раз рану на шее. Клара, подойди сюда.

Интересно, как это получилось, что я позволила Нарту мной командовать? Но я, тем не менее, подошла к монитору. Камера в руке Гарри Ричардса была направлена на место укуса на шее Джона Эллингтона. Норт отступил, пропуская меня к экрану.

— Скажи, что ты видишь, — потребовал он.

Я всмотрелась в изображение. Два прокола, каждый приблизительно четыре миллиметра в диаметре, на расстоянии не больше двадцати миллиметров друг от друга, как раз над ключицей.

— Прощу прощения, — произнесла я, — но...

— Камера может увеличить изображение? — спросил Норт. Через секунду изображение увеличилось в два раза.

— Подумай, как кусает гадюка, — подсказал Норт. — Расскажи, что знаешь.

Я задумалась. У некоторых змей, например кобр, относительно короткие клыки, которые зафиксированы на челюсти. У гадюковых клыки

намного длиннее. Змея выпускает их при нападении — они выдвигаются вперед, принимая вертикальное положение, а в состоянии покоя они занимают горизонтальное положение, концами назад.

— У гадюк клыки длинные, — сказала я. — Уколы должны быть довольно глубокими.

— Перед нами именно такие. Продолжай...

— Гадюки, укусив жертву, тут же ее отпускают. Они кусают один раз, используя нижнюю челюсть, чтобы глубже вонзить клыки в тело жертвы.

— Сколько зубов у гадюки на нижней челюсти?

— Обычно два ряда.

— Если нижняя челюсть обязательно участвует в механизме укуса, разве не должны быть видны отметины от нижних зубов?

Я подняла на него глаза, забыв о своем раздражении, потом вновь посмотрела на рану.

— Да, — согласилась я. — Должны.

Гарри Ричардс ровно держал камеру, но бросал в нашу сторону тревожные взгляды. Даже два санитары морга теперь заинтересовались происходящим.

— Тут ничего нет, — сказал Ричардс. — Никаких следов зубов ниже раны.

Норт пропустил его замечание мимо ушей.

— А что насчет верхних зубов? — спросил он у меня.

— У гадюковых верхних зубов меньше, чем у большинства змей, — ответила я, пытаясь припомнить прочитанное мною, когда работала со змеями. — У них есть мешочки, в которые складываются клыки.

— Диастема, — подсказал Норт.

— Но верхние зубы все же есть. Кажется, два ряда.

— Видны какие-нибудь отметины?

Я отрицательно покачала головой.

В этот момент я обнаружила, что стою на цыпочках, чтобы получше разглядеть изображение на мониторе. Норт обеими руками поддерживал меня.

— Взгляни на эти проколы, — сказал он. — Представь, как клыки входят в тело жертвы...

Я смотрела. Что именно я должна была увидеть?.

— Представь, как они выходят из тела жертвы...

Ну конечно же!

— Кожа должна быть разорвана. Она надрывается, когда змея вытаскивает клыки. Края раны были бы надорваны, а сама рана имела бы

неправильную форму — по ней можно было бы определить, под каким углом нападала змея.

— Видно что-нибудь?

Я посмотрела на Норта, на монитор, опять на Норта. Он улыбался, я невольно улыбнулась в ответ.

— Нет, — ответила я. — Края раны не надорваны.

— Ладно, ребята, я и так был слишком терпелив, — перебил нас Ричардс. — Кто-нибудь объяснит мне, что происходит?

Норт сделал шаг назад, но руки с моих плеч не убрал. Странно, что я не возражала.

— Ваш пациент скончался от отравления ядом гадюки, — заявил он.

— Ну конечно! — нетерпеливо выпалил Ричардс. — Нам это известно...

— А вот это и есть самое интересное. Если учесть, что гадюка его не кусала.

— Вы намекаете на то, что кто-то ввел Джону Эллингтону яд гадюки с помощью шприца? — спросил Ричардс, когда мы вышли из морга. В его голосе слышалось недоверие. По правде сказать, меня это не удивило. — Подобное невозможно даже представить, — продолжил он.

— Проще простого, если жертва находилась без сознания, — ответил Норт. — Насколько мне известно, Джона Эллингтона ударили по голове?

— Он упал, — ответил Ричардс.

— Вы уверены? — уточнил Норт.

Молчание.

— Любой, кто когда-либо держал в руках змею, может добыть ее яд, — заявил Норт. — Возьмите яд у нескольких гадюк — приблизительно шестерых — и получите его столько, сколько обнаружили в крови Джона Эллингтона.

— И яд можно ввести? — все больше изумлялся Ричардс. — С помощью... шприца? Такое возможно?

Норт пожал плечами.

— Никогда сам подобным не занимался, но не вижу в этом ничего невозможного, — ответил он. — В случае с нашим другом я бы предположил, что ему ввели яд глубоко в ткани. Вокруг самого места прокола рана не слишком опухла — это первое, что вызвало у меня подозрения, а потом я догадался: тот человек, кто бы он ни был, воспользовался острым тонким инструментом вроде маленькой отвертки и проделал две дырочки, чтобы скрыть след от иглы.

Потрясенный Ричардс смотрел на Норта.

— Вы сказали — его ударили по голове? — переспросил он.

Норт нахмурился.

— Скажем, черепно-мозговая травма. Неизвестного происхождения.

— А в чем дело? — поинтересовалась я.

Ричардс перевел взгляд с Норта на меня.

— Прошлой ночью к нам поступил тесть Ника Паулсона, — ответил он. — Вместе с остальными членами семьи. Но мать и детей выписали сегодня утром.

Мы с Нортом ждали продолжения.

— У старика легкое сотрясение, — снова заговорил Ричардс. — Он обо что-то ударился головой.

— На его подушке была кровь, — добавила я. — А полиция обнаружила в его спальнедохлую гадюку.

Мы стояли посреди коридора, санитары и посетители вынуждены были нас обходить. Никто не знал, что сказать. Неужели Эрнесту Эмблину уготована та же участь, что и Джону Эллингтону? В конце концов я нарушила молчание.

— Думаю, следует уведомить полицию, — сказала я Ричардсу.

Тот закивал.

— Секундочку, — вмешался Норт. — Мы же не хотим, чтобы половина жителей юга Англии впала в истерику из-за змей? Может, побеседуем со стариком, прежде чем поднимать панику? Его не кусала гадюка, верно?

— Нет, но...

— Что скажете? Он в состоянии принимать посетителей?

Эрнест Эмблин был не только в состоянии, но выразил горячее желание с нами встретиться. Нам с Нортом пришлось подождать Гарри Ричардса какое-то время возле ординаторской, потом мы пошли за ним в палату. Пока мы шли через маленькое помещение к койке у окна, старик приподнялся на кровати, и я вспомнила, что уже видела его минувшим вечером в доме Клайва Вентри. Он был одним из пятерых стариков, восседавших во главе стола.

— Та змея, которую вы нашли, — начал он, когда мы были еще у двери, — ядовитая. Удалось ее опознать?

Смотрел он исключительно на меня, обращался только ко мне.

Я бросила взгляд на Норта, в то время как доктор Ричардс шагнул вперед, чтобы поднять изголовье кровати доктора Эмблина. Норт кивком разрешил мне продолжить. Ричардс тщетно уговаривал Эмблина лечь.

— Мы полагаем, что это тайпан, — ответила я, глядя на доктора Эмблина. — Они водятся в Южном полушарии, в Австралии и Папуа-Новой Гвинее. Но мы абсолютно уверены, что вашего зятя укусил не тайпан.

— Да, да, — пробормотал Эмблин. — А вы действительно уверены, что они водятся только там? Больше нигде?

— Где, например? — удивился Норт.

— О, прошу прощения, — вмешался Ричардс, — доктор Эмблин, это...

— Например, в Африке, — сказал Эмблин. — Или... — Он переводил взгляд с меня на Норта, совершенно не обращая внимания на доктора. — Или в Северной Америке. Такое возможно? Могла ли змея попасть сюда из

Северной Америки?

Не зная, что ответить, я посмотрела на Норта.

— Это невозможно, — ответил он, не сводя глаз с Эмблина. — Тайпаны ни разу не были обнаружены за пределами Австралии и прилегающих к ней островов. Единственным элапидом, обитающим в Северной Америке, является королевский аспид. Он совершенно не похож на тайпана, поскольку полосатый и имеет яркий окрас.

Казалось, Эмблин даже съежился на кровати.

— Спасибо, — пробормотал он, опустив глаза на сложенную простыню, прикрывающую нижнюю часть его тела.

Лишь теперь я его внимательно рассмотрела. Хорошо сохранившийся мужчина лет семидесяти пяти, грива густых седых волос, за толстыми стеклами очков — карие глаза. На левом виске — большой квадратный пластырь.

— Доктор Эмблин, прошлой ночью мы обнаружили в вашей спальне гадюку, — сказала я. — Это вы ее убили?

На секунду он поднял на меня глаза и тут же их опустил. Он покачал головой, потом скривился.

— Нет, — признался он. Его рука потянулась к ране на виске. — Гадюку я не видел.

Вновь взгляд на меня.

— Вы же знаете, что меня змеи не кусали.

— Знаем, — ответил Норт.

Явно успокоившись, Эмблин откинулся на подушку.

— Кажется, препарат, который вы мне ввели, доктор Ричардс, творит чудеса, — произнес он, не поднимая глаз. — Может быть, вколете мне что-нибудь по сильнее? Мне на самом деле нужно немного поспать.

— Подумаю, чем смогу вам помочь, — сказал Ричардс, обходя кровать, чтобы стать лицом к пациенту. — Не могли бы вы рассказать, как ударились головой?

Эмблин на секунду прикрыл глаза, а открыв их, устремил взгляд в никуда.

— Боюсь, не могу, — наконец заговорил он. — Все происходило в полусне. Мне снились плохие сны. Кто-то из длинного... Потом я услышал, как закричал Ник, как он стал будить детей. Больше, пока мы не оказались на улице, я толком ничего и не помню. Должно быть, я упал с лестницы.

Доктор Ричардс заявил, что его пациенту необходим покой. Мы с Нортом были с ним согласны и двинулись к выходу. Доктор проводил нас до двери, но не стал делиться своими мыслями. Просто поблагодарил нас и

поспешил уйти.

— На подушке доктора Эмблина была обнаружена кровь, — напомнила я, когда мы стояли в ожидании лифта. — Откуда ей там взяться, если он упал на лестнице?

— Порезался, когда брился? — предположил Норт. — Или же он помнит больше, чем говорит. Кажется, лифт не работает.

Мы стали искать лестницу.

— Если гадюку убил не он, тогда кто? — задала я вопрос, когда мы уже спускались.

Норт не ответил. Мы достигли подножия лестницы и направились к выходу из здания. У отделения неотложной помощи я остановилась, и Норту тоже пришлось остановиться.

— Не вижу смысла, — заявила я. — Зачем кому-то добывать змеиный яд и впрыскивать его людям, когда в его распоряжении имелся тайпан? При укусе тайпана летальный исход практически гарантирован.

Здесь было многолюдно. На нас стали обращать внимание, а на меня — так просто таращиться.

— Но намного сложнее списать это как смерть от естественных причин. Проще, если старика укусит гадюка, — ответил Норт. — Откуда этому человеку знать, что Ричардс заподозрит неладное, свяжется с тобой, а сегодня утром вы встретите меня? Я бы сказал, кому-то крупно не повезло. Привет! Как дела?

К моему ужасу, вокруг нас стала собираться толпа. Теперь всех интересовал только Шон Норт. Я и забыла, что его постоянно показывают по национальному телевидению. А такого человека сразу не забудешь.

Норт медленно, останавливаясь, чтобы пожать руку или дать автограф, пробирался к выходу из больницы. Я за ним. У дверей его фаны наконец оставили нас в покое.

— Зачем кому-то убивать двух пожилых людей? — спросила я скорее у себя самой, чем у Норты, когда мы пересекали парковку.

Он усмехнулся.

— Вот это уже компетенция полиции, — ответил он. — Я специалист по рептилиям, а не детектив. Приятно было познакомиться, Клара. Но мне пора.

Когда я приехала, раздавался нерезвон церковных колоколов — четверть двенадцатого. В воскресенье было непросто найти место на парковке, но наконец мне удалось пристроить свою машину, и я вернулась пешком по главной улице к храму — многие считают его одной из красивейших норманнских церквей в стране. Когда я входила в ворота, шла по тропинке к церкви, передо мной вздымалась ее огромная прямоугольная башня, закрывая утреннее солнце. Клетку с совятами я засунула под скамью на южной паперти. Я целый день не была дома, и у меня не оставалось другого выхода — только взять совят с собой.

Голос архидьякона я слышала даже через толстые тисовые двери. По опыту я знала, с каким скрипом открываются старые двери, как повернутся на этот звук головы всех прихожан, но за многие годы я освоила один трюк. Я легонько толкнула двери, пока не почувствовала сопротивление, и плавно, насколько это было возможно, подняла щеколду. Потом потянула двери на себя на пару сантиметров и опустила щеколду. Осторожно толкая двери, я приоткрыла их. Они даже не скрипнули. Только Джордж, пожилой церковный староста, заметил, как я вошла и проскользнула на пустую скамью справа, в заднем ряду. И, разумеется, это видел архидьякон, который редко что упускает, даже во время службы.

Служба подходила к концу. Ко мне подбежал Джордж с молитвенниками и книгами псалмов. Я улыбнулась ему. Он пожал мне руку, в его глазах стояли слезы. Я быстро отвернулась. Священник затянул заключительный псалом, и все прихожане через пару секунд повставали со своих мест, подхватив пение церковного хора.

За последние несколько десятков лет количество прихожан в англиканских церквях резко снизилось. В моем родном городе все было по-другому. Обычно на воскресные службы приходит множество народу. Сегодняшний день не был исключением. Наверху двадцать певчих подхватили псалом, и прихожане в меру своих талантов, но искренне и вдохновенно стали им подпевать. Все, кроме меня. Обычно я люблю церковные песнопения, мне нравится, как мой голос сливается с теплой волной звуков. Однако сегодня утром я не была настроена петь.

Служба закончилась, священник пожелал нам мира и благодати Божьей; прихожане ответили согласно освященному веками обычаю и стали расходиться. Как обычно, расходились долго. Каждый хотел пожать

руку священнику, хотел удостоиться его внимания, в особенности же внимания архидьякона. Многие годы я наблюдала затем, как умело он общался с паствой: для каждого находил несколько слов и спокойно, мягко благословлял. Никто никогда не ушел от него без благословения.

Я сидела, наполовину скрытая огромной каменной колонной, потупив глаза. Наконец последние страждущие покинули собор, и я встала. На паперти мне пришлось подождать, пока оба клирика скажут напутствия последним прихожанам. Священник увидел меня, похлопал по плечу и поспешил прочь. Я протянула руку архидьякону. Он чуть замешкался, прежде чем пожать ее, поэтому у меня было время разглядеть, что он после нашей последней встречи похудел, волосы у него были взъерошенные и явно поредели. На лбу добавилось морщин, глаза потускнели. Но при рукопожатии его рука оказалась такой же сильной и теплой, как всегда. Я видела, что нужна ему, что он рад моему возвращению домой.

— Здравствуй, папа, — вот и все, что я смогла сказать.

Мы шли рука об руку по главной улице к зданию, которое я большую часть жизни считала своим домом. Мы, все семейство Беннинг, переехали сюда около тридцати лет назад. Тогда отец был восходящей церковной знаменитостью — сорокатрехлетний священник, один из самых молодых архидьяконов. Его жена Марион была лет на двадцать моложе мужа, и жизнь супруги сельского священника ей к тому времени уже давно опостылела. Старшая дочь Ванесса, пяти лет от роду, была не по годам развитой девчушкой, а я — всего лишь девятимесячной малышкой. Родители рассчитывали пробыть здесь лет десять, не дольше, а потом папу назначат епископом и мы снова переедем — восхождение продолжится. Но этого не случилось. Незаметно прошло целых десять лет. Мама тщетно боролась с алкоголизмом и тяжелой депрессией, и положение супруги епископа ее больше не привлекало.

— Здесь Ванесса со всем семейством, — сказал отец, когда мы повернули к воротам. — Похоже, нас ожидает обед.

Попытка подготовить меня, но в этом не было необходимости. Я видела в церкви Ванессу, ее мужа Адриана и их двух дочерей. Когда они уходили, я поглубже спряталась в свое укрытие.

— И как же булавка для галстука^[7] попала в детскую спальню? — изумилась десятилетняя Джессика, не расслышав название змеи.

— Хороший вопрос, — ответила я, гоня тушеные зеленые бобы по своей тарелке. Я не могла есть то, что готовила Ванесса. И дело было не в том, как она готовила, а просто... понимаете... что-то сжималось у меня

внутри, когда я находилась рядом со своей сестрой. — Единственно возможное объяснение: змея сбежала от человека, который незаконно провез ее в нашу страну.

— Или ее выпустил сам хозяин, который понял, что не справится со змеей, — предположил мой зять Адриан.

— И такое возможно, — согласилась я. — Я знаю случаи. Сотрудники «Эола» не раз и не два вызывали нас, чтобы мы отловили на автостоянке, на пустырях и даже в домашних садах экзотических змей. Змееныши, казавшиеся такими милыми, имели привычку превращаться в больших и сильных особей.

— А как же все эти ужи? — не унималась Джессика.

Я оставила попытки запихнуть хоть что-нибудь себе в рот и отложила нож с вилкой. Краем глаза я заметила недовольный взгляд Ванессы. И услышала, как отец тихо, приглушенно вздохнул. Я уже начинала жалеть, что вообще упомянула об этих змеях, но разговор за обеденным столом не клеился даже больше, чем обычно.

— Считается, что ужи живут группами, — ответила я, не желая озвучивать другие, более зловещие теории. — Я никогда такого не видела, но знаю людей, которые были этому свидетелями. Десятки ужей ползли вместе. Вероятно, тайпан встретил стаю и решил присоединиться к компании, так как это очень молодая особь. Или же он смотрел на них как на возможный обед.

— А что случилось бы с малышкой, если бы ее укусила эта змея? — спросила восьмилетняя Абигейл.

— Абигейл, за столом не говорят о... — остановила ее Ванесса, и я впервые обрадовалась поддержке сестры.

— Кажется, у вас в поселке появился шутник, — заметил Адриан. — У вас же были случаи хулиганства, верно? Может быть, это кто-то забавляется?

— Умер человек, — резче, чем хотелось бы, заявила я. — Какие тут шутки!

— Точно, — сказала Ванесса.

Адриан потянулся, чтобы наполнить бокалы — свой и отца. Мы с Ванессой никогда не пили.

— Я считаю, нам необходимо обсудить то, что произойдет в пятницу. Эндрю дал согласие, отец?

Эндрю Тремейн — епископ Винчестерский, начальник отца и давний друг нашей семьи. Его и попросили отпеть маму. Отец ответил, что Эндрю согласился провести службу, и Ванесса начала посвящать нас в свои планы

относительно похорон. Я видела, как отец кивает в знак одобрения на ее предложения о выборе цветов, псалмов и молитв. Я решила отключиться. Для меня не было никакой разницы, будут на могиле у мамы розы, лилии или ромашки с лютиками. Мама умерла. И с ней, похоже, умер мой последний шанс примириться с тем, чему она позволила случиться. Я столько лет ждала подходящего момента открыто заявить матери, что она разрушила всю мою жизнь. Теперь мне никогда не услышать ее извинений. Да и ей не узнать, что она была для меня центром мироздания.

— Глобальное потепление, — произнес мой зять, который тоже не обращал внимания на разглагольствования Ванессы. — За многое придется ответить. Что мы пережили? Самый теплый за все время научных наблюдений апрель, а за ним такой же теплый май. А насколько увеличилось население! Так везде и кишат.

— Ты о чем? — спросила я.

— О змеях, — ответил он, глядя на меня и сильно щурясь. — Мне кажется, мы все похожи на змей.

— Тетушка Кларочка!

— Да, Тростинка?

Обед я как-то пережила. Мы с моей младшей племянницей сидели в тени яблонь, в глубине отцовского сада, обнесенного стеной, и кормили совят. С каждым дуновением ветерка нас осыпало, подобно ароматному снегопаду, конфетти из яблоневого цвета. Сквозь широкие кованые ворота мы видели, как на реке плавают лебеди.

— У меня обхват талии сорок четыре сантиметра! — возмущенно заявила племянница.

Она наклонилась, осторожно держа пинцетом дохлую мышь. Абигейл при любой возможности заявляла о своем желании стать ветеринаром, как тетя Клара, — подозреваю, она уже понимает, как это действует ее матери на нервы, — но пока не могла толком справиться с кормлением птенцов.

— Извини — Бревнышко, — поправила я, наблюдая, как трепещут на ветру кудряшки вокруг ее личика.

У Абигейл такие же длинные блестящие каштановые волосы, как и у меня.

— Можно задать тебе вопрос?

— Да.

— Но мама мне не разрешает.

Я несколько секунд молчала.

— Ну, тут уж все зависит от тебя самой: насколько сильно ты этого

хочешь, веришь ли ты своей маме, понимаешь ли, что она зря советовать не станет, — наконец произнесла я.

— Значит, можно? — не задумываясь, переспросила Абигейл.

Я нагнулась над клеткой, чтобы скрыть улыбку.

— Задавай, я ей не скажу.

— Я прочитала в газете о лицевых трансплантатах. Интересно, а тебе можно вживить такой?

Совята немного успокоились. Я взяла одного и осторожно посадила на протянутую руку Абигейл. Примерно через неделю я подсажу их в клетку к приемным родителям и огражу от всяких контактов с людьми. А пока побыть несколько секунд в детских руках совенку не повредит.

— Мне все равно, как ты выглядишь, — поспешно заверила меня Абигейл. Ее восьмилетний умишко допускал возможность того, что мама все же была права. — Просто я подумала, что тебе будет приятнее...

Ее голосок оборвался.

— Было бы, — медленно проговорила я. Честно сказать, я не была готова к подобному разговору. — Но боюсь, для меня трансплантатов еще не придумали.

— Почему?

— Я мельком просмотрела эту статью, — призналась я. Интересно, часы, проведенные в Интернете и за изучением журналов, можно назвать «мельком просмотрела»? — Знаешь, при использовании трансплантатов всегда есть опасность того, что организм их не примет. Тогда инородное тело придется удалить. Согласна?

— Да-а, — протянула она.

— Поэтому органы пересаживают только в случае крайней необходимости.

— Но мужчине в статье...

— Да, ему пересадили, — перебила я девочку, забирая у нее совенка и опуская его назад в клетку. — Но у него лицо было сильно изуродовано. Намного сильнее моего. Он не мог ни есть, ни говорить. И тем не менее это очень рискованная операция. Ему придется всю оставшуюся жизнь принимать большие дозы стероидов и лекарств, подавляющих иммунитет, чтобы не допустить отторжения тканей. А от приема этих препаратов возрастает риск заболеть раком, могут отказаться почки. Но даже эти лекарства могут не помочь, и тело все равно отторгнет трансплантат.

— И что тогда?

Не хотелось бы думать о том, что будет тогда. Лицо почернеет и в конце концов пересаженные ткани просто отпадут.

— Трансплантаты придется удалить. Человек будет выглядеть еще хуже.

Абигейл крепко сжала мою руку.

— Не нужны тебе трансплантаты, — сказала она.

— Да, — согласилась я. — Не нужны.

Я встала, подняла клетку с совятами, и мы с Абигейл побрели к дому.

Я подскочила, как распрямившаяся пружина. Одеяло и простыня соскользнули на пол, когда я опустилась на колени, не решаясь пошевелиться, вглядываясь в темноту, где притаилась чрезвычайно опасная змея. Дрожащей рукой я потянулась к ночнику у кровати и включила его. Ничего. Мне просто снился сон.

Ладно. Глубокий вдох. Если даже я начинаю нервничать из-за этих змей, что уж тогда говорить об остальных жителях поселка? Посмотрела на часы и почувствовала себя глупо. Около трех ночи — вот-вот зазвонит будильник. Пора кормить совят.

Я встала, не чувствуя себя отдохнувшей. Вчера я поздно вернулась домой. Отец предлагал мне переночевать у них, но я промямлила что-то о тяжелобольном пациенте. Взяла с прикроватного столика пустой стакан, чтобы налить в него воды. Подходя к двери, я автоматически потянулась к халату, но передумала. Было душновато — ночь выдалась не по сезону теплая. Мечтая о том времени, когда уже не надо будет опекать совят, я пересекла широкий коридор-галерею, служивший мне одновременно и кабинетом.

Здесь кто-то был. Двигал мои вещи.

Клавиатура всегда была отодвинута на пядь от края письменного стола, но этой ночью ее подвинули на пару сантиметров. И находилась она чуть левее, чем обычно.

Я пересекла лестничную площадку, толкнула дверь в свободную комнату и зажгла свет. Все вещи на месте. Может быть, из-за недавних происшествий я стала менее аккуратной. Пошла вниз по лестнице. Когда открыла дверь, ведущую в маленькую кухню, услышала, что совята явно чем-то обеспокоены. Ночь стояла безоблачная, мягкий свет пробивался из окна кухни, отражаясь от выбеленных стен.

И на этом фоне четко выделялась темная фигура пожилого мужчины, который стоял у кухонного стола и смотрел на моих совят. Стакан выпал у меня из рук и разбился о кафельный пол. Незванный гость, не замечая меня и не слыша звона бьющегося стекла, потянулся к клетке. Я замерла как громом пораженная, когда он взял одного совенка. Поднес его к лицу и стал нюхать. Мне показалось, что он хочет его съесть.

До этого момента я была не столько напугана, сколько растеряна. Но теперь до меня начал доходить смысл происходящего: в моем доме

незнакомец. Глубокой ночью. Сейчас конец мая, и он совсем не похож на Санта-Клауса.

Я попятилась. Мужчина посадил совенка на место и склонился над клеткой. Я слышала, как он что-то шептал и хрюкал себе под нос, но не могла разобрать ни слова. Я даже не была уверена, что он говорит по-английски. Не видя, что у меня за спиной, я наткнулась на зашторенное окно столовой. В комнату упал тонкий лучик света, прямо на кухонный стол. Мужчина заметил его и повернулся. Луна осветила его лицо, и теперь он уже не был безликой тенью. Я могла довольно хорошо его разглядеть. И мой страх сменился настоящим ужасом. Я смотрела на покойника.

А он направился по деревянному полу прямо ко мне. И вот он уже в метре от меня. Я повернулась и бросилась прочь, не зная толком, куда бежать. К входной двери бежать было глупо — она заперта, мне ни за что не открыть ее за секунду. Я уже ощущала зловоние, исходящее от него, вонь окутывала меня и вот-вот могла накрыть с головой. Перескакивая через четыре ступеньки, я почувствовала, что меня хватают за ноги. Я упала и больно ударилась, а что-то холодное и мокрое схватило меня за лодыжку и потащило вниз. Отчаянно сопротивляясь, я вытянула руку и схватилась за балюстраду. Потом изо всех сил лягнула свободной ногой. И почувствовала, как нога коснулась влажной ткани. Я набрала в легкие побольше воздуха, намереваясь закричать. Ведь пронзительно завизжать в такой ситуации — это вполне естественно.

Каким-то образом мне удалось повернуться. Ночной гость навис надо мной — нет, на меня уставилась, скорее, зловонная тень. Но она смотрела не на мое лицо. Из-за падения и борьбы моя длинная ночная рубашка задралась. Гость смотрел на мои голые ноги, одну из которых он продолжал крепко держать. Свободной рукой он потянулся вниз.

А потом нечто, больше похожее не на человеческую руку, а на липкую полуразложившуюся кость, стало гладить мою икру, поднимаясь все выше, а его глаза шарили...

Ночную тишину пререзал душераздирающий вопль. Оглушающий, полный животного ужаса, пробирающий до печенок. Мой собственный. Я кричала снова и снова. Но был еще какой-то звук. Кто-то кричал? Где-то вдалеке? Потом меня окутала темнота. Стало тихо. Я перестала кричать. Нашла в себе силы лягнуть нападавшего еще раз. Никого. Я открыла глаза. На лестнице я была одна. Едва осмеливаясь шевелиться, я бросала испуганные, безумные взгляды налево и направо. Обернулась. Куда он делся?

Только что он нависал надо мной, хватал меня своими жуткими

руками, шарил по моему телу. До сих пор в воздухе висел его запах: тяжелый, приторно-сладкий. Но незваного гостя нигде не было.

Я смахнула слезы и осознала, что сижу на лестнице, таращась по сторонам. Его нигде не было видно. Запах начал выветриваться. Я посмотрела вниз на влажные отпечатки руки на моей лодыжке в том месте, где он меня схватил, но влага на глазах испарялась в теплом ночном воздухе. Даже следа не осталось.

«В привидения я не верю, — говорила я себе. — Никогда не верила. Привидений не бывает...» Я заставила себя встать и, пошатываясь, прошла через столовую. Схватила телефонную трубку, понимая, что у меня есть считанные секунды до его повторного нападения. Я не решилась опустить глаза и, почти на ощупь набрав 999, попросила соединить меня с полицией.

Я ждала, когда меня соединят, и мне оставалось только одно — сохранять спокойствие. Где он? Не растворился же он в воздухе! Люди на такое не способны. Мимо меня по лестнице он пройти не мог, входная дверь заперта на два поворота ключа. Со своего места я видела парадную дверь, а если бы он вышел через черный ход, я бы наверняка услышала, как хлопнула дверь там. Он все еще в доме!

Не в состоянии унять дрожь в голосе, я объяснила ситуацию ответившему на мой звонок полицейскому. Его обещание, что через двадцать минут сюда подъедет наряд, успокоило меня, но не слишком. За двадцать минут многое может случиться.

Я не могла оставаться на одном месте, вцепившись в телефонную трубку. Я рискнула выйти на середину столовой.

Что, черт возьми, случилось с совятами? Я никогда не слышала, чтобы они так пищали. Неужели он причинил им вред? Я шагнула в кухню, чтобы видеть клетку.

Совята не были голодны — они были испуганы. У них в клетке находился метровый уж. Я не могла поверить своим глазам. Уж впал в ярость, изогнулся и схватил совенка. Я не стала раздумывать. Бросившись к ужу, я сильно надавила на основание его головы — он отпустил совенка. Я вытащила змею из клетки и, не обращая внимания на то, как неистово она извивается у меня в руке, провернула ключ в замке и открыла дверь черного хода.

Я никогда не допускаю грубости, неосмотрительности или небрежности при обращении с животными. Но с меня было довольно: я слишком устала, еще никогда не была так расстроена и настолько напугана. Но хуже всего было то, что впервые за долгое время я совершенно потеряла голову. Возможно, поэтому я сделала нечто, мне несвойственное:

выместила свою злость на животном. Я забросила змею так далеко, как только могла. Уж полетел, извиваясь в воздухе, и приземлился в кустарнике в дальнем углу сада. На секунду мне стало стыдно, но неожиданный шум прямо за спиной заставил меня подпрыгнуть и оглянуться. Ко мне приближалась темная фигура.

Я отступила, нога у меня подвернулась, я упала и поползла от дома. А фигура все приближалась. Небо застлало облака, а на задворках моего дома всегда темнее, чем со стороны улицы, — деревья в саду высокие, с густой кроной. Надо мной маячила черная тень — это все, что удалось разглядеть. Я открыла было рот, но закричать не смогла. С губ слетел только всхлип.

— Клара, это я, Мэт Хоар. Что, черт возьми, происходит?

И черная тень превратилась в знакомого мне человека.

Я могла отчетливо видеть только его очки, поскольку в них отражались огни дома. Но даже по очертаниям фигуры я узнала его. Как узнала и его запах. Запах шампуня и чистого тела. Свежего кофе. Кажется, я опять всхлипнула. Он наклонился, протянул руку, за которую мне как-то удалось ухватиться, и поставил меня на ноги.

— Я услышал твои крики. Перепрыгнул через забор. Мне показалось, что кто-то выскочил из дома и убежал. Подумал, что это ты, но в переулке не было ни души. Что, черт побери, происходит?

Позади меня раздался треск. Вероятно, это просто ночная птица уселась на куст, но я подпрыгнула и отскочила от него как ошпаренная.

— Клара!

Пришлось взять себя в руки. Но в этот момент я была далеко, не в своем темном саду рядом с Мэтом. Голова кружилась, увлекая мое сознание в какие-то темные глубины...

— Ну же, дыши глубже! Давай войдем в дом.

Его рука обвилась вокруг моей талии, он стал мягко подталкивать меня в сторону дома. Звук шагов по траве, роса под ногами и тепло руки Мэта привели меня в чувство. Мой незванный гость исчез. Мэт слышал, как он убежал по переулку.

— Со мной все в порядке, — выдавила я, когда мы переступили порог ярко освещенной кухни. — Кто-то забрался в дом. Грабитель. Он дотрагивался до меня. Я...

Рассказывать дальше у меня не было сил. Внезапно я четко осознала, какое зрелище собой представляю. Мэт несколько секунд вглядывался в мое лицо, потом опустил глаза ниже. Покраснел, отвернулся и вышел из комнаты. Когда я осталась одна, меня вновь охватила паника, но спустя несколько секунд Мэт вернулся с плотным стеганым пальто, которое всегда

висит у меня в прихожей.

— Надевай, — велел он, отворачиваясь.

Быстро, насколько позволяли трясущиеся пальцы, я натянула на себя пальто и застегнулась на все восемь пуговиц. Пальто было длинным, так что закрывало меня почти целиком. Но я все равно чувствовала себя неуютно.

— Полицию вызвала? — спросил Мэт через плечо. Он все еще не решался взглянуть на меня, несмотря на пальто.

Я кивнула, хотя видеть это он не мог.

— Сказали, что будут через двадцать минут.

Он взял чайник и налил в него воды. Включил газ, потом оглянулся.

— Присядь, — сказал он.

Я все еще, как дура, продолжала торчать посреди кухни. Заставила себя повернуться, подойти к столу, взять стул. Присела, укутавшись плотнее в пальто и жалея о том, что оно длиной не до самых пят. Потом бросила быстрый взгляд на Мэта и заметила, что он разглядывает мои щиколотки, — пальто их не прикрывало. Наши глаза встретились. Мне захотелось спрятаться под столом.

— Готова рассказать мне, что произошло?

Собравшись с духом, я объяснила, что встала покормить совят, увидела незваного гостя, попыталась убежать, но тот меня поймал. Свет кухонной лампы отражался от стекол очков Мэта, поэтому я не видела его глаз и понятия не имела, что он обо всем этом думает, но, дойдя до момента, когда незваный гость схватил меня за ногу, увидела, что он напрягся.

— Ты разглядела его лицо? — спросил он.

Я покачала головой.

— Нет, — ответила я. — Было темно, я испугалась.

— Но на кого-нибудь он похож?

Я опустила глаза. Разве я могла признаться, что видела покойника? Признаться, что труп человека, с которым я была знакома, схватил меня за ногу? Я покачала головой.

Закипел чайник. Мэт отвернулся и стал открывать ящики буфета, доставать пакетики с чаем, наливать кипяток. Потом положил в чашки сахар. Он даже не спросил, люблю ли я сладкий чай. Разумеется, не люблю, но какое это имело значение? Больше я не могла смотреть на Мэта, даже когда он стоял ко мне спиной. Я вновь опустила глаза.

На меня только что напали в моем собственном доме. Напал человек, который уже умер. Однако, пока Мэт неестественно долго — даже для

мужчины — возился с чаем, я испытывала не потрясение от случившегося, не ужас от того, что могло поджидать за углом, а неловкость. Да-да, иначе и не назовешь — мне было невероятно стыдно.

Видите ли, у меня есть своя тайна, которую я не открыла бы никогда и никому, ни за какие коврижки. Я трачу огромные деньги на белье и пижамы. Шелк, атлас, шифон, кружева — я люблю чувствовать их своей кожей, люблю ощущать, как они мягко скользят по моему телу.

На остальную одежду я трачу копейки — мне все равно, какая она. Но когда дело касается белья, я самая привередливая, самая разборчивая покупательница. Разумеется, я заказываю все товары по почте. Не могу приобретать подобные вещи в магазине, не хочу видеть изумленные жалостливые взгляды продавщиц. И по непонятной причине я храню свои сокровища в ящиках шкафа, перекладывая их надушенной бумагой.

И вот теперь за считанные минуты двое мужчин узнали о моей тайне. Мэт Хоар увидел зеленый шелк — прозрачный, как крылышки стрекозы, — который облегал мое тело, ничего не скрывая. Увидел его и мужчина, чья рука походила на обросшую влажным мхом кость скелета. Поэтому я сидела, потупив взор, разглядывая столешницу и кафедру под ногами, не смея посмотреть Мэту в глаза.

На полу виднелись влажные следы. Маленькие лужицы вокруг стола. Это были следы мои либо Мэта — лужайка в саду покрылась росой. Но неужели мы могли занести сюда тонкую водоросль, которая закрутилась вокруг ножки стола? Водоросли растут в водоемах и реках.

Я услышала, как Мэт подвинул стул и уселся за стол напротив меня.

— Как дьявол из...

— Теперь я в надежных руках, — заявила я, не поднимая глаз.

В странных, покрытых шрамами и очень непредсказуемых руках, но в самых надежных, учитывая сложившиеся обстоятельства.

— Это правда, что, если убьешь королевскую кобру, ее вторая половина выследит и убьет тебя самого? — спросил Мэт.

Я подняла глаза.

— Что?

— Выпей, ты вся дрожишь. Я читал, что, убив королевскую кобру, надо быть осторожным, потому что ее вторая половина будет мстить.

Я взяла свою чашку, сделала слишком большой глоток и обожгла язык.

— Значит, правда?

От боли у меня даже слезы выступили.

— Конечно же нет.

— Жаль. Это так романтично! — Он замолчал, глядя на меня.

Я опять опустила глаза, но кожей чувствовала его взгляд. Потом услышала низкий приглушенный звук и выпрямилась на стуле.

— Что это? — спросила я.

Мэт явно растерялся.

— Что именно?

— Я что-то слышала.

Я встала и прошла в другой конец комнаты. У меня очень маленький подвал, не больше шкафа, прямо под кухней. Я даже не могу там стоять в полный рост, но хранить вещи в нем удобно. Я подошла к двери и прислушалась. Еще один звук: низкий, гортанный, нечто среднее между мычанием и бормотанием. Я вновь в ужасе повернулась к Мэту, и он, увидев выражение моего лица, встал. Я бросилась к входной двери. Заперта на все замки и на задвижку. Дверь черного хода я сама отпирала несколько минут назад. Этого быть не может! Незванный гость до сих пор в доме.

Я опять рысью бросилась в кухню, Мэт как раз отходил от стола. Грохот отодвигаемого стула был довольно громким, но помимо этого я услышала, как двигается некто третий. В подвале явно кто-то прятался. Обычно дверь в подвал я не запираю. Зачем? Но на ней имелся запор. Я потянулась и заперла дверь.

Мэт стоял рядом. Я приблизила лицо к двери, ведущей в подвал. Потом резко выпрямилась.

— Он там, — прошептала я. — В подвале. Я чувствую его запах.

Мэт последовал моему примеру и громко втянул носом воздух.

— Ничего не чувствую, — сказал он, качая головой. — Ты уверена?

— Абсолютно, — ответила я. — У него омерзительный запах, который раньше ощущался во всем доме. Он воняет, как бродяга.

— Правда? — бросил Мэт, и я почувствовала, что он мне не верит.

— От бродяг воняет застарелым потом и мочой, — продолжила я объяснять вполголоса. — Если подойти ближе, можно различить запах алкоголя, обычно отвратительного качества, — они часто блюют во сне. Они роются в мусорных корзинах в поисках еды и уже не могут избавиться от этой вони. И довольно часто пачкают одежду. От них воняет фекалиями.

— Откуда тебе столько известно о парфюме «Бродяга»?

— Бездомные частенько приносят нам больных животных, — ответила я, пятясь от двери. — Думаю, нам стоит подождать на улице.

Мэт несколько секунд смотрел на меня. Потом нагнулся к двери и еще раз сильно втянул носом воздух.

— По-прежнему ничего не чувствую.

Отсутствие тонкого нюха у Мэта вывело меня из себя.

— Ты моешься каждый вечер, — выкрикнула я. — Почти каждый день моешь голову. Предпочитаешь кофе чаю, но сегодня вечером выпил бокал красного вина. Не далее как час назад ты гладил собаку, а потом принял душ.

— Ты намекаешь, что от меня воняет собачьим дерьмом?

— Я хочу, чтобы ты отошел от двери. Он там, а задвижка не слишком крепкая.

Мэт взглянул на задвижку на двери, потом на меня.

— Если он все еще там, кого же я тогда видел в переулке? — задал он резонный вопрос.

Ответа у меня не нашлось. Пока я думала, что сказать, Мэт потянулся к задвижке.

— Нет! — Я молниеносно оказалась у него за спиной, моя рука потянулась, чтобы остановить его. — Нет. Даже не думай. Пусть этим занимается полиция.

— Клара, я хотел...

В этот момент раздался стук в дверь черного хода, снаружи замаячила огромная тень. Мэт оказался проворнее меня и открыл дверь. Его приветствовали удивленно:

— О, добрый вечер, сэр!

Мэт по-хозяйски впустил в дом трех полицейских.

Они вежливо выслушали мой рассказ, но когда я сказала им, что убеждена: незваный гость у меня в подвале, — их отношение к происходящему резко изменилось. Они напряглись, встревожились. Один из них, самый старший, взглянул на Мэта.

— Вас вызвала мисс Беннинг, сэр?

Мэт отрицательно покачал головой.

— Нет, просто я не спал. Моя собака по сути еще щенок. Ей приспичило на улицу.

— И вы видели мужчину в доме мисс Беннинг?

— Увы, нет. Я услышал ее крики. Заметил какое-то движение у входной двери. Я хотел войти в дом с черного хода, но дверь оказалась заперта. Я обежал дом, но, еще не добравшись до входной двери, услышал чьи-то шаги. Я прошелся по переулку и снова услышал шаркающие шаги. Но ничего не разглядел.

— Сейчас в округе полно барсуков.

— Верно. Вчера наткнулся на одного у себя в саду, — согласился Мэт.

— Мне плевать, кто там шел по переулку! — гаркнула я. — Мужчина, который напал на меня, не мог покинуть мой дом. Обе двери были заперты.

Я сама отпирала заднюю дверь.

Я головой указала на дверь в подвал.

— Он там.

Мэт взглянул на меня и вздохнул.

— Ладно, теперь, когда прибыла помощь, пойду взгляну. Прикройте меня, сержант.

С этими словами он протянул руку, отодвинул задвижку и взялся за ручку. «Прикройте меня, сержант». Я схватила его за руку, пока он не потянул на себя дверь.

— Что, черт возьми, ты делаешь? Ты ведешь себя, как дешевый статист в спагетти-вестерн.^[8] Возле тебя трое полицейских. Отойди, дай им заняться своим делом.

— Клара...

Я заметила, как два констебля переглянулись за спиной у Мэта. Сержант не смог скрыть усмешку. Мэт снял мою руку со своей руки.

— Клара, я очень тронут, но...

— Что мне нужно сделать, чтобы ты отнесся ко всему этому серьезно? В подвале человек, который напал на меня. Возможно, тебе трудно поверить, что кому-то пришло в голову напасть на меня. Но клянусь, так и было. Если ты откроешь эту дверь, то запросто можешь пострадать. — Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Я уже не могла мыслить здраво. Единственное, что я понимала, — я не хотела, чтобы Мэт спускался в подвал.

— По правде сказать, мисс... — начал было сержант.

Не знаю, как могло такое произойти, но теперь я крепко схватила Мэта за обе руки.

— Меня не впечатляет глупое геройство. Если не можешь вести себя благоразумно, иди домой, пусть за дело возьмутся профессионалы.

За нашей спиной фыркнул один из полицейских.

— Клара, замолчи, — тихо произнес Мэт.

Внезапно меня осенило. Все трое полицейских, казалось, веселились от души. Мэт поднял свои руки, которые я держала мертвой хваткой. Я отступила, меня пронзило ужасное чувство: я только что выставила себя на посмешище. Высвободив руки, Мэт полез в задний карман джинсов. Вытащил маленький черный бумажник.

О, нет!

Одной рукой он открыл бумажник и показал удостоверение. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прочесть текст и удостовериться, что на маленькой фотографии изображен стоящий передо мной мужчина.

— Полиция Дорсета? — проговорила я, как будто написанное на удостоверении было мне непонятно. «Клара, какая же ты дура!»

— Да.

— Заместитель начальника полиции?

«Ну, разумеется, он из полиции. Иначе откуда он знает всех? Вот почему к нему так уважительно относятся!» Никогда раньше я не чувствовала себя настолько глупо. Дать бы тебе разок! Нет, этого мало. Наступить бы со всей дури тебе на ногу!

— Каюсь, виноват, — сказал Мэт. — Я мог бы отправить своих парней обследовать подвал, а сам стоял бы с тобой в обнимку, но этому надо положить конец. Констебль Аткинс, останьтесь, пожалуйста, с мисс Беннинг.

Констебль Аткинс подошел ко мне, а Мэт открыл дверь, нагнулся, заглядывая внутрь, и зажег свет. Выкрикивая предупреждения, он стал спускаться по ступеням. За ним двинулись второй констебль и сержант. Мы с Аткинсом остались на месте, прислушиваясь к тому, как три человека ходят в подвале. Через несколько минут в дверном проеме показался Мэт, вошел в кухню и поманил меня к себе. Когда мы оказались в соседней комнате, он повернулся ко мне лицом. Раньше я не видела его таким.

— Клара, — произнес он, — в твоём подвале никого нет.

— Мы везде проверили, — продолжил Мэт. — Да там и негде прятаться.

Я не сводила с него глаз. Я была уверена. Я слышала, как некто ходил по подвалу.

— Должно быть, он как-то выбрался из дома. Возможно, через окно, — рассуждал Мэт. — Скорее всего, именно его шаги я и слышал там, в переулке.

Я покачала головой.

— Он был в подвале, — сказав это, я поняла, насколько упрямой кажусь.

— Хочешь, чтобы ребята осмотрели дом? Проверили окна? Поискали следы взлома?

Я кивнула, и трое полицейских начали обыскивать мой дом. Я несколько минут выждала и не выдержала: прошла через кухню и распахнула дверь в подвал.

— Минуточку! — У меня за спиной стоял Мэт.

Я спустилась по ступенькам и стояла, оглядываясь, как будто могла заметить то, чего не заметили трое полицейских и заместитель начальника полиции.

Стены в подвале были каменные, местами сырые — недалеко протекал ручей, но в основном сухие, с потрескавшейся штукатуркой. На полу возвышалась груда пластмассовых ящиков, за ними виднелся старый встроенный шкаф, который я использую для хранения инструментов, на стене — полки с ветеринарными принадлежностями. Еще здесь был холодильник. Прятаться негде. И выхода нет. За исключением...

В низком потолке подвала был люк. В давние времена, когда еще не было центрального отопления, его использовали для того, чтобы сгружать уголь прямо с улицы. С одной стороны он держался на петлях, еще с двух, противоположных, — на дверных засовах, а с четвертой запирался на висячий замок. Над люком, на улице, стоял большой и тяжелый цветочный горшок. Я подошла и крепко ухватилась за один из старых железных засовов.

— Мы проверяли, — начал было Мэт, когда я стала изо всех сил тянуть, но засов заржавел и не поддавался.

Мэт, нагнувшись, чтобы не задеть низкий потолок, подошел и

отстранил меня. Схватил засов сам и несколько раз попытался рывком открыть. Потом проверил второй засов и навесной замок. Люк не поддавался.

— Вероятно, это была крыса, — сказал он. — Скорее всего, водяная. В поселке они не редкость.

— Похоже, — согласилась я, хотя была уверена, что крыса не способна издавать звуки, которые я слышала.

— Пошли, — бросил Мэт.

Мы поднялись по ступенькам.

Полицейские были в доме еще минут десять, но, не найдя следов взлома, уехали, пообещав прислать завтра специалиста — поискать отпечатки пальцев. Они были предельно вежливы — подозреваю, из-за присутствия Мэта. Однако я была уверена: мне никто не поверил. Мэт мог лишь подтвердить, что слышал мои крики и звуки, которые могли оказаться — а могли и не оказаться — шагами бегущего человека. Никаких следов незваных гостей — только мои голосовые утверждения. Даже змея исчезла.

Я попрощалась с Мэтом, заперла все двери, проверила окна, накормила совят. Раненый совенок выглядел неплохо. Надо обработать ранку антисептиком, он заснет, и все забудется. Я поднялась в спальню, нашла старую толстую фланелевую пижаму и легла в постель.

Сон не шел. В конце концов я окунулась в тревожное полузабытье, полное кошмаров. На рассвете я увидела не раз повторявшийся сон, которого боялась больше всего на свете.

Я в зале с зеркалами. Куда ни повернись — всюду мое отражение. В течение сна отражения все сильнее искажались. Шрамы были уже не только на лице, но и по всему телу. Этой ночью сон был еще страшнее, чем обычно. Каждое зеркало было задрапировано зеленым шелком. Я бежала по залу, в отчаянии ища выход, а какая-то сила сбрасывала шелк с зеркал как раз в тот момент, когда я к ним приближалась. Зеркала начинали падать — все, к которым я прикасалась, падали на землю, разлетаясь на мелкие кусочки. Вот я уже больше не в зале с зеркалами. Я в своей кухне. Дорогу мне преграждает завеса из зеленого шелка, и кто-то, запертый в подвале, изо всех сил барабанит в дверь.

Засов трясется, а дерево вокруг места крепления начинает трескаться. Я должна выбраться из дома, но не в силах пошевелиться. Лежу на полу и отчаянно пытаюсь подползти к двери черного хода, но я беспомощна, как бывает только во сне.

Проснулась я вся в холодном поту и поняла, что стук в дверь мне не приснился. Кто-то колотил в дверь черного хода. Я сползла с кровати, стянула пижаму и надела спортивный костюм. Я нисколько не сомневалась, что мой утренний гость — Мэт Хоар, питающий надежду застать меня в очередной раз в чем-то пикантном, чтобы рассказать в баре новую байку. «Жалкая корова», — станут говорить за кружечкой пива, как будто всякий, имеющий глаза...

Я выглянула в окно, но Мэта не было видно за навесом крыльца. Я сошла вниз, решительно настроенная не впускать его в дом.

— Вы, свора! Ради Бога, заткнитесь! — крикнула я совьям. Повернула ключ и на несколько сантиметров приоткрыла дверь. У двери стояла Салли.

— Завтрак в постель, — прощепетала она.

Я промолчала. Однако рассматривала поднос в ее руках. И почуяла исходящий от него аромат.

— Я хотела убедиться, что у тебя все в порядке, — сказала она. — И мне страшно хочется узнать, что случилось минувшей ночью.

Я хранила молчание.

— Если уж в три часа ночи к дому прибывают две полицейские машины, не может такого быть, чтобы наутро об этом не говорила половина поселка. Просто только я набралась наглости зайти расспросить. И я лучше всех делаю бутерброды с беконом.

Вот чем пахнет! Беконом. И кофе.

— Я собралась на пробежку, — привычно отмахнулась я.

— Ты опоздала на три часа, — ответила она.

Я повернулась к часам в кухне. Почти девять утра.

— И, по правде говоря, не похоже, что тебе сейчас хочется носиться по окрестностям.

Салли была права, и я вернулась в комнату. Салли я не приглашала, но она почему-то решила, что может последовать за мной.

— Мне нужно одеться, — сказала я. — И я тороплюсь на работу.

— Тебе нужно перекусить. Сядь и поешь.

Я поняла, что Салли, по-видимому, мастерски справляется с капризными пациентами и мне не победить в этом споре. Кроме того, я умирала с голоду. Что случится, если один раз в жизни я опоздаю на работу?

Салли налила кофе в две чашки и подвинула ко мне белый сдобный хлеб со щедрой мясной прослойкой. Я уже много лет не покупала белый хлеб и очень редко ела красное мясо. Я и представить не могла, какими

вкусными могут быть бутерброды с беконом.

— Спасибо, — немного смутившись, поблагодарила я, когда оторвалась от еды.

— На здоровье, — ответила Салли. — Ну, давай. Расскажи. Нашли какую-нибудь из этих скользких извивающихся тварей? А очаровашка Мэт и правда оказался храбрым и искусным?

— Извивающаяся тварь была только одна, — произнесла я, решив не реагировать на последний вопрос. — Змеи совсем не скользкие. Их гладкая чешуйчатая кожа напоминает шелк.

Зачем я это сказала? Меньше всего мне хотелось бы обсуждать свойства шелка.

— Поверю тебе на слово. Но кто-то же проник в твой дом? Что, черт побери, случилось с этими птицами?

Я вкратце описала ей события минувшей ночи. Она подвинула ближе ко мне очередной бутерброд — я не стала отказываться — и пошла кормить совят.

— Значит, — заговорила она через пару минут, — в нашем поселке кто-то проникает в дома и оставляет после себя змей. Зачем?

— Мы не можем быть абсолютно уверены, что все происходит именно так, — заметила я, прекрасно понимая, что Салли права.

— Перестань, — сказала она. — Ты часто слышала, чтобы змеи заползали в дома? Крайне редко. И вдруг это стало обычным делом, как будто они — домашние мыши. Не говоря уже о том, что неизвестно откуда появляются экзотические виды.

Я наблюдала, как она сует дохлых грызунов в нетерпеливо открывающиеся клювики.

— Сейчас в поселке все встревожены, — задумчиво произнесла Салли. — За последние две недели я несколько раз обнаруживала, что в мою дверь бросали тухлые яйца. Раштоны и Паулсоны жаловались, что дети барабанят во входную дверь и убегают. Но, заметь, вломиться в дом — совсем другой коленкор.

Я знала о том, что в поселке бьют окна. Пару раз мой мусорный бак выворачивали прямо на подъездную аллею, но я не стала обращать на это внимание. Однако Салли права. Вломиться в дом — совершенно другое дело. И ночью меня хватал за ногу совсем не подросток.

А Салли тем временем продолжала кормить совят. Делала она это мастерски, учитывая, что ей явно нечасто доводилось кормить осиротевших птенцов. Интересно, а часто ли она кормит таких же одиноких соседей?

— Полиция мне не поверила, — наконец призналась я. — Они решили, что я все выдумала.

Она посмотрела на меня с недоверием.

— Зачем?

— Зачем люди придумывают всякие истории о преступлениях? Чтобы на них обратили внимание.

— Для человека, который в повседневной жизни старается не привлекать ничьего внимания, это несколько необычно, разве нет?

Я не смогла ей ответить, потрясенная тем, что она видит меня насквозь. Она закончила с птенцами, присела за стол и взяла обеими руками свою чашку с кофе.

— А Мэт тебе поверил?

Я на секунду задумалась.

— Не знаю, — призналась я, запнувшись.

— Вчера я беседовала с Гарри Ричардсом, — сообщила Салли. Я изумилась, так как забыла, что она знакома с доктором Ричардсом, ведь именно она посоветовала меня ему в качестве так называемого знатока рептилий. — Он рассказал мне — разумеется, под большим секретом — о вашем субботнем визите. О тебе и твоём змеином друге. Кстати, я видела его по телевизору. Чудаковатый парень.

— Чудаковатый, — согласилась я.

— Если вы оба правы, если Джона убили, а вчера вломились в твой дом, значит...

Она замолчала — вероятно, для большего драматического эффекта. Я тоже молчала. Но меня стала невольно колотить дрожь, и я не могла ее унять.

— Извини, не хотела тебя напугать.

— Я не боюсь, — солгала я. Было видно, что Салли мне не поверила. — Это Шон Норт выдвинул теорию о впрыскивании змеиного яда шприцом, а не я. С фактами не поспоришь, но его предположение, что кто-то использовал змею как орудие убийства, все же кажется мне притянутым за уши. Даже если Джона Эллингтона и убили, зачем пытались убить Паулсонов и малышку Хьюстонов?

Салли было уже не до смеха.

— Не знаю, — призналась она. — Но у человека, готового убивать людей, не говоря уже о грудном младенце, явно значительный сдвиг по фазе, согласна?

Я уже думала над этим. Врываться в дома и оставлять там опасных змей — это, вне всяких сомнений, поступок человека с нездоровой

психикой. От этой мысли мне стало не по себе. Но еще больше мне не нравилось то, что люди бегут за ответами ко мне. Я ветеринар, имею дело с дикими животными. Все, что происходит сейчас, — вне моей компетенции.

— Полиция разберется, — заверила я Салли. — Если будет зацепка, они раскрутят дело.

— Не уверена, — сказала Салли, вставая и ополаскивая чашки.

— То есть?

Она оглянулась через плечо.

— Гарри Ричардс был зол как черт, когда мы с ним разговаривали. В противном случае он не стал бы мне все выкладывать. Он сообщил полицейским о ваших с Шоном предположениях, но те, кажется, не приняли их всерьез. Как ни крути, а Шон Норт очень необычный тип, не думаю, что полиция ему доверяет. В прошлом у них случались стычки — кажется, из его дома исчезали змеи. Что-то в этом роде.

Бутерброды, которые я только что съела, стали комом у меня в желудке.

— А после вчерашнего меня тоже будут считать не заслуживающей доверия.

— Надо дождаться выводов coronera. Я слышала, он полагает, что ваша теория по поводу концентрации яда весьма субъективна. Он сам кое-что подсчитал. По-видимому, внезапная смерть от отравления — не такой уж неслыханный случай. К тому же Джону Эллингтону было почти семьдесят лет.

— Понятно, — растерянно произнесла я. Интересно, почему бутерброды с беконом стали внутри меня комом? Не хотела я в это вмешиваться. — Салли, а можно задать вопрос?

— Давай, спрашивай.

— Вы помните Уитчеров? Эделину и Уолтера?

— Разумеется. — Она нахмурилась из-за внезапной смены темы разговора, но продолжила: — Я пыталась несколько раз заглянуть к ним. Мне очень не нравилось, в каких условиях они жили, — я почему-то считала их неприемлемыми. Но меня никогда не пускали дальше входной двери.

— Я помню похороны Эделины в ноябре прошлого года, но не помню похорон Уолтера. Может быть, вы знаете, где его похоронили? Может быть, этим занималась больница?

— Он скончался минувшей осенью, так? Я кивнула.

— Кажется, в сентябре.

— Я не могу сразу... а он не завещал свое тело науке?

— Завещал. Но разве не было никакого отпевания, поминок?

Салли оперлась о раковину.

— Клара, а тебе это зачем? — спросила она.

Мне следовало предвидеть, что она задаст такой вопрос. Мне очень не хотелось упоминать об этом. Но от Салли так просто не отделаешься.

— Вчера ночью, — начала я, не сомневаясь, что моя репутация странной особы неимоверно упрочится, — полицейские спрашивали, узнала ли я мужчину, который проник в мой дом.

— А ты?

— Сказала «нет». Сказала, что было темно, а видела я его лишь долю секунды, поэтому ни в чем не уверена.

Салли в сообразительности не откажешь.

— Но это было не совсем правдой? — подсказала она.

Я покачала головой. Это было абсолютной неправдой: я тут же узнала незваного гостя.

— Кажется, это был Уолтер, — едва слышно произнесла я, ожидая, что Салли сразу же под каким-нибудь предлогом уйдет, посоветовав мне в ближайшее время зайти к местному психиатру. Просто поговорить.

Салли молчала. Ее лицо не выражало ни удивления, ни сомнения в моем здравомыслии. Она смотрела так, как будто на самом деле поверила мне.

— Почему вас это не удивляет? — спросила я. Почему от того, что меня принимают всерьез, мне ничуть не легче?

Казалось, она колеблется.

— Нет, удивляет, — заверила она меня. — Но... не очень.

— Вы тоже его видели?

— Нет-нет. Просто болтают всякое.

— Что болтают?

— Да ерунду. Просто детишки рассказывали. Возле старой церкви и дома Уитчеров ошивается компания подростков. Подозревают, что именно они виноваты в большинстве наших несчастий, поэтому с них стараются не спускать глаз. Кто-то из них рассказывал родителям странные истории. Ну, знаешь, как это бывает, когда в доме долгое время никто не живет. Его всегда называют домом с привидениями и...

— Они видели Уолтера?

Салли явно чувствовала себя неловко.

— Видели призрак Уолтера — вот кого.

В этот момент солнце, должно быть, спряталось за тучу, потому что в кухне немного потемнело.

— Вчера ночью я видела не привидение, — возразила я. Кого я пытаюсь в этом убедить? А ведь он прикасался ко мне. Рукой, похожей на руку мертвеца. Я быстро добавила: — Он оставил после себя мокрые следы. Не говоря уже о змее.

— Но если это Уолтер, тогда... ох!

— Вот именно.

— Ты поменяла замки, когда сюда переехала?

Я отрицательно покачала головой, понимая, что поступила непредусмотрительно. Ключи от моего дома могли оказаться у кого угодно.

— А следовало бы! — заявила она.

Я кивнула. Внезапно эта мысль показалась мне просто отличной.

Я переключила рычаг коробки передач «лендровера» на вторую передачу, но почва была болотистой, и колеса стали пробуксовывать; мне показалось, что дальше нам действительно не проехать. Впрочем, до реки оставалось рукой подать. Можно и пешком пройти. Я сдала назад и заглушила двигатель.

Понедельник, день в самом разгаре, нас трое: Крэг, старший санитар, Саймон, двадцатилетний студент-практикант, и я. Этим утром нам позвонили из местного управления охраны окружающей среды. Им сообщили, что возле реки, прямо за поселком, угодил в капкан лебедь-шипун.

Мы вышли из машины, влезли в высокие болотные сапоги. Все были не в восторге от предстоящей работенки. Лебедь-шипун — крупная птица, а вблизи своего гнезда (высока вероятность появления потомства в это время года) он может быть агрессивным. Отловить раненого лебедя — непростая задача.

Я взяла с собой сумку, петлю для ловли птиц и большую клетку. Крэг и Саймон вдвоем несли небольшую шлюпку, сконструированную специально для мелководья с быстрым течением. Шлюпка была относительно легкой, чему мы были несказанно рады.

Мы подошли к реке — одному из рукавов, протекающих через поселок. К счастью, собачник, заметивший лебедя, сообщил точные координаты, поэтому мы смогли быстро обнаружить птицу. Мы разделились: Саймон пошел вверх по течению, Крэг — вниз. Я осталась на месте, глядя на противоположный берег, являвший собой пологий склон, который постепенно становился все круче и круче. Я видела густо поросший деревьями и кустами берег, а между кронами деревьев, почти на вершине склона, всего метрах в четырехстах по прямой — соломенную крышу дома Уитчеров. Раньше мне никогда не доводилось видеть их дом под таким углом.

— Он здесь! — крикнул Саймон.

Мы с Крэгом подхватили шлюпку и пронесли ее метров двадцать, пока не оказались рядом с Саймоном. На противоположном берегу среди крапивы, бутены и бузины с трудом можно было разглядеть лебедя.

— Он на островке, — пояснил Саймон, указывая на место чуть выше по течению. — Вон там, где река разделяется на рукава. Чуть выше.

Должно быть, там небольшая заводь.

Саймон крепко удерживал шлюпку, пока мы с Крэгом не забрались в нее. Потом запрыгнул и Саймон, мужчины (исполненные решимости показать себя настоящими рыцарями, по крайней мере пока не началась опасная работа) сели на весла, и вскоре мы оказались на противоположном берегу. Мы сошли на берег метрах в десяти выше по течению от места, где находился лебедь.

Вес лебедя-самца может достигать десяти килограммов, а размах крыльев — двух с половиной метров. Они всегда пресекают — агрессивно и непреклонно — любые попытки напасть на их гнездо. Когда мы стали приближаться, лебедь расправил крылья, перья на его шее встопорщились. Он пригнул голову к воде, готовясь к нападению. Эти нагоняющие страх приготовления очень эффективно отпугивают птиц-соперников и хищников. Когда мы подошли достаточно близко, я посмотрела на Крэга.

— Что скажешь? — спросила я. — Рукой или петлей? Лебедя всегда лучше ловить рукой. Петлю можно обвить вокруг его шеи, но тогда он яростно захлопает крыльями и придется приложить немало усилий, чтобы удержать его. Крэг рассматривал лебедя.

— Птица неприрученная, — сообщил он через несколько секунд. — Живет вдали от людей.

С ним трудно было не согласиться. Лебедь, который обитает на оживленной реке, привыкает к людям, кормится с рук, относительно дружелюбен. Такого проще ловить рукой. Этот, скорее всего, месяцами не видел людей.

— Сначала попытаюсь схватить его рукой, — заявила я.

Я почувствовала, как за моей спиной переглянулись Саймон с Крэгом.

— Готов? — резко спросила я Крэга.

Я шагнула в воду и подошла к лебедю. Оказавшись рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки, я бросила ему пригоршню хлебных крошек, которые специально положила в карман. Не в силах противостоять искушению, а может быть, просто проголодавшись, лебедь вытянул шею и начал собирать крошки. Я позволила ему съесть все, потом, подойдя ближе, бросила еще. Остававшийся на берегу Крэг теперь подошел к нам. Оказавшись совсем близко от лебедя, я сделала решительный шаг вперед, правой рукой схватила птицу за шею и прижала лебедя к себе, не давая ему ударить меня крыльями. Он немного поартачился, выворачивал голову, пытаясь ущипнуть меня, но я держала его крепко. Вскоре он успокоился.

— Красивый экземпляр! — пробормотал Крэг, стоявший за мной.

Все еще встревоженный лебедь вновь начал биться в моих руках, но

если лебедя держать так, как держала я, он не может вырваться и уцпнуть. Разумеется, нельзя отпускать его голову, не то можно остаться без глаза. Подошел Саймон и, низко наклонившись, стал шарить в воде.

— Вокруг его правой лапы, — сказал он, — обмотано несколько витков стальной проволоки, которая зацепилась за корни деревьев. Рана кровоточит. Не исключен перелом, пока ничего не ясно. Похоже, тут торчит крюк.

Он взял проволочную пилу и освободил лебедя.

Саймон вышел на берег, принес клетку, и мы посадили в нее лебедя. Отвезем его в нашу клинику, возьмем кровь на анализ, чтобы исключить отравление свинцом, вылечим, а через день-другой выпустим там же, где нашли.

В шлюпке с лебедем нам было не уместиться, поэтому Саймон и Крэг, установив в шлюпке клетку, погребли назад. Мне же захотелось проверить предположения Саймона о том, что лебедь оказался на острове. Я прошла несколько метров, огибая кусты и молодой орешник, и выяснила, что Саймон прав. Заводь, которую я обнаружила, была всего метра полтора в ширину. Ветви ив сплелись над ней, образуя темный туннель. Между корнями деревьев течение было медленным, виднелись водоросли, а вода пузырилась. На противоположном берегу, перед тем местом, где река делала крутой поворот к поселку, я заметила крысиные норы.

За спиной я слышала добродушные подшучивания Саймона и Крэга, которые уже достигли берега. Я пошла вниз по течению, чтобы узнать, как далеко простирается остров.

Я прошла метров двадцать; растительность на противоположном берегу становилась гуще, деревья выше. Я едва могла различить склоны холма. Ступала я осторожно, на носочках, высматривая следы обитания выдр. Этот остров мог быть отличным пристанищем для них.

Но было что-то странное в течении воды в заводи.

Выше того места, где я стояла, вода текла медленно из-за десятилетиями наносимого ила, разросшихся корней деревьев и гниющих водорослей. Но в том месте, которое привлекло мое внимание, вода текла быстро. И даже, казалось, текла в другом направлении. Метрах в трех от меня на противоположном берегу ивы опустили свои ветви прямо в воду. Сквозь них ничего не было видно. Но вода, вытекающая из-под листвы, определенно устремлялась на юго-восток, в то время как в самой заводи текла в восточном направлении. Я шагнула в воду, намереваясь исследовать глубину канала, проверить, можно ли перейти его вброд.

Откуда-то из-под берега на меня прыгнул шипящий, размахивающий

крыльями ворох белых перьев — я набрела на гнездо лебедя-шипунa и его рассерженной подруги. Я стала карабкаться назад, услышала, как меня окликает Саймон, и поспешила к ожидающей меня шлюпке.

Ближе к обеду, когда я делала перевязку молодому зайцу с рваной раной на лапе, в окошке процедурной появилась Харриет с телефонной трубкой в руке. Она отчаянно жестикулировала — но это же Харриет! Она всегда так себя вела, решив, что я обязательно должна выйти и ответить на звонок. Непременно! Может, это и не срочно?

Я отрицательно покачала головой, кивнув в сторону пациента на операционном столе. К моему изумлению, Харриет отпрянула от окошка и появилась в дверном проеме, подошла к белой доске, висящей на дальней стене, схватила специальный карандаш и, не выпуская трубку из рук, большими буквами написала: «ШОН НОРТ!!!» Харриет никогда не ладила с техникой: так и не научилась нажимать на кнопку телефона «отключить звук». Любой из нас мог обучить ее этому за минуту, но всех веселили ее кривляния. Обычно, находясь в процедурной, я ни с кем не разговариваю, но на этот раз рука сама потянулась к телефонной трубке.

— Помешал спасти жизнь несчастному ежику? — протянул Норт с этим своим явно не британским и совершенно ни на что не похожим акцентом.

— Месячному зайчонку, — ядовито ответила я. — Чем могу быть полезна?

Краем глаза я заметила, что Харриет замешкалась.

— Подумал, что вы захотите узнать свежие новости. Я беседовал с кураторами по пресмыкающимся всех больших зоопарков. А еще разослал по электронной почте запросы главным поставщикам и частным коллекционерам. Никто не признался в том, что у них сбежал тайпан.

— Почему-то меня это не удивляет.

— И меня тоже. В любом случае, думаю, полиции следует проверить сухопутные маршруты и паромы, причаливающие к северо-восточному побережью. Может быть, частные яхты. В аэропортах довольно хорошо поставлена служба таможенного контроля, поэтому я был бы удивлен, если бы контрабанду удавалось провозить самолетом. Полагаю, что тайпан попал сюда, в Великобританию, по воде, а до того по суше — через Азию, Россию и Восточную Европу. Возможно, даже через Скандинавию.

— Вы поделились догадками с полицией?

— Я здесь персона нон грата. Каждый раз, когда в Западном Дорсете змея «разгуливает» на свободе, обвиняют меня. Я решил, что в полицию

лучше обратиться вам.

— Премного благодарна, — бросила я. А почему таким сварливым тоном? Он просто хочет помочь. Кроме того, с кем Норту еще делиться своими предположениями?

— Кстати, тайпан — самка. И, как все самки, довольно ворчлива. Харриет продолжала маячить неподалеку.

— Отдаю трубку Харриет, — сообщила я. — Кажется, она хочет получить ваш автограф.

Я отдала телефонную трубку и снова занялась перевязкой.

Большую часть дня шел дождь, поэтому к вечеру воздух был насыщен запахами земли и травы. Когда я подъезжала к Бурн-лейн, низко, даже вокруг машины, носились стрижи. В том месте, где дорога делала крутой поворот, я всегда притормаживала, что в данном случае меня и спасло — прямо посреди дороги стояла на коленях женщина.

Она не могла не слышать шума приближающегося автомобиля, но даже глаз не подняла. Внимание этой пожилой женщины было приковано к чему-то, лежащему перед ней на дороге. Я остановилась и заглушила мотор. Женщина что-то шептала маленькой собачонке, которая тяжело дышала и явно страдала от боли. Я выпрыгнула из машины. Женщина заметила меня и протянула ко мне руки.

— Взгляните на мою собаку, — с трудом проговорила она надтреснутым старушечьим голосом. Ей было не меньше восьмидесяти. — Взгляните на моего бедняжку Бенни! Он не может встать.

Я присела на корточки рядом с ней. Бедняжка Бенни, грубошерстный бордер-терьер, тоже был старым. Выглядел он чрезвычайно больным: мутные глаза смотрели в никуда, кожа под шерстью воскового цвета, дыхание прерывистое.

— Он ранен? — спросила я. — Сбила машина?

— Нет, — ответила старушка. — Он просто упал. Остановился и свалился. Я не могу его поднять.

Бордер-терьеры — мелкие собаки высотой сантиметров сорок, да и сама старушка выглядела хрупкой и очень болезненной.

— Давайте занесем его в дом, — предложила я, вставая. — Там я его осмотрю. Вы можете встать?

С этими словами я наклонилась и бережно подхватила старушку под мышки. Несмотря на теплый вечер, на ней были плотное пальто и красная шерстяная шапка. Где-то я уже видела ее раньше, видела эту красную шапку, но не могла вспомнить где.

Она тихонько застонала, но не от боли: просто старость и болезни. Я отвела ее к машине. Это оказалось непростым делом, потому что она ни на секунду не желала оставлять своего пса без присмотра. Но наконец мне удалось усадить ее в салон автомобиля. Потом я вернулась за псом. Его поводок оставался пристегнутым к ошейнику. Я крепко обмотала поводок вокруг пасти — нечто вроде временного намордника.

— Что вы делаете? Осторожнее! — крикнула старушка, высунувшись из машины так, что чуть не вывалилась из нее.

— Я не причиню ему вреда, я ветеринар, — отозвалась я. — Сейчас я его осторожно подниму, потом мы отвезем его домой.

Я просунула одну руку под плечо Бенни, а вторую под его таз. Он стал извиваться, пытался меня цапнуть, но поводок крепко держал его челюсти. Пес был легким как пушинка, я быстро перенесла его в машину и пристроила у старушки на коленях. Она снова начала нашептывать что-то ему на ушко. Единственное, что мне удалось узнать, — это ее имя: Виолетта Баклер, и где она живет. Я проехала несколько сотен метров до ее дома на Картерс-лейн.

С Бенни на руках я последовала за Виолеттой в дом — и вернулась назад во времени. Мы оказались в длинном узком коридоре, с отстающим от пола линолеумом и рваными обоями в пятнах сырости. Мы миновали одну закрытую дверь, Виолетта распахнула вторую в дальнем конце коридора. Я вошла за ней в старомодную комнату, служившую одновременно и кухней, и гостиной. У задней стены, возле двери черного хода, была установлена допотопная раковина, а пространство под ней закрывала грязная занавеска в цветочек. По другую сторону двери стояла электрическая плита, которой лет было больше, чем мне. На месте одной из конфорок зияла дыра, которая за долгие годы обросла грязью и почернела. В буфете, отделанном пластиком, стояла посуда из разных сервизов, чашки и блюдца в большинстве своем были с отбитыми краями и со стершимся рисунком. Еще в комнате имелись два стула, ни на один из которых я не захотела садиться, складной стол, приставленный к стене, и изгрызенная пластмассовая корзина для собаки.

Опустившись на колени, я положила Бенни на потертый коврик перед электрическим камином. Я включила камин, пробормотав, что псу необходимо тепло, потом повернулась к Виолетте. Хозяйка, насколько я могла судить, была в не намного лучшей форме, чем ее пес. Она заметно дрожала. Может быть, у нее шок? С собакой я знала, что делать, с расстроенными старушками — нет.

— Миссис Баклер, вам нужно присесть, — сказала я, поднимаясь. — Я сделаю вам чай, но прежде осмотрю Бенни. Вы сможете потерпеть?

Она не ответила и, казалось, даже не заметила, как я расстегнула на ней пальто и усадила на один из стульев. От электрического камина толку было чуть — в комнате все еще было довольно прохладно. Я не стала снимать со старушки ни пальто, ни шапку. Где я уже видела эту шапку?

— Думаете, мне стоит позвонить ветеринару? — спросила она, ни на

секунду не отрывая взгляда от пса. — В Хонитоне есть врач, я его как-то вызывала, сразу после смерти Джима. Но он так дорого берет!

— Я сама ветеринар, — напомнила я, опять опускаясь на колени и открывая сумку. Потом повернулась к ней лицом и выдавила улыбку. — С соседей я денег не беру.

— Вы говорите, ветеринар, — сказала Виолетта. — Трудно добираться в город в ветклинику. Автобусы же отменили.

— Давайте-ка, я осмотрю вашего пса.

У старушки на глаза стали наворачиваться слезы.

— Сделайте милость, дорогая, — с трудом выговорила она. Я отвернулась и сосредоточилась на пациенте. Пес лежал у камина, тяжело дыша. Мне не понравились его мутные глаза и липкая шкура. Я не сразу нащупала пульс. Очень слабый. Поддержала в руках каждую лапу. Все холодные.

— Сколько ему лет, Виолетта?

— Не помню точно. Четыре, может быть, пять.

Я попыталась спрятать улыбку. Как пить дать, Бенни было не меньше двенадцати. Я протянула руку и погладила пса: по спине, по животу, каждую лапу. Живот раздулся, но в целом пес был очень тощим.

Бенни опять начал кашлять.

— Давно он кашляет? — спросила я.

Виолетта озадаченно посмотрела на меня, как будто на школьного учителя, задавшего трудный и совершенно неприличный вопрос.

— Он стал кашлять на прошлой неделе, — наконец призналась она. — Я дала ему своей настойки лютиков.

Я вытащила стетоскоп и послушала сердце Бенни. Ясно прослушивались шумы.

— У него хороший аппетит? — продолжала я расспрашивать.

— Бенни любит поесть, это правда. Всегда хорошо кушал.

Я вновь перевела взгляд на лежащего передо мной пса. Если не считать вздувшегося живота — кожа да кости. Я могла бы и дальше задавать ненужные вопросы о собаке, но не надеялась получить на них ответы. Более того, я была почти уверена, что знаю причину его недомогания. И я считала, что должна предложить усыпить собаку. Но знала я и то, что не смогу этого сделать. Это не по мне. За то небольшое время, что я провела в обществе Виолетты, я поняла, что пес значил для нее все. Лечить домашнего любимца и лечить больную дикую лисицу — вещи совершенно разные.

— Что я буду делать без Бенни? — прошептала Виолетта, как будто

прочитав мои мысли.

А и правда, что? Но я не могла избавиться от чувства, что очень скоро перед старушкой встанет этот вопрос. Бенни, я была почти стопроцентно уверена, страдал от хронической сердечной недостаточности. Если бы вовремя распознали болезнь, пса можно было бы вылечить медикаментозными средствами. Но Бенни уже слишком стар и болеет давно.

— Виолетта, ему необходим покой. Завтра я сделаю ему укол — введу препарат под названием фуросемид. Это мочегонное. — Непонимающий взгляд Виолетты. Я попыталась пояснить доходчивее: — Необходимо вывести лишнюю жидкость, скопившуюся в его организме, это поможет сердцу биться. Есть шанс, что Бенни станет лучше. Если же нет...

Я не была уверена, все ли из сказанного она поняла, и меня не покидало ощущение, что настоящая опасность подстерегает Бенни завтра утром, когда Виолетта забудет о его сердечном приступе и вновь попытается вывести на прогулку.

Я поднялась с колен. Взглянув на часы, поняла, что у меня еще есть время для вечерней пробежки, если уж утром побегать не получилось.

Однако как я могла оставить взволнованную дрожащую Виолетту, которая никак не могла согреться даже в пальто и шапке? Я спросила, не сделать ли ей чай. Она буквально встрепенулась, услышав мое предложение, и я поняла, что не уйду.

В кухне Виолетты была большая кладовка, но деревянные полки были пусты, их покрывал толстый слой пыли. Я нашла упаковку с пакетиками чая, небольшую пачку сахара и картонный пакет несвежего на вид молока. Похоже, она перебивалась консервами. Интересно, когда в последний раз она ела свежеприготовленную пищу? Где она берет продукты? В поселке только один магазин, в котором размещается и почта. Там можно купить хлеб, молоко, яйца и масло. Все остальные продукты либо в сухом виде, либо консервированные. Виолетта из-за отсутствия автомобиля и автобусного сообщения не в состоянии покинуть поселок. Должно быть, у нее нет родных, в противном случае она никогда бы не оказалась в столь жалком состоянии, не была бы так привязана к собаке и не зависела бы от незнакомых людей, изредка проявляющих сострадание.

Протягивая ей чашку чая, я вспомнила, где видела Виолетту раньше. Три дня назад она присутствовала на поселковом собрании. Сидела с четверьмя другими стариками, одного из которых, как я теперь знала, звали Эрнест Эмблин. Они все молчали, но слушали очень внимательно.

— Виолетта, можно задать вам вопрос?

Она подалась вперед, внезапно встревожившись.

— Я пыталась вспомнить, когда умер Уолтер Уитчер, — продолжала я. — Уолтер, который жил в конце поселка. В доме, сделанном из четырех хибар.

Что-то изменилось в лице Виолетты, она опустила глаза.

— Четыре хибары, — прошипела она. — Мы дивились, зачем они их объединили. Мы ведь и так все знали.

— Прошу прощения?

— Они были плохими парнями. Дерзкими, плохими парнями. Все, за исключением Уолтера. — Она подняла на меня бледно-голубые глаза и продолжила: — Мы все жалели Уолтера. Он раньше выращивал георгины — просто загляденье, самых разных цветов. Однажды я выразила свое восхищение, когда он работал в саду, и на следующее утро нашла на пороге букет георгинов. Как мило с его стороны!

— Да, действительно. Виолетта, вы помните, когда он умер?

— А Уолтер умер? — Она поморщилась, так была огорчена. Бесплезно. Виолетта с трудом могла вспомнить, что произошло всего лишь час назад.

Я кивнула.

— Несколько месяцев назад. Я не помню, чтобы его хоронили. Интересно...

— Гарри умер. Однажды ночью Гарри напился. Он вечно напивался. Шел домой по железнодорожному полотну — вскоре после того, как вернулся сюда, — и попал под поезд.

Кто такой этот Гарри? Муж Виолетты? Она ведь говорила, что его зовут Джим!

— Я помню похороны Эделины, — попыталась я зайти с другой стороны. — Прошлой осенью, в ноябре, верно?

При упоминании о смерти Эделины я вновь почувствовала приступ раскаяния. Она умерла одна в собственном доме: из-за хронического воспаления легких не выдержало сердце. Она пролежала мертвой четыре дня, прежде чем почтальон обнаружил ее и обратился в полицию. А еще говорят, что в маленьких поселках все друг другу помогают. Я огляделась: что-то не видно, чтобы кто-то помогал Виолетте. Неужели ее ждет участь Эделины?

— Эделина. — Виолетта отрицательно качала головой.

А я ждала продолжения. По ее поджатым губам было понятно, что она невысокого мнения об Эделине.

— Наглая бесстыдница в обтягивающих платьях, с сиськами,

выставленными на всеобщее обозрение. — Виолетта наклонилась ко мне, как будто нас могли подслушать. — Тогда почтальоном служил Ропни Гейтс, он быстро разносил почту и заглядывал к Уитчерам. Вот он говорил, что никогда не знал, из какого дома на этот раз выйдет Эделина. Даже из дома Арчи выходила, а ведь он служил в церкви.

Арчи? Гарри? Виолетта говорила много и сбивчиво. Разговор о прошлом расстроил ее. Я попыталась вставить слово, но старушку понесло.

— Если разглагольствуешь в церкви, это еще не значит, что ты хороший человек, — говорила она. — Он был — как это называется? — проповедником без духовного сана. Он отправлял службы, пока у нас не было своего священника. А потом уехал. Поговаривали, подался в Америку. Это было в 1958 году, в том году, когда мы с Джимом поженились. Пришлось обращаться в другой приход, поскольку церковь была разрушена.

Я не успевала следить за ходом ее повествования. Но упоминание о церкви заставило меня прислушаться.

— Церковь сгорела, верно? По крайней мере я всегда считала, что случился большой пожар, — сказала я. Я иногда пробегала мимо нее. До сих пор остались обуглившиеся балки. — Когда это случилось? В 1958-м?

Виолетта покачала головой.

— Не спрашивайте меня о той ночи, дорогая. Я так и не узнала, что произошло. Те, кто был там, не любят вспоминать об этом. Даже Руби, а она моя лучшая подруга. — Виолетта замолчала и зевнула.

Я встала.

— Виолетта. Я...

— Говорят, что все змеи погибли. Не смогли пережить суровой зимы.

До этого я слушала ее вполуха. Но, услышав про змей, насторожилась.

— Когда мы узнали о Джоне и малышке, то подумали: «Нет, только не это!»

Я подошла ближе, постояла, потом присела опять.

— Виолетта, что вы сказали? — как можно мягче спросила я. — О змеях?

Виолетта посмотрела на меня, казалось, не видя. Потом глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Виолетта! — окликнула я ее, наклонилась к старушке и тихонько коснулась ее руки.

Виолетта еще раз, не открывая глаз, вздохнула. Она дышала тихо, размеренно, и я поняла, что она заснула. Я встала и вышла, стараясь не шуметь. Я уже открывала дверь, ведущую в коридор, когда вздрогнула от

звука ее голоса.

— Дорогая, а что у вас с лицом?

Я повернулась. Глаза Виолетты вновь были открыты и смотрели прямо на меня.

— Несчастный случай, — сказала я, помолчав. — Давным-давно. Я была еще ребенком.

Она вздохнула и покачала головой.

— Но вы все равно такая красавица!

Я посмотрела на старушку. Никто никогда не называл меня красавицей. Это, очевидно, шутка, верно? Но Виолетта не шутила. Не до шуток было и мне.

— Важно то, что внутри, дорогая, — произнесла она, и ее глаза опять медленно закрылись.

Я прошла по коридору и вышла на улицу, дверь сама захлопнулась за мной.

— Именно так я себе и говорю, — прошептала я, стоя на крыльце.

Меня всегда привлекали церковные погосты, особенно старые. Мне нравились разбросанные там и сям надгробия — словно гранитные валуны среди травы. Нравилось читать высеченные на камне эпитафии, размышлять о бренности человеческой жизни, о тех, кто умер, прожив восемьдесят, а то и девяносто лет. О тех, у кого остались дети, внуки, даже правнуки. О ком скорбят и вспоминают с любовью.

Я знаю, любое кладбище хранит свои красивые печальные истории, там всегда можно найти могилы тех, кто умер раньше положенного времени — в результате несчастного случая или болезни. Обычно в меня вселяют надежду знаки любви и внимания, встречающиеся в таких местах в изобилии: вазы с засохшими цветами, выцветшие пластмассовые игрушки, рождественские погремушки, появляющиеся в конце декабря.

Неудивительно, что дочь священнослужителя добрую половину своего детства провела в церкви. Но я всегда предпочитала оставаться снаружи, разглядывать тисы и кусты бузины, растущие по всему периметру церковного двора, любоваться дикими цветами, появляющимися здесь в изобилии: фиалками и примулами — ранней весной, а когда становилось теплее — колокольчиками и наперстянками. Но в особенности я любила застенчивые незабудки с крошечными цветочками. Они росли повсюду и казались такими уместными на церковном кладбище, словно знак того, что чистые души умерших до сих пор остаются в наших сердцах. Незабудки — мои самые любимые цветы из всех, что растут в Англии. Маму и Ванессу больше интересовали грязные витражи и деревянная резьба внутри церкви, и они всегда качали головами и называли меня Упрямицей. Но впервые в жизни я действительно не пыталась подчеркнуть свою индивидуальность: просто так случилось, что я на самом деле любила церковные кладбища.

Тогда почему мне не понравилось это? Я несколько раз пробежала мимо старой деревенской церкви Святого Биринна, но ни разу не толкнула железные ворота и не зашла за высокую каменную ограду. И вот я стояла в воротах и осматривалась, постепенно понимая, почему меня сюда не тянуло. Разрушенная церковь и запущенный двор даже издали производили неприятное впечатление, а когда я подошла ближе, мне стало совсем неуютно.

Я пошла вглубь двора, надо мной возвышалось то, что осталось от средневекового здания: осыпающиеся каменные арки и почерневшие

балки. Я заметила едва уловимое движение между старыми балками и поняла, что здесь нашли пристанище летучие мыши. Они к вечеру как раз начали просыпаться.

Вдоль тропинки росли древние липы с большими темными листьями. Суковатые стволы были испещрены непристойными надписями — дело рук не одного поколения местной ребятни. В былое время церковь украшали массивные деревянные двери. Теперь одной створки не было вообще, а вторая висела косо, раскачиваясь на петлях. При сильном ветре она противно скрипела, поэтому я испытала минутное облегчение из-за того, что пришла сюда в безветренный день.

Кладбище было окружено высокой, почерневшей от времени каменной стеной, поросшей плющом и лишайником. Вдоль стены росли древние тисы. По ту сторону стены росли просто огромные деревья, в основном березы, но было и несколько орехов. Из-за их густых крон на погосте было совсем темно, даже днем, а за ними совершенно не было видно окружающих холмов. Создавалось впечатление, что ты оказался в коконе из стволов и листьев, отрезанный от внешнего мира.

На многих больших деревьях свили гнезда грачи. Видимо, они уже устраивались на ночь, но мой приход вспугнул птиц. Они кружили вокруг церкви, громко каркая, что характерно для этого вида пернатых. На мгновение я задумалась: а может, прийти сюда днем? Но, прекрасно понимая, что не найду времени, стала искать относительно недавние захоронения.

Отпевание Эделины Уитчер проходило в соседнем поселке, но обряд погребения был совершен здесь. Я не была на погребении, нужно было идти на работу, поэтому никогда не видела ее могилу. Я не знаю, почему именно в этот вечер у меня возникла неотложная потребность увидеть ее. Вероятно, я полагала, что, оказавшись возле ее могилы, я вспомню, что именно она сказала о смерти своего мужа. А может быть, я надеялась найти здесь и могилу Уолтера.

Через пару минут грачи успокоились, повисла тишина. Я бродила по погосту в поисках могил членов семьи Уитчер. Дважды я обнаруживала высеченную на камне фамилию Уитчер, но даты относились к началу девятнадцатого века. Вероятно, предки Уолтера. Прошло целых двадцать минут (я уже была готова сдаться, так как совсем стемнело), прежде чем я обнаружила небольшую деревянную табличку с именем Эделины и датами рождения и смерти. Больше ничего, никакой эпитафии, свидетельствующей о скорби любящих потомков, о незабвенности ее светлого образа. Я недолюбливала Эделину, но все равно ужасно грустно, что ее уход остался

совершенно не замеченным.

Ни на одной могиле не было имени Уолтера. Я уже собралась возвращаться к воротам, когда заметила на маленьком камне, метрах в трех от могилы Эделины, фамилию Уитчер. «Гарри Уитчер, — гласила надпись. — 1930–1982». 1930-й. Гарри был ровесником Уолтера, младшим братом, возможно, двоюродным. Виолетта упоминала о каком-то Гарри, ведь так? О том, который попал под поезд. Она упоминала о ком-то еще — Альфред? Артур?

Я снова стала бродить по кладбищу, удаляясь от ворот, вглядываясь в надписи на надгробиях. Наконец в самом дальнем углу я обнаружила несколько могил: четыре надгробных камня, маленьких и неприметных, немного в стороне от остальных могил, окруженные зарослями бузины.

Все четыре камня стояли на могилах молодых мужчин, умерших в 1958 году. Двое — в один день, 15 июня, третий — два дня спустя, 17 июня, и четвертый — 18 июня.

Меня охватило любопытство, я вспомнила, что Виолетта говорила о 1958 годе. Арчи. Вот имя, которое она называла. Она сказала, что до 1958 года службы отправлял Арчи. Я решила, что она все перепутала, и не стала обращать внимание на ее слова. Пока она не упомянула о змеях. Как она сказала? Они не пережили суровой зимы?

На секунду я задумалась: неужели кто-то привез тайпана в Англию в 1958-м? Но этот вид только-только открыли в Австралии. Абсолютно нереально! Но даже если и так, существует хоть малейшая вероятность того, что тайпаны могли выжить? Что, приспособившись к новым условиям, колония тайпанов живет и размножается в сельской местности — в Дорсете?

— Тропические змеи не могут жить в холодном климате, — пробормотала я себе под нос.

А была ли я в этом уверена или мне просто хотелось, чтобы так было?

Я наклонилась и еще раз осмотрела четыре надгробия. На первом было написано: «Преподобный Джоэль Морган Фейн ушел от нас во время пожара 15 июня 1958 года. Но он придет к нам, когда поздний дождь оросит землю». Я опять взглянула на обугленные руины церкви, потом повернулась ко второму надгробию. Надпись на нем гласила: «Ларри Ходжес, 17 апреля 1919— 15 июня 1958. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения». Неужели Ларри тоже погиб при пожаре? Третий камень венчал последний приют Питера Морфета, умершего 17 июня в возрасте тридцати двух лет. Четвертый лежал на могиле Рэймонда Гилларда, умершего 18 июня.

Грачи опять начали кричать, я подпрыгнула от неожиданности. И поняла, насколько у меня натянуты нервы. До моих приключений минувшей ночью я никогда не верила в призраков или иных злобных сверхъестественных существ. Но я готова бросить вызов любому, кто с наступлением ночи чувствует себя на кладбище в своей тарелке. Кроме того, меня стало преследовать странное ощущение — ну, вы понимаете, о чем я, — когда хочется оглянуться через плечо. Знаешь же, что там никого нет и быть не может, но все равно хочется обернуться.

Я обернулась. Метрах в десяти, не дальше, стояла и смотрела на меня облаченная в черное фигура.

— Добрый вечер, Клара, — произнесла фигура, делая шаг вперед.

— Здравствуйте, преподобный Перси, — ответила я. — Поздновато гуляете.

— Совсем наоборот. — Это было сказано негромким старческим голоском, под стать его обладателю, который проворно обошел куст бузины и присоединился ко мне.

Преподобный Перси — здешний приходской священник. Учитывая мое происхождение, он был одним из немногих, с кем мне приходилось общаться. Никуда от церкви не денешься, если твой отец — архидьякон.

Разумеется, дети священников в период взросления неизменно восстают против семейного уклада. Ванесса в пятнадцать лет, как и ожидалось, слетела с катушек и отказалась даже близко подходить к церкви. Исключением было, пожалуй, полуночное богослужение на Рождество, когда большинство ее приятелей шли в церковь после поздних вечеринок.

Однако в университете она увлеклась движением под названием «Слуги Господа». Через десять лет она стала председателем приходского совета, а теперь еще руководит воскресной школой и работает редактором церковного журнала. Кажется, даже отца приводит в недоумение ее искренний энтузиазм.

Мой собственный протест был не таким театральным. Я никогда не отказывалась посещать церковь, да и сейчас посещаю — раза два в месяц. Но в конце концов я была вынуждена признать, что не разделяю непоколебимых убеждений своего отца. Не то чтобы я не верила в Бога, я до сих пор ощущаю умиротворение во время церковной службы. Просто у меня в сердце нет бездумной, безоговорочной веры.

Но старые привычки тяжело ломать. Поэтому я познакомилась с преподобным Персивалем Стэнси, как только переехала в этот поселок. Раз в месяц я причащалась и, насколько позволяло воспитание, отвергала все его попытки завербовать меня в церковный хор.

— Может, я вам смогу чем-нибудь помочь, дорогая? — спросил он, оказавшись на маленьком пяточке, который образовывали четыре надгробия и кладбищенская стена.

— Вы служили здесь в 1958 году, преподобный отче? — спросила я.

— Да Бог с вами, голубушка, неужели вы думаете, что я такой старый? — усмехнулся преподобный Стэнси.

«Да вам уже хорошо за семьдесят», — был бы честный ответ, но я сочла за лучшее промолчать. Конечно, маловероятно, чтобы он служил в одном приходе более пятидесяти лет.

Преподобный Стэнси с неподдельным интересом читал надписи на надгробиях.

— Я приехал сюда в 1970 году, — сказал он. — В этой церкви я никогда службу не отправлял.

— Вы знаете, когда случился пожар?

Он взглянул поверх моего плеча на церковь, теперь совершенно черную на фоне пурпурного неба.

— Задолго до моего приезда, — ответил он. — Поговаривали о том, что надо бы собрать деньги и отстроить церковь заново, но в поселке никто эту идею не поддержал. Через некоторое время и колокол сорвало ветром.

Он положил руку мне на плечо.

— Холодает, дорогая. Проводить вас к машине?

Сама мысль о том, что моим провожатым будет древний старичок, была забавной, но очень милой. Я с благодарностью приняла предложение. Мы направились к воротам. Вокруг нас постоянно шуршали чьи-то крылья, несколько раз я заметила, как преподобный вздрагивал.

— Отче, я думала об Уолтере. Уолтере Уитчере. Пыталась вспомнить, когда он умер. Вы не помните?

Преподобный Перси споткнулся, я поддержала его, чтобы он не упал.

— Гм, давайте подумать... Спасибо, дорогая. — Он восстановил равновесие, и мы двинулись дальше. — Ведь похорон не было, я прав? Я, разумеется, предложил, но Эделина сказала мне, что будет тихое отпевание в больнице, которое проведет тамошний капеллан.

— Да, я тоже об этом слышала. Только не помню, когда это было.

— Давайте подумать. В сентябре, верно? Да, точно, в сентябре, ближе к середине месяца, потому что, когда я вернулся от Эделины, миссис Роберте попросила меня осмотреть церковь. Они как раз закончили украшать ее к Празднику урожая. Значит, это была середина сентября.

Я была с ним согласна. Тогда почему не сохранилась запись о смерти?

— Вы навещали его в больнице?

— Я даже не знал, что он туда попал, дорогая, — ответил он. — За все годы, что я здесь, никто из Уитчеров ни разу не приходил в церковь. Я вынужден полагаться на то, что говорят другие.

— Конечно, я понимаю. — И тут я кое-что припомнила. — Я обнаружила могилу Гарри Уитчера. Вы его знали?

— Гарри... да. Бедняга. Ужасный несчастный случай.

— Они были родственниками?

— Вас очень заинтересовали Уитчеры, дорогая? А вот и ваша машина. И моя.

Я попрощалась с преподобным Перси и пообещала вскоре заглянуть к нему в церковь. Я поехала вслед за ним на холм по дороге, которая вела к поселку. Я свернула на Бурн-лейн, а священник поехал дальше, повернул за угол и скрылся из виду.

Я припарковалась у своего дома и взглянула на дом Салли. В окнах было темно, и ее машины нигде не было видно. По пути домой я остановилась у хозяйственного магазина и купила четыре сверхмощные задвижки. Прежде чем лечь спать, их нужно было поставить на обе входные двери, сверху и снизу. Даже если у кого-то и был ключ от дверей моего дома, больше он не сможет войти, когда я сплю. Разумеется, если меня дома не будет, это совсем другое дело. Верно, нужно сменить замки.

Я устала и хотела есть. Накормила совят, понаблюдала, как они устраиваются на ночь. Холодильник был до отказа набит зеленью и овощами, но я была не в состоянии ничего мыть и резать. Я насыпала в тарелку хлопьев и села за стол, наблюдая, как совята ерзают, чтобы поуютнее прижаться друг к дружке. Я осилила лишь половину ужина.

Повинуясь внезапному порыву, я схватила трубку телефона. Нашла в памяти нужный номер и ждала, пока мне не ответил знакомый женский голос.

— Это Клара Беннинг, ваша соседка. Надеюсь, я не...

— Клара, здравствуйте! Как ваши дела? Я как раз укладываю Софию спать. Хотите заглянуть к нам, навестить ее?

— Спасибо за приглашение. У меня... Можно задать вам вопрос? О том утре, когда вы обнаружили гадюку?

— Конечно. — Голос Линей Хьюстон, такой дружелюбный и живой еще секунду назад, стал звучать тихо и настороженно, и неудивительно: любой матери тяжело вспоминать о том, что ее ребенок был на волосок от смерти.

— Когда я пришла к вам утром, мне показалось, что я видела мокрые следы в коридоре.

— Правда? — Голос вновь живой, но какой-то нервный.

— Я просто... не хочу вас пугать, уверена, что это пустяки... — Я запнулась, уже жалея о том, что позвонила.

— Я тоже их заметила, — сказала Линей. — Только решила, что это ваши. Или врачей со «скорой помощи».

— А, пустяки. Не стоило мне вспоминать об этом.

— Дэниел рано спустился вниз. Сказал, что проснулся от какого-то шума.

— Он что-нибудь заметил?

— Не помню, когда он вернулся в спальню — я тут же снова заснула. Но уверена, если бы он что-то заметил, рассказал бы мне.

— Конечно, рассказал бы. Прошу прощения, не стоило вас беспокоить. Вам, очевидно, пора укладывать Софию.

— Мы были бы рады, если бы вы пришли к нам поужинать. Мы могли бы позвать кого-то из соседей. Как насчет...

— Ой, у меня звонок на второй линии. Наверное, что-то срочное. Спасибо. Спокойной ночи.

За окнами совсем стемнело. Светила луна, но она была всего лишь в первой четверти, к тому же было облачно. Я сбежала трусцой с холма, пересекла лужайку и направлялась к Боттом-лейн.

Не знаю, о чем я думала. Я не говорила себе: «Беги к дому Уитчеров...», потому что не знала, какой придумать повод. Единственное, что мне было известно: нарушен порядок размеренной жизни английского поселка. В тихих английских поселках люди не умирают от укусов змей. Они не просыпаются от того, что в их дома вползают ядовитые тропические змеи. И уж точно, здесь люди не восстают из мертвых.

Я добежала до конца Боттом-лейн и остановилась. Тот, кто сказал: «Мой дом — моя крепость», явно имел в виду дом Уолтера. Я пробежала мимо столько раз, но никогда не задумывалась над тем, что это место действительно неприступно. Сад был обнесен низкой каменной изгородью. Поверх нее Уолтер натянул металлическую сетку, а перед ней разрослась живая изгородь, густая и колючая. Он намеренно выбрал растения, которые сплетаются стеной и имеют шипы. Изгородь достигала в высоту более двух метров. Если вооружиться мощными секаторами, вероятно, можно было ее преодолеть, но это заняло бы немало времени. Единственные ворота были метра полтора высотой, с острыми выступами наверху. Можно подставить лестницу и перемахнуть через ворота, но только это не под силу восьмидесятилетнему старику. Если Уолтер жив и обитает в этом доме, воротами он не пользуется. Я решила обойти ограждение по периметру, посмотреть, есть ли где-нибудь калитка.

Я не взяла с собой фонарик — не думала, что понадобится. Я довольно неплохо вижу в темноте. Нас с коллегами постоянно вызывают ночью спасать кого-нибудь, поэтому я привыкла пробираться быстро и бесшумно

по темному поселку и его окрестностям. Мы проходим мимо рыбаков, всего в двух-трех метрах от них, а они даже не подозревают о нашем присутствии. Держась с подветренной стороны, мы наблюдаем за играми барсуков, подойдя настолько близко, что могли бы при желании в этих играх поучаствовать. Мы даже видели олениху, кормящую детеныша, и они не выказали ни малейшего беспокойства.

Весь фокус в предельной сосредоточенности на происходящем, необходимо видеть и слышать все вокруг — заметить копошащуюся у твоих ног букашку, уловить запах лисицы. Попробуйте как-нибудь. Выбросьте из головы все мысли и отпустите на волю чувства. Это удивительно, и в то же время как это успокаивает, когда чувствуешь, что ты дитя ночи.

В тот вечер я опростоволосилась, потому что голова моя была занята посторонними мыслями. Я не сосредоточилась на происходящем вокруг меня, думала о другом, разглядывала изгородь вокруг дома Уитчеров, пытаюсь отыскать хоть что-то похожее на вход. В противном случае я сразу бы уловила слабые звуки, идущие с пустыря по ту сторону тропинки. Почувствовала бы опасность, неминуемую угрозу, услышала бы, что ко мне подкрадываются. Хотя я обратила внимание на негромкое шуршание — вероятно, большое животное пробиралось в густой траве. Я остановилась. Мертвая тишина.

Я продолжила свой путь, понимая, что отхожу все дальше от поселка, лишая себя возможности получить помощь, если эти звуки издавал не олень, не лисица и не барсук. Прошла еще метров десять.

Новый звук. Маленький камешек стукнулся о большой. Явно там кто-то был. Некто двигался одновременно со мной. Животное? Интересно, мое любопытство перевесит страх? Странная мысль в такой момент. Я замерла, прислушиваясь, и поняла: всего в метре-другом от меня, за негустой порослью орешника и бузины кто-то делает то же самое — стоит и прислушивается. Я ничего не слышала, но каждый волосок на моем теле вздыбился, и я не удивилась бы, опустив глаза и увидев, что моя грудная клетка ходит ходуном, — так громко и неистово билось мое сердце.

Я сделала два шага назад, опасаясь нападения из-за кустов. Еще один шаг, и я споткнулась. Повернулась и вновь пошла, делая по возможности широкие шаги, ежесекундно оглядываясь через плечо. Мне казалось, что я продолжаю слышать движение на пустыре, но из-за бешено колотящегося сердца я не могла быть в этом уверена. До поселка было еще не близко, и криков о помощи, случись такая необходимость, никто бы не услышал.

Я пустилась бежать. Дорогу мне преградила черная фигура. И еще

одна. Я остановилась. Услышала шорох за спиной и обернулась. Кто-то пробрался сквозь заросли и вышел на тропинку. Потом четвертый, пятый. Пятеро против одной. Соотношение сил не в мою пользу.

Бежать было некуда, и я шла вперед, отчетливо слыша движение за спиной. Меня настигали, но я знала, что у меня есть секунда-две в запасе.

— Прощу прощения! — произнесла я, с облегчением слыша, что мой голос звучит сердито.

Двое передо мной не двигались. Я этого ожидала, честно признаться, — я уже бывала в подобных ситуациях. Я засунула правую руку в карман, нашла то, что там и должно было находиться, и плотно сжала это в руке. Я остановилась шагах в трех-четыре от них и полуобернулась, чтобы видеть остальных троих.

Хуже всего — показать свой страх. Если они увидят, что я их боюсь, — я проиграла. Они были молодыми (это хорошо) и наверняка местными (вряд ли у них были водительские права, а поблизости других поселков не было). То, что местные, — тоже хорошо. Значит, им будет труднее отвертеться, если что. Это та компания, о которой рассказывала Салли, те, кто ошивался у дома Уитчеров. Вероятно, именно они виновники «маленьких шалостей», от которых мы все страдали.

— Уродливая корова! — раздался голос у меня за спиной. Девичий голос.

Я сделала еще один шаг вперед, приблизившись к стоящим настолько, что могла их коснуться, и посмотрела прямо в глаза тому, кого сочла главарем. Он был высоким, выше среднего роста, рыжеволосым, с прыщавым лицом. Не старше семнадцати, но довольно крепкий. Его взгляд встретился с моим, но была в этом взгляде какая-то неуверенность, и это вселило в меня надежду. Стоящий рядом с ним парень с капюшоном на голове смотрел на своего приятеля, не на меня. У этих ребят храбрость напускная. Мне нужно лишь найти слабое место и надавить.

— Есть бумажный пакет, Нат? — спросил один из парней, стоявших у меня за спиной.

Нат и его приятель в капюшоне заржали. Нат шагнул вперед. Я почувствовала запах его пота, затхлый запах сигарет и какой-то первобытной жестокости. Его глаза шарили по моему телу.

— Покажи сиськи! — приказным тоном сказал он, глядя мне в глаза и пытаясь увидеть в них страх.

— Да пошел ты! — бросила я в ответ, порывшись в закромах, где я приберегала ругательства для подобных случаев.

Он бросился на меня, я отпрыгнула назад и занесла правую руку над головой. Он остановился и поднял голову, на секунду утратив самоуверенность и пытаясь разглядеть, что же, черт возьми, у меня в руке.

А в ней я держала тяжелую связку ключей. Ключей от дома, машины, работы — целую кучу. Я зажала между пальцами кольцо, и несколько самых больших ключей торчали под прямым углом из сжатой в кулак руки. Самый удобный кастет, какой только можно придумать.

— Не знаю, что у вас, идиотов, на уме, но тот, кто хоть пальцем меня тронет, тут же лишится глаз. — Я переводила злой взгляд с одного на другого.

Девушка слегка подтолкнула локтем стоящего рядом с ней парня, подбадривая его.

— Я вполне серьезно, — заявила я.

Никто не двинулся, но глаза Ната горели недобрым огнем. Они не верили, что я смогу это сделать.

— Ну да, вас пятеро, — сказала я. — И в конечном итоге ваша возьмет. Но один из вас не увидит завтрашнего рассвета. Один из пятерых. Кто хочет рискнуть?

— Мне кажется, леди хочет сказать: «Кому сегодня повезет?»

Все как один мы обернулись и увидели на тропинке нежданного гостя. Опершись о ворота дома Уолтера, стоял Мэт Хоар.

— Так кому? — повторил он.

— Черт! — раздался голос за моей спиной.

Последовала возня, и девчонка бросилась к изгороди.

— Кимберли, стоять! — крикнул Мэт.

Девушка замерла. Мэт шагнул к нам, двое парней посторонились, давая ему дорогу. Они угрюмо смотрели на него, но уйти не смели.

— Джейсон Шорт, Кении Браун, Натан Кич, Робби Кич и Кимберли Эплин. Вся компашка в сборе. — Он взглянул на меня, коротко кивнул и вновь обернулся к компании подростков, а те сбились в кучу, вытолкнув вперед рыжеволосого Натана. Мэт продолжил: — Теперь вот что, ребяташки. Вы отправитесь по домам, а я пока напишу подробный рапорт о сегодняшнем небольшом происшествии. А мисс Беннинг пока решит, будет она выдвигать против вас обвинения или нет.

Он повернулся ко мне.

— Кстати, я считаю, что она должна это сделать. — Потом опять к подросткам: — А пока она раздумывает, я отвезу рапорт в участок. Даже если мисс Беннинг решит, что вы не стоите того, чтобы тратить на вас свое время, начальство может захотеть в этом инциденте разобраться. По

крайней мере эта информация будет занесена в ваши личные дела, поэтому я бы посоветовал вам вести себя тише воды, ниже травы. А теперь проваливайтесь отсюда, пока я не спустил на вас мисс Беннинг.

Они развернулись и зашагали по тропинке.

— И пошевеливайтесь! — крикнул Мэт им вслед.

Они прибавили шагу и рысью бросились за угол. Цепочку замыкали девушка и один из парней поплотнее. Мэт же направился в противоположную сторону, мне навстречу. Он обернулся, и мне показалось, что через его плечо я увидела, как из-за изгороди вышел кто-то шестой и последовал за ребятами. Мужчина, крупнее и старше этих подростков. Я тут же подумала: Аллан Кич, но он скрылся слишком быстро, поэтому я не была уверена, что это он. Идущий ко мне Мэт его не видел. Луна скрылась за облаками, поэтому я разглядела лишь силуэт и глаза. Я не двигалась. И не знала, смогу ли.

— Пошел ты? — повторил Мэт. — Что за выражения у дочери архидьякона?

Я ударила его. Не сдержалась. Слава Богу, не той рукой, где были ключи, а левой, сжатой в кулак. Короткий неловкий удар в нижнюю челюсть. Не настолько сильный, чтобы причинить увечье, но и довольно ощутимый. Мэт и глазом не моргнул.

— Прощу прощения, — тяжело дыша, произнесла я и закрыла лицо рукой, поскольку чувствовала, что вот-вот расплачусь. А я совсем, совсем не хотела плакать на глазах у Мэа Хоара.

Он подошел ко мне, обнял за плечи и притянул к себе. Я почти сдалась. Почти позволила заключить себя в объятия и... Что? Что было у него на уме? Я этого так и не узнала, потому что в мгновение ока опомнилась и отшатнулась. Он не удерживал меня.

— Ты нормально себя чувствуешь? — спросил он.

Я кивнула.

— Чертова шантрапа! — произнес он. — Натан Кич за два последних года несколько раз сидел в колонии для малолетних преступников, и, похоже, братец последует его примеру. Кимберли Эплин исключили из двух школ за издевательства над соучениками и употребление спиртных напитков и наркотиков. Кенни Браун и Джейсон Шорт сидели за магазинные кражи. Я уверен: они виновники всех тех неприятностей, которые постигли нас в последнее время. У меня просто нет доказательств. Я сто раз говорил им, чтобы они держались отсюда подальше.

— Просто дети ищут привидения, — пробормотала я себе под нос, не ожидая, что Мэт меня услышит.

Интересно, а предложит ли он проводить меня домой? Просить я не могла, но очень-очень этого хотела. Когда это я превратилась в такую размазню?

— Так вот чем ты занималась! — воскликнул он.

Я подняла глаза.

— Сегодня в обед я встретил Салли, — пояснил он. — Она сообщила, что пробравшийся к тебе злоумышленник похож на Уолтера. Ты не думала, что должна была сказать об этом еще вчера?

Салли обедала с Мэтом. Почему эта мысль была мне неприятна? Что еще она ему рассказала? Что он рассказал ей?

— Ты мне не веришь, — заметила я.

Хотела, чтобы это прозвучало как вопрос, а получилось как обвинение.

— У меня нет причин тебе не верить, но Уолтер был вполне достойным малым. Не могу представить, чтобы он подстроил собственную смерть, где-то прятался от всего мира, а теперь стал вламываться к людям по ночам.

— Верно, — согласилась я.

Мэт повернулся и посмотрел сквозь прутья ворот на дом.

— Нам действительно необходимо выяснить, что происходит в этом доме, — заявил он. — Утром пошлю по электронной почте письмо в местную юридическую фирму. Попытаюсь узнать, кто имеет отношение к этому дому. Но если ни Уолтер, ни Эделина не оставили завещания и не объявились их близкие родственники, дело может затянуться на несколько лет.

— Мне пора возвращаться.

Я стала взбираться на холм, надеясь, что он последует за мной, в то же время допуская, что этого может и не случиться. Потом остановилась и обернулась. Мэт не двигался. Он просто смотрел на меня.

— У Уолтера были братья? — спросила я.

Он улыбнулся.

— Я все думал: когда ты об этом спросишь? Были. Трое. Уолтер самый старший.

— Одного звали Гарри. Я только что видела его могилу на кладбище.

Он кивнул.

— И Арчи. Он уехал много лет назад. Стал проповедником где-то в Штатах.

— А третий?

— Его звали Сол. Судя по всему, паршивая овца в стаде.

— Что случилось с Солом? — поинтересовалась я. Усталость как

рукой сняло.

— Он тоже уехал. По слухам, его изгнали из поселка. Понятно, почему о нем никто ничего не знает.

— Он мог вернуться. Узнал о смерти Уолтера и Эделины, вернулся и поселился в их доме. Причем на законных основаниях.

Волнуясь, я рассказала Мэту о лице, которое видела в окне несколько дней назад, о странной схожести моего ночного гостя и Уолтера. Когда я закончила, Мэт еще несколько мгновений не сводил с меня глаз, потом повернулся лицом к дому.

— Ты знаешь, что этот дом построен на краю небольшого мелового откоса? — спросил он, глядя сквозь прутья ворот. — За домом обрыв шестиметровой высоты.

— Я этого не знала. — Никогда не видела заднюю часть дома Уитчеров. По обе стороны тропинки, где я совершала пробежки, густые заросли. Оттуда нельзя видеть дом Уитчеров, только когда окажешься почти над ним. — Значит, сзади в дом не попадешь?

— Нет, если только ты не альпинист. Изгородь тянется в обе стороны от дома, до самого обрыва. Я пару раз обходил этот участок, узнав, что деревенские идиоты стали рассказывать сказки о привидениях. Туда можно попасть только через ворота.

— Но я точно кого-то видела, — настаивала я, разозлившись из-за его замечания о деревенских идиотах. Неужели он и меня имел в виду?

— Хочешь проверить?

— Что?

— Существует единственный способ проверить, прячется ли Сол Уитчер от людей в зловещем, кишачем змеями доме.

— Кто-то говорил, что входа нет.

Мэт усмехнулся и достал из кармана пиджака небольшую связку ключей. Стал перебирать их, пока не нашел тонкий серебристый ключ с прямоугольной головкой. Он вставил его в навесной замок. Провернул, и замок открылся.

— Добро пожаловать! — пригласил он меня войти.

Довольно неуверенно, заинтригованная больше, чем хотелось бы в этом признаться, я последовала за Мэтом по тропинке, конец которой терялся метрах в сорока от нас. На полпути он остановился, и я стала рядом с ним.

— Я вырос в этом поселке, — сказал он. — Еще ребенком я прибежал сюда поболтать с Уолтером. Уже и забыл, какой тут красивый сад.

Я вообще никогда раньше не была в этом саду — любовалась им, лишь стоя за воротами. Но Мэт был прав. Это был образчик классического английского сада, с множеством разнообразных растений, теснящих друг друга в борьбе за место под солнцем на этом участке земли, который никоим образом нельзя было назвать небольшим. Повсюду цвели ранние розы: они взбирались по изгороди, опутывали решетку, цеплялись за деревья, словно паразиты.

В одном углу сада была сооружена пещера из местного камня. В укромных уголках и нишах стояли фонари и статуи, а в центре пещеры бил родничок, который затем сбегал, извиваясь, ручейком по крутому склону, огибая древний тис и раскидистые кусты старого можжевельника, росшие вокруг лужаек.

Старый дерн на тропинке весь порос небольшими вьющимися растениями, побеги которых обрывались, как только мы ступали на них. Мне показалось, что я почувствовала сладкий цитрусовый аромат тимьяна. Мэт нагнулся, провел рукой по траве сбоку от тропинки, потом поднес руку к носу и глубоко вдохнул. Затем еще раз провел рукой по траве и протянул ее мне.

— Я делал так в детстве, — сказал он. — Каждый раз, когда приходил сюда. Лучший в мире запах.

Я приблизила нос к его руке и вдохнула. Что-то сладкое и легкое, маняще знакомое.

— Ромашка, — произнесла я через секунду.

Я также ощутила запах цитруса, шедший от пальцев Мэта, — сегодня вечером он чистил апельсин. Но ему говорить об этом я не стала.

Ближе к дому находился небольшой фруктовый сад. Из-за ветра с большинства деревьев уже облетел цвет — он подобно свадебному конфетти лежал на земле.

— Это ты повесил цепь на ворота? — спросила я. — Поэтому у тебя

есть ключ?

— Скажем так, я знаю того, кто это сделал. Уолтер был садовником, — сообщил Мэт. — Большую часть жизни он проработал в местном отделении Национального треста.^[9]

Мы подошли к дому. Все окна первого этажа были заколочены. Две из четырех дверей заложили кирпичом, остальные две были на вид довольно прочными. Я хотела было повторить: «Хода нет», но не знала, как на это отреагирует Мэт. Он разглядывал дом, старые каменные стены с потрескавшейся штукатуркой, древнюю глицинию, чьим цветом был осыпан верхний этаж, соломенную крышу, которая отчаянно нуждалась в ремонте. Мэт напоминал альпиниста, готовящегося покорить высоту.

— На днях я прочитал рассказ о том, как одна парочка, путешествуя на машине по танзанийской саванне, переехала черную мамбу. Ее подруга бросилась в погоню, догнала машину и убила и водителя, и пассажирку.

Благодаря жизненному опыту я чувствовала, когда меня пытаются обвести вокруг пальца. Но я давно уже научилась этому противостоять. Я не стала обращать на Мэта внимание и отвернулась. Слева от дома Уолтер выращивал овощи. Грядки были запущенными, но на них еще виднелись остатки каких-то растений, посаженных аккуратными рядами.

— Так что, это правда? — спросил Мэт. — Мамба может догнать машину?

— Нет, — ответила я, не поворачиваясь к нему.

— А скаковую лошадь? Я прочел еще одну историю о том, как мамба догнала всадника и убила его и лошадь.

— Нет.

— Ты уверена? Существует много рассказов о мамбе, развивающей невероятную скорость. Не считая легенд о кровной мести этих змей.

Я вздохнула.

— Мамба — быстрая змея. Вероятно, самая быстрая в мире. Но ни одна змея, даже мамба, не в состоянии догнать и перегнать бегущего взрослого здорового человека, не говоря уже о лошади. — Я повернулась к Мэту. — Что мы тут делаем?

— Незаконно проникаем в помещение.

— Двери заколочены. Мы же не можем... Эй!

Мэт достал из кармана швейцарский армейский нож и с его помощью попытался расшатать и вытащить гвозди, которыми были прибиты две доски на крайнем слева окне. Это заняло несколько секунд. За досками оказалось окно с разбитыми стеклами. Мэт натянул на руку рукав своей куртки и начал выдавливать торчащие острые осколки стекла внутрь дома.

Они рассыпались, ударяясь о твердый пол, с необычайно громким в ночной тишине звоном.

Я не могла поверить своим глазам, а Мэт уже полез в карман и вытащил пару перчаток, похожих на хирургические, какие я надеваю во время операций, только плотнее. Натянул их, и в этот момент мне показалось, что я услышала внутри дома какое-то движение. Подняла глаза, взглянула на темные окна верхнего этажа. Интересно, что скрывается за ними?

— Послушай, похоже, это не очень хорошая идея. Я рано встала и...

— Ты не можешь сейчас уйти. — Он повернулся ко мне.

— Почему же?

— Я боюсь привидений.

С этими словами он двумя руками в перчатках взялся за оконный карниз и подтянулся. Через секунду он уже был на карнизе, потом спрыгнул внутрь. Огляделся и обернулся ко мне.

— Ты идешь или будешь стоять на стреме?

Я схватила протянутую им руку, как будто могла силой удержать его от глупостей.

— Это на самом деле не очень хорошая идея. Даже ты не можешь врываться в частное владение без ордера или... еще какой-нибудь бумажки.

Он вздохнул.

— Представь себе, могу. Согласно Закону о полиции и доказательствах уголовное право позволяет сотруднику полиции нарушить границы частного владения без ордера при наличии прямой угрозы жизни или здоровью граждан, — произнес он как по писаному. — На мой взгляд, если Уолтер, или Сол Уитчер, или иной старик живет в этом доме, предположительно, с целым выводком ядовитых змей, то его жизни грозит опасность. Пока это всего лишь предположения, поэтому я и оказался здесь сегодня вечером, чтобы лично осмотреть дом, прежде чем задействовать полицейских. Мне просто не повезло, что я случайно наткнулся на тебя и этих местных идиотов, ведших с тобой «задушевную» беседу.

Пару секунд мы с Мэтом не сводили друг с друга глаз. Потом он вновь заговорил, и я стала подозревать, что его терпению вот-вот придет конец.

— Ты можешь пойти со мной, если будешь слушаться меня беспрекословно, либо подожди снаружи, но пообещай не двигаться с места. Меньше всего мне бы хотелось сперва проводить тебя домой, а уж потом возвратиться сюда и осмотреть дом, потому что наше шумное вторжение наверняка всполошило любого, кто бы здесь ни жил. Поэтому я хочу поскорее покончить с этим. Ну, что ты выбираешь?

Я уже решила. Если в доме Уитчеров есть ядовитые змеи, Мэту Хоару понадобится моя помощь. Я нашла старый цветочный горшок, поставила его под окном, стала на него, схватила протянутую руку и через секунду оказалась внутри дома.

В старых хижинах для рабочих обычно было две комнаты на первом этаже и две на втором. Здесь четыре хижины были объединены в дом, следовательно, к услугам хозяев было целых шестнадцать комнат. Печальная перспектива для нас, учитывая состояние той комнаты, в которой мы находились.

Влажные голые каменные стены. На полу огромные куски обвалившейся с потолка штукатурки. На толстом проводе — голая электрическая лампочка. Мы стояли молча, и я поняла, что прислушиваюсь. К чему именно? Малейший шорох указал бы на то, что мы с Мэтом здесь не одни. Вспыхнул свет, и стало видно, что по всей комнате разбросана зола. Я повернулась к Мэту. Он держал маленький, но удивительно мощный карманный фонарик.

— Я взял лишь одну пару перчаток, — сказал он. — Ничего не трогай.

От его легкомысленного настроения не осталось и следа. В доме со мной был совершенно другой человек. Заместитель начальника полиции.

Пол был покрыт линолеумом. Я стала на единственный коврик, он захлюпал у меня под ногами. У стены стояло деревянное кресло, обивка которого вся была покрыта плесенью.

Мэт направился по коридору в кухню, я за ним.

— Не могу поверить, что здесь жили люди, — пробормотал он.

В кухне имелись каменная раковина и маленькая старомодная плита. Из открытой печной дверцы торчала солома — в доме обосновались грызуны, заключила я.

Повсюду ощущался затхлый запах: здесь гнили оставшиеся предметы мебели, рваные занавески лишь чудом держались на оконных карнизах, а ковры на полу скорее напоминали лужи. Мне даже показалось, что я чувствую запах болота.

В кухне окна были совсем крошечные. Посмотрев через грязное окно, я смогла лишь различить, где начинается обрыв, — всего метрах в трех от задней стены дома. И никакого запасного выхода.

Вход во вторую хижину мы обнаружили за занавешенным арочным проходом. Когда липкая ткань скользнула по моему лицу, я вздрогнула и поспешила за Мэтом в ванную комнату с минимумом необходимого: белая стальная ванна, раковина и унитаз. Меня чуть не стошнило от вони, поэтому я направилась в следующую комнату — это была мастерская.

Вдоль двух стен был установлен теперь уже ветхий стеллаж из огнеупорного пластика, а под окном стоял треснувший грязный аквариум, в каких обычно содержат рыб, черепах, мышей или песчанок. Или змей. Узкая запертая дверь вела, как я догадалась, на лестницу. Вокруг валялись ржавые инструменты, но мой взгляд был прикован к высохшей змеиной коже, свернувшейся клубочком в том месте, где стеллаж упирался в стену. Мэт проследил за моим взглядом.

— Нужно бить тревогу? — поинтересовался он.

Я покачала головой.

— Кажется, это уж. И кожа сброшена уже давно. А что ты имел в виду, когда назвал Сола Уитчера паршивой овцой? Что его изгнали из поселка?

Мэт направился в третью хижину. Я последовала за ним в очередную маленькую комнатку, примечательную лишь своей убогостью. Вместо двери мы обнаружили кирпичную кладку. Такая же кладка украшала и то место в стене, где некогда была дверь в кухню.

— Зачем закладывать проход в кухню? — задала я вопрос скорее себе, чем Мэту.

В противоположном конце комнаты луч фонарика Мэта обшаривал дверную коробку. Кирпичи явно были старыми, местами потрескавшимися и выщербленными, известковый раствор от времени почернел.

— Вероятно, находиться в этой части дома небезопасно, — предположил Мэт. — Слишком близко к обрыву. Пусть семейство Уитчеров было неприхотливым, они все же проявили осторожность.

Я промолчала. Протянула руку, чтобы ощутить шероховатость и холод старой кирпичной кладки. И не почувствовала холода. Кирпичи казались теплыми, пусть даже чуть-чуть.

— Ну, лично я считаю, что на дом нужно повесить табличку «На снос».

С этими словами Мэт вышел. Направился в четвертую — и последнюю — хижину. Я намеренно задержалась, надеясь, что Мэт вернется и пощупает стену, чтобы проверить, на самом ли деле она теплее, чем должна быть. Поэтому у меня было время заметить, что в третьей хижине нет лестницы, ведущей наверх. Может быть, лестница была в заложенной кухне.

Со своего места я видела, что четвертая хижина и первая — самые настоящие близняшки: маленькая грязная гостиная, убого обставленная кухня. Но времени для осмотра у меня было мало, потому что Мэт открыл дверь, ведущую на лестницу, и уже взбирался наверх. Фонарик он унес с собой.

Лестница была узкой и крутой. Дверь наверху оказалась закрытой, из-за чего лестница была погружена в кромешную тьму. Я преодолела две деревянные ступеньки. Мэт шел сразу передо мной, светя себе под ноги фонариком. Он оглянулся через плечо, и я заметила, что на его лице промелькнула тревога. А через секунду позади меня раздался громкий звук захлопнувшейся двери, и тьма поглотила нас.

Я не стала кричать. Даже содрогаясь от ужаса, я понимала, что необходимо прислушиваться. За секунду до того, как хлопнула дверь, я уловила движение в комнате на первом этаже. Там кто-то был. Дверь захлопнулась не сама. Теперь меня мучил только один вопрос: то, что я слышала, донеслось извне или шорох раздался внутри дома?

— Не двигайся, — сказал Мэт, и его голос прозвучал слишком громко в замкнутом пространстве и слишком спокойно. Он, вероятно, не слышал того, что слышала я. — Не шевелись. Я уронил этот чертов фонарь, а лестница какая-то подозрительная.

Я стояла в абсолютной темноте, пытаюсь выбросить из головы ужасную мысль: тот, кто захлопнул дверь, сейчас находится на лестнице рядом с нами. В любую секунду он мог протянуть руку, и тогда я почувствую, как меня хватает сильная липкая рука. Меня неотвязно преследовало воспоминание о том, как эта рука касалась меня всего несколько часов назад. Я, конечно же, понимала, что это невозможно — Мэт стоял лицом к двери, когда та захлопнулась. Он наверняка увидел бы того, кто...

Я с трудом сохраняла спокойствие и не двигалась, пока Мэт на ощупь искал фонарик. Один раз он коснулся моей коленки, но я никак не отреагировала на это. Я прикусила губу и стала мысленно считать до ста. На пятидесяти я закричу, больше я не смогу сдерживаться.

Потом у наших ног появился и заметался маленький лучик света. Удостоверившись, что под ногами нет зияющих дыр и — что было еще важнее — мы на лестнице одни, мы продолжили подъем.

— Ступай ближе к краю, — велел он. — Ставь ноги по краям ступеней. И держись ближе ко мне. Дверь внизу, должно быть, захлопнулась ветром.

Вечер, насколько я помнила, был на удивление тихим, но не стоило в такой момент упоминать об этом. Я вздохнула с облегчением, увидев, что Мэт достиг двери наверху и повернул ручку. Лестница залилась неярким светом, я быстро догнала Мэта. Лишь тогда я решилась обернуться и взглянуть на сгнившую дверь, которая захлопнулась за нашими спинами.

Мы быстро осмотрели две спальни, скудно обставленные и грязные. Мэт распахнул дверцу шкафа и заглянул внутрь. Там висели хлопчатобумажные цветастые платья, совершенно бесформенные. Мэт

распахнул вторую дверцу, и мы увидели три мужских костюма. На полу шкафа аккуратно выстроились несколько пар туфель.

На полу во второй комнате лежали два необыкновенно грязных матраса. Больше никакой мебели. Дощатый пол, голый и некрашенный, местами прогнил настолько, что виднелось перекрытие потолка комнаты на первом этаже. На стене, на уровне промежутка между двумя матрасами, висела черно-белая фотография в черной пластмассовой рамке. Я осторожно приблизилась к ней.

Теперь я разглядела, что фотография на самом деле вырезана из газеты. В правом верхнем углу дата — 17 июня 1956 года. На фото была изображена группа мужчин в белоснежных костюмах для крикета. Они были сняты на фоне дома в стиле Тюдоров. На уровне мужчин заднего ряда, чуть в стороне от них, стояли три женщины.

Я посмотрела на мужчину, стоящего в центре со скромным кубком в руках. Молодой мужчина с приятным открытым лицом. Довольно крупные черты лица: большие глаза, крупный нос, полные губы, широкий рот. Волосы, как мне показалось, каштанового цвета, были коротко подстрижены по тогдашней моде.

— Это Уолтер, — сказал Мэт. При звуке его голоса я даже подпрыгнула — не ожидала, что он стоял настолько близко. — Когда я был мальчишкой, он был уже капитаном команды по крикету.

Под снимком были перечислены имена игроков. Я провела пальцем по списку, соотнося эти имена с лицами. Все братья Уолтера играли в крикет. Арчи, который давно уехал в Америку, был самым высоким и самым красивым из братьев. У него была смуглая кожа, тонкий, чуть крючковатый нос и раскосые темные глаза. Его лицо показалось мне смутно знакомым, но я не могла вспомнить, кого он мне напоминает. Какую-то телезвезду? Я попыталась примерить на него костюм менестреля и не смогла. Он не тянул на менестреля.

Гарри, пьяница, которого постигла нелепая смерть, был похож на Уолтера, но ниже ростом, плотнее и с белокурыми волосами. Сол, «паршивая овца», был очень похож на старшего брата: тот же рост, те же черты лица. Вполне вероятно, что в моем доме побывал Сол. Также вероятно, что Сол Уитчер сейчас находится в этом доме. Я не сдержалась и нервно огляделась.

— Это главный дом поместья, — сказал Мэт, указывая на снимок. — За ним была пашня, предыдущий хозяин выровнял ее и превратил в поле для крикета. Клайв Вентри говорил, что хочет отреставрировать дом. Когда сможет побыть в стране подольше.

Меня совершенно не интересовало поле для крикета.

— Большое фамильное сходство, — заметила я, водя пальцем от Сола к Уолтеру. — Ты знал его? Я имею в виду Сола Уитчера.

Мэт отрицательно покачал головой.

— Он уехал еще до моего рождения.

— Возможно, он еще жив. И живет в этом доме.

— Пока нет и намека на его присутствие.

Я не хотела с ним спорить. Однако меня не покидало ощущение, что дом обитаем.

— А почему ему пришлось уехать? — спросила я.

— Никто точно не знает, — ответил Мэт. — А даже если и знают, то не хотят говорить. Ты наткнулась на местную тайну, Клара. Я несколько лет назад сам заинтересовался этим и просмотрел в участке все старые записи. Что бы тогда ни случилось, произошло это в 1958 году, когда сгорела церковь. Сол всю свою сознательную жизнь постоянно попадал в неприятности, но цепочка совершенных им преступлений оборвалась летом 1958 года. Согласно записям, именно в этом году он перестал причинять неприятности. Гарри и Арчи Уитчеры тоже оба уехали в том году, хотя лет через десять Гарри вернулся.

1958 год. Значит, тогда сгорела церковь. Что говорила Виолетта? Она так и не узнала, что случилось той ночью?

— Что-то странное было в том пожаре, — продолжил Мэт. — Все имеет документальное подтверждение, если знаешь, где искать. Пожарных вызвали только рано утром, когда большая часть здания уже сгорела. Полицейских вообще не вызывали, хотя они сразу приехали, как только узнали о происшествии. Тогда в поселке уже имелись телефоны, но, несмотря на то что в огне пострадали люди, никто не позвал на помощь.

— В пожаре погибло два человека, — сказала я, вспомнив о могилах, которые обнаружила ранее. — Не менее двух. Один из них — священник.

Мэт кивал. Это для него не было новостью.

— Капитан идет ко дну со своим судном, — произнес он. — А через два дня умерли еще двое.

— Церковь поджег Сол? Поэтому он вынужден был бежать?

— Согласно свидетельским показаниям, поджога не было. Полиция опросила свидетелей, присутствовавших на вечерней службе. Все заявили, что никто ничего не видел. Тогда решили, что произошло возгорание из-за непотушенной свечи, а священник и еще один парень, погибший в огне, увидели пламя и попытались затушить пожар, но задохнулись в дыму.

— Других версий не было?

— Нет. Шесть или семь одинаковых показаний. Никто ничего не видел, но у каждого была своя четкая версия того, что произошло, и эти версии совпали.

— И полиция поверила.

Мэт пожал плечами.

— В документах нет никаких оснований для иного вывода.

— Но кто-то из этих людей до сих пор жив. Кто-то должен знать, что произошло. Я беседовала с Виолеттой Баклер. Она говорила о том, что церковь сгорела. Хотя, помнится мне, она сказала, что сама там не присутствовала.

— Дело все больше запутывается. Тебе надо поступить на службу в полицию, Клара. Занимаясь расследованием, ты становишься весьма словоохотливой.

Я не нашлась что ответить. Мэт, кажется, потерял всякий интерес к фотографии и прошел в другой конец комнаты. Открыл окрашенную деревянную дверь и исчез. Не желая ходить за ним хвостиком, я подошла к окну, выходящему на обрыв. В оконном стекле была трещина, и я смогла вдохнуть ночной воздух, такой пьянящий и удивительно свежий после спертого воздуха дома.

На небе именно в этот момент рассеялись облака, и пейзаж за окном внезапно залил лунный свет. Я видела узкую каменистую тропинку, частично скрытую утесником и боярышником. Она вилась за домом, потом на протяжении метров шести шла под уклон, а затем тянулась еще на сотню метров, становясь еще круче. Интересно, каково это — жить на краю утеса? Меловой утес — не самая крепкая гора.

Потом откуда-то снизу послышался звук, такой знакомый, но совершенно неуместный здесь. Вот опять! Он раздавался из-за изгороди, которая окаймляла сад, вероятно, как раз из-под откоса. Крик, похожий на крик чайки. Крик лебедя-шипун.

Люди считают, что лебеди-шипун только шипят, но их называли так потому, что в отличие от остальных видов лебедей они издают относительно мало звуков. Шипуны начинают шипеть, защищаясь, а еще они издают гортанный клекот и кричат, как чайки. За годы работы я слышала эти крики много раз и была уверена: где-то неподалеку находится лебедь-шипун, большой взрослый самец. Однако до реки было больше четырехсот метров!

Я не могла придумать причину, по которой лебедь-шипун оказался бы в период гнездования так далеко от воды. В его крике я не уловила тревоги и хотела уже отойти от окна, но вдруг заметила отпечатки пальцев. Кто-то

прикасался к узкому полусгнившему оконному карнизу — на слое пыли виднелись несколько отпечатков. И где-то рядом раздался чуть слышный вздох.

Я резко обернулась, не в силах избавиться от ощущения, что за мной наблюдают. Теперь я не слышала Мэта, и меня посетила ужасная догадка: я осталась в доме одна. Решив не поддаваться панике и не желая звать Мэта, я вошла в дверь и оказалась в темном коридоре.

Такого я не ожидала. На верхнем этаже я насчитала восемь маленьких спален, все они были проходными. Я уже находилась над третьей по счету хижинкой — там, где на первом этаже была заложена дверь в кухню. У меня появился шанс. Следовало повернуть налево и вернуться в переднюю часть дома. Из коридора в том направлении вели две двери. Идти вперед? Заскрипели половицы, впереди раздался звук шагов. Я, растерявшись, отступила, но в дальнем конце коридора показался Мэт.

— Еще четыре спальни, — сообщил он. — Убогое убранство, и никаких отпечатков пальцев.

Я рассказала ему о тех, которые обнаружила на окне. Он кивнул.

— Да, я тоже их заметил. Утром осмотрю их повнимательнее.

— Выглядят совсем свежими, — продолжила я. — Если Сол — «паршивая овца», как ты говоришь, и у него криминальное прошлое, значит, в полиции есть отпечатки его пальцев, верно?

Мэт медленно кивнул.

— Даже если здесь кто-то и был, нельзя утверждать, что это Сол, — сказал он. — Может быть, местная ребятня. Или бродяга какой-нибудь.

— Как они сюда попали?

— Окна второго этажа не заколочены. Поэтому предположение, что это местная ребятня, куда вероятнее, чем что это старик Уолтер. Ты же ничего не трогала, да?

Я отрицательно покачала головой. Мэт протиснулся мимо меня.

— Мы почти закончили, — произнес он. — Хочу проверить оставшиеся две комнаты. Это хижина номер три, верно? Странная планировка.

Он подошел к первой из двух распахнутых дверей. Заглянул внутрь и остановился как вкопанный. Я подошла к нему. В крошечной комнате не было окон. Приходилось довольствоваться тонким лучиком фонаря Мэта, рассматривая единственный, стоящий посреди комнаты, предмет. Старинный сундук темного дерева с кожаными ремнями. Большой, более метра в длину и чуть меньше полуметра высотой. Массивный, с замысловатым резным орнаментом: розы и листья плюща.

— Бросим жребий, — сказал Мэт.

— Что?

— Один из нас должен его открыть. Я голосую за тебя.

— Я ни к чему не буду прикасаться. Ты дал совершенно четкие инструкции.

На лице Мэта на мгновение мелькнула его обычная усмешка. Он подошел к сундуку. У меня появилась слабая надежда на то, что сундук заперт. Мэт нагнулся. Он щелкнул одним замком, потом вторым. Посмотрел на меня поверх крышки, изобразив на лице притворный страх. Я закатила глаза, хотя, сказать по правде, нервничала все больше. Мэт приподнял крышку и заглянул внутрь. На его лице читалось явное отвращение, когда он отшатнулся, уронив крышку. Он поднялся на ноги, отвернулся, и его стошнило.

Я подошла к нему, прижав руку ко рту, чтобы не вскрикнуть. Он повернулся: глаза блестят, руки подняты вверх — знак капитуляции. С ним все было в полном порядке.

— Щучу, — примирительно сказал он, лукаво поглядывая на меня.

— Ты дурак?

— Извини.

— Не похоже, чтобы ты раскаялся. — Я была оскорблена в лучших чувствах. Почему, почему я позволяю этому человеку водить себя за нос? — Что там?

— Одеяла. Старые одеяла. Воняет — ужас!

С меня довольно. Я иду домой. Даже если придется возвращаться туда одной. Я состроила ему самую противную гримасу и отвернулась. Он догнал меня в конце коридора.

— Я действительно хочу уйти, — заявила я.

— Знаю. Извини. Мы почти закончили.

А потом он взял меня за руку и повел назад по коридору к последней не осмотренной нами комнате. Длинной узкой комнате со встроенным шкафом.

В это мгновение в воздухе что-то изменилось: внезапно я почувствовала сквозняк и уловила новый запах. Свежий запах, но немного отталкивающий. Так пахнет горячая еда, что-нибудь дешевое, например тушеные бобы. Я на миг застыла, принюхиваясь, словно гончая, но запах уже исчез.

Мэт методично пытался открыть каждую дверцу шкафа. Безуспешно. Они были либо заперты, либо от времени дерево перекосилось и дверцы заклинило.

— Ладно, мы закончили, — сказал Мэт. — Не думаю, что здесь кто-то был, но я завтра-послезавтра отправлю сюда парочку сотрудников. Пусть сверят отпечатки пальцев. Может быть, днем они увидят больше.

Только я хотела вздохнуть с облегчением, уже и рот открыла, как до нас донеслись громкий стук и тихий стон — то ли животного, толи человека, непонятно. Мы с Мэтом посмотрели друг на друга, потом он двинулся в другой конец комнаты, к двери. Перед ней он обернулся, не останавливаясь.

— Жди здесь, — велел он и исчез.

Я слышала его шаги, спотыкающиеся, торопливые, — он быстро удалялся по коридору.

Ждать? Одной? В темноте? В этом доме? Ну уж нет! Я вышла из комнаты в коридор. Без фонарика Мэта там было хоть глаз выколи. Вытянув руки и не обращая внимания на то, что стены были липкими, я стала пробираться назад, стараясь припомнить, где были двери. Я прошла через спальни и услышала шаги Мэта на главной лестнице. Не успел он преодолеть последнюю пару ступенек, а я уже наступала ему на пятки. Я спустилась на первый этаж и увидела, как он исчезает во второй хижине.

Когда я пришла туда, Мэт стоял у стеллажа и выглядывал в окно. Осколки аквариума, замеченного нами ранее, лежали на вымощенном плиткой полу. Доска, которой было заколочено окно, болталась, стекла не было. Комната стояла нараспашку.

— Проверю снаружи, — бросил он через плечо.

Мэт потянулся к стеллажу, готовясь перепрыгнуть через подоконник, и внезапно я услышала шум в непосредственной близости от нас. Обернулась и увидела бросившуюся на меня огромную тень.

Она кинулась прямо мне в лицо, но я заметила лишь блеснувшие черные глаза. Я отпрянула, почувствовала вокруг себя движение воздуха и острую боль. Потом тень исчезла, я вцепилась в Мэта, прижавшись лицом к его куртке. Ощутила запах кожи и теплый, чуть травянистый запах его тела, излучаемое им тепло.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Что это было?

Мне хотелось одновременно и плакать, и смеяться. Я точно знала, что это было, сразу же поняла, когда ко мне метнулась тень, но продолжала дрожать от испуга.

— Это чертово создание, должно быть, с метр в ширину. Вот дерьмо!

Кто-то должен был прояснить ситуацию. Я высвободилась из его объятий и отступила. Он тут же убрал руки.

— Очень уместные словечки, учитывая, что я дочь архидьякона, — заметила я.

Он промолчал. Казалось, он не мог выговорить ничего, кроме ругательств.

— Это неясить обыкновенная, — пояснила я. — Самая обычная сова, они часто встречаются в Англии. Обычно они гнездятся на деревьях, но...

Я не закончила — время и место были неподходящими для лекции по орнитологии. К этому моменту я уже пришла в себя, и меня весьма забавляла краска стыда на лице Мэта. Неподалеку опять закричал лебедь.

— Мне кажется, их было двое, — сказал Мэт. — По-видимому, первая и производила тот шум, что мы слышали. Она услышала, что мы ходим наверху, испугалась и разбила аквариум.

«И вытащила гвозди из доски, которой было забито окно», — подумала я, но промолчала. Вероятно, Мэт прав. Сейчас сезон гнездования, и вполне возможно, что в доме две совы. А деревянная доска, возможно, просто прогнила в месте крепления гвоздями. Я не могла утверждать, что сова не способна была, налетев на доску, выбить ее.

Правда заключалась в том, что я была по уши сыта всякими привидениями. Мне необходимо было разумное объяснение всего этого, и я с радостью приняла гипотезу о двух совах. Кроме того, я только что прижималась к мужчине, поэтому мой мыслительный процесс мог несколько затормозиться.

— Скажи мне, — попросил Мэт, вновь обретая способность

говорить, — это ты прыгнула ко мне в объятия или я вцепился в тебя?

Надо было уходить. Я уже собиралась выйти из комнаты, когда мой взгляд привлек какой-то предмет в камине. Я подошла ближе.

— Клара, пошли. Думаю, мы достаточно насмотрелись. Давай убираться отсюда.

Я нагнулась. Наплевав на приказ Мэта ничего не трогать, я протянула руку и взяла мятую полупрозрачную вещь, которую можно было с первого взгляда принять за салфетку. Эта вещь была сухой, шуршащей, хотя и мягкой, изящной и по-своему красивой. С повторяющимся знакомым узором. Я выпрямилась и вытянула руку, пытаюсь на глаз определить ее длину. Метра полтора, может, и больше.

— Вот черт! — выругался Мэт.

Я держала в руке змеиную кожу. Змеи, в отличие от людей и других животных, примерно каждые два-три месяца меняют кожу. Змея перестает есть, становится вялой, глаза западают. А потом она выскользывает из своей кожи, сбрасывая ее, словно ношеную одежду на пол спальни.

— Неужели ужи бывают такими большими? — спросил Мэт.

Я не стала отвечать. По его тону было понятно, что он знает ответ.

— Раньше этого здесь не было, — сказала я.

— Мы просто не заметили.

— Я бы обязательно заметила.

Он спорить не стал.

— Это кожа нашего тайпана?

— Не могу сказать. Возможно, но я не очень хорошо рассмотрела рисунок его кожи. Кроме того...

Он тяжело вздохнул.

— Кроме того что?

— Она больше.

Мы оказались на улице. Какое облегчение — свежий, напоенный ароматами воздух! Используя вместо молотка камень, Мэт прибил обе доски на свои места. После того как он запер ворота на висячий замок, дом Уитчеров вновь превратился в неприступную крепость.

Я взглянула на часы, когда мы шли в сторону поселка, и с удивлением обнаружила, что уже почти полночь. Мы находились в доме дольше, чем я предполагала. Я все еще держала в руке змеиную кожу. Я спросила, могу ли взять ее на пару дней, чтобы показать специалисту, и Мэт нехотя согласился, но при одном условии: ни в коем случае не выпускать ее из виду.

Мы миновали узкую подъездную аллею, ведущую к дому Мэта, — я сообразила, что понятия не имею, как выглядит его дом, — и достигли Бурн-лейн. Мне в нос ударил запах роз старых сортов, навевая воспоминания о прошлом, о моей маме в ее лучшие годы, о днях, которых не вернуть. Я ощутила непреодолимую потребность побыть одной, поэтому остановилась и повернулась к Мэту.

— Дальше я сама, спасибо. Пожалуйста, не надо...

— У тебя здесь кровь. — Он протянул руку и коснулся моего правого виска.

Я дернулась, как от сильной боли, хотя ощутила лишь пощипывание, когда он притронулся. Он отдернул руку и осмотрел рану. Я увидела у него на пальцах каплю крови. Сова клюнула меня в висок. Еще один шрам. И на неповрежденной половине моего лица! Я почувствовала, что очень устала. Обычно одной царапины от когтей дикой птицы недостаточно, чтобы слезы заструились по моим щекам. По-видимому, слезы блестели в лунном свете, потому что по сузившимся глазам Мэта я поняла: он заметил, что я плачу.

— Прими мои соболезнования в связи со смертью твоей матери, — мягко сказал он.

Я затаила дыхание и стала кусать губу. Пустить слезу — это одно, а разрыдаться перед едва знакомым человеком — совсем другое. Я должна уйти, спрятаться в свою скорлупу. А вместо этого я торчу здесь.

— Откуда ты столько обо мне знаешь? — спросила я.

— У нас маленький поселок, Клара. И мы считаем своим долгом узнать друг о друге побольше.

А я думала, что найду здесь уединение!

— А я — нет, — угрюмо заметила я.

— Ты — нет. — Он положил руку мне на плечо и мягко повел меня по переулку.

Весь дальнейший путь я молчала, не желая больше спорить. Интересно: что подумают наши соседи, когда выглянут в окно и увидят нас вдвоем в такой час, да к тому же Мэт, считай, обнимал меня за плечи?

Мы подошли к подъездной аллее, ведущей к моему дому, но Мэт и не думал останавливаться. Мы устало тащились по гравию, я порылась в карманах и нашла ключи, не переставая гадать: вот сейчас, вот именно сейчас он уйдет. Я вставила ключ в замочную скважину и повернулась к Мэту, не зная, что сказать.

— Что ж, спасибо, — наконец выдавила я и тут же поняла, как это глупо прозвучало.

За что я его поблагодарила? За то, что мне было до чертиков страшно?

За то, что на меня налетела испуганная сова?

— Нужно осмотреть твою рану, — сказал он, жестом подсказывая, что я должна пригласить его войти. — Если только ты не хочешь, чтобы я разбудил Салли.

— Нет-нет. Со мной все в порядке. Я постоянно получаю порезы и царапины.

Он не собирался уходить, поэтому я повернулась к нему спиной и прошла в кухню, зная, что он следует за мной по пятам. Подошла к раковине — лучше одним махом покончить с этим, — включила горячую воду и подождала, пока от нее не пошел пар, нашла в буфете антисептик. Он взял у меня пузырек, налил в миску воды и усадил меня за кухонный стол. Придвинул ближе второй стул и сел напротив меня.

— Меня учили оказывать первую помощь, — сообщил он, складывая кухонное полотенце и опуская его в миску с водой, потом щедро полил полотенце «Деттолом».^[10] — Я посетил столько занятий, что и не сосчитать. Мы должны уметь «подлатать» подозреваемых после того, как выьем у них признание. Кстати, может жечь.

— Ай!

— Теперь ты знаешь, каково в таких случаях барсукам. Подлатала кого-то из них сегодня?

— Нет, сегодня я спасала лебедя, — ответила я, удивляясь, что он знает обо мне все, включая то, чем я каждый день занимаюсь на работе.

— Не дергайся, — велел он, кладя свою теплую руку мне на шею. Для надежности. — Знаешь, а лебедь может сломать человеку руку.

— Не говори глупостей, конечно же нет.

— Это всем известно. Крупный лебедь ударом крыла может сломать человеку руку.

Я вздохнула. Если бы я каждый раз спорила на десять фунтов!..

— Если немощный старик, страдающий острой формой остеопороза, будет стоять, вытянув руку перед собой, и если крупный лебедь спикирует с очень большой высоты и, не снижая скорости, ударит его точно по этой руке, только в этом случае существует вероятность того, что рука сломается. С таким же успехом можно заявить, что и малиновка способна сломать человеку шею. Потому что теоретически такое возможно. Если она внезапно вылетит на него из-за изгороди, человек испугается, упадет на спину, покатится по склону... Уверена, ты понял, что я имею в виду.

— Конечно. — Мэт нахмурился, но так, что мне стало смешно. — И спасибо тебе за науку. В следующий раз, когда увижу лебедя, не буду убегать как ужаленный. Замерзла?

— Нет, просто у меня по спине бежит вода.

Но дрожала я не от этого, хотя вода и стекла мне за шиворот. Я не привыкла к тому, чтобы ко мне кто-нибудь так прикасался, а что уж говорить, если это был мужчина!

Мэт встал, нашел полотенце и, вместо того чтобы протянуть его мне, сел на стул и сам обернул полотенце вокруг моей шеи, заправив за горловину свитера. Он оказался так необычно, так болезненно близко ко мне. Вторгся в зону личного пространства, которое я яростно защищала. А еще он стал обрабатывать мне рану — тут уж я почувствовала себя совсем неловко, хотя была уверена, что при таком ракурсе моих шрамов ему не видно.

— А это правда, что многие укротители змей в Аппалачах умирают от их укусов? — спросил он.

— Ради Бога, прекрати! Где ты купил эту книгу? Это, наверное, «101 совершенно невероятная история о змеях»?

Он перестал промывать рану. Опустив глаза на миску, он пытался сохранять серьезное выражение лица, но у него это не очень-то получалось.

— Она называется «Змеи: факты и вымысел», — признался он, вновь поднимая на меня глаза. — Взял в библиотеке.

Я не нашла что сказать. Он взял книгу в библиотеке. Только для того, чтобы меня подразнить.

— Я взял также «Ядовитые змеи мира», «Известные рептилии Великобритании» и «Искусство содержать змей». Я становлюсь неплохим знатоком рептилий.

Меня внезапно, по необъяснимой причине, охватило разочарование. То, что он взял книжки в библиотеке, никак не связано со мной. Он просто пытается разобраться в ситуации, понять, как змеи могли наводнить поселок. Пока я сидела, не сводя глаз со стола и чувствуя себя последней дурой, Мэт встал.

— Мне пора, — заявил он, направляясь к двери. — С кем ты хочешь проконсультироваться по поводу змеиной кожи, которую мы сегодня обнаружили?

— С одним парнем, его зовут Шон Норт. Он живет неподалеку. Он...

— Я знаю, кто он такой.

Я подождала.

Лицо Мэта напряглось.

— Тайпан у него? — спросил Мэт.

— Да, — ответила я, чувствуя, как колотится сердце, — так бывает в школе, когда тебя приглашают в кабинет директора. — А что?

Он задумался.

— Возможно, и ничего, — произнес он через пару секунд. — Ты давно с ним знакома?

Он смотрел на меня пристальнее, чем требовала ситуация. Я покачала головой.

— Мы познакомились только в субботу, — призналась я. — Но я не знаю лучшего специалиста.

Мэт стоял в дверях, держась за ручку. Смешно, но я просто себя не узнавала, мне не хотелось, чтобы он уходил.

— Спасибо, что составила мне компанию в этом доме с привидениями, — сказал он. — Сразу же сообщи мне, если что-то узнаешь о змеиной коже, хорошо?

И он ушел.

В установленный час зазвонил будильник, вырвав меня из сна без сновидений во мглу небывалой печали. Я лежала в постели — я раньше никогда так не поступала, всегда вставала, если уж проснулась, — и прислушивалась к пению птиц за окном, испытывая необъяснимое чувство потери. Более сильное, чем после смерти матери. Я лежала так минут пятнадцать, может двадцать, размышляя над тем, удастся ли мне сегодня вообще вылезти из постели. Хоть к концу дня.

Но я таки встала — старые привычки тяжело менять — и сошла вниз, понимая, что что-то изменилось, что-то не так, но не понимая, что именно. Потом поняла. В доме царила тишина.

Клетка с совятами, как обычно, находилась на кухонной стойке. Крышка лежала рядом, а не на клетке, как должно быть. Оттуда не доносилось ни звука. Последние десять дней я просыпалась от писка голодных совят. Этим утром они молчали. Я оглянулась на заднюю дверь. Засовы, которые я установила минувшим вечером, были задвинуты. Я подошла к входной двери. Заперта на замок и задвижку. Я вернулась в кухню, не желая смотреть, что с совятами, но все-таки сделала шаг вперед и бросила взгляд через край клетки.

Я испытала облегчение, когда увидела, что клетка пуста. Шагнула назад, оглядела кухню в поисках того, что могло бы послужить насестом, как будто совята научились летать раньше времени, но их нигде не было. Я быстро обошла весь дом. Все двери и окна закрыты и заперты изнутри.

Кто, черт возьми, украл совят? И как ему это удалось? Когда я ложилась спать, совята были в своей клетке, так же как и в три часа ночи — именно тогда я вставала их кормить. Все окна и двери в моем доме заперты. Однако кто-то пробрался внутрь, причем второй раз. Я, честно признаться, совершенно не верю в привидения. Но этой ночью исчезли мои совята!

Разумеется, я сообщила об их исчезновении в полицию, но служащий, принявший мой звонок, хотя и был предельно вежлив, явно не придавал никакого значения этому происшествию. Полицейские без энтузиазма восприняли перспективу расследовать второй случай «проникновения, которого не было».

Мэту я звонить не стала. Не нужно быть психологом, чтобы понять: состояние депрессии, охватившее меня, когда я проснулась, было связано

именно с ним. Время, проведенное с Мэтом Хоаром, причем при довольно странных обстоятельствах, сопутствующих каждой нашей встрече, не пошло мне на пользу.

Приток новых пациентов задержал меня на работе до начала восьмого вечера. Когда я освободилась, сразу поехала к дому Виолетты. Я уже заезжала к ней по пути на работу, чтобы проведать ее и Бенни. Виолетта ничего не помнила о нашей вчерашней встрече, но приняла меня весьма радушно и радовалась, когда я хлопотала возле Бенни. Я привезла ей свежего хлеба, сославшись на то, что купила себе слишком много. Напоила ее чаем и разожгла камин.

Я напомнила ей, что она не должна водить Бенни гулять, и, более не полагаясь на ее память, прикрепила короткую инструкцию к входной двери. Пообещала приехать вечером с лекарствами и уехала, оставив Виолетту коротать печальный холодный день.

И вот я снова ехала к ней. У меня с собой было лекарство, способное вылечить хроническую сердечную недостаточность, которой страдал Бенни. Я купила также необычайно дорогой корм для старых собак и кое-что из диетических продуктов. Я почти наверняка тратила деньги впустую, но ощущала потребность сделать хоть что-нибудь для этого бедного маленького пса и его хозяйки.

Я постучала в дверь и удивилась, но приятно удивилась, увидев на пороге Салли — мою соседку, местную сиделку, которая делает самые вкусные бутерброды с беконом.

— Привет, входи, — пригласила она меня и пошла вперед по узкому коридору. — Виолетта рассказывала о тебе. А ты становишься популярной! Виолетта говорила, что должна тебе что-то рассказать.

— Она меня помнит?

— Да, у нее случаются провалы в памяти, но каждый раз не знаешь, что тебя ждет.

При моем появлении Виолетта попыталась встать, но на это у нее ушли последние силы. Я замахала рукой, чтобы она не беспокоилась, и наклонилась к Бенни. Пес лежал на коврикe и тяжело дышал.

— Как он сегодня, Виолетта? — поинтересовалась я.

— Кажется лучше, немного лучше.

Она сказала это с оптимизмом, не в полной мере отражающим истинное положение вещей. Бенни все еще был очень болен. Мне не понадобилось много времени, чтобы сделать ему очередной укол. Я взяла его миску, намереваясь отнести ее к раковине, чтобы помыть, прежде чем

пытаться накормить пса.

— Вы ошиблись, дорогая, — сказала Виолетта, протягивая ко мне руку, когда я вернулась в комнату. — Уолтер не умер. Я сегодня вспомнила, но вы уже уехали. Его просто забрали в больницу сделать пару анализов. Он скоро вернется домой. Он сам мне говорил.

Я поставила миску Бенни на место и позволила Виолетте взять себя за руку, а сама стала поглаживать ее руки. У нее была мягкая кожа, как у младенца, только дряблая, а под ней — одни кости.

— Виолетта, мне очень жаль, но...

Я замолчала и посмотрела на Салли. Она сейчас справилась бы явно лучше меня. Моя парафия — страждущие, больные животные.

Салли бросила быстрый взгляд на Виолетту, но не нашлась что сказать.

— Ну, признаться... — начала она и замолчала.

Виолетта повернулась к ней.

— Уж ты-то должна знать, дорогая. Должна была видеть его в больнице.

— Виолетта, Уолтер больше не в больнице, — произнесла Салли. Она смотрела на меня. — К сожалению, мы не знаем, где он.

Я удивленно приподняла брови, потом посмотрела на Виолетту, не решаясь, как и Салли, на откровенное признание.

— Девочки, я ведь не вчера родилась, — заявила Виолетта. — Меня трудно испугать.

Салли улыбнулась — она приняла решение.

— Я кое-что разузнала сегодня, — сообщила она, переводя взгляд с меня на Виолетту. — Уолтер действительно поступил в больницу двадцать восьмого августа минувшего года. Я даже могу сказать, в какой палате он лежал, какие лекарства принимал, хотя и не должна этого говорить. Он неспешно, но уверенно шел на поправку. До шестого сентября.

— А что произошло шестого сентября? — спросила я.

Сидя между нами, Виолетта выказала такой же живой интерес, как и я. Ее глаза оказались голубее, чем я думала.

— Никто толком не знает, — ответила Салли. — На прошлой неделе в больнице зависли компьютеры, система не работала целый час. Пропала куча данных, включая и сведения о всех престарелых пациентах с начала сентября и до конца месяца. Разумеется, данные восстановят, в больнице дублируют записи, но хранятся они отдельно. Мне сказали, что нет никакой спешки, восстанавливать их не торопят. Могут пройти недели, прежде чем мы узнаем правду.

— Неужели его никто не помнит? — удивилась я. — Никто из персонала?

— Никто. Таких мне найти не удалось. За последние полгода сменилось много временных сотрудников, а медсестер, которые ухаживали за ним, перевели. Времени поспрашивать у меня было в обрез.

— А как же журнал учета в приемном отделении? — напомнила я. — Разве туда не вносят запись о том, что пациент умер в больнице?

— Это я успела проверить. Просмотрела с июня до конца года. Нашла запись о смерти Эделины восемнадцатого ноября. И все. Никакого упоминания о том, что Уолтер умер. Пока мы не посмотрим в больничных документах, нам следует принять версию Виолетты. Уолтер не умер.

У меня на языке вертелся вопрос. Если он не умер, где же он, черт возьми?

— Мне сама Эделина сообщила, что Уолтер умер, — сопротивлялась я, не в состоянии в это поверить. — То же она сказала и священнику. И соседям. Зачем ей было так поступать, если это неправда?

— Эделине соврать — раз плюнуть, — ответила Виолетта другим голосом, более молодым (и значительно менее приятным).

Мы с Салли переглянулись.

— У Уолтера были братья, — сказала я, отгоняя от себя мысль, что в мой дом — дважды! — проникал Уолтер. Я повернулась к Виолетте. — Вы же рассказывали мне о них вчера вечером, так? Я просто не поняла. Были еще Гарри, Арчи и Сол.

— И Альфред, — добавила Виолетта. Ее тщедушное тельце задрожало. — Вот уж кто был странным! Я всегда старалась держаться от него подальше.

Мы с Салли, не сговариваясь, посмотрели друг на друга, потом на Виолетту.

— А кто такой Альфред? — спросила я.

Виолетта переводила взгляд с меня на Салли.

— Самый младший, — сказала она и добавила, постучав по своей голове: — Он был не в своем уме. Он жил с Уолтером и Эделиной, в их части дома. Поговаривали, что о нем заботилась Эделина. Он не разговаривал. Издавал лишь стоны и мычание. Ах да, змеи! Не спрашивайте меня почему, но Альфред всегда умел обращаться со змеями.

Виолетта опять содрогнулась.

— Терпеть их не могу, — заявила она. — Ужасные скользкие твари.

Я не могла усидеть на стуле, и одного взгляда на Салли было достаточно, чтобы понять — она находится в таком же состоянии.

— Пятеро братьев Уитчер, — тихонько произнесла я.

— И все жили в маленьком покосившемся доме, — так же тихо добавила Салли.

— Вы говорили, он был... не в себе?

Я не отрывала взгляда от Виолетты, желая только одного: чтобы сейчас память не изменила ей. Она не сводила с меня глаз, и мне показалось, что какой-то огонек мелькнул в их синей глубине. Она что-то знала. Быстрый взгляд на Салли, потом опять на меня. И тем не менее она не решалась об этом говорить.

— Вчера вечером я видела фотографию, — начала я, пытаюсь ненавязчиво подтолкнуть ее к продолжению рассказа, — Газетную вырезку. Снимок команды по крикету. Я видела Уолтера, Гарри, Сола и Арчи, но не помню...

Виолетта попыталась встать. Не удержалась на ногах, и Салли поспешила ей на помощь. Поднявшись с кресла, Виолетта медленно подошла к буфету и открыла второй из четырех ящичков. Она достала нечто, напоминающее старый альбом для вырезок, и начала листать его. Когда нашла то, что искала, с помощью Салли вернулась назад. Обе женщины уселись, и альбом, открытый на нужной странице, Виолетта передала нам с Салли.

— Вот этот? — спросила Виолетта.

— Да, — подтвердила я, глядя на такую же газетную вырезку, какую видела минувшей ночью в доме Уитчеров.

Вновь пробежала глазами по перечню имен. Внимательно рассмотрела Джима Баклера, мужа Виолетты, хотя в то время, когда был сделан снимок, они еще не поженились. Высокий угловатый юноша в заднем ряду казался совсем мальчишкой. Я решила, что у него светлые, рыжеватые волосы и веснушки, хотя наверняка утверждать так было нельзя, глядя на черно-белый снимок. Тем временем Салли делала именно то, что и я минувшей ночью: сопоставляла имена братьев Уитчер с лицами на фото.

— Нет здесь никакого Альфреда, — пробормотала она. — Арчи

довольно привлекательный, верно? Кого-то он мне напоминает. Не могу сказать точно... У него была семья?

— Кажется, он уехал за границу. А кто эти женщины? — спросила я у Виолетты.

— Моя подруга Руби и я, — ответила она. — И Эделина. Хотя Эделина нечасто помогала в кафе. Просто приходила поболтать с парнями.

Глядя на трех женщин, любой мог легко определить, кто из них кто. В молодости Виолетта была невысокой стройной девушкой, довольно привлекательной, но ее красота была неброской. Ее подруга Руби была крупнее, обычной внешности, а вот Эделина с легкостью затмевала обеих этих молодых женщин. На полголовы выше подруг, она носила узкие укороченные брюки — кажется, такие называли велосипедными. У нее была точеная фигурка кинозвезды пятидесятых, а обтягивающая блуза с глубоким декольте ничего не скрывала.

— Руби — это та подруга, которая была в церкви в вечер пожара? — спросила я — меня осенила догадка.

Виолетта опять занервничала.

— Я мало что знаю об этом. Отец не хотел, чтобы я посещала эту церковь, после того как приехал новый священник. Но я кое-что слышала от Руби. И от Джима. Он тоже ходил в церковь, пока...

— Пока не случился пожар? — предположила я.

Виолетта кивнула.

— Какой пожар? — вмешалась, к моему неудовольствию, в разговор Салли.

— Меня там не было! — заявила Виолетта, явно нервничая.

— Знаю, знаю, вы мне уже говорили. Значит, вы знали Альфреда? Насколько он был неадекватен?

Виолетта помолчала минуту, другую. Я уже потеряла надежду, как вдруг она обвела взглядом комнату, будто вошел кто-то, невидимый и неслышимый нами. Я поборола искушение сделать то же самое. Потом...

— Говорили, что он одержим, — прошептала она.

Салли негромко засмеялась и откинулась на спинку кресла. Я же явственно ощутила, как мне в затылок упирается что-то холодное.

— Демонами? — уточнила я.

Виолетта кивнула.

— Клара, перестань! — запротестовала Салли.

Я подняла руку.

— Католическая церковь провела приблизительно две сотни обрядов изгнания дьявола, — произнесла я. — Даже среди служителей

англиканской церкви были специально обученные люди для проведения такого рода обрядов. — Я взглянула на Виолетту. — В демонов я не верю, — призналась я и добавила, потому что мне не понравилось испуганное лицо Виолетты: — Уверена, вы тоже. Но я знаю людей, которые верят. Пятьдесят лет назад люди были более суеверны. Согласны?

Не обращая внимания на Салли, Виолетта наклонилась ко мне.

— Говорили, что это демон сделал его таким.

— Вы имеете в виду, глухонемым?

— Не только. Временами он просто... просто сходил с ума. Мы слышали его вопли и крики. Но ни одного внятно произнесенного слова. Лишь эти ужасные звуки. Он швырял вещи, ломал их. В общем, сходил с ума.

— А кто о нем заботился, когда он так себя вел? — спросила Салли, насторожившись.

— Уолтер и остальные братья, — ответила Виолетта. Она опустила глаза, потом опять подняла, но смотрела мимо меня. — Мы, бывало, подходили к дому, когда у него случались приступы. Даже в конце сада были слышны его крики.

Опять взмах ресниц.

— Я знаю, что не следовало так делать, но мы были молоды. Ни о чем не думали.

— Понимаю, — сказала я.

— А после этого у Уолтера или у кого-то из братьев был такой вид, как будто они дрались. Подбитые глаза, синяки. И дело было не только в его буйстве. Он занимался и другими делами. Грязными делами.

Я взглянула на Салли. Она едва заметно вздрогнула. Теперь Виолетта явно чувствовала себя неловко. Я решила, что больше давить на нее смысла нет. Я прекрасно понимала, что такое «грязные дела».

— И что для него делали? Какую оказывали помощь? — спросила я, хотя мне было известно, что для людей, искренне полагающихся, будто их ближний одержим дьяволом, существует лишь один выход.

— Честно говоря, не знаю. До меня доходили только слухи.

— Понимаю. И что вы слышали?

— Говорили, что они привязывают его ремнями и морят голодом. Целыми днями и даже неделями.

— Уверена, что это только слухи, — сказала Салли, которая, по-видимому, уже была сыта всеми этими ужасами.

Я взглянула на Салли, потом на Виолетту.

— Я могу понять, почему его связывали ремнями, особенно если

учесть, что он буйствовал. Но зачем морить голодом? Чего этим можно добиться?

— Говорили, голод помогает молитвам, — ответила Виолетта. — Они тогда все заходили в дом, а иногда приводили его в церковь — преподобный отец и несколько прихожан. Ни один из них не ел, они целыми часами молились вместе с ним, пытаясь изгнать демона. Но, видимо, молитвы не помогали, потому что спустя несколько дней мы видели прихрамывающего Альфреда, такого же, как и раньше, но с синяками на лице и кровавыми следами ремней на запястьях.

— Это просто смешно, полная чушь! — Терпению Салли пришел конец. — Он был не одержим, а просто болен. Его надо было отправить в больницу.

— Знаю, дорогая, — согласилась Виолетта. — Они поступали неправильно. Но преподобный отец и другие — ведь они мужчины, к тому же намного старше меня. От них исходила такая уверенность! Что я одна могла сделать?

— Этого преподобного отца убить мало!

— Он умер во время пожара. Его могила на церковном погосте. Виолетта, это действительно очень важно. — Я наклонилась к старушке. — Вы можете сказать, где сейчас Альфред?

Виолетта вздохнула и покачала головой.

— Он умер, дорогая. Давным-давно. Кажется, говорили, что утонул. В реке. Я испытала огромное облегчение, когда узнала об этом. Это стало облегчением для всех нас, но прежде всего для него самого. Несчастный человек!

Я почувствовала себя так, как будто из меня выпустили весь воздух. Только-только возник главный подозреваемый, вдруг раз — и нет его. Внезапно вспомнив, что уже поздно, я взглянула на часы. Даже если я буду гнать как бешеная, все равно опоздаю. Я извинилась перед Виолеттой и пообещала заглянуть к ним с Бенни завтра. Салли проводила меня до двери.

— Мэт рассказал мне о твоей маме, Клара. Прими мои соболезнования. Надеюсь, что смерть не забрала ее внезапно.

— Спасибо, — пробормотала я. — Она долго болела.

Отлично. Только-только мне удалось отвадить Салли, как она нашла предлог видаться со мной. Она будет заходить в гости, чтобы справиться, как я, потом последуют приглашения на ужин, в надежде что я поделюсь с ней сокровенным. Сколько таких Салли я перевидала! И, словно в подтверждение моих догадок, она предложила:

— Может, позже заскочишь, чего-нибудь перекусим?

— Очень мило с твоей стороны, — пробормотала я, толкая дверь. — Но сегодня я вернусь очень поздно.

Я открыла дверь, вышла на улицу, уверенно зашагала к машине и села в нее, ни разу не оглянувшись. Уже отъезжая, я почувствовала секундное сожаление за свою грубость. Салли не заслужила такого обращения. Но, может, раз уж так получилось, оно и к лучшему.

Кроме того, я должна была кое с кем встретиться, чтобы поговорить о змеях, меня ждали.

Мой автомобиль свернул за угол и стал спускаться по дороге, ведущей к Лайм-Риджис. На часах еще не было девяти, а солнце уже покатилося за горизонт. Я выехала из города, доехала почти до самого берега моря и остановилась, чтобы свериться с картой. Должно быть, я слишком резко затормозила, потому что небольшой серебристый «хэтчбек» чуть ли не врезался в мою машину сзади. Я обернулась, чтобы извиниться, но водитель «хэтчбека» газанул и пулей промчался мимо меня по холму. Пообещав себе быть более внимательной на дороге, я поехала дальше и повернула направо. В конце дороги общего пользования мне пришлось выйти из машины, чтобы поднять старый деревянный шлагбаум. Дальше мне пришлось ехать по частной дороге, больше напоминавшей проселочную. Теперь я находилась в Лайм-Андерклиффе — это национальный заповедник, здесь растут редкие виды орхидей, водятся насекомые, которых на Британских островах больше нигде не встретишь, и обитает всемирно известный герпетолог и телезвезда Шон Норт.

Я доехала до конца дороги и припарковалась у знакомого «лендровера», разбитого и грязного. Выбралась из машины, взяла под мышку тонкий легкий пакет и направилась к одноэтажному коттеджу с деревянными рамами, который уютно расположился среди молодых ясеней. Он был окрашен в голубой цвет и походил на пляжный домик. Я уже не один раз видела этот дом и гадала, кто может жить в таком месте, но мне и в голову не могло прийти, чье это жилище.

Когда я подходила к входной двери, от волнения у меня в животе словно кузнечики копошились. Стучать не потребовалось.

На приколотой к двери записке значилось: «К., ты опоздала!!! Пошел проверить гнездо. Если таки приедешь, подожди. Я скоро, Ш.».

На секунду у меня возникло желание оставить пакет на пороге и перезвонить ему утром. Неделю назад я бы так и поступила — даже несмотря на данное обещание не выпускать пакет из виду. Но я не спешила домой в поселок, кишасий змеями и тайнами.

Поэтому я вернулась на извилистую тропинку, идущую вдоль берега, и стала углубляться в Андерклифф, ожидая, когда морской бриз зашуршит верхушками деревьев. И когда это случится, по траве будут кружить крошечные световые блики, как будто чья-то огромная рука разбрасывает по земле золотые монеты.

Очертания побережья Лайм-Андерклиффа формировались в течение нескольких веков — его определяли оползни, явление отнюдь не редкое в этих местах. Они и сейчас меняются.

Самый мощный оползень за последние годы, который и завершил формирование Андерклиффа, каким мы его знаем, случился на Рождество 1839 года. За два дня приблизительно шесть с половиной гектаров земли, включая пашни и посадки капусты, а также восемь миллионов тонн горной породы, откололись от утеса и соскользнули в море, образовав пропасть глубиной сорок метров, протянувшуюся более чем на полтора километра. С тех пор крутые склоны утеса постепенно разрушались под воздействием погодных условий и менее значительных оползней. И все же они были густо покрыты растительностью, так что напоминали настоящие джунгли.

На протяжении многих лет геологи, ботаники и палеонтологи находили в Андерклиффе источник вдохновения, равно как и я. Я восторгалась тем, как столетия разрушений в результате создали место, где царил покой, но где за красотой скрывалась настоящая опасность. «Не стоит недооценивать Андерклифф», — говаривал мой отец каждый раз, когда мы выбирались сюда на прогулку. Всего в паре километров от города можно было легко заблудиться — и в результате стать жертвой несчастного случая, не заметив одну из скрытых трещин или расселин. Поиски пропавшего могли занять несколько дней.

Я опустилась на деревянную скамью. Солнце уже готово было скрыться за горизонтом, но хотело напомнить о себе: яркие солнечные лучи падали на поверхность океана, превращая ее в танцующую, сверкающую серебристо-белую массу.

Я сидела, вглядываясь в заоблачную даль, и размышляла: как я поступлю, когда узнаю наконец о происхождении змеиной кожи, лежащей в коричневом пакете у меня под мышкой? А никак — единственно разумный ответ. Я простой ветеринар. Я лечу диких животных — кроликов и ежей. Хотя...

Старик, которого я уже дважды видела, сильно походил на Уолтера Уитчера. А у того было четверо братьев. Я не сомневалась: все, что происходило в нашем поселке, было как-то связано с Уитчерами и их домом. Могла ли я узнать об их судьбе? Двое из пятерых умерли: Гарри покоился на церковном кладбище, а Альфред давно утонул. Остаются Уолтер, Арчи и Сол.

Арчи уехал в Америку. Его практически невозможно найти, даже если он еще жив. А что касается Сола, то его изгнали из поселка. Должно быть, он совершил нечто ужасное. А плохое, как правило, люди не забывают.

Я могла бы полистать старые газеты. Обычно о преступлениях пишут в газетах, и пятьдесят лет назад писали. Может, из газет удастся узнать, что сделал Сол и куда он уехал. Можно начать с пожара в церкви и плясать оттуда.

А как же Уолтер? Предположим, он не умер (и не прячется в своем старом доме), но где-то же он должен обитать! Смогу ли я достать перечень домов престарелых в нашем округе и проверить, нет ли его там? Если Уолтеру в больнице была оказана квалифицированная помощь, но он все еще не в состоянии вернуться домой, в таком случае логично предположить, что его поместили в приют или дом престарелых. Я могу узнать, так ли это, воспользовавшись телефоном.

Пролистать подшивки газет, сделать несколько телефонных звонков — это мне по силам, разве нет?

День клонился к закату. На востоке стали собираться облака. Они впитывали последние лучики солнца, создавая поистине захватывающую палитру цветов, — правда, это явление не редкость в нашей части света. Люди часто ругают угрюмое британское небо, но без наших туч не было бы наших закатов. За все надо платить.

За моей спиной хрустнула ветка. Несколько секунд я слышала только шум ветра, играющего молодой листвой, потом уловила едва различимое шуршание высокой травы.

Солнце опустилось еще ниже — пройдет несколько минут, и оно будет опускаться уже над другими берегами. Свет его был все еще горяч, а блестящая золотистая дорожка, идущая по волнам ко мне, казалась приглашением в другой, волшебный мир. На мгновение мне почудилось, что этот мир меня затягивает.

— Простите за опоздание, — извинилась я, глядя в ту точку на горизонте, где начиналась — а может, заканчивалась — золотая дорожка.

Мужчина за моей спиной засмеялся.

— А вот и я, скользящий в сгущающихся сумерках, словно тень.

— Услышала ваши шаги две минуты назад, — сказала я, не оборачиваясь. — Повсюду много сухих веток. Следует избегать их, если хотите двигаться бесшумно.

Он не ответил. «Молодчина, Клара! — мысленно похвалила я себя. — Этот мужчина известен своей способностью выслеживать редких животных, а ты пытаешься научить его бесшумно передвигаться по лесу. Ты что, забыла, что пришла сюда за помощью?»

— В красивом месте вы живете, — сказала я примирительно.

— Я влюбился в Андерклифф еще мальчишкой, — откликнулся он. —

Я проводил здесь почти все свободное время. Здесь я поймал свою первую змею.

— Гадюку? — поинтересовалась я.

Рано же он начал возиться с ядовитыми змеями!

— Медяницу, — признался он. — Целых две недели я думал, что моя домашняя любимица — настоящая змея.

Он обошел скамью, а я, так и не поднимая глаз, подвинулась влево, чтобы он мог сесть справа от меня. С моей привлекательной стороны.

— Спасибо за... — начала я.

— Хорошо... — одновременно со мной заговорил он.

Я подняла глаза, увидела блеск ярких карих глаз и тут же опустила взгляд.

— Может, войдем в дом, выпьем чего-нибудь? — предложил он через секунду.

Господи, нет! Я почувствовала, как от одной мысли остаться наедине с мужчиной у меня задрожали руки. Наедине в его доме.

— Мне и правда нужно возвращаться, — выдавила я, чувствуя, как холодно, даже грубо звучит мой голос, но не в состоянии ничего с этим поделаться. — Я бы послала вам это с курьером, если бы не обещала, что глаз с нее не спущу.

Теперь я говорила много и сбивчиво, а Шон Норт не приходил мне на помощь. Краем глаза я могла видеть лишь его сапоги, джинсы и краешек рубахи. Значительно чище, но в остальном — точная копия того, во что он был одет в день нашего знакомства. Я чувствовала на себе его взгляд. И знала, что выгляжу полной дурой. Я рискнула повернуться к нему вполоборота и встретиться с ним взглядом.

— Привет, — сказал он.

Я почувствовала, как краснею. Мне стоило большого труда вновь не отвести взгляд. Похоже, я вела себя, как подросток, которого познакомили с любимой рок-звездой. Я вытащила из-под подмышки пакет и передала его Норту. Он на секунду замешкался, потом взял его. Раскрыл и заглянул внутрь.

— Где ты это нашла? — спросил он, вытаскивая кожу и поднимая ее, чтобы рассмотреть на свет.

— В одном старом доме в нашем поселке, — ответила я. — Ее длина 125 сантиметров. Я измеряла три раза, чтобы не ошибиться. Интересно, могут ли...

— Нет.

— Что — нет? Это не кожа тайпана?

— Это не кожа нашего тайпана. Наша подружка — кстати, я называю ее Кларой, ты не против? — длиной всего 117 сантиметров. Помнишь, Роджер измерял ее при тебе? Значит, либо она уменьшилась в размерах — но такого я никогда раньше не встречал, — либо это не ее кожа.

Солнце скрылось за горизонтом, на поверхности океана осталось лишь золотое пятно. Оно на глазах становилось все меньше и меньше, таяло, как и моя слабая надежда на то, что на свободе не «разгуливает» еще один невероятно опасный убийца. Я была совершенно уверена, что Шон не сводит с меня глаз.

— Я была бы очень рада, если бы вы заверили меня, что это кожа другой змеи, — наконец произнесла я. — Какой-нибудь безобидной. А еще лучше, что ей уже несколько лет.

— Кожа сброшена совсем недавно. А если ты обнаружила ее в старом доме, то, скорее всего, на днях. Если бы она там пролежала какое-то время, ее бы уже съели.

Он был прав. Я почувствовала, как устала, похоже, этот разговор истощал мои силы.

— Я не могу так, на глазок, и при таком освещении определить, принадлежит ли эта кожа тайпану. Необходимо тщательно рассмотреть ее. А это займет какое-то время. Сейчас я могу сказать только, что кожа может принадлежать тайпану. Если ты не можешь ее оставить, возвращайся, когда у тебя будет больше времени.

— Нет-нет. Разумеется, я оставлю ее. Буду вам премного благодарна, если вы рассмотрите ее повнимательнее.

Мы еще немного посидели, наблюдая, как последний золотой луч дрогнул и скрылся за горизонтом. Меня всегда трогали закаты, но в этот момент меня охватила невыразимая печаль.

— Как тайпан мог выжить в таком климате? Сколько он может еще протянуть, представляя собой опасность для окружающих? — спросила я.

Шон и сам над этим размышлял.

— Думаю, недолго, — в конце концов ответил он. — Я бы предположил, что убежавший тропический тайпан через двадцать четыре часа впадет в спячку и уже не проснется. И перед тем, как заснуть, у него не будет ни сил, ни желания поохотиться. Слишком холодно.

— Значит, даже если в окрестностях поселка и появился еще один тайпан, нам не стоит беспокоиться?

— Хотел бы я иметь основания так говорить.

— Но...

— Эта весна была намного теплее обычного. Змея может прожить

несколько дней. Но даже спящая, замерзшая змея будет защищаться. Она все равно опасна.

Мы помолчали, а я старалась не представлять маленькие пухленькие ножки, бегущие по травке, крошечную пяточку, которая может наступить на спящую, но смертельно опасную змею.

Мне на плечо легла теплая рука, сустав мизинца коснулся моей шеи, а другой рукой Шон указывал на мыс, видневшийся километрах в двух на восток.

— Вон там видишь горную гряду? Ту, которая чем-то напоминает гриб?

Я кивнула, чувствуя близость его тела, его знакомый природный запах.

— Это известный вулкан Лайм.

Я повернула голову, чтобы разглядеть как следует.

Шон улыбнулся.

— Что? Ты никогда не слышала про Лайм?

— Конечно слышала. Просто для меня он существует в тех же местах, где и корнуоллские феи, и ирландские лепреконы.

— Ошибаешься. Вулкан Лайм совершенно реален. Я поведаю тебе легенду.

Он откинулся на спинку скамейки — к огромному моему облегчению, но тут я поняла, что его левая рука покоится на деревянной перекладине всего в сантиметре от моего плеча.

— Когда мне было лет четырнадцать, я как-то слонялся по подлеску и вдруг заметил дымок, идущий из кустов. Моей первой мыслью было: кто-то выбросил окурок. Я подошел ближе, чтобы проверить, но обнаружил, что дымок идет совсем не из кустов, а выходит из расселины в скале, всего сантиметров пятнадцать в ширину и настолько глубокой, что дна я не видел.

— Дымок идущий из горы? — Помимо воли эта басня увлекла меня. — Разве такое возможно?

— Спонтанное возгорание горючих сланцев в глубинных слоях.

— Простите, не поняла.

— В Дорсете под землей полно нефти. Равно как и в Хэмпшире. Впрочем, это относится и ко всему южному побережью Англии. Конечно, эти запасы не сравнить с залежами в Северном море, но все же они довольно внушительные.

— Правда? Я думала, что для нефтяных месторождений необходимы особые географические условия.

— Совсем нет. Достаточно богатых органических отложений,

например сланца. Если залежи находятся довольно глубоко, окружающая среда играет роль скороварки, превращая породу в нефть. На это требуются миллионы лет. Понимаешь?

— Вполне, — заверила я, на самом деле понимая, что мы ни на йоту не приблизились к насущной теме, но, тем не менее, наслаждаясь беседой с Шоном.

Внезапно меня пронзила догадка: похоже, я веду дружескую беседу!

— Потом все зависит от комбинации горных пород, — продолжал Шон. — Нефть мигрирует от своего месторождения, пока не встретит подходящую породу, например песчаник или известняк, и тогда образуется подземная залежь. Вот вам и нефтяной пласт.

— Откуда вы так много знаете о нефти?

— Я успел поработать в нескольких комиссиях, изучающих влияние бурения на окружающую среду. Люди всегда нервничают, когда у них во дворе начинают бурить скважину. Влияние обычно очень слабое, но люди представляют себе огромные нефтяные месторождения, как в Техасе. Несколько перспективных разработок были прерваны под давлением местного населения.

— У нас до сих пор есть нефтяные месторождения? Здесь? В Дорсете?

— Да. Ближайшее — на ферме Уитч. Самое большое прибрежное месторождение в Западной Европе. Проводилась разведка и в восточной части Челдона.

— А что с самовозгоранием?

— Прости, геология мой конек. Земля здесь богата железным колчеданом. После перемещения горных пород — что часто встречается на этом побережье — железный колчедан при контакте с воздухом может взорваться. Он начинает окисляться и нагревается, что ведет к спонтанным самовозгораниям. А тут вам и горючее, например нефтяной шельф, — это уже серьезное возгорание.

— Белые утесы Дувра, горящие утесы Лайма, — сказала я.

— Как бы то ни было, в начале двадцатого века произошло самовозгорание, известное как извержение вулкана Лайм. Горело несколько дней. Я живу в постоянном страхе, что произойдет еще одно, прямо под моим домом. Сумма моей страховки баснословна. Да нет, это всего лишь слова.

Я замерла. Неужели он не понял, что сказал?

— Что случилось с вашим вулканом? — тихо спросила я.

— Когда я вернулся туда с отцом, двумя братьями и тремя соседями, ничто не напоминало об извержении. Получилось, что я жалкий лгунишка.

Поэтому я несколько дней просидел в местной библиотеке, пока не нашел подтверждение тому, что эти горы время от времени горят.

Я почувствовала, что улыбаюсь. Красивая мысль! Горящие горы. Вулкан на побережье Дорсета. От его следующего вопроса улыбка слетела с моего лица.

— Ты приехала не одна? С другом? — спросил Шон, понизив голос почти до шепота.

— Что? — Я инстинктивно тоже перешла на шепот.

— Последние пять минут нас кто-то подслушивает, — так же тихо сообщил Шон. — Он в двадцати метрах от нас. На восьми часах. Не оборачивайся.

Я с трудом сдержалась, продолжая коситься в ту сторону. На восьми часах? Это означает чуть левее, не так ли?

— А это, моя дорогая, был знаменитый закат Лайма, — уже громко прокомментировал Норт. — Впечатляет?

— Красота, — буркнула я.

После захода солнца быстро потемнело, я чувствовала себя ужасно неуютно на виду у того, кого заметил Норт. Я уже ничего не слышала. Разве я могла предположить, что нас будут подслушивать?! Вдалеке от поселка я чувствовала себя в безопасности. Неужели кто-то следит за мной? Нельзя исключать и такую возможность, верно?

Шон встал.

— Сейчас, полагаю, самое время налить тебе рюмочку и показать свою коллекцию, — заявил он также неестественно громко.

В любом другом случае подобное предложение заставило бы меня, как страуса, зарыться головой в песок. Но Шон даже не смотрел на меня. Он разглядывал густые заросли ясеня в том месте, которое он назвал «восемь часов». Не сговариваясь, мы двинулись назад по тропинке, и, когда проходили мимо этого места, я определенно заметила какое-то движение в кустах. Как будто удалялся кто-то, одетый в черное.

— Жди здесь, — велел Шон и бросился к тому месту, где кто-то шевелился, как ему показалось.

— Стой, приятель! — крикнул он, приблизившись к зарослям. — Там неприметный обрыв. Не двигайся!

Он обежал кусты и скрылся из виду, оставив меня одну на тропинке. Температура резко снизилась, поднялся ветер. Куртку я не взяла. Ждала, когда появится Шон. А вдруг не появится? Но через пару минут он вернулся. Я видела, как он быстро пробирается сквозь кустарник.

— Извини, — пробормотал он, подходя ко мне. — Ложная тревога.

— Никого? — спросила я.

— Ботаник-любитель, — ответил он. — Пожилой американец. Искал зеленокрылые орхидеи. Похоже, я его напугал.

— Ты меня напугал!

— Извини, извини. Просто, когда я работаю — а это большая часть моей жизни, — вынужден всецело полагаться на инстинкты. Иногда они меня подводят.

Он выглядел таким смущенным, что я невольно его пожалела.

— Видимо, вы слишком много времени проводите в джунглях.

— Возможно, — согласился он. — Ну что, пойдём выпьем?

Я отклонила, уже не столь резко, второе приглашение Шона зайти в дом, но уже по дороге домой впервые за последние несколько дней почувствовала некоторое успокоение. Что-то, присущее Андерклиффу или мужчине, живущему там, прогнало мои тревоги. Я безмерно устала и была уверена, что сегодня посплю. Хватит с меня неприятных сюрпризов.

На дорогах было спокойно, поэтому я быстро добралась до поворота к нашему поселку. Когда я притормозила и включила сигнал поворота, в зеркале заднего вида заметила автомобиль. Маленькую серебристую машинку. Я повернула и сразу начала спускаться по холму — эта дорога вела к моему дому. Машина последовала за мной. Я больше не видела ее, хотя несколько раз и притормаживала, но видела свет ее фар. Я свернула на Бурн-лейн, остановилась, погасила фары и стала ждать. Я прождала пять, может быть десять минут, но машина не появилась. Другой дороги здесь не было, однако мимо меня машина не проезжала. Наконец я сдалась и поехала домой. Однако меня не покидала мысль: неужели инстинкты Шона не подвели его?

Выйдя из машины, я увидела, что входная дверь выглядит не так, как всегда. Над почтовым ящиком была прибита мертвая гадюка, и кто-то белой краской оставил мне послание, в котором явно присутствовало рациональное зерно.

«Уродливая корова» — гласила надпись.

Поэтому вместо того, чтобы насладиться горячим душем и упасть на кровать, мне пришлось искать банку с уайт-спиритом и отчищать входную дверь. Тот, кто нанес мне сегодня вечером визит, ушел совсем недавно — краска была совсем свежая.

Змея была прибита к двери обычным гвоздем. Она была дохлая, и я надеялась, что умерла она до того, как семь сантиметров железа пронзили ее тело. И змея, и гвоздь отправились в мусорную корзину. Об этом происшествии я не собиралась сообщать в полицию. Даже если они уже не считают меня жаждущей внимания бездельницей, что-то не хотелось мне рассказывать молодому констеблю, какие именно слова неизвестный написал на моей входной двери.

Как и большинство женщин, я плачу, когда злюсь. Пока я оттирала надпись с дубовой, окрашенной в голубой цвет двери, меня просто распирало от злости. А не так давно я чувствовала себя здесь в безопасности! Укрытой от посторонних глаз, от надоедливых взглядов, от назойливой доброты и снисходительных попыток завести дружеские отношения. Но события последних дней ясно дали мне понять: здесь я совершенно не защищена. И не важно, как низко опускаю я голову, насколько умело прячу от окружающих свое лицо, — всегда найдутся люди, считающие, что могут судить меня по тому, как я выгляжу.

— Не самое подходящее время для генеральной уборки.

Я так растерялась, как будто меня застали за актом вандализма. Я подпрыгнула и обернулась, потом бросила взгляд на дверь. На ней еще остались следы белой краски, но слов прочесть уже было нельзя.

— Вот уж не думала, что человек, занимающий такой пост, работает в ночную смену. — Это было первое, что пришло мне в голову, и слова прозвучали гораздо резче, чем мне хотелось.

Я заметила, что Мэт не сводит глаз с входной двери и вот-вот задаст мне вопрос, почему я счищаю с двери краску в начале двенадцатого ночи. По правде говоря, я не хотела, чтобы он спросил.

— Прошу прощения, не понял.

Он был не один. У его ног сидел молодой коккер-спаниель с умильной мордочкой и черной, густой, блестящей шерстью. Мэт шагнул вперед и коснулся пальцем белой полоски, от которой я не успела избавиться. Еще две минуты, и от краски не осталось бы и следа.

— Не спится? — вновь взялась я за свое. — Мы встречаемся исключительно по ночам.

— Я заходил к Клайву Вентри пропустить рюмочку. Да и Молли любит лунный свет. Я только свернул в переулок и сразу увидел, что ты яростно трешь дверь. Что здесь произошло?

— Ничего. — Я вытерла остатки краски и подняла с пола банку с растворителем.

Я вошла в дом, оставив Мэта с Молли у порога. Поспешила в кухню, выбросила тряпку и вымыла руки. Я почувствовала, как что-то мягкое уткнулось мне в икру, опустила глаза и увидела, что Молли тычется носом в мою ногу. Значит, и ее хозяин тоже вошел в дом. Я обернулась.

— Оттуда мой дом не видно, — сказала я.

— Совята нашлись?

— Откуда ты знаешь?

— Я приказал, чтобы мне докладывали обо всех происшествиях в поселке. Нашлись?

Я подошла к клетке, которая все еще стояла на стойке, и сделала вид, что заглядываю внутрь.

— Нет, — ответила я. — Не нашлись.

Он повернулся и подошел к двери черного хода — осмотреть задвижки, которые я прибила.

— Минувшей ночью ты закрывала двери на задвижки? — спросил он.

— Нет, они там исключительно в декоративных целях, — отрезала я.

— Ты и на совят орала? Поэтому они от тебя улетели?

— Со мной все в полном порядке. Не стоит меня проведывать. Уверена, у тебя есть масса более неотложных дел.

Мэт медленно покачал головой.

— Ты на самом деле не умеешь ладить с людьми, да? — Он явно опешил.

Я опустила глаза на пустую клетку. Разумеется, он был совершенно прав: я не умею вести себя с людьми, которым кажется, что они меня знают. Я, если уж приходится, предпочитаю общаться с людьми на профессиональном уровне, но, как только затрагиваются личные темы, внутри у меня все сжимается.

Близилась полночь, но Мэт и не думал уходить, а Молли уютно устроилась в кухне на коврик. Я могла бы сотнями способов намекнуть им, чтобы убирались, даже без свойственной мне грубости. Но вместо этого я подошла к стойке и стала наполнять чайник.

Мэт устроился на одном из стульев.

— Черный, с двумя ложками сахара, пожалуйста, — сказал он.

— Как Клайв? — спросила я, потому что нужно было что-то сказать. Меня абсолютно не интересовал Клайв Вентри.

— Нервничает.

— У него, как и у остальных, развилась боязнь змей?

— О, думаю, Клайва несколькими змеями не испугаешь. Он что-то упоминал о родственниках, которые должны приехать, и у меня создалось впечатление, что этих родственников не очень-то ждут. Подозреваю, что, когда у человека много денег, следует ожидать повышенного и нежелательного внимания со стороны родни.

Я потянулась за кофейником и вспомнила о поселковом собрании в доме Клайва Вентри, о высоком мужчине, которого только мы с Клайвом заметили на верхней галерее.

— Кофе без кофеина? — спросил Мэт таким тоном, как если бы заподозрил, что ему в напиток подмешали какую-то гадость.

— Да. Извини. Засиделся за писаниной? Поэтому не спишь?

— Господи, нет! Я на службе четко с девяти до пяти. По вечерам я работаю над романом.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Над чем?

Взгляд его серых блестящих глаз пронзил меня. Мне показалось, что я не смогу выдержать этот взгляд больше секунды. Я отвернулась и сосредоточилась на чайнике.

— Над историческим романом, — ответил Мэт. — События развиваются во время Англо-бурской войны. Две девушки из Шропшира становятся медсестрами-добровольцами.

— Ты меня разыгрываешь, — пробормотала я через плечо.

— Хочешь почитать?

Чайник вскипел. Я наполнила две чашки и рискнула взглянуть на Мэта.

— Ты очень странный парень, — вдруг призналась я.

Он засмеялся, неотрывно глядя мне в глаза.

— Лучшие мужчины всегда странные. Уж кто бы говорил!

Внезапное возвращение в реальность — почти как боль.

Я забылась. Чуть не позволила себе подумать, что я не... Я отвернулась, стиснув зубы и поджав губы.

— Вот не надо скрипеть зубами, — сказал Мэт. — Я говорю не о твоём лице.

Мне так хотелось его стукнуть! Не просто проигнорировать его, а

стереть в порошок — я не раз так поступала, когда люди выходили за рамки приличия. Но не смогла. Я невольно взглянула на него.

— Тогда о чем?

— Что ж, если хочешь поговорить о странностях... Что скажешь о самой храброй женщине, которую мне доводилось встречать, но которая становится пунцовой и выпускает колючки, когда с ней заговаривают? О той, у кого тело олимпийской спортсменки, но вещи она носит такие, в каких мою тетушку Милдред и в гроб не положили бы? Мы вообще пьем кофе или просто чистим поры лица над паром?

Я протянула ему чашку. Он шагнул ко мне, взял чашку, но не отошел. Я уставилась на третью пуговицу на его рубашке.

— Ты живешь здесь уже четыре года и, держу пари, знаешь по имени всего человек пять соседей. Любой из них был бы счастлив стать твоим другом, но тебя больше интересуют ежики. Вот сегодня ты потратила почти пятьдесят фунтов на лекарство и еду для собаки, которая не проживет и месяца.

Он оперся о стойку, все еще находясь в пугающей близости от меня. Я почувствовала себя неловко. Откуда он все знает про меня? Опять Салли?

— Знаешь, ты должна дать людям шанс, — сказал он.

Я все еще не сводила взгляда с пуговицы.

— Теперь ты на меня злишься.

— Нет.

Честно сказать, я была поражена. Впервые, насколько я помнила, кто-то — к тому же мужчина — увидел, что скрыто за моим лицом. Я решила поднять глаза.

— А глаза у тебя цвета пожелтевших березовых листьев в октябре. И никому не позволено в них смотреть.

И на лицо. Почему все всегда возвращается к лицу? Опять опустила взгляд — намного безопаснее смотреть на пуговицу на его рубашке.

— Уже поздно, — произнес он. Он оглядел кухню, нашел ручку и бумагу и что-то написал. — Вот мои телефоны. Домашний, мобильный и прямой рабочий. Если что-нибудь случится — сразу же мне звони. Не в местный полицейский участок, а прямо мне. Договорились?

Я кивнула, хотя и знала, что ни за что не позвоню.

Иногда — за последние годы нечасто (я всегда строга с собой) — я садилась перед зеркалом, приглушала свет и поворачивалась под таким углом, что обезображенная левая половина лица была не видна.

Я представляла, как сложилась бы моя жизнь, если бы события в тот день, почти тридцать лет назад, разворачивались чуть по-другому. Если бы

мама меньше выпила, если бы Ванесса закричала минутой раньше, если бы папа был у себя в кабинете, а не бродил по саду. Меня бы нашли — спасли — до того, как произошла трагедия.

Я разглядывала здоровую половину своего лица: гладкая смуглая кожа, миндалевидные карие глаза, крошечный носик и высокие скулы. Я думала, как бы все сложилось.

Представляла, что у меня были бы друзья, если бы я так не боялась людей, их бесконечной жестокости. Я бы не стала внутренне сжиматься в тот момент, когда незнакомые люди видели меня в первый раз, или притворяться, что не заметила, насколько умело (или неумело) им удалось скрыть свою реакцию. Я бы не узнала, каково это, когда на тебя показывают пальцем, когда шепчутся за твоей спиной.

У меня, возможно, были бы парни, я бы видела блеск ответного интереса в мужских глазах, ждала бы, изнывая, телефонных звонков, нервничала бы перед первым свиданием. Я не была бы в тридцать лет еще...

Сколько людей пыталось внушить мне надежды на светлое будущее! Мне говорили: «Клара, не для каждого мужчины важна красота внешняя. Ты встретишь человека, который разглядит твою внутреннюю красоту». Как будто уродливая внешность автоматически делает человека лучше. Как будто внутреннее содержание, по умолчанию, должно было компенсировать внешние дефекты.

Эти люди ошибались. Внутри я не красива. Как я могу быть красивой, если люди избегают меня, если пьяные отпускают мне вслед грубые шутки, а на улице подростки не оставляют меня в покое, свистят и улюлюкают? Как я могу быть нормальной, если даже боюсь покупать вещи в магазине, потому что те, кто обслуживает меня, не скрывают жалости или снисхождения? Как красота души может сохраниться при таком отношении? Поэтому я некрасива, и внутри, и снаружи. Сестра никогда не упускала случая напомнить мне, что у меня на плечах не голова, а сплошной изъясн. Я болезненно застенчива, частенько вспыльчива и эгоистична.

Этой ночью я долго сидела перед зеркалом. Мэт, должно быть, уже давно лег спать. А я сидела и заставляла себя поверить, что лицо у меня не повреждено, что Мэт видит во мне не забавную диковинку (каковой я для него и являюсь), а женщину, в которую он мог бы просто...

Среда — мой официальный выходной, но за четыре года я впервые не вышла на работу, поэтому пришлось выслушать причитания удивленных и обеспокоенных сотрудников, прежде чем мне удалось положить трубку и заняться делами, которые я запланировала на этот день.

Первым пунктом в моем списке было разыскать Уолтера. После утренней пробежки (на сей раз в положенное время и без происшествий) и визита к Виолетте с Бенни я села с чашкой чая у телефона, обложившись несколькими местными телефонными справочниками. Я искала дома престарелых, санатории длительного пребывания, приюты, больницы для безнадежных пациентов и тому подобные заведения. Вскоре передо мной был список приблизительно из двадцати адресов.

Через два часа не осталось ни одного места в радиусе ста километров от поселка, где в принципе мог находиться Уолтер, куда бы я не дозвонилась или не оставила сообщения на автоответчике. Когда я разговаривала с дежурной медсестрой частного дома престарелых, расположенного в окрестностях Аксминстера, в моей душе вспыхнула искорка надежды: медсестра подтвердила, что у них находится пациент по фамилии Уитчер. Через пять минут выяснилось, что это женщина, а ее фамилия на самом деле Уитакер.

К одиннадцати утра я поняла: если останусь сидеть за рабочим столом — свихнусь. Осталось три адреса, куда я не дозвонилась, но я оставила сообщения и, если повезет, мне должны перезвонить. Я села в машину и направилась в местную библиотеку.

В библиотеке меня провели в подвал, показали полку, где хранились старые газеты, и оставили в одиночестве. Приблизительно час я пыталась читать заголовки при тусклом свете флуоресцентной лампы. Я довольно быстро нашла сообщение о пожаре в церкви Святого Биринга в 1958 году. В заметке сообщалось, что пожарных вызвали в три часа утра 16 июня 1958 года, когда пожар пылал уже несколько часов, — прежде чем обратиться за помощью, жители поселка попытались потушить огонь своими силами. Когда пламя в конце концов было потушено, уже перед самым рассветом, обнаружили два обгоревших тела. Позже в них опознали преподобного Фейна и Ларри Ходжеса. Преподобный Фейн был одинок, у Ларри Ходжеса остались жена и двое детей-подростков.

Согласно показаниям жителей поселка, причиной возгорания стала не потушенная после вечерни свечка.

Статья заканчивалась кратким некрологом, из которого я кое-что узнала о преподобном Фейне. Родился в 1933 году в Алабаме. Джоэль Морган Фейн был младшим сыном в богатой фермерской семье. В восемнадцать лет он примкнул к секте пятидесятников, а после обучения в университете на факультете античности был возведен в священнический сан. Несмотря на молодость, говорилось в статье, он стал лидером возникшего сразу после Второй мировой войны движения «Поздний дождь». В 1957 году он приехал в Англию, чтобы нести слово Божие через новую церковь, и за восемь месяцев до гибели стал священником в церкви Святого Биринга. Некролог был написан близким другом и последователем покойного Арчибалдом Уитчером. На мгновение я откинулась на спинку стула, пытаясь вспомнить, что же нам рассказывали о секте пятидесятников.

Пятидесятница, или Троицын день — важный христианский праздник, отмечаемый в конце мая. Он знаменует сошествие Святого духа на апостолов. Пятидесятническая церковь Божья, хотя... разве она была основана не в начале двадцатого века? Разве не являлась одним из ответвлений протестантизма? Да, верно. С течением времени появлялись все новые ответвления, одни — более ортодоксальные и уважаемые, другие — менее уважаемые и менее ортодоксальные. Насколько я помню, все эти верования объединяет то, что они утверждают: на каждого верующего может снизойти Святой дух, а еще очень вольно интерпретируют Библию.

Пока поход в библиотеку не принес мне ничего нового.

В следующем выпуске еженедельника «Уэст Дорсет Кроникл» я обнаружила заметку из четырех строчек: «Во вторник в возрасте 30 лет скончался Рэймонд Генри Гиллард. Он всего лишь на несколько часов пережил своего близкого друга и соседа Питера Морфета. Питеру было 32. Оба мужчины умерли в своих домах от сердечной недостаточности. Родственники покойных от комментариев воздерживаются».

За день-другой в поселке от сердечной недостаточности умирают двое молодых мужчин!

После этого сообщения я заново стала перелистывать пыльные старые газеты в поисках упоминания о семье Уитчеров, в особенности о Соле и Альфреде. «Кроникл» представлял собой еженедельное издание объемом всего в восемь страниц, однако поиски затянулись на целую вечность. И мне уже стало казаться, что я что-то пропустила.

Я вернулась к 1950 году и нашла несколько сообщений об

утопленниках, но все эти люди утонули либо в море, либо в заливе. И ни одного упоминания об Альфреде. В половине второго я сделала небольшой перерыв, выбралась на поверхность планеты — подышать воздухом и поесть, а через двадцать минут вернулась к работе.

Гарри — предпоследний из братьев Уитчеров, родился в 1930 году. Предположим, что Альфред родился в 1931-м, в 1944-м ему было тринадцать. Я взяла ящик, где хранилась подшивка газет за 1944 год. Уже во второй газете я обнаружила статью — именно ту, которую искала, хотя поначалу даже не осознала этого.

В июле 1944 года дружинница «земледельческой армии», прибывшая сюда из Лондона, которая работала и жила на близлежащей ферме, была изнасилована пятью мужчинами из нашего поселка. Четверых из них королевский суд Эксетера приговорил к разным срокам тюремного заключения — от десяти до пятнадцати лет. Самый юный из банды — Сол Уитчер — избежал заключения ввиду своего юного возраста (ему тогда было 15 лет), несмотря на то что старшие члены банды указали на него как на главаря шайки. Присяжные поверили мальчику, когда тот стал божиться, что не принимал участия в изнасиловании.

В четыре часа ко мне подошла библиотекарь и сообщила, что библиотека закрывается. Видимо, я как-то неуклюже сидела за столом, у меня покраснели глаза и был подавленный вид, так как библиотекарь сжалась.

— Вы ищете что-то конкретное? — спросила она, взглянув на часы.

Собирая вещи, я успела вкратце объяснить, что привело меня сюда.

— Знаете, — кивнула она в сторону лестницы, — раньше многие поселки выпускали собственные приходские бюллетени. Где, вы говорили, живете?

Я назвала поселок и увидела, что она нахмурилась. Она еще раз взглянула на часы и отошла от лестницы.

— Минутку, — сказала библиотекарь и направилась к большому шкафу. Открыла ящик и порылась в нем. — Вот!

Она выпрямилась и водрузила на нос очки.

— Бюллетень «Сент-Биринус газетт». Издавался ежемесячно с 1895-го по 1972-й. Боюсь, у нас его нет. Мало места. Но одна дама, Руби Моттрам, сохранила все экземпляры. Она долгое время его редактировала. Уверена, она с радостью покажет вам эти издания.

Меньше всего мне хотелось листать еще более пыльные старые бюллетени, но женщина оказала мне любезность, поэтому я взяла адрес, который она мне написала, и поблагодарила ее.

Вернувшись в машину, я решила, что отправлюсь домой, но передумала, опустив глаза на клочок бумаги, который мне сунула библиотекарь. Санаторий для престарелых всего в пяти километрах отсюда. Но даже не это прельстило меня. Я вспомнила слова Виолетты.

«Люди, которые там были, не любят об этом говорить. Даже Руби, а она моя лучшая подруга».

Девушка по имени Руби была в церкви в ночь пожара. Руби, чьи данные записаны у меня на бумажке, живет в доме престарелых, поэтому вполне может оказаться подругой Виолетты. Арчи, Сол и Гарри Уитчеры сразу после пожара покинули поселок. Четверо молодых мужчин умерли той ночью. Я решила нанести Руби визит.

В доме престарелых «Буковый лес» воняло мочой, синтетической лавандой и, непонятно почему, опилками. Здание было построено примерно в 1970 году специально для того, чтобы разместить там стариков. Перешагнув его порог около половины пятого вечера, я тут же поняла: уж лучше горло себе перерезать, чем закончить свои дни в подобном месте.

Когда я прошла вглубь коридора, запах лаванды сменился более интенсивным запахом дезинфекции. Но по углам и по краям плитусов виднелась пыль, а вокруг каждого выключателя — тонкая полоска въевшейся грязи.

Мы миновали комнату отдыха. По периметру сидели на неудобных с виду стульях несколько женщин и один старик. Никто не разговаривал, никто не читал, никто не смотрел телевизор, не слушал радио. У двух-трех престарелых людей были вообще закрыты глаза, остальные просто уставились в пространство перед собой. Интересно, что они видели? Если видели вообще. У меня возникло ощущение, что их жизнь угасает, несмотря на то что они сидят здесь, их сердца бьются, а легкие поглощают кислород.

— Через двадцать минут подадут чай, — сказала женщина в форменной одежде медсестры. Она встретила меня в приемной. — Мы предпочли бы, чтобы все посетители уже ушли к этому моменту. К чаепитию все должны успокоиться.

Она остановилась перед окрашенной в бледно-желтый цвет дверью. Облезшая краска внизу двери и въевшаяся грязь вокруг дверной ручки лишь подтвердили сложившееся у меня мнение о санитарных нормах в «Буковом лесу». Медсестра толкнула дверь.

— Руби, к тебе посетитель! — выкрикнула она, жестом приглашая меня войти.

Мне стало жаль Руби, которую не предупредили о моем визите. А может быть, она спала? Ее даже не спросили, хочет ли она меня видеть.

Если бы Руби предоставили выбор — я это поняла сразу, как только вошла, — она бы наверняка отказалась от подобного удовольствия.

Потому что при моем появлении глаза Руби округлились, как у дикого животного, которого настиг свет фар, когда оно ночью перебегало проселочную дорогу. Потом она метнула взгляд налево, на разобранную постель, направо, на идущие вдоль стены книжные полки, вниз, на коричневый с цветочным орнаментом ковер, и снова на мое лицо. Она содрогнулась — казалось, ее старое тщедушное тельце забилося в конвульсиях — и вжалась в кресло. Ее короткие худые пальцы вцепились в деревянные подлокотники, а когда она опять подняла на меня глаза, на ее лице явно было написано отвращение.

Мне случалось и раньше видеть такую реакцию, Руби.

Она сидела перед двустворчатым, доходящим до пола окном, вид из которого на маленький садик трудно было назвать живописным — поросшая сорняками лужайка, несколько чахлых кустиков... Правда, вдали виднелось море. На горизонте белели паруса яхты, медленно плывущей с востока на запад.

Я огляделась, увидела маленькую расшитую скамеечку для ног и притянула ее поближе — но не слишком — к креслу Руби. Когда левую сторону моего лица скрыли волосы, я, полуобернувшись и сев на скамеечку так, чтобы она видела меня в профиль, представилась, сказала, что живу в поселке, где раньше жила сама Руби. Я сообщила, что знакома с ее старинной приятельницей Виолеттой и что мне хотелось бы просмотреть церковный бюллетень.

Она ничего не сказала в ответ, но я увидела, что она поняла, о чем я ее просила, — ее взгляд метнулся к книжным полкам за моей спиной. Я уже заметила на одной из полок несколько аккуратно поставленных друг на дружку картонных ящичков, к каждому из которых была прикреплена бирка с датой.

— Мисс Моттрам, я пытаюсь побольше узнать об одной семье, которая жила в поселке. Об Уитчерах. Вы не против, если я взгляну на старые бюллетени?

С тех пор как я вошла в палату, взгляд Руби не задерживался дольше секунды на одном предмете. Теперь ее взгляд метался вокруг маленького кофейного столика справа от нее. Она протянула руку и схватила пульт от телевизора, нажала на кнопку. В углу комнаты ожил телеэкран.

— Руби?

Вместо ответа она нажала еще на одну кнопку, звук стал громче. Она просто делала вид, что меня здесь нет.

Я приказала себе не обращать на это внимания — женщина пожилая, вероятно, давно с людьми не общается, возможно, страдает одним из старческих заболеваний. Я подошла к полке. Если она велит мне остановиться и уйти, я так и сделаю, но пока...

Пробежала глазами по биркам. В шести коробках хранились выпуски с 1950 по 1960 год. Я повернулась к Руби.

— Руби, вы не возражаете... — Я кивнула на коробки.

Она все еще игнорировала меня. Я сняла с полки коробку, опустила на ковер и стала изучать содержимое. Я быстро нашла выпуск за июль 1958 года и пролистала его страницы. Ничего о пожаре в церкви, несмотря на то что бюллетень вышел приблизительно через месяц после происшествия.

Ничего там не было сказано и об Уитчерах. Я просмотрела выпуски за август и сентябрь. В октябрьском нашла заметку о свадьбе Виолетты Нисден и Джима Баклера в близлежащей церкви Святого Николая — церкви, которую посещаю и я, но ни слова о пожаре в церкви Святого Бирина, ни слова о братьях Уитчерах.

Я взглянула на часы, до чаепития оставалось десять минут. Я наобум вытащила один экземпляр, пролистала. Ничего. Я взяла еще один, потом еще. Проще было бы забрать их с собой, внимательно изучить дома, но я сомневалась, что Руби на это согласится. Каждый раз, подняв на нее глаза, я видела, что она полностью поглощена просмотром телепередачи, но я была уверена: как только я опускала глаза, она тут же косилась на меня.

Я уже хотела было сдаться, когда обнаружила нечто интересное. В сентябре 1957 года команда во главе с Солом Уитчером выиграла ежегодное поселковое соревнование по перетягиванию каната с противоположных берегов реки Лиффин. Его молодая жена Элис продемонстрировала приз. Значит, Сол был женат на Элис.

Осталось пять минут. Я вернула бюллетени на место и поставила коробку на полку. Я уже была весьма сердита на Руби. Страдает эта старуха маразмом или нет, но так себя вести недопустимо! Ей страшно смотреть на мое лицо? Пусть посмотрит в зеркало на себя! Я прошла в противоположный конец комнаты, наклонилась к телевизору и вытащила шнур из розетки, чем смогла-таки привлечь ее внимание.

— Здравствуйте, — вежливо сказала я.

Она быстро отвернулась, и я мгновенно почувствовала себя бессовестной: зачем я издеваюсь над пожилой хрупкой женщиной?

— Руби, вы помните Сола Уитчера, мужа Элис? — спросила я, с

трудом сдерживаясь, чтобы не повысить голос. — Вы помните, почему он уехал из поселка? Куда уехал?

Руби не поднимала глаз. Она то сжимала, то вертела в руках пульт.

— А Альфреда? Брата Сола?

Молчание. Бесплезно. Я встала и направилась к двери.

— Альфред утонул, — раздался тихий голос у меня за спиной. Такой тихий, что я едва расслышала сказанное. — Они его утопили.

Я обернулась и минуту смотрела на Руби, будто не верила, что она произнесла это.

— Что вы сказали? Кто утопил его? Руби!

Я поплелась обратно, опустилась на колени у кресла Руби. На меня она даже не взглянула. Пока я выжидающе смотрела на нее, не зная, как поступить, она стала раскачиваться в кресле. Мы обе дернулись, когда все здание заполнила трель звонка.

— Звонок к чаю, — напонила сама себе Руби и попыталась, оттолкнувшись от подлокотников, встать.

Я предложила свою помощь, но она проигнорировала протянутую руку и с трудом поднялась. Повернулась ко мне спиной и медленно направилась к двери.

— Я скажу Виолетте, что вы передавали ей привет, — пробормотала я.

Потом внезапно меня осенило.

— Руби! — позвала я довольно громко, не зная, насколько хорошо она слышит. Она и ухом не повела, но мне показалось, что все же была секундная заминка. — Руби, вы знаете, что змеи вернулись?

Молчание, и мне уже показалось, что она сейчас просто выйдет из палаты. Потом я услышала журчание, по палате стал распространяться едкий кислый запах. Я опустила глаза и увидела, как на ковре между ног Руби расплывается темное пятно.

Через несколько часов я вернулась на кладбище.

Если Альфред и был похоронен здесь, то могилы его я пока не нашла. Я начала с места самых старых захоронений и стала продвигаться к группе могил за кустами бузины. Ходила по прямой из одного конца кладбища в другой, всматривалась в надписи на каждой могиле, мимо которой проходила. Нашла две могилы Уитчеров — мужчины и женщины, — но они умерли уже давным-давно, поэтому не имели непосредственного отношения к Уолтеру и его братьям.

Ближе к вечеру поднялся ветер, деревья, окружавшие кладбище, гнулись почти до земли. Их темные ветки, покрытые густой листвой, не пропускали лунный свет, создавая причудливые и постоянно меняющиеся тени, которые металась по земле, как будто среди камней сновали крошечные существа. Я с трудом уняла дрожь и попыталась убедить себя, что это всего лишь трава щекочет мои ноги.

Через полчаса поисков мне пришлось зажечь карманный фонарик, чтобы разглядеть имена на надгробиях. Еще через час я была стопроцентно уверена, что Альфред не нашел свой последний приют на этом клочке освященной земли.

Меня совершенно не прельщала мысль обследовать церковь изнутри, хотя я предполагала, что, если тело Альфреда так и не нашли, вероятно, единственным напоминанием о нем осталась каменная мемориальная доска в церкви.

Я побрела назад между надгробиями, подошла к входной двери церкви. Единственная уцелевшая дверь неистово хлопала на ветру. Я шагнула внутрь.

Неужели я только что вошла в храм Божий? Я стояла в задней части центрального нефа, темные стены уходили вверх, а сквозь дыры в провалившемся потолке я видела проплывающие по небу тучи — здесь мало что напоминало место, где можно обрести покой. Теперь, по прошествии стольких лет, церковь казалась хранилищем мрачных тайн и недобрых воспоминаний о былом.

Внутри это впечатление было гораздо сильнее, чем когда я смотрела на здание снаружи. Каменные своды вздымались высоко, к почерневшему, изъеденному огнем потолку. Передо мной, подобно остаткам давно забытой

армии, стояли обугленные черные скамьи, некоторые из них развалились.

В церковных стенах некуда было деться от омерзительной вони, исходящей от колонии летучих мышей; от смеси запахов гниющей плоти и экскрементов к горлу подступала тошнота. Выл ветер, пищали мыши, шуршали сухие листья.

Сама того не желая, я снова и снова возвращалась к рассказу Виолетты — не так-то легко было удержаться от этого там, где все непосредственно и случилось. Глядя вперед, туда, где поручни огораживали алтарь, я будто видела там Альфреда: привязанного, умирающего от голода, растерянного и напуганного; видела собравшихся вокруг него прихожан, которые молились за освобождение его души; видела священника, бормотавшего древние заклинания, изгоняющие дьявола.

Бедный Альфред!

Обычно мемориальные дощечки крепят на стене. Я подошла к стене и стала светить на нее фонариком. Когда-то церковь могла похвастаться окнами из цветного стекла. От огня стекла расплавились, на резных подоконниках и у покрытых лишайником стен виднелись разноцветные потеки — яркие даже спустя столько лет. В лунном свете ярче всего смотрелся красный цвет. Потеки некогда расплавленного алого стекла виднелись на камнях и на вымощенном полу — и этим вечером мне, при моем взвинченном состоянии, старая церковь казалась обогрванной кровью.

Я прошла центральный неф и взобралась по ступеням на алтарь. С этого места было проще представить, какой некогда была церковь. По обе стороны от меня находились три ряда скамей, не тронутых пожаром, на них размещался хор. Когда-то отсюда лилось пение, теперь скамьи стояли печальные и бесполезные, резьба тонкой работы с годами потемнела. Возле стула перед органом лежал перевернутый аналой. Орган до сих пор производил внушительное впечатление, до сих пор поражал своей красотой.

Моя мать часто играла на церковном органе — «пока позволяло здоровье». Особенно ей нравилось играть на свадьбах, я помню, как сидела возле нее, укрывшись от глаз прихожан, переворачивала для нее страницы, украдкой любовалась великолепными (по крайней мере мне так казалось) нарядами гостей на свадьбе.

Со своего привилегированного места под трубами я могла видеть то, что было скрыто от взглядов остальных прихожан: самые сокровенные моменты клятвы, которую давали врачующиеся. Я ждала, не в силах сдержаться, первых слез на глазах невесты, дрожи в голосе жениха, вздоха облегчения из их уст, когда кольца занимали свои места на пальцах, а

значит, все самое сложное было уже позади. Вскоре я знала все слова клятвы наизусть, даже ловила себя на том, что произношу их вместе с невестой. Думаю, если бы невеста вдруг забыла то, что она должна была повторять, прихожане были бы несказанно удивлены, услышав, как тоненький голосок подсказывает слова.

Но я никогда не могла смотреть на один ритуал, в этом месте я всегда отворачивалась, вглядывалась в страницу, даже протягивала руку, чтобы мама сжала ее, утешая, — когда поднимали вуаль с лица невесты.

Мне, конечно, далеко было до маминого таланта, но я могла сыграть на церковном органе несколько самых простых мелодий. И теперь, стоя в темноте в церкви, предавшись воспоминаниям, я ощутила нелепое желание поднять стул, поставить его на место, сесть и коснуться клавиш. Какой звук издаст инструмент после стольких лет забвения? Услышат ли его в поселке, сбегутся ли люди, чтобы увидеть, кто тут играет?

Глупое желание, но что-то толкнуло меня вперед, заставило поднять ногу и нажать ею на педаль, поднять средний палец правой руки и ударить им по одной из клавиш.

Орган тут же отозвался, издав звук, похожий на крик боли. Когда резкий стон разнесся над руинами, вверх взмепгулись перепуганные мыши, заглушая своими высокими криками затухающий звук. Бедные создания были совсем беззащитны перед мощными потоками воздуха. Они метались — пронзительно крича и визжа — под полуобрушившимся сводом крыши, словно поднятый ураганом мусор. На улице опять заволновались грачи. Я поняла, что дрожу. Плохая была идея. Минувших дней не вернуть.

Я прошла мимо окон, смотревших во двор: три огромные каменные арки, выходящие на восток. Самая большая возвышалась надо мной метров на шесть. По кафельному полу валялись осколки цветного стекла, как неограниченные самоцветы.

На алтаре стояли тусклые, потемневшие от времени подсвечники. На южной стене висел большой гобелен. Я попыталась рассмотреть, что там изображено, но краски слишком обесцветились от влаги и плесени. Мне ничего не оставалось, кроме как пройти к южной стене, пытаясь прочесть слова, высеченные на камне; отчаяние проникло в меня подобно прохладному воздуху, просочившемуся в церковь.

Ну, и чего я достигла после стольких часов вынюхивания и высматривания?

Уолтер до сих пор не найден. Я узнала кое-что о Соле Уитчере, но ни на шаг не продвинулась в его поисках. Равно как и в поисках Альфреда — одни лишь утверждения двух его ровесниц — Виолетты и Руби, — что он

утонул. Руби, правда, сказала больше. «Они его утопили» — это были ее слова. Если она права... Похоже, самый настоящий ящик Пандоры ждет, чтобы его открыли!

Я стояла на пороге церкви и уже собиралась спуститься по ступеням, когда заметила какое-то движение. Всего лишь краешком глаза, всего лишь долю секунды, но я была уверена: за алтарем мелькнула высокая темная фигура. Я резко обернулась, в груди бешено колотилось сердце, я почувствовала, как у меня подкашиваются ноги. Я попыталась удержать равновесие и выронила фонарик.

Он с громким стуком упал на каменный пол, а в небо, словно пули от выстрела, взметнулись испуганные грачи. Я увидела, как сверху посыпался мусор, услышала, как он шумно падал на камни, шлепался в воду.

Перед церковью тени оставались недвижимы. Я в очередной раз повернулась, чтобы уйти. Мои нервы были натянуты до предела, мне хотелось как можно скорее убраться отсюда. Я переступила порог и оказалась на крыльце.

Шлепался в воду?

И опять я повернулась, заставила себя вернуться к алтарю, настороженно следя за теньями. Я приблизилась к балюстраде и увидела большую деревянную дверь в подвал, вмонтированную в пол прямо перед ступенями алтаря. Раньше я ее не заметила — воспоминания о матери и ее музыке увели меня далеко от окружающей действительности. Когда-то створок было две. Сейчас одной не хватало, а на ее месте зияла мягкая мерцающая чернота. Я подошла ближе, ступив в вонючую стоячую воду, которая подобно легкой туманной дымке нависла над этой чернотой. Края бассейна поросли мхом, который напоминал медлительных крошечных существ, решившихся на побег. Я подняла с пола камень и бросила.

Бульк!

Все в церкви будто замерло. Этот глубокий прямоугольный бассейн имел три метра в длину и два в ширину. Вскоре перестали расходиться круги от брошенного камня, но осталась рябь. Похоже, легкий ветерок пробежал по ее блестящей, словно нефть, поверхности; а возможно, в глубине дышали крохотные существа. Я не собиралась докапываться до истины. Было что-то гипнотическое в этом бассейне, в том, как отражались в нем каменные своды церкви. Я не могла избавиться от ощущения, что если буду продолжать стоять и таращиться в глубину бассейна, то просто упаду в него.

Я с трудом оторвала взгляд. И заметила, что у алтаря движется гобелен, едва-едва раскачивается, как будто им играет легкий ветерок. Разве

я никого не видела секунду назад? Или мне почудилось, что я вижу в проеме огромного сводчатого окна очертания высокого мужчины? Но перед церковью ничто не двигалось. Даже гобелен замер. Явно пора было уходить.

Я обошла бассейн, взобралась по трем ступенькам к алтарю. Ничего. За окном слышны только ветер и шум крыльев небольших существ, летающих вокруг меня. Я сделала шаг вперед, посмотрела направо, налево, ожидая, что из-за передних скамей на меня сейчас кто-то выскочит. Быстрый взгляд за алтарь — ничего. Я потянула за край гобелена.

За ним скрывалась дверь. Добротная сделанная из дерева и железа, дверь была вмурована в камень и вела в ризницу или в башню. Почему я раньше о ней не подумала?

Ризница — это помещение в церкви, где хранятся ризы, другие церковные одеяния и атрибуты богослужения. В ризнице часто заседает церковный совет, нередко священник использует ее в качестве кабинета. Я потянулась к круглой металлической ручке, отдавая себе отчет, что собираюсь сделать несусветную глупость. Я крепко ухватилась за ручку и повернула ее. Она поддалась.

Неужели я на самом деле видела кого-то за алтарем? А если видела, где этот человек сейчас?

Ручка чуть повернулась вправо и застопорилась. Если бы дверь не была заперта, мне нужно было бы только надавить, и она бы открылась.

Неужели я видела своего «незваного гостя»? Чем больше я думала над этим, тем сильнее билось мое сердце. Нет, вряд ли это он. Внезапно мне показалось, что мужчина находится выше. Я подняла голову и принялась. К тому времени я уже привыкла к зловонию, исходящему от колонии летучих мышей. Был ли здесь кто-нибудь еще? Вонь от бродяги, которая недавно ночью затопила мой дом, словно наводнение? Нет. Не она. Но что-то похожее. Слегка. Возможно... дым от трубки?

Я толкнула дверь, она не поддалась. Я попыталась снова — с тем же результатом. Дверь была заперта. Ни следа замочной скважины, и это означало, что дверь заложена на засов изнутри. От разочарования я осмелела и захотела узнать, что скрывается за этой дверью. Ризница обычно имеет выход на улицу — так проще священнику: ему не нужно постоянно открывать огромную, массивную дверь главного входа.

Я пробежала по центральному нефу и выскочила через входную дверь наружу. Потом выключила фонарик и стала пробираться к южной стене здания. Я старалась держаться поближе к стене — если здесь кто-то есть, он прекрасно знает, где я сейчас. Я двигалась медленно.

Стены церкви редко бывают прямыми, что этим вечером было мне на руку — встречались укромные уголки, где можно было переждать и прислушаться, убедиться, что все тихо, прежде чем двигаться дальше. Чтобы добраться до южной стены и найти дверь в ризницу, мне понадобилось не больше пяти минут, но эти пять минут показались вечностью.

Дверь была закрыта на щеколду. Я не собиралась заходить внутрь. Я просто хотела попытаться открыть дверь, если смогу, а потом намеревалась отойти подальше и посмотреть, кто выйдет наружу. Я надавила большим пальцем на щеколду. Безрезультатно. Еще одна запертая дверь. Я наклонилась и осветила фонариком в большую замочную скважину. В ней не было мусора, который должен был накопиться за пятьдесят лет. Я отошла, оглядываясь по сторонам. Неужели у меня хватит смелости сделать то, что сейчас пришло мне в голову?

Было время, когда церкви в Англии практически не запирались. Главный принцип святыни был незыблем. Церковники считали, что храмы должны оставаться открытыми всегда, чтобы каждый мог зайти помолиться и побыть наедине с Богом. Однако в последние годы из-за случаев вандализма и краж подобное стало невозможным во многих церквях, включая сельские. Даже самые крошечные церквушки пострадали от рук вандалов. В конце концов пришли к компромиссу. Храм запирали, но ключи прятали в месте, известном прихожанам. Где могли найти ключ прихожане церкви Святого Биринга?

Над проемом в форме арки, на высоте чуть больше двух метров от земли, был прикреплен декоративный ключевой камень. На нем было высечено дьявольски хитрое лицо горгульи, выкатившей свои каменные глаза. Слишком высоко для меня, но вдоль всех стен церкви шел узкий выступ на расстоянии сантиметров двадцати от земли. За многие годы стены поросли плющом. Я шагнула на выступ, одной рукой схватилась за плющ, чтобы не упасть, второй стала ощупывать ключевой камень. Много сухих листьев, несколько камешков, больше ничего. Оставалась только горгулья.

По правде сказать, это была совсем и не горгулья — я поняла это, когда очутилась с ней лицом к лицу. Такие горгульи (хотя они могут быть ужасными на вид) — это архитектурные элементы, использующиеся для водостока. Дождь падает на крышу церкви, вода стекает в желоба, идущие по всему периметру здания, и вытекает через дыру во рту горгульи. У этой горгульи был широко открыт рот и неприлично высунут язык, но к ней не подходила водосточная труба. Это была химера, каменная декорация.

И во рту у нее за пятьдесят лет накопилось много мусора: я вытащила пригоршню пожухлых листьев, грязь, остатки птичьего гнезда — и это было еще не все. Через две минуты изысканий моя рука уже полностью исчезла во рту горгульи. Мои пальцы что-то нащупали, я непроизвольно вздрогнула. Там ничего не могло быть. Я уже хотела сдаться, когда мизинец коснулся холодного металла. Я схватила этот предмет и вытащила руку.

Спрыгнула вниз и посветила на свою находку. Большой медный ключ — позеленевший от времени, покрытый плесенью, но совершенно (насколько я могла заметить, вытерев его о джинсы) не поврежденный. Я сунула его в замочную скважину, зная, что он подойдет, что он точно откроет дверь, и замерла.

Умер мужчина, подвергся смертельной опасности младенец, люди в поселке до безумия боятся змей. И в ответе за это человек, который воняет, как бомж, который тенью скользит по поселку. Мы не обнаружили его явных следов в доме Уитчеров, но где-то же он должен прятаться! Возможно ли, что я нашла это место? Если так, то что мне делать сейчас? Неужели полиция станет обыскивать старую церковь только потому, что я видела какую-то тень? Вряд ли. Может, позвонить Мэту? На этот вопрос я тоже знала ответ. Кому еще я могу доверять? И на этот вопрос ответ известен. Я повернула ключ и толкнула дверь.

За ней была сплошная темень, но луч фонарика выхватывал из мрака один за другим предметы, обычные для ризницы: письменный стол священника, журнал регистрации браков, буфет, книжную полку, платяной шкаф для различных одеяний, которые могут понадобиться священнику, даже маленькую раковину с ржавым чайником на сушке. Ничего такого, что меня удивило бы или насторожило. Я опустила ключ в карман и закрыла за собой дверь. Слева находилась еще одна арка, ведущая к винтовой лестнице. Если эта церковь, как я полагала, норманнская, то она была построена приблизительно в двенадцатом или тринадцатом веке. Первоначально башня была ниже — всего один этаж над основным зданием. Позднее, где-то в шестнадцатом веке, когда уже было принято звонить в колокола, башню надстроили и соорудили звонницу. Надо мной располагались еще два этажа.

Лестница оказалась узкой и очень крутой. За несколько столетий ступени местами стерлись от хождения служителей. Я надеялась, что мне не придется в спешке спускаться по ней. Я взбиралась медленно, наступая на остатки грачиных гнезд, пробираясь сквозь паутину и все время чутко прислушиваясь. Наконец я достигла второго этажа башни — звонницы.

В помещении, не считая свисающих с потолка и собранных в центре восьми веревок, напоминающих гигантскую паутину, было пусто. По всей звоннице на полках стояли колокола, а на деревянных подставках — выцветшие нотные листы. Я посмотрела вверх и увидела в грубых досках на потолке дырочки, через которые были продеты веревки. Я продолжила осмотр.

Восемь огромных бронзовых колоколов — их громкие голоса молчали уже несколько десятилетий — неподвижно висели в последнем и самом высоком помещении башни. Каждый был покрыт мелкой меловой пылью, которую сильный ветер разносил по окрестностям. Но на них я едва взглянула. Я преодолела последний поворот и остановилась. Мой взгляд был прикован к предмету на небольшом пяточке на полу, не занятом колоколами.

Не желая приближаться, я пошарила лучиком фонарика по очертаниям громоздкого деревянного кресла. Кресло было сделано топорно — дощечки грубо скрепили между собой толстыми гвоздями, — но казалось крепким. Подлокотники — широкие и массивные, ножки — прочные. К ножкам и

подлокотникам были прибиты четыре кожаных ремня со стальными пряжками.

«Говорили, что они связывали его и морили голодом. По несколько дней, даже недель».

До сего момента я считала бредовой мысль, что неодушевленные предметы могут навевать страх. Но когда я смотрела на это кресло, перед моим внутренним взором вспыхнули ужасные видения: связанный пленник, неистово взывающий к Небесам, молодой мужчина, измученный голодом. Он уже охвачен отчаянием, на грани смерти, а кровь сочится из ран на запястьях и щиколотках. Высохшие старые кости — плоть давно сгнила — до сих пор крепко держали кожаные ремни. За эти несколько мгновений я впервые в жизни испытала настоящий всепоглощающий страх.

«Иногда они водили его в церковь и молились за него, пытаюсь изгнать демона. Спустя несколько дней мы видели прихрамывающего Альфреда, такого же как раньше, но с синяками и кровавыми следами от веревок на запястьях».

— Это было давным-давно, Клара, — пробормотала я себе под нос.

Я больше не могла смотреть на кресло. Но и отвернуться тоже не могла. Поэтому я оставалась там, где была, и медленно водила фонариком по звоннице, по голым доскам под моими ногами, по стенам, по натянутому паутиной потолку. Вероятно, я громко застонала, и звук моего голоса эхом отдался от старых колоколов. Здесь тоже были химеры, всего четыре — в каждом углу. Отвратительное создание, сантиметров шестьдесят в высоту, с телом обезьяны, когтями и хвостом кота, тарацилось на меня из противоположного угла. Его злые глаза были по-человечески разумны. Казалось, оно вот-вот прыгнет. Слева от меня сидел лев с расправленными крыльями, готовый взлететь, справа — задумчивое рогатое чудовище, чей подбородок покоился на почти человеческих руках. За моей спиной, близко-близко, находилось что-то еще. Я не могла разглядеть это как следует, но инстинктивно отодвинулась подальше. Все четыре статуи казались потревоженными и голодными.

Неужели Альфреда действительно оставляли здесь? Я пыталась представить, каково это — наблюдать, как садится солнце, видеть, как вытягиваются тени, и знать, что твоей единственной компанией на всю долгую ночь будут эти ужасные каменные изваяния. И сколько времени проходило, прежде чем начинало казаться, что они двигаются, говорят с ним? Как быстро и без того слабый умом Альфред полностью утрачивал чувство реальности?

Свет моего фонарика выхватил какой-то предмет, я шагнула вперед. У плинтуса, почти в самом углу комнаты лежала незамысловатая вещица — два куска дерева, скрепленные под прямым углом. Один из самых простых, самых узнаваемых символов в мире — распятие.

Крест висел еще над моей колыбелькой. Для меня он олицетворяет все хорошее и надежное, что есть в жизни. Увидеть распятие здесь, в этом помещении, рядом с этим ужасным креслом... Это омерзительно!

Я не могла больше там оставаться. Уже покидая звонницу, я заметила, что на кресле почти нет белой пыли, которая покрывала все в этом помещении. Как будто кто-то не так давно сидел на нем. Я опустила глаза и увидела, что на полу в пыли виднеются следы, и они не мои.

Я уже стала спускаться, как вдруг, подчиняясь внезапному порыву, преодолела пять ступенек вверх и отворила крошечную незапертую дверь, ведущую к парапету. В лицо мне ударил резкий ветер, оттолкнул назад, к двери, пытаясь загнать меня внутрь, но я подалась вперед и увидела, что стою на высоте метров двадцати над поселком.

По небу плыли тучи, а внизу, подо мною, их пытались догнать тени. Вдалеке я видела оранжевый «хвост» уличных фонарей, а между ними — снующие туда-сюда огоньки фар и габаритных огней автомобилей. В большинстве домов было темно, лишь то тут то там горел фонарь над крыльцом или струился мягкий свет из-за занавесок. Все было спокойно, неподвижно — за исключением тонкого лучика фонарика, медленнодвигающегося по земле недалеко от лужайки.

Я заперла башню, положила ключ на место, сошла с крыльца и ступила на тропинку, но тут же остановилась. В конце тропинки, преграждая мне дорогу, стояли три фигуры — я сразу узнала в них ребят из компании Кича. Они еще меня не видели, но это было делом нескольких секунд. Я попятилась, пробежала через двор и перелезла через каменную стену, за которой раскинулось поле. Я находилась в непосредственной близости от особняка Клайва Вентри, определенно на его земле, но решила, что смогу пройти задворками сада, потом пробраться по нижнему полю и выйти к лужайке с противоположной стороны. К тому времени эти трое, скорее всего, уйдут. Или же мне удастся проскочить мимо них.

Я шла под гору довольно быстро и вскоре уже оказалась позади особняка. Держась ближе к забору, я пошла по полю. Мне бы дойти до его противоположного конца, выбраться на Картерс-лейн и — бегом домой.

Я уже преодолела метров пятьдесят, когда опять услышала голоса. Меня заметили? Меня преследуют? Я замерла и припала к земле. Изгородь,

тянущаяся вдоль поля, перпендикулярно той, за которой я пряталась, зашуршала и задвигалась. С гнезда, не издавая протестующих криков, взметнулась потревоженная птица. Через изгородь пробиралась крупная фигура, за ней — другая, ниже и коренастее.

Они были слишком далеко, чтобы я смогла их разглядеть. Это вполне могли оказаться братья Кич. Учитывая, что я видела уже трех членов их компании, вполне вероятно, что это были именно они.

Они зашагали по полю вдоль изгороди. Я пропустила их вперед и пошла за ними, понимая, что обнаружить меня им вряд ли удастся. Я была одета во все черное — как обычно одеваюсь во время ночных прогулок по полям. К тому же раньше я неоднократно выслеживала животных под покровом ночи.

Братья Кич, если это были они, шли метрах в пятидесяти впереди меня. Я заметила, что один повернулся к другому и заговорил с ним. Слов я не слышала, но по их телодвижениям, по жестикуляции более высокого мужчины было понятно, что они ссорятся. Потом тот, что повыше, навис над приятелем и схватил его за плечо. Кажется, тот сник. Теперь я уже не была уверена, что это братья Кич. И двигались они не как молодые люди.

Потом они пригнулись к земле, я последовала их примеру. Они смотрели на гору, в сторону особняка, находящегося метрах в четырехстах от них. Ветер не стихал, дул в юго-западном направлении, вокруг меня дрожали и шептались деревья. Высокая трава на полях гнулась к земле, напоминая мне быстро бегущий поток воды.

Как бы лучше описать то, что произошло дальше? Казалось, что я попала на середину широкой быстрой реки. Вода бежала ко мне, местами отступая и кружась, но в большей своей массе безостановочно двигаясь в одном направлении. Вот каково оказаться ночью посреди поля, по пояс в гнущейся от ветра траве. Потом я заметила вдалеке поток, но он стремился ко мне. Всего несколько метров в ширину, он обладал удивительной силой, потому что пересекал под прямым углом основное течение.

Я смотрела на поток... вода... трава... что, черт возьми, это такое — то, что приближалось ко мне? Я понимала, что двое мужчин впереди меня тоже его видят.

Это могла быть только вода, откуда-то бежал ручей. И в то же время я была совершенно уверена: это не вода. От догадки я задрожала. Я полагала, что уже повидала все ночные английские пейзажи, но это было абсолютно новое явление. И, как и любое живое существо на планете, меня страшило неизвестное.

Что это? Одна моя половинка хотела бежать, вторая была в восторге. Я

рискнула подползти ближе. Поток, если он не изменит направления, меня не затронет, но наверняка накроет двоих мужчин. Но те, пригнувшись, явно с нетерпением ждали этого момента, готовые к действиям. Они держались уверенно. Вот уже поток в десяти метрах... восьми... Он двигался со скоростью взрослого человека. Пять метров...

Змеи... десятки змей... может быть, сотни. Они извивались в траве подобно ленточкам, развевающимся на детском вымпеле. Их тела, казавшиеся скользкими и мокрыми, переливались в лунном свете. Змеи двигались целеустремленно, влекомые инстинктом, но сути происходящего я не могла понять.

Трава кишела ужами. Молодые особи, тоненькие, как карандаш, ползли рядом со взрослыми рептилиями длиной метра полтора. Я видела темных змей, бледных змей, на некоторых даже могла рассмотреть отметины. Они направлялись к воде, вероятно к реке. Я слышала о подобном, даже встречалась с одним стариком, который утверждал, что видел целое полчище змей. Но до сего дня считала это выдумкой.

Зрелище было красивым, совершенно необычным, поразительным. Я одновременно и радовалась тому, что стала свидетельницей этого необыкновенного явления, и печалилась из-за того, что, кроме меня, этого никто не видел.

Как это не видел? Были еще два свидетеля — братья Кич (или не братья Кич?). Кем бы они ни были, я сильно сомневалась, что они пришли сюда полюбоваться этим чудом природы.

Змеиный поток миновал меня, я наблюдала, как змеи ползут дальше по холму, в направлении темных фигур, поджидающих их. Когда первые змеи приблизились к мужчинам, тот, что повыше, что-то крикнул, оба встали. Змеиный поток растекся веером, будто вода из поливного шланга. Змеи устремились в разных направлениях, но мужчины зря времени не теряли. Достали мешки, раскрыли их и стали смахивать змей туда.

Они явно проделывали это раньше — действовали четко и споро. Они все делали молча, смахивали бедных, сбитых с толку созданий в мешки, а те уже чуть ли не лопались от извивающейся в них живности.

Как же мне хотелось их остановить! Но я не отважилась. Я была слишком близко. И что я могла сделать? Воззвать к их разуму? Я даже уйти не могла, пока они были здесь. Стоило мне только пошевелиться, и они меня заметили бы.

Одна змея, отделившись от сородичей, поползла ко мне. Я замерла. Змеи не могут слышать. Они чувствуют вибрацию, частично воздуха, но в основном земли. Змеи видят, но очень плохо. Однако они остро чувствуют

запахи — своим языком. Когда змея подползла ближе, она замедлила движение, ее язык трепетал подобно крохотным вспышкам света — она учуяла еще одного вероятного врага.

Змея замерла и приняла защитную позу. Я поймала себя на мысли, что мне хочется протянуть руку и погладить нежное сильное тело, успокоить змею. Глупость, конечно, — ручные пресмыкающиеся позволяют себя гладить, но чтобы эта дикая особь нуждалась в моем утешении... Может, меня саму нужно утешить и успокоить? Я не шевелилась, и змея опустила язык, еще раз попробовала воздух на вкус и поползла через изгородь.

Наконец все змеи или уползли, или попали в мешок. Мужчины двинулись в обратном направлении, к изгороди. Протиснулись через кусты и исчезли из виду, но я была уверена, что они спустились по холму к дому Уитчеров.

Нужно пойти домой и позвонить в полицию. Эти двое — теперь я не была уверена, что это братья Кич, — совершили преступление. В Великобритании считается противозаконным ловить диких змей, а они набрали целый мешок. Я не имела ни малейшего представления, что они замышляют, но готова была держать пари, что змеям это не понравится. Я пошла назад, прислушиваясь к голосам по ту сторону изгороди. Примерно на полпути я вспугнула еще одну птицу и сама подскочила, когда та взметнулась в воздух прямо передо мной. Я добралась до конца поля и, пригнувшись, стала протискиваться через кусты. Просунув голову, я посмотрела вправо-влево.

Никого. Двое моих «друзей» исчезли вместе со своей добычей. Я пробралась через кусты, выпрямилась и быстрым шагом преодолела остаток пути. Уже завернув за угол, я услышала едва различимое шарканье, внезапно кто-то дернул меня за волосы назад, меня сзади обхватили чьи-то руки.

Аллан Кич крепко держал меня за талию и за горло, а его брат Натан шел прямо на меня. Не было времени на раздумья. Я размахнулась ногой и заехала ему в пах. Юноша пошатнулся, я почувствовала, что хватка Аллана ослабла. Тогда я ткнула локтем назад и почувствовала, что попала ему в мягкий живот — он не успел сгруппироваться. Потом я изо всей силы ударила его головой в подбородок. Он издал звук, похожий на хрюканье, и отпустил меня.

Я бросилась вперед. Теперь главным была скорость. Мне повезло — они не ожидали, что я окажу сопротивление, но, похоже, этим я их очень разозлила. Нельзя было допустить, чтобы они меня схватили. Я стремглав бросилась за угол и понеслась по Картерс-лейн. Вскоре я буду на окраине поселка, а там уже до домов, до помощи рукой подать.

За спиной слышался топот. Натан был молодым и высоким. И спортивным — парни в таком возрасте обычно занимаются спортом. Аллан был крупнее, крепче и лет на пятнадцать старше брата. Сильнее, но и медлительнее. Оторваться мне нужно именно от Натана.

Я каждый день совершаю пробежку по этому переулку, но на сей раз я взлетела по нему за несколько секунд. Нельзя было снижать скорость. Нужно было пересечь лужайку и повернуть на главную дорогу, ведущую к поселку, пробежать еще метров пятьсот и свернуть налево, на Бурн-лейн. А там до моего дома рукой подать.

И уж совсем я не планировала повстречать еще двух членов банды Натана, парня и девушку, сидевших на скамейке там, где главная дорога подходит к лужайке. Еще один парень медленно шел по переулку, ведущему к церкви и особняку. Аллан с Натаном стремительно приближались.

Остальные, казалось, не заметили меня. Ветер заглушал все звуки, и парочка была занята только друг другом. Второй парень пытался прикурить. Я рысцой пробежала через лужайку и оказалась у моста. Спустившись по ступенькам к воде, я нырнула под каменный свод — и тут же поняла, что совершила ошибку.

Я запаниковала. Если бы у меня было время подумать, я бы оставалась на открытом пространстве, кричала бы как резаная, как только кто-нибудь из них приблизился бы ко мне. Меня обязательно бы кто-нибудь услышал — дома ведь были недалеко отсюда. В любом случае, вряд ли они

решились бы что-нибудь сделать со мной прямо посреди родного поселка. Не стоило их бояться, нужно было взять их на понт.

Вместо этого я сама сделала себя их жертвой. Теперь они меня догонят. Деваться мне некуда, а они вскоре догадаются, где я. Придут сюда, устроят мне ловушку под мостом. Я не могла этого допустить.

Давай, думай, думай! Единственный выход — затаиться на минутку, восстановить дыхание, дожидаться подходящего момента, чтобы сделать рывок. Но когда я пряталась в тени под мостом, кое-что обнаружила. На противоположном берегу в своде моста виднелся вход в узкий туннель. Вход был круглый, обложенный кирпичом, метр с небольшим в диаметре, по нему бежал один из многочисленных ручейков. Разумеется, внутри было темно, стены покрыты тиной, по туннелю быстро текла вода, но впереди он пересекался с водопропускной трубой, по которой бежал ручей, идущий вдоль главной дороги. Длина туннеля — метров пятнадцать, может двадцать. Если я пойду по нему, смогу выбраться на поверхность слишком близко от того места, где сидит Кимберли с приятелем. Они, конечно, не ожидают, что я выскочу из-под земли, как чертик из табакерки. Туннель, каким бы непривлекательным он ни казался, давал мне преимущество. И у меня был с собой фонарик.

Я не раз переходила вброд реки и ручьи и привыкла к холодной воде, к водорослям, которые путались вокруг ног. Но обычно я одета более подходящим образом. Уже через три шага мои брюки промокли выше колен и прилипли к ногам. Я переходила реку, осторожно ступая по камням и прощупывая глубину.

У входа в туннель я зажгла фонарь, удостоверившись, что с моста невозможно увидеть его свет. Мне пришлось согнуться пополам, чтобы залезть в туннель; если бы я поскользнулась, беды было бы не миновать. Не очень хорошая идея.

Шаги над головой. Кто-то остановился на мосту.

— Куда, черт возьми, она делась? А вы, братва, куда смотрели?

— Сучка мимо нас не пробежала. Не фиг!

Хорошая это была идея или нет, но мне больше ничего не пришло в голову. Я пошла вперед, согнувшись, содрогаясь от холодной воды. С потолка свисали водоросли, касавшиеся моего лица, а я медленно, но упорно пробиралась по туннелю. По обеим сторонам шли узкие выступы, за которые я держалась руками. Они были мокрыми, скользкими, довольно омерзительными на ощупь, но благодаря им я сохраняла равновесие. Я наступила на что-то, под ногами захлюпало, я чуть не вскрикнула.

Под мостом раздалось эхо шагов. Я выключила фонарик и вжалась в

мокрый кирпич. Посмотрела назад и увидела черные тени,двигающиеся у входа в туннель. Если бы они меня заметили, один из них за секунду оказался бы у противоположного выхода из туннеля. По земле они смогут преодолеть это расстояние гораздо быстрее, чем я под землей. Где была моя голова?

Я услышала, как кто-то скребется слева от меня, и обернулась. Крохотные глазки уставились на меня, а крохотные лапки бросились прочь. С крысой я справлюсь. Не уверена, что так же легко смогу справиться с темной фигурой, которая маячит у входа в туннель. Фигура согнулась, вглядываясь в темноту. Я не шевелилась, кажется, даже перестала дышать. Человек вертел головой из стороны в сторону, но не видел меня. Вспыхнул луч фонарика и ударил мне прямо в глаза.

Человек с фонарем негромко засмеялся. Натан. Бессмысленно таиться.

Я бросилась вперед, понимая, что у меня есть всего несколько секунд. Нет, уже нет. Вторая фигура заслонила выход. Я попятилась, протянула руки, чтобы ухватиться за выступы и успокоиться. Правой рукой ухватилась, а левой — нет. Под левой рукой вместо стены туннеля зияла пустота. Я включила фонарик.

В этом месте кирпичная кладка осыпалась, открыв вход в еще один туннель, меньше того, в котором я стояла, но по нему тоже текла вода. Этот новый туннель не был обложен кирпичом и не являлся рукотворной трубой — обычный канал, проделанный водой в горе. Луч фонарика не доставал до конца туннеля, поэтому я понятия не имела, насколько он длинный.

Ладно, что они могут мне сделать? Неужели они действительно могут меня убить или серьезно покалечить? В поселке, где все мы живем, лишь в нескольких сотнях метров от домов? Я не могла в это поверить. Смешно прятаться в туннеле, красться в темноте, как крыса.

Худшее, чего следовало опасаться в случае, если они меня поймают, — унижения. А с этим я справлюсь. Одному Богу известно, что я могла бы написать целую книгу о том, как пережить унижение. Вскоре все закончится, они меня отпустят. Что еще они могут со мной сделать, с чем я не сталкивалась уже десятки раз?

— Клара-а-а! — позвал кто-то из-под моста фальшивым тоненьким голосом, растягивая последнюю гласную, эхом отозвавшуюся в туннеле.

Этот крик подхватили на противоположном конце туннеля:

— Клара-а-а! Клара-а-а!

Парень взвыл, как собака. Потом они часто и тяжело задышали. Кто-то другой стал настойчиво произносить мое имя низким голосом, словно бил по барабану. Я заметила, как один шагнул в туннель. С противоположного

конца — моего некогда возможного пути отступления — его приятель сделал то же самое. Они не стали дожидаться, пока я сама сдамся. Они шли за мной. Что бы они ни собирались со мной сделать, проделают они это здесь, под землей. Внезапно я поняла, что унижение — это не худшее, чего стоит бояться. Влекомая лишь инстинктом самосохранения, я пригнулась и шагнула во второй туннель.

Я с удовлетворением услышала удивленное бормотание у себя за спиной. Банда знала о водосточной трубе, но понятия не имела о втором туннеле. Однако мне нужно было пробираться вперед, скрыться с глаз, пока они не нашли вход. Одну руку я прижимала к голове, чтобы защитить ее от ударов о необычайно неровный потолок, а вторую, с фонарем, держала перед собой. Собрав все силы, я ринулась в темноту, причем двигалась, согнувшись в три погибели, шлепая по воде.

У меня было время заметить, несмотря на растущую панику, что я пробиралась не по естественной расселине в горе. Когда луч фонарика задевал стены, я видела следы от кирки там, где долбили породу. Моя рука постоянно задевала потолок, и на меня сыпалась мелкая, похожая на порошок, пыль. Я находилась в старой меловой шахте. Туда я и направлялась, хотя дело приняло неожиданный оборот. Далеко мне придется бежать, прежде чем они сдадутся? Сколько мне еще красться под землей, прежде чем я смогу опять выползти наружу?

За спиной раздавались голоса, неестественно громкие в закрытом пространстве. Я повернулась, боясь увидеть луч фонарика преследователей, и тут же наткнулась на стену. Уронила свой фонарик, свет погас. Я в тупике, потеряла фонарь, в любую секунду меня может настигнуть банда хулиганов. Куда уж хуже! Если только... В метре от себя я ощутила едва заметное движение воздуха возле своего лица... Кто-то дышал.

Я застыла, напряженно прислушиваясь.

Тяжелое, затрудненное дыхание — чаще, чем обычно дышит человек, но слишком редко, как для животного, — где-то справа от меня. И запах прокисшего молока и застарелого пота. Истинно человеческий запах. Вероятно, здесь есть еще один туннель, небольшая водосточная труба, которую я в панике не заметила.

Кого я больше боялась: Натана с его бандой или этого человека? В тот раз, когда я почувствовала такой же отвратительный запах, это существо вцепилось в меня! Не слишком сложный вопрос. Я стала пятиться, но вонь неотступно преследовала меня. С другой стороны я слышала шепот, смешки и понимала, что Натан со своими дружками очень близко. Потом кто-то завопил — вопль эхом, резким и неестественно громким, разнесся по замкнутому пространству.

— Эй, парни! Прекратите валять дурака. Мы нужны ему, — раздался голос Аллана.

Кто-то, видно, заартачился, но его быстро урезонили.

— Оставьте ее. Если она там потеряется, сама виновата.

Ворчание, еще смешки, потом звук шлепающих по воде ног. В конце концов, это просто дети. Резвые, немного подлые, они хотели всего лишь повеселиться, издеваясь надо мной. То, что находилось за моей спиной, — совершенно другое дело. Банда покидала туннель. Я припустила за ними, уже не опасаясь, что они могут меня услышать. Я с трудом сдержалась, чтобы не закричать: «Не бросайте меня! Здесь кто-то есть!»

Я продолжала идти, остановившись лишь на секунду, когда повернула последний раз и увидела тусклый свет в конце узкого туннеля. Удостоверившись, что последний из ребят забрался в водосточную трубу и исчез из виду, я сама полезла в эту трубу. Я убедилась, что они на самом деле ушли, но больше меня заботило то, что было позади. Я не сомневалась, что там кто-то был, и поклялась, что, если мне удастся выбраться отсюда целой и невредимой, больше не буду вмешиваться в странные события, творящиеся в поселке. Что бы ни происходило, все разрешится и без меня. С меня довольно.

До выхода из трубы оставалось метра три. Быстрый взгляд назад — не появился ли кто из туннеля? Два метра, один. Я пробралась через густые стебли и тяжелые листья огромных кувшинок — и вот я опять на твердой

земле.

С каким облегчением я выпрямила спину! Я огляделась, увидела звезды, которые играли со мной в прятки, когда их застили тучи, деревья, качающиеся на ветру, старые дома, поскрипывающие при порывах ветра, но, в принципе, такие крепкие и знакомые. На лужайке я была одна.

Через пять минут я уже была у крыльца своего дома и не сводила глаз с большого цветочного горшка, стоящего на крышке люка, ведущего в подвал. Горшок двигали.

Лишь на десять сантиметров вправо, но я не могла ошибиться. Даже в лунном свете четко виднелись мокрые следы на том месте, где цветок стоял раньше. Кто-то сдвигал горшок с люка, а потом, вероятно, спешно скрылся и не поставил горшок на место.

Зачем было это делать?

Поэтому, вместо того чтобы запереть двери на все засовы и не торопясь принять ванну, я стала изо всех сил толкать тяжелый цветочный горшок. Мне понадобилось несколько минут, но в конце концов удалось сдвинуть его с люка. Зачем кому-то понадобилось двигать цветок? Изнутри лаз заперт на висячий замок и задвижку. Не ожидая никакого подвоха, я ухватила за железное кольцо, чтобы поднять крышку люка, и потянула на себя.

И чуть не упала вместе с крышкой. Дверь была вырвана с петлями, мой подвал оказался открыт. Я быстро осмотрела крышку. Задвижка и висячий замок держались крепко, но сама деревянная коробка сгнила и легко оторвалась от креплений. Из подвала, когда горшок стоял на месте, люк выглядел совершенно нетронутым. Но теперь (ясно, как и то, что на моем лице шрам) попасть в подвал, а оттуда в дом — детская забава.

По крайней мере мне это было ясно — после того как я передвинула тяжелую кадку. Кто-то опять побывал у меня в доме. Внезапно мне стало холодно, я водворила на место крышку люка и горшок и вошла в дом — через парадную дверь.

Я заперла дверь в подвал на засов, придвинула к ней кухонный стол и стала искать, что бы тяжелое положить на него. Я поставила на стол микроволновку и чугунную кастрюлю, после чего почувствовала себя полной душой. Потом я обыскала дом, на случай если где-то притаился незванный гость, проверила и перепроверила замки и задвижки на окнах и дверях. В душ я пойти не решилась — я ужаснулась, представив, что из-за шума льющейся воды не услышу, как кто-то подкрадывается ко мне. Набрала воду в ванну и, когда смыла речной запах, пошла в спальню, взяла

мобильный и принесла из кухни острый нож. И то и другое положила под подушку. Но заснуть все равно не смогла. Я еще раз обошла дом.

Когда ходила по темным комнатам первого этажа, мне показалось, что я заметила на улице какое-то движение: кто-то ломился через кусты, растущие у задней стены дома, но в дверь никто не постучал, никто не стал скрестись в окно или звать меня по имени.

Опять поднялась в спальню, задремала, но внезапно проснулась от стука ветки в оконное стекло. Я лежала, наблюдая, как в лунном свете листья деревьев рисуют на стенах причудливые узоры, и поняла — сегодня мне больше не уснуть. Потому что, когда на следующий день взойдет солнце, я должна буду попрощаться с матерью.

Петь меня научила мама. Она рано, когда я еще была ребенком, поняла, что музыкантом мне не стать, но мой голос вселял надежду, и это ее радовало. Мы пели по несколько часов подряд, в нашей музыкальной комнате мы всегда репетировали одни. Отцу хватало его проповедей, а у Ванессы абсолютно не было слуха, еще лет в шесть ей запретили прикасаться к ударным инструментам — из-за того что она их безбожно терзала. Временами, когда мы с мамой пели вместе, казалось, что мы одни во Вселенной, — и я очень любила эти минуты.

Наши уроки продолжались, мой голос набирал силу и красоту, поэтому одним из заветных маминых желаний стало мое выступление на публике, хотя бы перед небольшой аудиторией, например в школе или церкви. Она хотела, чтобы я стояла перед людьми и давала им повод тарашиться на меня — ее гордость, а не позор. Полагаю, она бы считала это моим исцелением, а своим искуплением. На это я так и не отважилась.

Но этой ночью, глядя на игру теней в своей комнате, словно на призраки несбывшихся надежд, я поняла почему. Если бы я исполнила ее самое заветное желание, я потеряла бы ту власть, какую имела над ней.

Многие годы я безжалостно пользовалась этой своей властью. Я интуитивно догадалась, еще когда была крохой, что мама пойдет на все, чтобы отвести от меня большую беду. И я испытывала извращенное наслаждение, причиняя ей боль. Именно из-за мамы я стала ветеринаром. Меня всегда тянуло к животным, но с раннего детства я чувствовала мамин страх перед братьями нашими меньшими. Игра в «перетягивание каната», когда мы видели собаку, доходила до смешного: мама пыталась меня оттянуть подальше, я старалась подойти поближе. Я прекратила эту игру, когда Ванесса — язвительный подросток, ревнующий к вниманию и заботе, которыми родители окружили неполноценного ребенка, — подробно

объяснила мне, почему я так выгляжу.

Но к тому времени мои мелкие инстинктивные уколы мести переросли в неприкрытый эгоизм. Я научилась любить животное царство, его бесконечное, удивительное разнообразие. Я провела целое лето в школе верховой езды, расположенной по соседству, и выучила названия каждой косточки и мышцы конского тела. Познакомилась с местным ветеринаром, который, узнав о моем интересе, с радостью предложил мне участвовать с ним в объездах. В те редкие моменты, когда мы с Ванессой ладили, мы устраивали в сарае в саду ветклинику, где лечили диких животных. Мы дали в местную газету объявление и тем летом выходили множество раненых грызунов и брошенных птенцов. К тому моменту, когда я готова была поступить в ветеринарную академию, у меня за плечами уже имелся такой багаж знаний и практического опыта, что меня приняли во все вузы, куда я подала документы. И всем этим я была обязана своей матери, которая, однажды проявив беспечность, разрушила мою жизнь... чтобы затем посвятить попыткам восстановить ее остаток своей.

Мои глаза опять закрылись. Когда распахнулись вновь, за окном струился серебристый свет, а дрозд возвестил всем, кто имел желание послушать, что мой сад — его территория и поэтому остальным лучше убираться. Было без пяти пять утра. Четверг. Светало.

Нагое тело Виолетты я обнаружила на двуспальной кровати, стоявшей посреди спальни. Выцветшая розовая ночнушка валялась на потертом ковре у кровати. Я не рассматривала, но мне показалось, что ночную рубашку порвали. Стояла в проеме двери, не в силах отвести глаз от неподвижной фигуры на кровати.

Я и подумать не могла, что Виолетта настолько маленькая. Казалось, что на кровати лежит ребенок — ребенок, чья кожа (испещренная, словно мрамор, прожилками лиловых вен) растянулась, обвисла и теперь болталась на костях, напоминая складки савана.

Даже издали было заметно, что старушка умерла нелегкой смертью. Левая грудь опухла и побагровела. Отек уже распространился по телу: левое предплечье было больше правого. Тоненькая струйка крови указывала на рану прямо под ключицей. Возле головы старушки лежала подушка, вся в крови и рвотных массах, остатки которых виднелись и на щеке. Неужели кто-то решил, что яд в ее крови действует недостаточно быстро, и поэтому прижал к лицу подушку, чтобы ускорить процесс?

Ее жиденькие седые волосы потемнели от пота, а голубые глаза остались широко распахнутыми. Что в этой жизни стало последним, увиденным ею? Я не хотела об этом даже думать и, как будто в тумане, подошла к кровати. Путь показался долгим. Конечно, я знала правила: ничего не трогать, вызвать полицию — но мне было наплевать. Я хотела закрыть ей глаза и найти, чем прикрыть саму Виолетту. Вокруг рта засохла розовая пена: старушка харкала кровью. Я протянула руку, вспомнила, какой мягкой была ее кожа, и подумала, какая холодная она, должно быть, сейчас. Я коснулась ее виска, ощутив покалывание ее ресниц на своей коже.

Теплая!

Туман рассеялся, и я стала действовать быстрее, чем когда-либо в жизни, пытаюсь найти хоть крошечные признаки жизни. Правой рукой я дотронулась до ее шеи, чтобы нащупать пульс на сонной артерии, а левой рукой открыла ей рот, наклонила голову, чтобы расслышать хоть малейшее дыхание.

Ничего.

Я достала свой мобильный, набрала трехзначный номер и ответила на вопросы, которые, знаю, были необходимы, но забрали так много времени.

Наконец, положив руку на руку, я начала делать ей непрямой массаж сердца. Двенадцать, тринадцать, четырнадцать... когда досчитала до тридцати, я остановилась, откинула ее голову назад, открыла ей рот и проверила дыхательные пути. Два вдоха — и я продолжила нажимать на грудную клетку. Тридцать нажатий, потом опять искусственное дыхание.

«Не сдавайся», — твердила я себе, переходя от одного простого действия к другому. Типичная ошибка — люди слишком рано сдаются. Человека можно вернуть к жизни после пяти, десяти минут клинической смерти, нужно лишь поддерживать кровообращение, не давать умереть телу, пока не придет помощь, пока не применят кардиостимулятор, а легким в принудительном порядке не напомнят об их назначении. «Не останавливайся, — твердила я себе. — Заставь их работать, черт возьми, заставь их работать. Ради Бога, Виолетта, не сдавайся!»

«Отпусти меня, дорогая».

«Нет, Виолетта, нет! Ну, давай же, еще одну минуту. Скоро здесь будет „скорая“».

«Все кончено, остановись. Хватит, дорогая».

«Нет, Виолетта, ты не можешь умереть! Если ты умрешь, твоя смерть будет на моей совести. Не умирай, Виолетта, пожалуйста!»

Не знаю, как долго я делала Виолетте сердечно-легочную реанимацию, но я и сейчас искренне верю, что не сдавалась до последнего. Виолетта умерла незадолго до того, как я ее обнаружила, но все-таки уже была мертва. Даже если бы за мной по пятам примчались медики с самым лучшим дефибриллятором на изготовку, и они бы не успели. Она не ожила. И настал момент, когда я поняла, что должна ее отпустить.

Я подошла к шкафу, стоящему в углу комнаты, вытащила одеяло и бережно накрыла бездыханное тело. Снизу слышались возня, тяжелые шаги и голоса. Я села у тела Виолетты, говоря себе, что к нам войдут лишь через несколько секунд. Достаточно, чтобы как следует проститься. Оставалось немного времени в запасе.

Я ошибалась. Мое время, как и время Виолетты, вышло.

Часть 2

— Это все, мисс Беннинг?

— Да, — едва смогла вымолвить я — горло как будто сдавила чья-то сильная рука. — Все.

Инспектор Роберт Таскер, высоко подняв брови, взглянул на меня, поморщился и, обхватив голову руками, помассировал виски большими пальцами. Сквозь скрещенные пальцы в меня вперился взгляд его покрасневших от усталости карих глаз. В подобной ситуации я уже много раз бывала ранее. Я ждала.

— Когда прибыла полиция, — заговорил он, — она обнаружила вас сидящей у тела миссис Баклер. Ни малейших признаков того, что вы пытались реанимировать ее.

— Я как раз прекратила это делать, — ответила я.

— Именно в тот момент? — Таскер притворно громко вздохнул и опустил глаза на лежащие перед ним бумаги. — В начале шестого утра нам позвонила соседка миссис Баклер и сообщила о шуме в соседней комнате.

Он посмотрел на меня.

— У нас есть свидетель, который видел, как приблизительно в это время вы пересекли лужайку и направились к дому миссис Баклер. Однако, когда мы прибыли спустя двадцать минут, она была уже мертва — заметьте, мертва, — а вы просто сидели рядом, словно ангел смерти. Как долго вы применяли реанимационные меры? Сколько времени?

За спиной у Таскера часы, висевшие высоко на стене, сообщили мне, что уже почти полдень. Шестью часами ранее меня арестовали по подозрению в убийстве и доставили из Дома Виолетты прямо в полицейский участок. Тут мне зачитали мои права и попросили пройти медицинское освидетельствование. Мне предложили воспользоваться услугами адвоката, но я отказалась, и меня препроводили в камеру. Приблизительно в половине одиннадцатого меня вызвали на допрос и допрашивали без перерыва больше часа, а мне хотелось только одного: свернуться калачиком и поспать. Хорошо хоть в камере я была одна.

— Под запись: подозреваемая отказывается отвечать на поставленные вопросы, — проговорил мужчина, сидящий рядом с Таскером, констебль Стивен Ноулз.

Ноулз был старше, приземистее и полнее Таскера. На его голове почти не осталось волос, чего нельзя сказать об остальном теле, судя по черным

завиткам, выбивающимся из-под ворота и манжет его рубашки.

— Она была уже мертва, — выдавила я через несколько секунд. — Я пыталась спасти ее, но тщетно. Не имею ни малейшего понятия, когда начала и когда закончила реанимировать ее.

Таскер и Ноулз переглянулись. Я протянула руку, взяла кувшин с водой и поняла, что едва могу удержать его. Я вылила из него воду в стакан и залпом выпила. Когда начался допрос, кувшин был полон, а пила только я; по-видимому, лишь на меня окружающая обстановка действовала гнетуще. В кабинете, где мы сидели, не было ни кондиционера, ни окон — за час тут стало невыносимо жарко. Слишком яркий электрический свет, слишком казенная мебель, к тому же здесь воняло холодным потом и затхлым дымом. На стенах висели плакаты «Не курить», но полицейские принесли этот запах с собой, он въелся в их одежду и явился сюда, словно незваный гость.

— Похоже, в поселке вы подружились со многими стариками, мисс Беннинг. Это правда? — спросил Таскер.

— Боюсь, у меня в поселке нет друзей, ни молодых, ни старых, — честно ответила я.

— А как же миссис Баклер?

— Мы недавно познакомились.

— Это вы так утверждаете. И при этом столько денег потратили на ее собаку!

На мгновение я удивилась: откуда они узнали про Бенни? Неужели Салли рассказала? Или Мэт? Ни первое, ни второе предположение оптимизма не вселяло.

— Она была пожилой и немощной, — сказала я. — Я ничем не могла ей помочь и помогала хотя бы ее псу.

— Я бы сказал, пожилой и уязвимой, — уточнил Таскер. — Мисс Беннинг, сколько, по-вашему, стоит ее дом?

— Прошу прощения, что вы сказали? — Этот вопрос застал меня врасплох.

— Сейчас он в плачевном состоянии, но после ремонта за него можно получить тысяч двести. Может, и больше. Что скажете?

— Понятия не имею.

— Ой, бросьте! Насколько я знаю, вы и другие жители поселка постоянно получаете письма от риэлторской компании, предлагающей продать дом.

— Они никогда не называли цену.

— Тем не менее дом чего-нибудь да стоит, верно? Вряд ли дом

заложен. Женщина в ее возрасте...

У меня на языке вертелся вопрос: «А какое отношение это имеет ко мне?», но я видела, что Таскеру не терпится объяснить, какое именно это имеет ко мне отношение.

— Миссис Баклер была одинокой, — сообщил Ноулз. — Вы знали об этом?

— Догадалась. Думаю, именно поэтому пес столько значил для нее.

— У мистера и миссис Уитчер тоже не было близких родственников, так?

Я заметила, что сижу, напрягшись, готовая к удару.

— Пожалуй, — был мой ответ.

— Вы с ними тоже довольно близко дружили, верно?

— Время от времени я общалась с Уолтером, когда пробегала мимо его дома. С Эделиной мы едва были знакомы. Они не принадлежали к числу моих друзей.

— Однако у нас есть свидетели, которые видели, как вы постоянно беседовали с Уитчерами. Некто миссис Стринджер утверждает, что часто по утрам видела, как вы болтаете с Эделиной у ворот ее дома.

Какая несправедливость! Меня настигли разговоры, которые я ненавидела, которые заставляла себя вести.

— После смерти Уолтера она стала поджидать меня у ворот, — призналась я. — Выбор у нее был невелик.

— Когда человек умирает, не оставив завещания, всегда возникает путаница. Хорошо, когда есть завещание. Миссис Баклер составила завещание?

— Откуда, черт возьми, мне знать? Мы лишь недавно познакомились. Таскер откинулся на спинку своего кресла.

— Я расскажу вам, Клара, что меня беспокоит. При такой работе, как наша, становишься циничным. Когда узнаешь, что молодые люди заводят дружбу с беззащитными стариками, всегда задаешься вопросом: зачем?

Я закрыла глаза и покачала головой: какая ирония судьбы! Меня, именно меня, обвиняют в неуместном дружелюбии!

— А как насчет Джона Эллингтона? — продолжал Таскер. — Того человека, который умер в прошлую пятницу от змеиного укуса? Насколько хорошо вы были знакомы с ним?

— Никогда не встречала его.

— Уверены?

— Разумеется, уверена. — Я никогда не встречала Джона Эллингтона, пока он не нашел последний приют в больничном морге. Можно ли считать

это встречей, если один из ее участников — труп?

— Но у мистера Эллингтона была семья, разве нет? Он был не один-одинешенек во всем мире, как Уитчеры. Или миссис Баклер.

Я хлопнула руками по столу, достаточно громко, чтобы оба полицейских вздрогнули.

— Объясните мне, на что вы намекаете? — потребовала я, больше не в силах мириться с нелепыми инсинуациями. — Уолтер был славным стариком, но застенчивым. Мы были знакомы лишь шапочно. Эделина мне вообще не нравилась, я всячески старалась избегать встреч с ней. Виолетту я считала милой, но мы познакомились всего несколько дней назад. К чему все эти вопросы?

Мне показалось, что между двумя полицейскими проскочила искра. Один расправил плечи, второй подался вперед, их взгляды встретились, глаза заблестели от возбуждения, когда они поняли, что добились своего: после двухчасового допроса они таки вывели меня из себя — значит, дело сдвинулось с мертвой точки.

— Давайте поговорим о вчерашнем вечере, вы не против? — предложил Ноулз. — О тайных ходах и старых меловых шахтах. Мы все проверим.

— Вы их обязательно обнаружите, — вздохнула я с облегчением — беседа продолжалась. — В этих местах мел добывали еще со времен неолита. Большинство древних разработок уже не имеют выхода на поверхность. И лишь некоторые из них обозначены на карте. Сейчас уже никто не знает о расположении и половины древних шахт.

— Может быть, вы и правы — относительно шахт, — согласился Таскер, скрестив руки на затылке, как будто мы трое просто сидели, болтая, в кафе. — Был один случай в шестидесятых. В Кенте. Однажды посреди главной улицы — как гром среди ясного неба! — открылся ствол шахты. В него упали женщина с ребенком. Тел так и не нашли.

Ноулз, который до этого лишь угрюмо слушал, подался вперед.

— Да, да, удивительно! Ну и вечерок у вас выдался, мисс Беннинг!

Я промолчала.

— Под запись...

Ради всего святого!

— Что вы имели в виду, произнося последнюю фразу, констебль Ноулз? Должно быть, я что-то пропустила.

Ноулз опять ухмыльнулся — как будто выводить из себя подозреваемого означает продвинуться в расследовании.

— Дело в том, мисс Беннинг, — ответил Ноулз, — что вчера мы

побеседовали с тремя братьями Кич. И еще с Джейсоном Шортом, Кенни Брауном и Кимберли Эплин. Эти свидетели с готовностью согласились сотрудничать с нами. И их показания сильно отличаются от вашей версии.

Мне не понравился тон, каким было произнесено «вашей версии», но я сдержалась.

— Только не рассказывайте мне, что в девять часов все они мирно спали в своих кроватках.

— Нет. Они сами признались, что ночью гуляли. Видимо, они получили разрешение на отстрел кроликов в поместье Клайва Вентри.

— Они ловили ужей, — заявила я.

— Вот это они категорически отрицают.

— Разумеется — ведь ловля змей запрещена законом, — отозвалась я.

А уверена ли я сама в том, что говорю? В конце концов, двое мужчин, которых я вчера видела в поле, не очень-то походили на подростков.

— Дело в том, что доказательств этому нет: вы утверждаете одно, а они — другое. Но их все-таки шестеро.

— Они напали на меня, угрожали и преследовали. Шестеро против одной — мне было очень страшно.

— Да-да. Но, видите ли, они утверждают противоположное.

— Этого следовало ожидать.

Ноулз опять вернулся к своим записям.

— Все шесть свидетелей утверждают, что вы внезапно возникли из кустов, когда они возвращались в поселок. Они не смогли скрыть своего удивления, а вы повели себя неадекватно. Ударили ногой Натана Кича в пах, причинив ему значительные повреждения, ударили кулаком в живот его старшего брата, а потом ногой по голени, после чего убежали.

— Они схватили меня за волосы. И преследовали.

— Они говорят, что тревожились за вас. Нам известно, что у вас репутация чудаковатой особы. Они увидели, как вы исчезли под мостом, и забеспокоились. Они искали вас, но вы исчезли. Ребята еще некоторое время поискали, а потом отправились по домам.

«„Мы нужны ему“, — сказали они и покинули туннель. Кому „ему“? Клайву Вентри? Давно потерянному брату Уолтера, Солу Уитчеру? Или кому-то другому?»

— Вы уже не в первый раз угрожаете этим подросткам, не так ли, мисс Беннинг?

— Что-что?

Очередной взгляд на записи. Он перевернул страницу, потом еще одну.

— «Я училась в медицинском, — прочел он, — и точно знаю, куда

нужно бить, чтобы глазное яблоко выпало из глазницы».

Он посмотрел на меня.

— Это ваши слова, мисс Беннинг? Вы говорили это 25 мая, в прошлый понедельник?

— Это они мне угрожали.

— Угрожали? Каким образом?

— Не давали мне прохода. Они угрожали мне словесно.

— Что именно они говорили?

Ерзая на стуле из-за испытываемой неловкости и молясь, чтобы полицейские не заметили моего смущения, я все рассказала им. Таскер отвернулся, Ноулз впился в меня взглядом.

— Они об этом не упоминали. Сказали, что увидели, как вы околачиваетесь у дома Уитчеров. Им стало любопытно. Они утверждают, что вы частенько этим занимаетесь. Околачиваетесь у дома Уитчеров.

Молчание.

— Мисс Беннинг!

— Молчание вам не поможет, мисс Беннинг, — заявил Ноулз.

Таскер подался вперед и положил руки на стол. Вероятно, это был жест, призванный охладить пыл Ноулза.

— Поговорим о собаке, вы не против? — спросил Таскер. — О собаке миссис Баклер. Берти, кажется?

— Бенни, — поправила я его и закрыла глаза, чтобы отогнать внезапно возникшее передо мной видение. Из холщового мешка вываливается Бенни, мертвый и мокрый.

— Омерзительный поступок, согласны? Засунуть пса в мешок со змеей. И бросить мешок в реку. Кто на такое способен?

— Древние римляне, — предположила я за неимением лучшего варианта.

Таскер поднял голову и стал сверлить меня взглядом.

— Была такая форма казни, — пояснила я. — Осужденных преступников сажали в мешок. По-видимому, в кожаный. Туда же помещали животных. Собаку, змею и кого-то еще. Кажется, обезьяну. А может, петуха. Думаю, каждое животное что-то означало, но не помню, что именно.

Я попыталась оживить в памяти уроки римской истории, но это было так давно!

— Это не все, — продолжила я, припоминая детали. — Голову осужденного обматывали шкурой волка или медведя, на ноги надевали деревянные сандалии. Каждая вещь весьма символична.

Пока я говорила, перед глазами внезапно возникла спальня доктора Эмблина. Мертвая гадюка, игрушечная обезьяна.

— И что мог натворить этот бедолага? — поинтересовался Ноулз. — Должно быть, что-то очень серьезное.

— Извините, не помню.

В этот момент раздался резкий щелчок диктофона. Закончилась четвертая по счету тридцатиминутная кассета. Таскер потянулся в кресле.

— Ладно, сделаем перерыв.

Через пятнадцать минут допрос продолжился, оба полицейских с новыми силами после порции никотина и кофе принялись за дело. Ноулз включил диктофон и сел напротив меня. Таскер остался стоять.

— Эти змеи, — начал он, опираясь о стену. — Я постоянно ломаю над этим голову.

Мы оба ожидали продолжения. Ноулз понял намек.

— Змеи появляются по всему поселку. В спальнях, в детских люльках. Я даже обнаружил одну сегодня утром у вас в погребе, мисс Беннинг. Лежала, свернувшись в клубок, в одном из ваших контейнеров. Домашний любимец, да?

— Никаких змей в моем доме не было, — заявила я.

— Тогда как она туда попала?

— Кто-то вламывается в дома и оставляет после себя змей, — сказала я. — Я видела у себя в доме незваного гостя. Я полагаю, этого человека зовут Сол Уитчер. Думаю, он зол на всех жителей поселка, а живет в своем старом доме...

— Да-да, — закивал Таскер, — но откуда они берутся, все эти змеи? Насколько я понял, большинство — это местные дикие ужи. Их в магазине не купишь.

— Кто-то их отлавливает, — ответила я. — Кто-то, кто знает их повадки и отлично ориентируется в поселке. Человек, который знает, где и когда будут ползти ужи, и места, где можно отловить гадюк.

— В вашей мусорной корзине мы обнаружили еще одну гадюку, — заявил Ноулз. — Дохлую. Это вы ее туда выбросили?

Следует отдать им должное — полиция неплохо поработала.

— Несколько дней назад я обнаружила ее прибитой к входной двери, — призналась я. — Я сочла это хулиганской выходкой. У нас в поселке бывают случаи хулиганства, иногда кто-то зло шутит. Я не думала, что об этом стоит заявлять в полицию.

— Несмотря на все то, что происходило в вашем поселке, вы решили,

что не стоит обращаться в полицию по поводу очередного инцидента со змеей?

Неужели придется сообщить этим двум мужчинам истинную причину моего нежелания вызывать полицию? Озвучить то, что было написано у меня на двери белой краской? Нет, ни за что!

— Это как-то связано с семьей Уитчеров, — вновь попыталась я пояснить ситуацию. — Поговаривали, что у одного из братьев, Альфреда, был дар общаться со змеями. Может быть, Сол тоже унаследовал его. Думаю, вам следует поискать его...

— А та, другая змея — тропическая. Как вы ее называете?

— Это папуасский тайпан.

— Да, вы и раньше имели с ними дело, по свидетельству заместителя начальника полиции Хоара. Вы изучали их.

— Несколько лет назад я имела дело с австралийскими видами, но, насколько мне известно, папуасские змеи и австралийские очень похожи.

— Значит, вы знаете, как с ними обращаться?

Я отрицательно покачала головой.

— Люди не трогают тайпанов. Если только у них есть голова на плечах.

Похоже, Таскер меня не слышал.

— Дело в том, мисс Беннинг, что, по нашему мнению, единственным человеком, который знает, где найти змею, как ее содержать и брать в руки, являетесь вы, — заявил он.

Повисло молчание. Оба полицейских не сводили с меня глаз. Я сосредоточенно вглядывалась в точку на стене, как раз над головой Таскера, понимая: дело пахнет керосином.

— Что случилось с вашим лицом, мисс Беннинг? — негромко спросил Таскер.

Вот оно! Этого вопроса я ждала. Сделала глубокий вдох...

— Несчастный случай, — ответила я. — Много-много лет назад.

Мой многократно отрепетированный ответ. Обычно его оказывалось достаточно, только не сегодня.

— Какой несчастный случай?

— Я не помню. — Я мысленно приказывала себе не кипятиться. — Я была совсем крошкой.

Минутная пауза — полицейские собирались с мыслями. Таскер первым нарушил молчание.

— А когда вы повзрослели, — произнес он, — поняли, что не такая, как все, и, должно быть, поинтересовались, в чем причина. Ожог? Авария?

Что?

— Мои родители никогда об этом не рассказывали. А я не спрашивала.

И первое, и второе — чистая правда. Мне не нужно было спрашивать. Ванесса сама рассказала — еще до того, как мне в голову пришло, что в моем уродстве кто-то виноват. Давным-давно я осознала, насколько разрушительным для жизни может стать необычный вид кожи и плоти. Еще до того, как я поняла, что не похожа на других, Ванесса все мне рассказала.

— И вам никогда не было интересно? — не поверил Таскер. Он подался вперед, не сводя взгляда с левой половины моего лица. — Старым пердунам, как мы с Ноулзом, все равно, как мы выглядим. Но молодой девушке... Зная свою дочь, я делаю вывод, что внешность для женщины — все. Поэтому если девушка не просто дурнушка — я вынужден произнести это, — а серьезно обезображена... Для молодой женщины, по-моему, это полный крах.

— Неужели никогда не задумывались? — подлил масла в огонь Ноулз.

Я почувствовала, как рука тянется к левой стороне лица. Это был бессознательный жест, который выработался за многие годы: я брала прядь волос и прикрывала ею лицо. Я заставила себя опустить руку. Спокойно, это не может длиться долго.

— Почему вы не сделали пластическую операцию? — продолжал Таскер. — Сейчас хирурги творят чудеса.

— Под запись: свидетель не отвечает, — констатировал Ноулз.

— Вам делали пластическую операцию? — спросил Таскер.

— Мне сделали несколько операций, — сказала я, понимая, что ответить придется. — Первую — когда мне был год, последнюю — в шестнадцать лет. Врачи полагают, что проводить еще какие-либо вмешательства нецелесообразно.

Я разглядывала свои руки. Казалось, вся кровь отлила от конечностей. Как будто они были сделаны из воска.

— Значит... — Голос Таскера раздался где-то у меня над головой. — Значит, они сделали все возможное?

Руки, напрягшись, превратились в клещи. Мне необходимо было что-то схватить.

— Если только не произойдет настоящий прорыв в пластической хирургии. Врачи считают, что риск не оправдывает возможного положительного результата. — Я слово в слово процитировала заключение последнего врача. Витиеватый вариант фразы: «Да, мы сделали все возможное».

— Вы советовались с кем-нибудь? С консультантом? С психиатром? С

человеком, способным помочь вам примириться с этим? — Таскер понизил голос, нагнулся ко мне, возможно чтобы выразить сочувствие. Но когда я подняла взгляд, глаза его выдали: он от души веселился!

— Моя мать водила меня к разным специалистам, когда я была ребенком, — ответила я. — Подробностей я не помню.

Я слишком хорошо все помнила. Два психиатра, пять консультантов и специалист по коррекции поведения. Лишь покинув родительский дом, я освободилась от контактов с бесчисленным множеством специалистов и от помощи матери, страдающей комплексом вины. Помогли ли они? Честно сказать, не уверена. Не знаю, в каком бы состоянии находился мой рассудок без этой избыточной терапии.

— Я, помнится, где-то читал, что очень уродливые люди — простите, мисс Беннинг, я не хотел вам нагрубить — через какое-то время после несчастья стараются казаться невидимыми, — проговорил Таскер. — Стоит людям ощутить на себе первые любопытные взгляды, и они вообще перестают поднимать голову.

Таскер замолчал и посмотрел на Ноулза; тот, поняв намек, продолжил:

— Люди утверждают, что вы мало с кем общаетесь, мисс Беннинг. У вас нет друзей-ровесников, вы никуда не ходите, к вам никто не ходит. Очевидно, жениха у вас тоже нет.

И дальше в том же духе. Когда один замолкал, второй подхватывал. Каждый раз, нанося очередные оскорбления, они извинялись: «Простите, мисс Беннинг, но вы должны понять, такова наша работа...» Человека недалекого их сопереживания могли бы обмануть: ему сочувствуют, его понимают, вместо того чтобы беспощадно выбивать признание, как обычно ведут себя с подозреваемым козлы копы. Но мне пришли на помощь годы отработки навыков отражать подобные удары — ни один мускул не дрогнул на моем лице. Если бы дрогнул, они бы прекратили сей поток красноречия, достигнув намеченной цели.

— Если бы я всю жизнь страдал от такого обращения, я наверняка не сдержался бы и заставил всех заплатить за это.

— Чтобы хоть как-то «уравнять счет».

— Почему бы и на вашей улице не наступить празднику?

— Законом не возбраняется составлять завещание в вашу пользу. И с точки зрения закона попросить человека оставить вам все свои деньги — не преступление. Если только речь не идет о принуждении. Вы понимаете, к чему я веду?

Они оба замолчали. Хотели, чтобы заговорила я. Не уверена, что голос меня не подведет.

— Я... я никогда не просила Виолетту... — начала я. А остальных? Забыла? Ну, конечно. — Ни Уолтера, ни Эделину о деньгах. Мы о деньгах никогда не разговаривали. Мне и в голову не могло прийти, что у них есть деньги. Поверьте, не о деньгах я пеклась.

— Вы принуждали миссис Баклер составить завещание в вашу пользу?

— Нет.

— Вы предлагали ей это? Возможно, в ответ на вашу заботу о ее собаке?

— Нет.

— Вы предлагали подобное Уитчерам? В доме должно было остаться завещание? Вы его ищите?

— Я была в их доме лишь однажды. С мистером Хоаром. Мы искали Сола Уитчера, а не клочок бумаги.

— Я полагаю, вы искали завещание. Завещание, составить которое вы уговорили мистера и миссис Уитчер. А когда не нашли, решили, что попробуете повернуть это еще раз, с миссис Баклер. Видимо, она передумала, вы повздорили. Это всего лишь моя догадка — что вы убили ее собаку, желая напугать старушку. А потом попытались заставить ее подписать бумагу. Вероятно, она противилась, и вы убили ее.

Мне совершенно нечего было ответить. Такого не могло быть. Неужели они действительно думают, что...

Таскер медленно открыл лежащую на столе папку. Из нее он достал лист бумаги, помещенный в прозрачный конверт. Взглянул на него, потом повернул ко мне. Бумага была особая, хорошего качества, желтоватокремовая, я тут же ее узнала. Я покупаю такую бумагу в Сомерсете, в судебном архиве. Насколько мне известно, больше такую нигде не достать. У меня в кабинете лежит пачка такой бумаги.

Передо мной был оригинал, доходчиво составленный документ, который я прочла за пять секунд. Последняя воля и завещание, выражаясь псевдоюридическим языком. По-видимому, его составлял человек, имеющий лишь отдаленное представление о том, каковы положения закона. Документ не имел законной силы — я поняла это за те же пять секунд. Впервые, он не был заверен, это были просто какие-то каракули, нацарапанные дрожащей рукой Виолетты Баклер. Все свое имущество она завещала мне.

Я стояла на улице. Воздух казался солоноватым, и, судя по запаху, недалеко находилась булочная. Несколько минут я просто стояла и вдыхала свежий воздух.

Мне не было предъявлено никакого обвинения. Через несколько минут после предъявления липового завещания допрос прервали, и инспектор Таскер, к моему крайнему изумлению, заявил, что меня отпускают под залог. Еще через полчаса я вышла через парадную дверь на парковку перед полицейским участком.

Не имея ни малейшего понятия, куда идти, я направилась к выходу со стоянки. Услышала звук мотора, и через секунду со мной поравнялась машина.

Знакомый голос сказал:

— Садись.

Черноволосый сероглазый мужчина в очках, сидевший за рулем, был облачен в одежду, в которой я никогда раньше его не видела: черные брюки, галстук и белая рубашка с погонами. Он перегнулся через сиденье и открыл дверь со стороны пассажира.

— Я отвезу тебя домой, — сказал он.

Я отрицательно покачала головой. Что я чувствовала в этот момент? Не могу сказать. Стыд? Злость? Понемногу и того и другого, и еще нечто совершенно противоположное. Казалось, испаряется последняя капля надежды.

Мэт вздохнул. Он выглядел уставшим и постаревшим.

— Клара, — проговорил он, — не хочу показаться грубым, но меньше чем через три часа похороны твоей матери. Тебе нужно ехать домой. Садись.

Он был прав. Я забралась на пассажирское сиденье и закрыла дверцу. Он выехал на дорогу и порулил к поселку.

— Почему меня отпустили? — спросила я, когда мы остановились на светофоре у выезда из города. — Почему мне не было предъявлено обвинение?

Мы опять тронулись.

— У Таскера для этого недостаточно улики, — ответил Мэт, не сводя глаз с дороги. — Сегодня он понадеялся на удачу. Попытался прощупать, что тебе известно. Стандартный подход.

— Мне велели прийти через два месяца, — сказала я.

Интересно, а Мэт слышал, как меня допрашивали Таскер и Ноулз? Слышал ли он все, что мне говорили?

— Так положено. Если возникнут новые обстоятельства, тебя сразу же вызовут.

— Я не убивала Виолетту. — Я замолчала.

Похоже на мольбу о пощаде. Боже, пожалуйста, не дай мне пасть так низко! Мэт не отрывал глаз от дороги, даже несмотря на то что ехали мы не очень быстро. Раньше мне всегда было тяжело смотреть ему прямо в глаза.

— Ты считаешь, что Виолетту убила я? — задала я вопрос. — Это из-за тебя меня арестовали?

Не успели слова слететь с моих губ, как я поняла: услышать ответ я не готова.

— Нет, — после паузы произнес он. — Но я не могу просто так отмахнуться от доводов инспектора Таскера. Ты заработала репутацию отшельницы, но вдруг стала общаться с пожилыми людьми из поселка. С Виолеттой, Эделиной, Уолтером. С людьми, которые вскоре умерли.

— Уолтер, похоже, не умер, — сказала я, понимая, что хватаюсь за соломинку.

— Если это так, мы его обязательно найдем. Я уже послал людей.

— Я обзвонила примерно два десятка домов престарелых и лечебниц...

Мэт оторвал один палец от рулевого колеса.

— Мы знаем, как искать пропавших людей, — заявил он. — Но ведь тебе многое известно о змеях. Ты умеешь их ловить и управляться с ними. Большинство людей не знают даже, как к ним подступиться. Положение усугубляется еще и тем, что у тебя в подвале обнаружена живая гадюка, а в мусорном ведре — дохлая. А в холодильнике противоядие... Знаю-знаю, это распространенная практика — иметь противоядия в ветклиниках, где занимаются дикими животными. Мы проверяли.

— Но всего этого недостаточно! — возразила я, переходя на крик, но осознавая, что не в силах себя контролировать. Я и так долго сдерживалась — все то время, пока Таскер в паре с Ноулзом издевались надо мной. Теперь я уже вышла из себя. — Даже мне это известно. Да, я знаю о змеях, а еще меня видели, когда я разговаривала с двумя старушками.

— У него есть еще завещание, несомненно составленное Виолеттой, в котором она называет тебя своей наследницей.

— Этот документ — явно жалкая фальшивка! Любой мог выкрасть у меня бумагу. Все дело в моей внешности. Таскер считает меня психопаткой,

потому что у меня обезображено лицо. Он полагает, что я задалась целью отомстить всему роду человеческому.

— Не стоит так переживать.

— Он уже все для себя решил. Он больше не будет никого искать. Почему он не ищет Сола Уитчера? Почему не ищет Альфреда?

— Сол Уитчер мертв.

— Что-что? Откуда ты знаешь?

— Мы проверили. Я велел ребятам уточнить это еще в тот день, когда мы обыскивали дом. Он умер в 1976 году в Кингстонской тюрьме. Его осудили в 1969-м за убийство жены.

— Элис, ее звали Элис, — подсказала я. Мэт удивленно поднял брови и искоса посмотрел на меня. Я решила рассказать Мэту о своих находках. Потом поняла, что не имею ни малейшего желания это делать. Сол умер. А я почти не сомневалась... И уже без всякой надежды спросила: — А Альфред? Полиция...

— Такого не было.

— Нет, был. Виолетта упоминала о нем. И Руби Моттрам тоже.

— Мы проверили метрические книги, документы в бюро записей актов гражданского состояния. Человек по имени Альфред Уитчер не рождался ни в этом, ни в соседних графствах. Вероятно, Виолетта и Руби ошиблись.

— Поговори с Руби.

— У тебя в ногах красная папка. Можешь достать?

Я потянулась и нашла на полу машины папку.

— Открой.

Я открыла папку и обнаружила большой портретный снимок.

— Узнаешь этого мужчину? — спросил Мэт.

Я взгляделась в цветное фото пожилого мужчины. Где-то под семьдесят. Густые седые волосы на затылке коротко подстрижены, а длинная челка падает на лоб. Раскосые голубые глаза под тяжелыми веками. Пухлые губы. В молодости он явно был красивым мужчиной. Да и сейчас остался привлекательным.

— Этот человек вломился к тебе в дом в понедельник? — спросил Мэт.

Я знала, что это не он, но тянула время. Еще раз посмотрела на снимок, прочла напечатанное в углу рост приблизительно 185 сантиметров.

— Нет, — неохотно призналась я. Ко мне в дом вломился совершенно другой человек, и лицо, которое я видела в окне дома Уитчеров, не имеет ничего общего с лицом человека на снимке. — А что?

— Это Арчи Уитчер, — пояснил Мэт. — Мы обнаружили его следы. Последние тридцать лет проживает в Южной Каролине, основал там церковь. Мы распечатали фото с церковного сайта в Интернете.

— Что значит «следы»?

— Пока не удалось установить его точное местонахождение. Однако мы наткнулись на заметку о скандале в его церкви. По-видимому, длительный пост — важная составляющая религиозного культа именно для этой церковной общины. Он призывает людей обходиться без еды по нескольку недель. Как бы то ни было, погибла молодая девушка, ходили слухи, что ее держали связанной. Ее родители за решеткой, и выдан ордер на арест Арчи. Его теперешнее местонахождение неизвестно. Существует вероятность, что он вернулся домой. Ты уверена, что видела не этого человека?

Я еще раз посмотрела на снимок, но ответ был тем же.

— Нет, — повторила я. — Человек, которого я видела, был не таким высоким. Он больше похож на Уолтера.

— Ладно, мы свяжемся с полицией штата и проверим иммиграционные карточки. Если Арчи Уитчер вернулся домой, мы его найдем. Но, честно признаться, я не думаю, что это прояснит ситуацию. Он был прав.

— Аллан Кич со своей бандой, — сказала я. — Они были там вчера ночью. Вероятно, это они ловили змей. Зачем им этим заниматься, если...

— Почему ты мне не позвонила? Я же сказал тебе: в случае чего звони мне. Разве бегать от преследователей по туннелям и заброшенным меловым шахтам не значит «в случае чего»?

— Уже было поздно. — «И с каждым разом мне все больше и больше с тобой разговаривать».

— Мы уже выяснили, что я «сова». — Мэт усмехнулся.

Я хотела что-то ответить, но не смогла.

Мы уже въехали в поселок и свернули на Бурн-лейн. Дальнейший путь мы проделали в молчании. Мэт остановился у моего дома.

— Спасибо, — пробормотала я, потянувшись, чтобы открыть дверцу.

И почувствовала, как его рука тронула меня за плечо. Мэт молчал, поэтому я обернулась к нему.

— Хочу дать тебе совет, — сказал он. — Не для протокола.

Я ждала.

— Прежде всего ты должна уехать, несколько дней побыть с семьей. Возьми отгулы на работе, сообщи нам, где тебя искать, но держись подальше от поселка. Дай полиции время все выяснить.

— Ладно. — Это предложение казалось довольно разумным.

— Второе, и самое важное: держись подальше от Шона Норта.

Это было настолько неожиданно, что мне требовались объяснения.

— Шона Норта не было в стране больше полугода, — сказала я. — Он вернулся только в субботу. Он не мог...

— Нет, мог.

— Не мог! На встречу со мной он приехал прямо из аэропорта. Чтобы опознать тайпана.

— Норт прошел таможенный контроль в аэропорту Хитроу еще неделю назад, в среду. С тех пор не покидал пределы Соединенного Королевства. И прибыл он не из Индонезии, а из Сингапура.

— Значит...

— В Сингапуре он делал пересадку. А вылетел из Порт-Морсби.

Мэт поднял на меня глаза, ожидая моей реакции, но название мне ни о чем не говорило.

— Это столица Папуа-Новой Гвинеи, — объяснил он.

Становилось жарко. Цвет безоблачного неба был ярко-голубым, что характерно для начала лета. Прогноз погоды обещал к обеду грозу, но пока не было и намека на непогоду. Даже ветерок стих, солнце как раз стояло в зените. Какое облегчение — укрыться в пахнущей ладаном прохладе нашей старой церкви!

«Мы сегодня собрались, чтобы проводить в последний путь нашу сестру Марион, — заговорил Эндрю, епископ Винчестерский, стоя на ступенях у алтаря, — уповая на Бога, подателя жизни, воскресившего из мертвых Господа нашего Иисуса Христа».

В церкви было полно народу — не каждый день хоронят жену архидьякона, — и все головы повернулись к пышному, усыпанному цветами гробу, который медленно везли на каталке по проходу. У алтаря каталка остановилась, и мы, идущие за гробом, заняли свои места. Только тогда я осознала, что около двух сотен пар глаз смотрели, как я иду по проходу за гробом своей матери, и продолжают смотреть.

«Христос воскрес из мертвых, — цитировал епископ, — первенец из умерших. Ибо как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых».

Служба была долгой, уверена — красивой и волнующей, но я мало что слышала. Я не отрывала взгляда от кафельного пола. От старой квадратной, местами терракотово-красной, местами темно-коричневой плитки. На каждой шестой или седьмой плитке имелся простой рисунок: круг с четырьмя исходящими из него черточками, похожими на мечи, равноудаленными друг от друга.

Четыре расходящихся луча, объединенные общим центром. Четыре человека, которые в последнее время вошли в мой закрытый мирок, либо умерли, либо были к этому очень близки. Джон Эллингтон, Виолетта Баклер, малышка София Хьюстон и обитатель длинного дома. Двое стариков всю жизнь прожили в этом поселке, но София совсем еще крошка, ее семья недавно сюда переехала. У Паулсонов тайпан был обнаружен в детской спальне. Если существует какая-то связь, реальный эквивалент общего центра, то я этого не вижу. И сами жертвы, и способ воздействия кажутся совершенно не связанными между собой.

И чем больше я над этим думала, тем меньше взаимосвязей находила. Джона Эллингтона лишили жизни намеренно. Если предположение Шона

верно, Эллингтона ударили по голове и вкололи ему змеиный яд, после чего он утонул. В случае с Софией гадюку просто подбросили в колыбельку: девочка могла умереть, а могла и избежать смерти. Воля случая. В доме у Паулсонов обнаруженадохлая гадюка, а пожилой доктор Эмблин получил травму головы. Неужели он должен был умереть так же, как и Джон Эллингтон? Сначала ударили по голове, чтобы обездвигнуть, потом вкололи бы смертельную дозу змеиного яда... Неужели убийце помешали и ему пришлось бежать? Однако тайпан был обнаружен в детской комнате. Все могло закончиться трагически, но, к счастью, этого не произошло. Воля случая. Никакой связи.

Но Виолетту лишили жизни уже преднамеренно. Я абсолютно уверена, судя по ранке и отекам, что женщину укусила змея. Причем это больше похоже на укус гадюки, чем тайпана (исходя из картины отравления, описанной Шоном). Неужели Виолетте тоже вкололи большую дозу яда? Полагаю, вскрытие покажет. С другой стороны, Виолетта старше, она более хрупкая, чем Джон Эллингтон, — может, ей и не нужна была такая большая доза? И потом, на подушке, у ее головы, — следы крови и рвотных масс, на той подушке, которая, возможно, «помогла» ей быстрее расстаться с жизнью. В смерти Виолетты нет никакой случайности, я знала это. Убийца действовал наверняка.

Но если рассмотреть эти нападения в совокупности, они кажутся... не связанными друг с другом, не просматривается никакой закономерности. Никакой видимой связи. Похоже на поступки человека с помутненным, больным сознанием.

«Если бы я решилась убить четырех человек, Мэт Хоар, я бы намного лучше подготовилась!»

В церкви стало тихо, и на секунду мне показалось, что я выкрикнула эти слова вслух, но никто не обращал на меня ни малейшего внимания. И тут ожил орган. Прихожане встали и запели. Гимн выбирала Ванесса — один из маминых любимых. Я не могла присоединиться к поющим. Не могла оторвать взгляда от кафельного пола.

Четыре меча, четыре подозреваемых. Первый — Аллан Кич, а его пособники — банда брата. Они оболгали меня, заявив, что видели, как я околачиваюсь у дома Уитчеров. Мерзкая компашка, я почти не сомневалась, чтодохлая гадюка на моей входной двери — их рук дело. Но действительно ли они способны на убийство?

Второй — старик, которого, кроме меня, никто не видел. Он влез в мой дом, оставил после себя змею. Разумно предположить, что именно он орудовал в остальных домах. Я решила, что этот старик, учитывая его

возраст и внешность, — один из братьев Уитчеров. К тому же я видела его в доме Уитчеров. Это не Сол и не Гарри — оба, несомненно, мертвы. На Арчи он абсолютно не похож. Альфреда никогда не существовало. Оставался только Уолтер.

Третий — Шон Норт, этого очень хотел бы считать виновным Мэт. К огромному моему облегчению, Мэт не желал видеть меня в роли убийцы. Но относительно Шона он ошибается. Сердцем я это знала. Чем бы Шон ни занимался в Папуа-Новой Гвинее, он бы никогда не мучил так змей, как это происходило с ними в нашем поселке. На людей ему и правда наплевать, но Шон Норт никогда бы не обидел животное.

А кто четвертый? По-видимому, я. Таскер и Ноулз считают, что я враг человечества номер один. Психопатка, желающая отомстить за страдания, испытываемые с детства. И делаю я это, чтобы привлечь к себе внимание, которого мне так не хватает. Я паразит, который охотится на немощных стариков, обещая им уход и помощь взамен на земные блага. Против меня и улики есть: две гадюки, живая и дохлая, которых нашли у меня в доме, моя ДНК на теле Виолетты, не говоря уже о фальшивом завещании.

Все это дело представляет собой непонятную комбинацию продуманных шагов и случайных событий. Умение получить яд гадюки, а потом шприцом ввести его человеку свидетельствует о крайней изощренности преступника, не говоря уже о навыках обращения с самой ядовитой в мире змеей. Однако тот, кто напал на дома Хьюстонов и Паулсонов, полагался на удачу. Кого мне искать? Умного убийцу? Или наоборот?

А бедняжка Бенни, вынужденный сражаться один на один с ядовитой змеей, после того как их вместе бросили в реку! Что, скажите на милость, все это значит? И зачем ловить гадюк, если у убийцы в распоряжении есть тайпан, а может, и парочка этих змей? А что, если он приберегает папуасскую змею для эффектного финала?

На этой стадии размышлений узор под ногами меня уже практически загипнотизировал. Четыре меча — четыре подозреваемых, четыре жертвы. Круг в центре рисунка знаменовал собою страдания, которым подвергли жертв. Эфесы мечей почти соприкасались, образуя внутреннюю окружность. Неужели между жертвами есть связь, которую я не могу определить? И если я смогу это сделать, выведет ли она меня на настоящего преступника?

Мы опять встали. Мой зять и пятеро прихожан подняли гроб на плечи и понесли назад по проходу, на солнечный свет и еще немного через церковное кладбище. Короткий, медленный путь. Мамин последний.

«... прах к праху, земля к земле, имея надежду на воскрешение к

жизни вечной».

Папа читал молитву над телом своей жены, которое опускали в могилу. Ванесса бросила на гроб распустившуюся белую розу и кивнула — Джессика и Абигейл сделали то же самое, только их розы были еще в бутонах. Подобным мелочам Ванесса уделяет особое внимание. У меня в руках цветов не было, поэтому я наклонилась к краю могилы, чтобы взять в руку горсть суглинистой земли.

— Клара, мы приготовили это для тебя.

Ванесса опустилась возле меня на колени, испачкав новое черное шелковое платье. Она что-то протягивала мне, я сначала не смогла разобрать что...

— Девочки собрали их сегодня утром, — сказала она. — Твои любимые, не так ли? Раньше были...

Я прищурилась и взяла составленный дома букет. Ванесса помогла мне подняться, как-то мне удалось протянуть руку и разжать пальцы. Я не видела, как упали в могилу стебли с крошечными голубыми цветочками.

Все, стоявшие вокруг могилы, стали бросать горсти сладко пахнущей земли, которая согреет последний приют моей матери. Я безудержно рыдала на плече у старшей сестры, люди останавливались, бросали землю, и казалось: каждый отдает частичку себя, чтобы мама упокоилась в своем долгом одиноком сне.

И когда почти все закончилось, когда незабудки скрылись под слоем земли, я поняла, что наконец сделала для мамы хоть что-то. Я простила ее.

Все приглашенные на поминки разошлись, даже Ванесса с семейством вернулась к себе домой, оставив нам с отцом полный холодильник оставшейся еды и полный дом печали. После позднего ужина, во время которого ни мне, ни отцу еда не лезла в горло, отец отправился отвечать на соблезнования. Его кабинет располагался в задней части дома, окна выходили в сад. Оттуда он не мог видеть, что напротив нашего дома дежурит полицейская машина. Несмотря на заверения Мэта, я понимала, что остаюсь для Таскера главной подозреваемой.

Я поднялась в свою прежнюю спальню. Как и советовал Мэт, я взяла на работе отпуск на неделю и уже стала задумываться над тем, чем же теперь буду заниматься. Работать, спать и бегать. Это было мне знакомо. Я открыла свой ноутбук, вошла в поисковую систему «Гугл» и ввела словосочетание «пытки римлян». Как и предполагал Мэт, ниточка «Уитчеры» никуда не привела. Нужно было подойти к делу с другой стороны.

Система выдала множество ссылок, но ни одна не оказалась полезной. Тогда я набрала на клавиатуре «собака, змея, обезьяна» и, ни на что особо не надеясь, дала команду «найти».

И увидела латинскую фразу, которую тут же вспомнила, несмотря на то что прошло столько лет. «Роена cullei» — наказание кожаным мешком. Как я и думала, подбор животных — змея, собака, обезьяна и петух — имел глубоко символическое значение. Змея, как правило гадюка, считавшаяся одной из самых страшных тварей в Древнем Риме, была выбрана потому, что у этих рептилий рождение потомства часто знаменовало смерть матери. Собака в те времена являлась презренным животным, поэтому самым страшным оскорблением для римлян были слова «хуже собаки». Петух, предположительно, — птица, лишенная всяких родственных чувств, в то время как обезьяна символизировала полностью деградировавшего человека. Презрение? Деграция? Причина смерти собственной матери? В этом был некий страшный смысл, потому что наказание «роена cullei» применяли к осужденным за отцеубийство. Убийство самого близкого кровного родственника — несмыаемый грех.

Не слишком-то приятное чтение, особенно в день похорон матери.

Но какое отношение это могло иметь к Виолетте? Неужели кто-то считает, что она убила близкого родственника? И какое отношение это

имеет к происходящему в поселке? Джона Эллингтона нашли в своем пруду, по пояс в воде. Его укусила змея (а может, и не укусила), потом его чуть не утопили. Но...

Я долго ломала голову над этим, но смысл ускользал от меня. Может, ниточка «Уитчеры» никуда и не привела, но «роена cullei» вообще не дала мне ни малейшей зацепки.

Две жертвы плюс две предполагаемые жертвы. Пока малютку Софию оставим в покое (я понятия не имела, как она вписывается в картину происходящего). Но я не могла избавиться от ощущения (о местонахождении тайпана подумаю потом), что истинной целью убийцы в ту ночь был Эрнест Эмблин, самый старший член семьи Паулсонов.

Я вспомнила крики, пронзившие ночную тишину, вспомнила, как Паулсоны стали выбегать из дома: дети плакали, отец едва мог идти, дед пребывал почти в невменяемом состоянии. Всего за несколько часов до этих событий Эрнест Эмблин сидел в доме у Клайва Вентри, был один из той пятерки стариков, что расположились у дальнего конца стола. На их лицах была написана тревога. Нет, не тревога — страх.

Неужели разгадка связана с этими стариками? Таскер и Ноулз интересовались, не охочусь ли я на стариков, не втираюсь ли к ним в доверие. А что, если они правы и на стариков открыта охота? Только с мотивом ошиблись?

Было четыре случая нападения змей. Джон Эллингтон, Виолетта и Эрнест Эмблин — пожилые люди. Я вспомнила кафедру на полу церкви, четыре эфеса, образующих круг. Что-то случилось давным-давно, в далеком прошлом, с этими людьми — что-то такое, что их объединило.

«Не спрашивайте меня о той ночи, дорогая. Я так и не узнала, что произошло».

«Что-то странное было в том пожаре».

Я опять вернулась к пожару 1958 года, в результате которого — сразу или чуть позже — погибли четыре человека, а три брата Уитчер покинули поселок. Что же произошло той ночью, отозвавшись эхом пятьдесят лет спустя? Я порылась в сумочке и нашла блокнот. Несколько дней назад в библиотеке я сделала выписки из газетных заметок о пожаре и о смерти Джоэля Моргана и Ларри Ходжеса. Я просмотрела свои записи, потом сошла вниз, прошлась по дому, который казался слишком тихим, и постучала в дверь отцовского кабинета. Открыла ее. Отец повернулся ко мне и попытался улыбнуться. Перед ним лежал чистый лист бумаги. Он не написал и слова.

— Привет.

— Привет, солнышко. Прости, я не должен был оставлять тебя одну, тем более в такой день.

Горе легло на плечи отца тяжким грузом. Казалось неподобающим думать и говорить о чем-то другом, кроме как о маме. Но разве у меня был выбор? Мне тоже было тяжело.

— Можно задать тебе вопрос? — спросила я, усаживаясь рядом с ним. — Это не касается... нашей семьи. Но это очень важно.

Он кивнул, даже немного посветлел лицом, как будто был рад отвлечься. Я рассказала о пожаре, о погибших людях, а потом спросила у отца, чем именно в пятидесятые годы в дорсетской глубинке мог заниматься американский проповедник-пятидесятник.

— В Соединенных Штатах много чего происходило на рубеже двадцатого века, — ответил отец, не решаясь смотреть мне прямо в глаза. Он чуть нахмурился, как будто погрузился в воспоминания о давно забытом. — Образовывались новые течения, происходили расколы, радения «возрожденцев». Появилось много харизматических церквей. Истоки движения пятидесятников, несомненно, следует искать именно там.

— Но пожар случился полстолетия спустя.

Отец поднял руку — проверенный годами жест, требующий, чтобы я замолчала.

— Через какое-то время эти движения умирали, — пояснил он. — Некоторые группы подвергались гонениям, а позже, году в 1945-м, мы стали свидетелями возрождения некоторых движений. Это стало следствием Второй мировой войны. Некоторые секты видоизменились, но всем им были присущи энтузиазм, граничащий с фанатизмом, очень узкое, буквальное понимание положений Библии и вера в то, что Господь Бог наделяет человека сверхъестественными способностями. Ты знаешь, что такое «искра Божья»?

— Дар, если не ошибаюсь. Божий дар.

Отец кивнул.

— Члены этих сект веровали в то, что такой дар ниспослан человеку Богом. Некоторые группы называли это знамением, но все имели в виду одно и то же.

— А что это за дар, что за знамение?

Отец пожал плечами.

— Дар исцелять больных, например. В основном безобидные вещи. Дар разговаривать на непонятном языке — об этом известно многим.

— Значит, когда люди в церкви вскакивают со своих мест и начинают горланить какую-то тарабарщину — это и есть дар Божий, знамение?

Отец улыбнулся.

— По поводу языков написана целая гора литературы. С одной стороны, есть люди, которые считают, что слова святого Павла, когда он повествует об апостолах, говорящих на странных языках, — это всего лишь свидетельство умения говорить на разных языках, необходимого для распространения учения Христа.

— Логично.

Отец кивнул.

— Эти люди верят в то, что дар Божий был ниспослан человечеству на короткий период времени, сразу после смерти Христа, и что сегодня нелепо говорить о каком бы то ни было Божьем даре. С другой стороны, есть люди, верующие в искру Божью, в знамения. Эти знамения, по их утверждениям, вечны, и то, что ты называешь тарабарщиной, — на самом деле язык ангелов.

— Знаешь, слово «знамение» я где-то слышала. — Я потянулась и вытащила записную книжку. Пролистала, нашла эпитафии, высеченные на могиле четверых погибших мужчин. — Взгляни, вот эпитафия на могиле Ларри Ходжеса. «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения».

— Это Евангелие от Марка, если мне не изменяет память. Да, эта надпись явно свидетельствует о том, что тогда в вашем поселке образовалась секта, члены которой верили в «искру Божью».

— В этом было что-то необычное?

— Необычное — несомненно, но не неслыханное. Чьи это надгробия?

Я подалась вперед. Отец разглядывал эпитафию на могиле преподобного Фейна. «Но он придет к нам и, как поздний дождь, оросит землю».

— Вот теперь я вспомнила, — сказала я. — В газетах тоже говорилось о том, что он был членом церкви Позднего дождя. Зачем, какой...

Я запнулась. Мне не понравился взгляд отца. Он снял очки для чтения и откинулся на спинку кресла.

— Скажем так, данное название заставляет насторожиться, — наконец произнес он. Он взял со стола очки и полез в карман брюк. — Церковь Позднего дождя была основана в сороковых годах в Канаде. Время приблизительно то же.

Он достал из кармана носовой платок.

— Этот преподобный Фейн, вероятно, один из первых ее служителей.

— Никогда не слышала о «Позднем дожде». Что это означает?

— «Поздний дождь» означает летний дождь, способствующий созреванию урожая, — пояснил отец, протирая одну линзу, затем

вторую. — В данном контексте это означает последние дни перед концом света. Люди, организовавшие это движение, верили, что в последние дни на земле будет множество знамений. Верование это и по сей день остается незабываемым.

— Эта церковь существует до сих пор?

— Представь себе! Со временем ее первоначальная доктрина стала не такой жесткой. Наиболее благоразумные последователи отделились и основали новые движения, отказавшись от наиболее спорных канонов. Широко известно, что эти люди объективно положительно влияли на харизматическую церковь и церковь пятидесятников. Церковь Позднего дождя живет и процветает. Я бы сказал, ею руководят в основном набожные, исполненные благих намерений люди, которые крепки в своей вере и делают много добра.

— Значит, если преподобный Фейн был представителем церкви Позднего дождя, это не значит, что он совершал что-то дурное?

Отец отрицательно замотал головой.

— То, что я тебе рассказал, относится к сегодняшней церкви. Конец сороковых — начало пятидесятых был периодом становления этой церкви. А это совсем другая история.

— Расскажи.

— К движению примкнули несколько очень сомнительных личностей. Это были люди, которые искренне верили — или делали вид, будто верят, — что конец света не за горами. Лидеры движения называли себя спутниками Илии-пророка, по всеобщему мнению избранными Богом святыми, ниспосланными указать путь праведникам в последние дни мира. Они верили, что обычные правила жизни больше неприменимы.

— Культ конца света?

Отец водрузил на нос очки.

— Я обычно не люблю применять слово «культ» по отношению к церкви, но что касается твоего преподобного Фейна, то он, скорее всего, был опасным человеком. Идеологи этого движения, как известно, использовали очень необычные обряды, имеющие отношение к оккультизму.

Он встал. На мгновение мне показалось, что он потерял интерес к беседе. Или решил, что на сегодня уже довольно разговоров не о маме. Но отец прошел в другой конец кабинета и открыл двойные дверцы одного из книжных шкафов, стоящих вдоль южной стены. Полки были заставлены коробками. Через пару минут он вытащил одну из коробок, принес и поставил ее на стол и сдул с нее пыль.

— Уже двадцать лет не открывал ее, — сказал он. — В конце семидесятых я читал курс лекций о харизматических церквях. Собрал образцы весьма необычных изданий. Очень мне запомнился один парень. А вот и его творение. Что скажешь?

Он протянул мне черно-оранжевую брошюру. На обложке я увидела небрежный набросок, изображающий пожар. В брошюре было пятьдесят листов. Ее написал преподобный Франклин Холл. Я взглянула на заглавие, потом посмотрела на отца.

— Рецепт воскрешения мертвых? — удивилась я.

Отец усмехался.

— Перед тобой пример одной из крайностей, — пояснил он, — в какие впадали приспешники церкви Позднего дождя во времена становления этого движения. У нас есть свидетельства того, что они пытались излечивать больных при помощи поста, увлекались астрологией, левитацией, твердили, что огонь и дым — высшие воплощения. И изгоняли демонов.

Я подняла глаза.

— Изгнание нечистой силы? — переспросила я, вспомнив рассказ Виолетты о том, что произошло с Альфредом. Впрочем, никакого Альфреда, если верить Мэту, не существовало.

— Если полагаться на свидетельства преподобного Холла. Он рассказывает о том, что творилось в Сан-Диего в 1946 году. Тысячи людей соблюдали строгий пост, в некоторых случаях длившийся около двух месяцев. По словам Холла, демоны изгонялись, помешанные исцелялись, раковые опухоли рассасывались, калеки начинали ходить, а мертвые возвращались к жизни.

— Ничего себе заявление!

— И не он первый. Основателем этого движения считается некий Уильям Бренем. Описывается случай, как он в Финляндии в сороковых годах воскресил из мертвых ребенка. Мальчик погиб в результате аварии. А Бренем его оживил.

«Его оживил». Почему от этих двух простых безобидных слов мне стало не по себе? Если бы я была наделена даром оживлять людей, воспользовалась бы я им?

Я взглянула на брошюру, которую дал мне отец, и стала неторопливо ее листать.

— И как это делается? — спросила я, толком не зная, зачем мне это нужно.

— Никакого дьявольского секрета, — ответил отец. — Любой, кто

тешит себя надеждой спуститься в склеп и устроить там некое действо, будет весьма разочарован. Насколько я помню, главная идея состоит в том, что, когда Христос говорил о воскрешении, он имел в виду не духовное, а физическое воскрешение.

— «Я верую в воскрешение тела», — автоматически процитировала я.

— Точно, — кивнул отец. — Но пойми главное: я по нескольку раз в неделю повторяю в церкви то же самое. Однако преподобный Холл идет дальше и утверждает, что, обладая достаточной верой, после прохождения целого ряда испытаний можно воскресить мертвых здесь, на земле. И не нужно ждать второго пришествия.

— А он объясняет, как это проделать?

— В детали он не вдается, но, если мне не изменяет память, ключ к успеху — усердная молитва и постная литургия.

— Постная литургия?

— Значительный период времени, чуть ли не несколько недель, следует голодать и молиться. Не могу сказать, что мне самому это очень бы нравилось.

Я вспомнила, что Мэт рассказал мне об Арчи Уитчере, о его непомерно долгих постах в Южной Каролине, об умершей вследствие этого молодой девушке. Выходит, последователей наиболее радикальной ветви Позднего дождя хватает и в наше время.

— Ты выглядишь уставшей, милая, — сказал отец.

Я улыбнулась ему. Вряд ли у меня был такой же усталый вид, как и у моего отца.

— Еще один вопрос, и я отстану. — Я сунула свой блокнот прямо ему под нос. — Остальные эпитафии, что они означают? Имеют ли отношение к этой секте Позднего дождя?

Отец несколько секунд изучал надписи.

— Подай мне, пожалуйста, большую черную книгу, — попросил он.

Я потянулась через стол и взяла огромную Библию в кожаном переплете. Сколько я себя помню, эта книга всегда лежала на одном и том же месте на письменном столе отца. Он стал листать страницы.

— А, вот, нашел. Как я и думал. Это Евангелие от Марка. Полный текст звучит так: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здо...» Что? — Отец внезапно перестал читать. Его поразило выражение моего лица. — Клара, в чем дело?

— А что ты скажешь об этом? Об эпитафии на надгробии Питера

Морфета? «Се, даю вам власть». Узнаешь?

— Кажется, это из Евангелия от Луки. — Отец опять стал листать страницы. — Нашел. Глава десятая, стих девятнадцатый: «Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам». Ты скажешь мне, что все это означает?

— Преподобный Фейн был укротителем змей.

Отец казался встревоженным.

— Опять змей?

— Одна старушка, Виолетта, упоминала о змеях, когда мы говорили о церкви. Я тогда не поняла, что она имела в виду, но теперь мне все ясно. Фейн мог привезти с собой из Штатов ядовитых змей. Тогда, в пятидесятых годах, таможенный контроль был не настолько строг, как теперь. Но что-то пошло не так, и погибли люди. Двое умерли предположительно от сердечной недостаточности. Держу пари, не это причина смерти. Могу поспорить, что оба умерли от укусов змей.

— Нет никаких свидетельств того, что члены церкви Позднего дождя укрощали змей. Люди, которые этим занимаются, принадлежат к совершенно другому течению.

— Но оба эти течения — ответвления от церкви пятидесятников. Это же одно из знамений, верно, — власть брать змей? Если эти люди верили в знамения, могли же они попытаться?

— Клара, это случилось пятьдесят лет назад. Какое это может иметь отношение...

— У некоторых хорошая память. — Я встала. — Спасибо, папа, ты выдающаяся личность. Пойду поищу в Интернете, посмотрим, что удастся накопать.

Отец вздохнул.

— Официальное название секты, укрощающей змей, — Церковь Божья с Сопровождающими Знамениями, — сказал он. — Клара, ты уверена, что сейчас именно над этим нужно ломать мозги? Нам всем нужно время для скорби. Ты ничего не хочешь мне сказать?

Я отчаянно желала убраться из кабинета, но лицо отца выражало озабоченность.

— Мне кажется, я уже давно скорблю о маме, — призналась я. — И думаю, что еще долго буду скорбеть. Но сейчас мне нужно переключиться. А сказать мне нечего.

Отца совсем не обрадовал мой ответ, но что он мог поделать? Удержать меня силой? Я вернулась в спальню, и на мой первый запрос о Церкви Божьей с Сопровождающими Знамениями в Интернете нашлись

сотни ссылок. Движение возникло почти одновременно в двух разных регионах США. В начале двадцатого века преподобный Джордж Хенсли во время воскресной мессы в штате Теннесси схватил живую гремучую змею. И это было только началом.

Примерно тогда же в Алабаме проповедник по имени Джеймс Миллер продемонстрировал то же самое. Движение распространилось в южных штатах. Джордж Хенсли умер в 1955 году от укуса гремучей змеи.

Я вспомнила саркастическое замечание Мэта, что укротители змей погибают от змеиных укусов. И настойчивые расспросы доктора Эмблина о том, откуда к нам мог попасть тайпан. Он интересовался, не мог ли тайпан быть завезен сюда из Северной Америки. И немного успокоился, когда мы заверили его, что не мог. Стоило раньше попытаться узнать о том, что происходило в 1958 году.

Укрощение змей, изгнание дьявола? Я кое-что вспомнила. Схватила блокнот и листала, пока не нашла биографию преподобного Джоэля Фейна. Он изучал в университете античную культуру. И знал о «*roena cullei*». Фейн умер пятьдесят лет назад, но, похоже, его дело живо до сих пор.

Часы показывали девять вечера. Я знала, что вскоре отец отправится в постель и проведет несколько часов за чтением. Я подошла к окну. Полицейская машина без опознавательных знаков не сдвинулась с места. Мне очень хотелось пойти прогуляться, я чувствовала себя попавшей в ловушку. Взяла мобильный телефон, проверила сообщения на домашнем. Как ни странно, сообщений было несколько, все оставлены сегодня рано утром. Два от Ванессы, одно от папы, одно из клиники. Коллеги выражали надежду, что погребальный обряд был совершен надлежащим образом и что скоро я вернусь (когда буду готова, конечно) к работе. Следующее сообщение было от Салли.

«Клара, привет, — зазвучал ее голос. — Знаю, что у тебя голова занята совсем другим, но, мне кажется, это важно. Эрнеста Эмблина сегодня выписали, я заглянула к нему. Мы заговорили об Эделине, и Эрнест вспомнил, что раньше она убирала во многих богатых домах поселка. И всегда оставалась там дольше, чем требовалось. Так сказать, сверхурочно. По-видимому, жаждала компании, но потом целыми неделями не появлялась на работе и вообще в поселке. Эрнест подозревает, что она страдала серьезным умственным расстройством, но ему так и не удалось убедить ее обратиться к врачу. Разумеется, в то время люди относительно мало знали об умственных расстройствах. Как бы то ни было, Уолтер в одиночку пытался справиться с ее состоянием. Вероятно, держал взаперти. С этой стороны большинство людей Уолтера не знали».

Салли помолчала, переводя дух.

«Ну ладно, — продолжила она. — Надеюсь, что сегодня все пройдет как подобает. Я столкнулась с Мэтом, и он сказал, что ты уехала на несколько дней. Позвони, если понадобится моя помощь».

Салли, казалось, уже собиралась закончить, но все же заговорила опять: «Помнишь, я сказала, что Эделина убирала в домах? Люди слышали, как она хвасталась, что у нее есть ключи от большинства домов поселка. Так что, если хозяева не сменили замки и если эти ключи все еще находятся в доме Уитчеров, — это объясняет, как преступник пробирается в дома».

Салли попрощалась, раздался сигнал отбоя. Еще два сообщения. С кассеты зазвучал знакомый и очень характерный голос. «Клара, это Шон Норт. Сейчас четверг, восемь утра...»

В восемь утра в четверг меня уже арестовали. Интересно, а Шон знает, что его тоже подозревают? «Можешь мне перезвонить? — спросил он. — Мне нужно с тобой поговорить. Или заезжай, я сегодня весь день буду дома, и большую часть завтрашнего дня. До встречи».

Я нажала на кнопку, чтобы прослушать последнее сообщение.

«Мисс Беннинг, это Дениз Томпсон из приюта Паддоке. Прошу прощения, что не смогла перезвонить раньше, но у нас тут возникли неотложные дела и ваше сообщение затерялось. Вы спрашивали о пациенте Уолтере Уитчере. Часы посещения у нас с десяти до двенадцати и с двух до четырех. Уолтеру в последнее время нездоровится. Не хотелось бы вас пугать, но, если желаете с ним повидаться, поторопитесь».

Я заскочила в кухню и схватила с крючка ключи от старой маминой машины и от гаража (в четырехстах метрах от дома), где она стояла. Припарковаться на нашей оживленной улице всегда было нелегко, а если учесть, что у нас у всех четверых были автомобили, — вообще невозможно. Понадобился еще один гараж. Я припустила через сад, открыла калитку, прошла по узкому берегу реки и оказалась в соседском саду. Пересекла лужайку и проскользнула через калитку на улицу. В полицейской машине никто не шевельнулся. Я нырнула в переулок и вскоре была в нашем гараже.

Спустя час я уже парковала машину. Был прилив, я слышала, как волны разбиваются о скалы внизу, метрах в пятидесяти. Маленький домик, казалось, был погружен во мрак, но мне почудилось, что в глубине мерцает свет. Я обошла вокруг дома, гравий хрустел у меня под ногами. За домом в траве стояли деревянный стол и два кресла. На столе горела свеча. Сад был небольшим, лужайка — метров двадцать, за низким заборчиком — обрыв. Высокий мужчина, сидевший за столом, ждал, пока я подойду. Когда я приблизилась настолько, что смогла увидеть отблеск лунного света в его черных глазах, он произнес:

— Мне нельзя с тобой разговаривать.

Он поднес маленькую бутылочку ко рту и сделал глоток.

— А мне посоветовали не общаться с тобой, — призналась я, переходя на «ты».

Он поднял бутылочку.

— Будешь? — спросил он.

— Ты в субботу прилетел вовсе не из какой-то Индонезии, — заявила я. — Ты прилетел из Папуа-Новой Гвинеи. Полиции известно, что тайпан прибыл именно оттуда.

Шон еще глубже утонул в кресле.

— Об этом известно только потому, что я так сказал. И какая разница, откуда я прилетел? В самолет живую рептилию контрабандой не пронесешь.

Если Шон и был виноват, то он невероятно умело это скрывал.

— Значит, ты был в Папуа-Новой Гвинее? — уточнила я.

— Был. Провел там целых десять дней со своим директором, планируя

снять очередной цикл фильмов. Цикл из шести программ, все об островах.

— Зачем же ты сказал, что был в Индонезии?

Шон вздохнул.

— В Штатах есть парень, тоже герпетолог, который вот уже много лет вынюхивает, каковы мои планы. Каждый раз, когда он узнает о задуманных мною проектах, старается меня опередить. Он, разумеется, все делает задешево, поэтому может «десантировать свои войска» намного быстрее меня. Он снимает дерьмовые передачи, но стоит ему затронуть актуальную тему — и мне уже нет смысла ее раскручивать. Отсюда и выдуманная поездка в Индонезию. Просто пытаюсь сбить его со следа.

— Да?

— Поверь мне, Клара, с моей внешностью через таможню не пронесешь и маникюрные ножницы, что уж говорить о смертельно опасной змее. Длинноволосого мужчину в джинсах и футболке останавливают и обыскивают перед каждым полетом. Съемочная группа постоянно шутит: чтобы пройти со мной таможню, нужно выезжать заранее.

Он поднес бутылку ко рту, не сводя с меня глаз. Полиция проверит его показания, поговорит с директором, установит, существует ли герпетолог-конкурент. Мне это ни к чему. Я и так знаю, что он сказал правду.

— Будешь? — снова предложил он.

Я задумалась. На пару секунд.

— Буду, пожалуй.

Он встал, жестом пригласил меня присесть и исчез в доме. Вспыхнул свет, через приоткрытую дверь я видела очень маленькую аккуратную кухоньку. Я повернулась, чтобы посмотреть на океан, и услышала, как хлопнула дверца холодильника. Чайки летели на север, к морю, и, пролетая, отбрасывали черные тени на лужайку.

Жара сменилась прохладой, но воздух был недвижим. Я слышала, как вернулся и занял свое место Шон. Он протянул мне бокал и бутылку с ликером янтарного цвета. Я поставила бокал на стол и глотнула прямо из горла, как это делал Шон. Легкий, изысканного вкуса напиток ожег мне горло, это ощущение застигло меня врасплох. Я ожидала чего-то более густого, крепкого.

— В холодильнике у меня есть вино, если хочешь, — предложил Шон.

— И ликер сгодится. Мне нравится, — честно призналась я. И через секунду добавила: — Моя первая бутылка спиртного.

— За вечер? — Шон придвинул свое кресло таким образом, чтобы сидеть напротив меня.

Я продолжала разглядывать темное небо, хотя чайки уже улетели.

— В жизни, — ответила я.

Шон молчал, но когда я повернулась к нему, его взгляд был устремлен на меня.

— Моя мать пила, — объяснила я. — Много лет, еще до моего рождения. Она оставила профессиональные занятия музыкой и вышла замуж за сельского священника, на двадцать лет старше нее. А потом поняла, что такая жизнь не по ней.

Шон по-прежнему хранил молчание, но глаз с моего лица не спускал. Видимо, из-за сгущавшихся сумерек я была не против его взгляда.

— Она старалась изо всех сил, — продолжала я, отдавая матери должное. — Лечилась, постоянно лежала то в одной, то в другой больнице. Бывали времена, когда она по нескольку месяцев могла обходиться без выпивки, но рано или поздно все равно срывалась. Тяга к спиртному была непреодолимой.

Шон положил свою руку на мою, я даже подпрыгнула от этого неожиданного жеста.

— Холодает, — произнес он, превратно истолковав мою дрожь. — Пошли в дом.

— Нет-нет, все отлично, — быстро возразила я. — Мне уже пора. Я кое-что хотела у тебя спросить.

Он неохотно, как мне показалось, убрал руку.

— Спрашивай.

Я изложила ему свою гипотезу об американском проповеднике, который в конце пятидесятых годов занимался в моем поселке укрощением змей. Однажды ночью что-то пошло не так, и в результате была разрушена церковь и погибли четыре человека.

— Знаю, что это было давным-давно, — сказала я, — но мне кажется, что последние события в нашем поселке как-то связаны с тем пожаром в церкви. Похоже, что жертвами являются старики, жившие в поселке в 1958 году.

— И если ты узнаешь больше, то, возможно, поймешь, кто за это в ответе?

— Я видела фильм, который ты снял. Об укрощении змей, — заявила я. — Может быть, ты можешь мне рассказать что-нибудь важное?

— Например?

— Во-первых, как это делается. Как этим людям удастся брать в руки гремучих змей? Почему они их не кусают?

— Кусают. Смертельные случаи — не редкость.

— Да, но не столь многочисленны, как можно было бы предположить.

Ходят слухи, что либо гремучкам удаляют ядовитые клыки, либо извлекают яд перед началом службы, либо им что-то вкалывают. Ты не думал об этом, когда снимал фильм?

— Конечно же думал. В одной церкви нам позволили осмотреть змей перед службой. Десять взрослых особей, целые и невредимые, никакого постороннего вмешательства. Все смертельно опасны. Мы видели, как люди поднимают их высоко над собой, обматывают вокруг шеи, передают другим верующим. Думаю, в некоторых церквях проделывают ловкие трюки, но не везде. В той, где я снимал, никакого обмана.

— Но как? Как они это делают?

Шон улыбнулся.

— Что ж, у меня есть своя теория. Хочешь послушать?

Я чуть не улыбнулась в ответ, но вовремя опомнилась.

— Да, с удовольствием.

— Когда-нибудь слышала об офитах?

— О ком?

— Об офитах. Их еще называют «люди-змеи». Была такая гностическая секта в Северной Африке в десятом веке нашей эры.

— Гностики... Древние еретики, которые хотели получить больше духовных знаний, чем могла предложить официальная церковь?

— Дочь священника, да? В то время образовывалось множество подобных сект, но их всех объединяло то, что они считали важной роль змея в истории Адама и Евы. Для них библейское Древо познания в райском саду символизировало гнозис, или знание. А змей был стражем этого Древа, стражем знания, если хочешь. Для них змея символизирует понимание и просвещение.

— Ладно, кажется, я поняла. Это совершенно противоречит библейской версии, по которой змий-искуситель символизирует дьявола.

— Именно! Офиты считают змея главным действующим лицом истории, божественной фигурой, а вот лишить Адама и Еву доступа к знанию пытаются злые силы. — Он откинулся на спинку кресла. — Если ты поразмышляешь над этим абстрактно, поймешь их точку зрения. С одной стороны, тебе предлагается понимание, мудрость. С другой — ты находишься в неведении, словно дитя неразумное. Что для тебя зло?

— Тебе стоит подискутировать с моим отцом.

— С большим удовольствием. Как бы то ни было, эти секты почитают змея, даже боготворят его. По их мнению, змей открыл Адаму и Еве в раю Истину. И по многочисленным свидетельствам, укрощение змей — часть их ритуала. Например, змей обматывают вокруг священного хлеба.

Я открыла было рот, чтобы возразить. Это все было интересно, но я не понимала, к чему он ведет.

— И еще одна причина, почему офитов не жаловала ортодоксальная церковь, — продолжал Шон, не дав мне возможности произнести хоть слово. — Это их распутство. Несложно увидеть символическую значимость змей в подобного рода действиях. Зайдем в дом — уже довольно прохладно.

Шон опять попытался встать, но я подняла руку, останавливая его.

— Хочу заметить, что современные секты не боготворят змей. Для них змея — воплощение дьявола, чье искушение они могут преодолеть, если их вера достаточно сильна.

— Вот тут и кроется главная ошибка. Несмотря на то что их мотивы разнятся, они, когда берут в руки змей, ощущают, как в них просыпается нечто первобытное.

— И?

— Традиция брать в руки змей в церкви уходит корнями в глубину веков. Задолго до Джорджа Хенсли, взявшего в руки гремучую змею, североамериканские индейцы хопи проводили ежегодные ритуалы укрощения змей, и это был залог хорошего урожая. Известно об укрощении змей во многих регионах Африки и Азии. Даже Олимпия, мать Александра Великого, умела, по слухам, обращаться со змеями.

Я задумалась.

— Ладно, это понятно. Но мой вопрос остается. Как, каким образом они берут змей и те не причиняют им вреда?

— Вернемся к гностицизму. Современные гностические церкви — духовные наследники офитов, если хочешь. Так вот, там змей руками не трогают. Но, думаю, они приблизились к разгадке того, как это сделать.

— Продолжай.

— Гностические церкви делают упор на познание через личный опыт. Особое внимание они уделяют воссоединению с так называемой Плеромой.

[11]

— Шон, я теряю мысль.

Я в темноте почти не видела его лица, лишь по блеску глаз поняла, что он опять улыбается.

— Остановимся на этом подробнее, — сказал он. — Плерома представляет собой все Божественное в нашей Вселенной, нечто вроде внутреннего ядра всякого предмета. Если ты воссоединяешься с Плеромой, то видишь и чувствуешь Божественное во всем. Моя теория состоит в том, что эти укротители змей, удачливые укротители, чувствуют в змее

Божественное начало. И становятся с ней единым целым. Как это практикуется в бесчисленном количестве других мировых культур. Поэтому змеи их и не кусают.

— Господи!

Теперь он откровенно скалился.

— Да, именно так, — сказал он.

— Я начинаю уже жалеть, что спросила. Значит, ты утверждаешь, что эти укротители, сами о том не подозревая, контактируют с некой космической, Божественной энергией, которая присуща змее?

— Я знал, что ты в конце концов поймешь.

— Да брось ты...

— Клара, только западные цивилизации, где преобладают иудейско-христианские религии, считают змею воплощением зла. Возьми любую другую культуру — индуистскую, греческую, скандинавскую, североамериканских индейцев, — в мифологии змея появляется чаще любого другого животного на планете. И, как правило, в качестве силы добра. Змея олицетворяет собой мудрость, бессмертие, жизнь, плодovitость, знание.

Мой мозг больше не мог воспринимать информацию.

— Шон, это всего лишь змеи. Пресмыкающиеся, существа без ног.

Шон покачал головой.

— Тогда почему во всех культурах змея фигурирует в мифах о создании мира? Во многих из них бог является в образе змеи: Кетцалькоатль^[12] в Центральной Америке, Айдофедо^[13] в Западной Африке. В Камбодже каменные изваяния змей охраняют храмы. А в греческом мифе говорится об Эскулапе, чьи змеи-хранительницы ночью заползали на тела больных людей и вылизывали их, после чего люди выздоравливали.

— Какая гадость!

— В том же мифе сказано, что человек начинал слышать и прозревал, после того как его уши или глаза лизала змея. Почему, как ты думаешь, змея является одним из символов современной медицины?

Я вздохнула.

— Ты удивишься, но эта информация несколько не помогла мне понять, почему сгорела деревенская церковь.

— Я рад, что ты сама заговорила об этом. Заметь, несмотря на сказанное в Книге Бытия, змея как символ добра присутствует и в христианском учении.

— Где?

— В Евангелии от Иоанна: «И как Моисей вознес змия в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому».

— Слишком расплывчато.

— Книга «Числа».^[14] «И сказал Господь Моисею: сделай себе [медного] змея и выставь его на знамя, и [если ужалил змей какого-либо человека], ужаленный, взглянув на него, останется жив».

— Пока мимо...

— Евангелие от Матфея: «Итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Кстати, это говорит сам Господь Бог.

— Ладно, ладно, убедил.

— Ты слышала о гематрии^[15] — учении, как определять числовые значения букв и вычислять сумму-ключ слова?

— Гм! — Я не слышала, но выглядеть полной дурой не хотелось.

— Согласно гематрии, числовой эквивалент древнееврейского слова «змея» — 358. Догадайся, какой числовой эквивалент имеет слово «мессия»?

Бессмысленно отсрочивать неотвратимое.

— 358, да?

— Точно. Была когда-нибудь в Милане?

— Нет.

Шон встал.

— Пошли в дом. Я тебе кое-что покажу.

Уже совершенно сбитая с толку, я подождала, пока Шон прихватил обе бутылки, и двинулась за ним следом. Мы прошли через кухню и повернули направо. Он толкнул дверь в конце коридора и пригласил меня войти. Это была его спальня.

Я остановилась в дверном проеме и уставилась на огромную картину над его кроватью. Шагнула в комнату и подошла ближе. Это была репродукция цветного витража Голгофы. В центре был изображен доминирующий над всем громадный крест, а у его подножия — поверженные фигуры, но на кресте находился не Христос. Крест обвинял громадный змий-искуситель.

— Оригинал витража сейчас находится в музее, а эта копия была сделана специально для собора, — сказал Шон, в его голосе звучало удовлетворение. — Се... Распятый Змий!

Я не могла отвести глаз от полотна над кроватью. Христос в образе змия? Я знакома с положениями христианства лучше, чем большинство прихожан, но с подобной трактовкой никогда раньше не встречалась.

— Потрясающе! — выдохнула я.

— Чем-то помог?

— Еще не знаю.

Я подошла ближе, заметив, что Шон следует за мной по пятам. Даже без его познавательной лекции я кое-что знала об огромном влиянии змеи, или змия, на мифологию разных народов, но и представить себе не могла, что оно столь велико. Змий, обвивающий крест, на котором был распят Христос, — это кощунство. Однако витраж был создан для одной из самых известных церквей в Европе!

— В Сикстинской капелле есть фреска, где змий изображен на столпе, — гнул свое Шон. — Присутствует этот мотив и в известной картине Рубенса. Если уж быть точным, там изображен посох Моисея с медным змием, но образ один и тот же. Змий на столпе, змий на кресте. Нетрудно уловить взаимосвязь.

— Значит, люди, которые умеют обращаться со змеями, становятся с ними одним целым? — уточнила я.

— Я наблюдал подобное не раз.

Я на секунду оторвалась от картины.

— А ты можешь?

— Нет. Меня они кусали столько раз, что и не сосчитать! Но я видел, как вождь одного племени обматывал трех черных папуасских змей вокруг полуобнаженной девушки в канун ее свадьбы. Невеста пребывала под воздействием снадобий, но сам вождь — нет. Змеи не кусали ни его, ни девушку. В Индии я видел, как дети часами носят за шаманами смертельно опасных кобр, пока те совершают обряды. Эти укротители змей, о которых ты говоришь, — лучший пример. Вся паства передает змей из рук в руки. Змеи обычно кусают человека, когда он теряется или нервничает, но и тогда случаи укусов не настолько часты, как можно предположить. Сомневаюсь, что мне удастся это доходчиво объяснить, но при определенных обстоятельствах — например, по ходу религиозного обряда — между человеком и змеей возникает связь.

Должна признаться, хотелось бы мне на это посмотреть! А еще лучше

— попробовать самой! Если преподобный Джоэль Фейн умел так контактировать со змеями, как описал Шон, если смог передать это умение своей пастве, он имел колоссальную власть над этими людьми. Теперь другой важный вопрос: к чему еще он мог склонять свою паству?

У меня за спиной послышалось топтание Шона, и я отступила от картины. Только тогда я оглянулась. Спальня была небольшой. На полу — покрытый лаком дубовый паркет, а единственный предмет мебели — кровать. Одна стена стеклянная, и днем отсюда открывается удивительный вид на океан. Ради такого стоит открывать глаза!

Я резко повернулась и чуть не наступила на ногу Шону, который не сводил глаз с картины. Он тоже повернулся и направился в другой конец дома. Я последовала за ним. Когда мы покинули спальню, мое сердце перестало учащенно биться.

Мы прошли по коридору мимо кухни. Шон распахнул дверь и отступил, пропуская меня в главную комнату своего дома. Я остановилась на пороге и вопросительно посмотрела на него. Он пытался скрыть самодовольство, но это ему не очень-то удавалось. Протянул руку и включил свет. Свет тут же из приглушенного белого стал переходить в темно-красный, играя на стенах бликами. Я прошла в центр комнаты и остановилась, оглядываясь.

— Ого! — восхитилась я, медленно обводя взглядом комнату. — Потрясающе!

Комната оказалась огромной, она занимала большую часть дома. Я поняла, что остальные комнаты — кухня, спальня и ванная — намеренно сделаны такими маленькими и строго функциональными. Именно эта комната являлась сердцем дома.

Как и в спальне, одна стена была стеклянной и выходила на море. Остальные три стены от пола до потолка занимал громадный, застекленный спередви виварий. Весь пол вивария был усыпан темно-красным песком, камнями ярких окрасок и выбеленными солнцем древесными обломками. Повсюду раскинули ветви тропические растения замысловатой формы, с широкими бархатистыми листьями. Скрытое освещение придавало буйной растительности изумрудный, золотистый и желтый оттенки, а на задней стене располагались репродукции фрагментов древней наскальной живописи.

Застекленные емкости с тропическими растениями, горными породами и древесными обломками изумляли уже сами по себе, даже без их длинных грациозных обитателей, свешивающихся с веток, свернувшихся вокруг камней и не сводящих с нас глаз.

Я подошла к самому большому отсеку. Змея, находящаяся внутри, около трех метров длиной, поднималась с пола, пока ее голова не оказалась на одном уровне с моей. Мы посмотрели друг другу в глаза. У змеи был золотистый окрас с необычно крупным у основания головы узором, рисунок вдоль хребта представлял собой зигзаг с острыми углами. Не сводя с меня глаз, рептилия чуть качнулась вправо, потом влево. Я чуть было не сделала то же самое. Я почувствовала, что у меня появилась резь в глазах, — несколько секунд я не моргала.

— Это кобра? — спросила я, понизив голос.

— Это Така, четырехлетняя королевская кобра, — подтвердил мою догадку Шон. — Ее задержали на таможне, когда она была еще малышкой. Она сильно пострадала во время путешествия, и ни один из зоопарков не решился ее взять. Похоже, ты ей понравилась.

— Откуда ты знаешь?

— Она не надувает капюшон.

Я стала обходить комнату по периметру, прошла мимо тонкой ярко-зеленой змеи — это, как объяснил Шон, была белогубая куфия, обитающая в тропических лесах и бамбуковых зарослях Азии. В отсеке, где было много воды, я увидела полутораметровую африканскую гадюку-носорога, яркую, желто-голубого с красным окраса, с двумя чешуйчатыми выступами на носу, похожими на рога. При инфракрасном свете змеи вели себя активнее, чем обычно они ведут себя в серпентариях. Обходя комнату, я замечала повсюду медленное, плавное движение.

Когда я все рассмотрела, всем восхитилась и познакомилась со всеми семью обитателями жилища Шона, я повернулась к хозяину. Впервые с момента моего приезда он перестал на меня глазеть. Виварий загипнотизировал его также, как и меня, несмотря на то что он видел змей каждый день.

— Почему ты так любишь змей? — поинтересовалась я.

Он повернулся на звук моего голоса.

— Змеи самые неотразимые, самые красивые создания на земле, — сказал он, как будто ответ был очевиден.

— Да, змеи симпатичные, но...

— Симпатичные? — Он обхватил меня за плечи и подвел к клетке с гадюкой-носорогом. — Они как бриллианты, чем дольше любишь, тем великолепнее они кажутся.

Мы стояли, наблюдая, как змея медленно скользит по бревну.

— Красивые, но холодные, — заметила я, переходя к соседней клетке и пытаясь таким образом сбросить его руку. — Их морды ничего не

выражают, они живут сами по себе, не показывают, что узнают хозяина. Когда берешь их в руки, они становятся агрессивными.

Я спорила из принципа — в глубине души я была полностью согласна с Шоном, что змеи — удивительные создания. Мне просто нравилось слушать то, что хозяин говорил о своих питомцах.

— Меня, по крайней мере, никогда не узнавали, — добавила я.

— Не женское это дело. Только мужчина способен по-настоящему оценить змею.

Я искоса взглянула на него: он что, смеется? Это такая топорная шутка во вкусе дедушки Фрейда? Но Шон был совершенно серьезен, он не сводил глаз с крошечной пестрой змеи, которая наполовину зарылась в песок.

— Змей содержат исключительно мужчины, — заявил Шон. — Мне кажется, мы ощущаем их власть.

Шона почти загипнотизировала свернувшаяся клубочком, извивающаяся передней частью тела змейка. Если бы Шон не заговорил, я решила бы, что он забыл обо мне.

— Змеи замечательные охотники, — продолжил он. — Такая скорость и сила! Есть в этом нечто загадочное. Их жертвы просто исчезают у них внутри, с костями и шерстью. Змея, пожалуй, олицетворяет саму смерть. Приходит время, и змеи сбрасывают собственную кожу и являются миру обновленными. Словно возрождаются. Жизнь и смерть. Все просто, как дважды два.

Он вновь повернулся ко мне.

— Но ты больше любишь ящериц. — Он дразнил меня, но чуть-чуть — на самом деле он не имел ничего против того, что я предпочитаю других рептилий. — В дикой природе, — сказал он, оглядываясь на высунувшейся из песка пестрый хвост, — даже в тех местах, где я побывал, змею заметить невероятно трудно. Они такие быстрые, такие недоверчивые! Лишь поймав змею, можно в должной мере оценить ее. Но змеи никогда не станут ручными.

— Тебя привлекает все таинственное, — заметила я.

Он оглянулся.

— Всегда, — был ответ.

Я почувствовала, что зарделась.

— А где же тайпан? — спросила я, осматриваясь, — вероятно, я его не заметила.

— Шипящая Клара во флигеле, это с тыльной стороны дома. Смешно, но кто-то пытался прошлой ночью забраться туда.

— Что-что?

— Не волнуйся, — сказал он, заметив испуг на моем лице. — У меня отличная «служба безопасности». Я не успел даже вылезти из постели, а злоумышленник уже смотался.

— Спасибо за то, что показал дом, — поблагодарила я Шона.

— Не за что. Присаживайся.

Прямо посреди комнаты стояли два кресла, оба большие, обтянутые кожей, вращающиеся. Между ними находился маленький столик. Я представила, как Шон здесь сидит. Смеркается, он смотрит на море, а потом поворачивается, чтобы увидеть еще более удивительное зрелище внутри комнаты. Я поневоле задалась вопросом: а кто обычно сидит во втором кресле? Я опустила в мягкое кожаное нутро и поняла: можно нервничать в присутствии мужчины и... не хотеть уйти. Потом мой взгляд привлек документ, лежащий на кофейном столике. Я взяла его.

— Что это?

Шон повернулся на кресле ко мне лицом.

— Это твоя автобиография, — ответил он.

— Я это и сама вижу, — буркнула я. — Только вот что она здесь делает?

— Роджер переслал мне ее по электронной почте, — признался Шон. — Хотя ты его об этом не просила, верно?

Я ждала продолжения, понимая, что даже не пытаюсь скрыть гнев.

— До того как нам обоим вменили в обязанность являться пред ясны очи местного полицейского начальства, я оставил тебе сообщение, чтобы ты мне перезвонила. Я не знал, полу...

— Получила, — оборвала я его. — Сегодня вечером. Зачем тебе моя биография?

— Я всегда изучаю биографию людей и узнаю об их квалификации, прежде чем предложить им работу. Насколько я понимаю, это обычная практика при подборе сотрудников.

Я на секунду задумалась.

— Какую работу? — переспросила я, решив, что ослышалась. — Тебе нужен исследователь?

— Ну, в твои обязанности и это будет входить. Но на самом деле мне нужен второй ведущий. Режиссер хочет, чтобы им стала молодая женщина — в идеале квалифицированный ветеринар. Тайпаны в Папуа-Новой Гвинее нападают на домашний скот: коров, овец, коз. Если пострадавших животных можно будет вылечить, местные жители сэкономят кучу денег. Разумеется, тебе будет необходимо пройти пробы...

Я опустила глаза на документ в моей руке. Дальше слушать я не стала.

У меня внутри образовался какой-то холодный ком.

— Ты хочешь, чтобы я появилась на телеэкране? — прервала я его разглагольствования.

— Давай начистоту: звездой все-таки останусь я, но и ты будешь мелькать на экране.

— У твоих программ падают рейтинги? — тихо спросила я, не поднимая глаз.

— Прости?

— Ядовитыми змеями зрителей уже не испугаешь, да?

— Клара...

Я повернулась к нему лицом, увидела в его глазах тревогу и даже обрадовалась.

— У меня есть идея получше, — со злостью сказала я. — Почему бы тебе не пригласить жертву пожара? Человека с серьезными ожогами. На экране он будет смотреться просто шикарно.

Я уже не сидела, а стояла, не заметив, как поднялась с кресла. А между нами лежал перевернутый кофейный столик. Шон тоже встал и отступил назад с таким выражением лица, как будто взбесился его любимый пес.

— Или безрукого и безногого, — продолжала я, слыша, как звенит мой голос. — Он станет ползать по земле, совсем как змея. Или...

Вокруг меня зашевелились змеи, реагируя на внезапный, необычный звуковой фон. Я и не заметила, как Шон преодолел разделяющее нас расстояние и схватил меня за плечи.

— Прекрати, — спокойно сказал он.

Я сбросила одну его руку, потом другую.

— Благодарю за выпивку и информацию, — съязвила я. — Больше я тебя не побеспокою.

И рванулась к двери. Даже успела сделать два шага, прежде чем Шон схватил меня за руки.

— Подожди! Просто успокойся и выслушай меня.

— Я хочу уйти.

— А мне плевать! Ты ведешь себя как обидчивая дуреха. И ты выслушаешь меня, даже если мне придется продержать тебя здесь всю ночь.

Я сильно втянула воздух носом.

— Как, черт возьми, человек с моей внешностью может показаться на экране?! — завопила я, теряя всякий контроль над собой. — Я всю жизнь пытаюсь избегать любопытных взглядов, а ты хочешь, чтобы я «блистала» на телевизионных экранах? Чтобы совершенно незнакомым людям

становилось плохо от одного взгляда на меня? О чем ты, черт тебя дери, думаешь? Как ты можешь...

И все. Батарейка села. Похоже, до сего момента я не понимала, что значит «иссякнуть».

— Все сказала? — спросил Шон.

Я молчала. Сил ответить не было. Я устала.

— С моими рейтингами все в абсолютном порядке, — сказал он. Пока я бесновалась, Шон оставался унизительно, раздражающе спокоен. — Мы считаем, что привлечение еще одного ведущего расширит зрительскую аудиторию. Ты слишком переживаешь по поводу своего шрама — это всего лишь шрам. Мы можем снимать тебя в таком ракурсе, что его не будет видно. Мы можем снимать тебя вполоборота, со спины, справа. Дадим тебе просмотреть отснятый материал, и ты внесешь коррективы, прежде чем мы будем монтировать окончательную версию.

Я больше не спорила. Он ничем не рисковал, зачислив меня в свою съемочную группу.

— Думаю, через некоторое время ты станешь более раскованной, но последнее слово за тобой. Я предлагаю тебе эту работу потому, что ты отличный ветеринар и имеешь опыт работы с тропическими пресмыкающимися. И — да, ты права — частично из-за твоей внешности тоже. Уверен, что я не единственный в мире мужчина, который считает тебя красавицей.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Мне показалось, что даже змеи прислушиваются.

«Это всего лишь шрам... Уверен, что я не единственный...»

Это просто смешно. Он жестоко насмехается надо мной по какой-то необъяснимой причине. Дальнейший спор лишен смысла. Я должна просто развернуться и уйти. Его хватка ослабла — как раз подходящий момент. Гневный взгляд напоследок, поворот на каблуках — и прочь из дома. Он протянул левую руку и пальцем провел по моей правой щеке.

— Ты красавица, — сказал он. Теперь он говорил шепотом. Палец двинулся вниз по подбородку, потом вверх — по искореженной левой щеке. — Но с изъязном. Поэтому еще более интригующая.

В комнате уже было темно, моих ушей достигал только один звук — шум океана в пятидесяти метрах от нас. Шон чуть отступил, наклонился ко мне, и я не сразу поняла, что он меня целует.

Я вся дрожала, потрясенная, не зная, что сказать, что сделать. Я даже не могла ни о чем думать. Его руки обвивали меня, я ощущала его тело — всего в нескольких сантиметрах от меня, наши щеки соприкасались. Я уже

и забыла, что он пахнет тропическими джунглями на рассвете.

— Останешься? — прошептал он.

— Зачем? — едва выдавила я, так как в горле стоял ком.

И мой глупый вопрос разрушил таинство момента, как молоток разбивает хрусталь.

Шон засмеялся и опустил руки. Чуть отступил, качая головой.

— Я надеялся, мы займемся любовью, но если у тебя на уме что-то другое...

Я обхватила лицо руками. Какой я, должно быть, выгляжу идиоткой!

— Может, в другой раз? — предложил Шон.

— Прости, но мне нужно идти. Я не должна была... — Я повернулась, и на этот раз он меня не удерживал.

Я чуть не бегом бросилась из комнаты в кухню и уже взялась за ручку двери черного хода, когда он окликнул меня:

— Подожди. Я должен тебе кое-что дать.

Я остановилась, не решаясь взглянуть на его лицо, но услышала, как он хлопнул дверцей холодильника. Краешком глаза я увидела, как он мне что-то протягивает. Это был маленький ящичек с несколькими крошечными бутылочками. Я взяла его, прочла надпись на этикетке и вопросительно взглянула на Шона.

— Это высококачественное противоядие на яд тайпана, — сказал он. — Мне достал его по своим каналам один мой приятель из Лондонского зоопарка. Если тебя укусит змея, тебе нужно будет побыстрее добраться до больницы. Если же это будет невозможно... Надеюсь, ты сможешь сделать себе укол, если придется? У тебя есть шприцы и лекарства?

Я кивнула.

— Это единственное, на что пока можно рассчитывать, — продолжил Шон. — Я связался с Лондонским и Ливерпульским центрами, но у них нет противоядия, применяемого при укусе тайпана. Теперь, когда где-то свободно ползает тайпан, они послали заказ, но пройдет несколько дней, пока его доставят. Храни в прохладном месте, чтобы было всегда под рукой. Если тайпан укусит, у тебя будет всего несколько часов, ты же знаешь, верно?

— Шон, тебе это нужнее, ведь ты ухаживаешь за тайпаном.

— Шипящая Клара совершенно безвредна. Со змеей в клетке я справлюсь. Но у меня было время исследовать кожу, которую ты привезла. Она явно принадлежит тайпану, но не Кларе. Этот экземпляр чуть крупнее, и окрас другой. По поселку, по всей вероятности, ползает еще один тайпан. Пожалуйста, будь очень осторожна.

Я вышла из дома и медленно побрела к машине. Шон пошел меня провожать, молча открыл передо мной дверцу автомобиля и, когда я забралась внутрь, положил свою руку поверх моей, лежащей на руле.

— В Папуа-Новой Гвинее тайпаны стали появляться возле жилых домов, — сообщил Шон. — Кажется, змеи поняли: где люди, там и еда. Это один из вопросов, которые предстоит выяснить, когда мы туда поедем.

— Но змеи избегают контакта с человеком.

— Обычно избегают. Но в Азии есть районы, где змей постоянно видят в деревнях. А в Папуа-Новой Гвинее такое их поведение стало настоящей проблемой.

— Значит, если где-то есть еще один тайпан, нельзя надеяться, что он не станет приближаться к людям?

— Не стал бы на это рассчитывать.

Я на минуту задумалась о последствиях появления смертоносных змей в домах.

— Будь осторожна, — опять предостерег он.

Я кивнула, и он, отступив, захлопнул дверцу. Стекло было опущено, поэтому его слова я расслышала хорошо.

— Кстати, мое предложение остается в силе.

— Которое? — не подумав, спросила я. — О работе или...

Шон нахмурил брови, но его губы растянулись в улыбке.

— Похоже, вы со мной флиртуете, мисс Беннинг. Прогресс очевиден! — Он повернулся и направился к дому. — Оба! — крикнул он через плечо. — Оба предложения остаются в силе.

Я ехала около часа и остановилась на старой проселочной дороге, где меня, я точно знала, никто не побеспокоит. Забралась на заднее сиденье и укрылась пальто. Я лежала, прислушиваясь к ночным звукам, и размышляла — не о змеях и привидениях, а о событиях, которые загнала в самые дальние уголки своей памяти. Это случилось лет семнадцать назад.

Я тогда училась в средней школе. Однажды я вышла из кабинки в женском туалете и увидела шестерых поджидающих меня мальчишек. Они были старше меня. Двое из них держали вырывающегося двенадцатилетнего школьника. У того по щекам ручьем текли слезы. Когда трое ребят подошли ко мне, я заметила одну из своих одноклассниц, стоящую в дверях. Еще одна знакомая девочка вышла из кабинки, увидела, что происходит, опустила глаза и поспешила прочь. Мальчишки прижали меня к стене.

— Ну же, поцелуй ее, и мы тебя отпустим, — подстегнул пленника

один из державших его ребят.

Старшим крепким ребятам пришлось вчетвером тянуть щуплого, хилого на вид мальчишку. Даже когда он оказался достаточно близко ко мне, одному из школьников пришлось держать его голову и силой придавливать мокрое от слез и соплей лицо к моему лицу. Меня крепко держали за волосы. Я не вырывалась. Какой смысл? Я закрыла глаза и мысленно унеслась в другое место. Когда я их вновь открыла, в туалете никого не было. Я умылась и вернулась в класс.

И потом, за все время моего пребывания в школе, тот пятиклашка даже ни разу не взглянул в мою сторону. Равно как и другие, которых постигла та же участь. Нельзя сказать, что меня травили, нет, это я сама была наказанием для других жертв.

И так продолжалось много лет, об этом я не рассказывала ни единой живой душе. Но до сегодняшнего дня при слове «поцелуй» всплывало в памяти воспоминание об этой мерзости, а за ними обо всех последующих. Ни в реальной жизни, ни по телевизору я не могу смотреть на целующихся людей. Я с трудом читаю это слово в книгах, потому что, когда эти воспоминания начинают стучаться в дверь, все мое тело хочет сжаться от стыда.

Мои глаза закрылись, и звезды потускнели. Уже засыпая, я предавалась воспоминаниям. Но теперь я была уже не в женском туалете, а в доме на Андерклифф. В моей голове шумели разбивающиеся о скалы волны, жесткая мужская щека прижалась к моей щеке — горечь, длившаяся семнадцать лет, ушла.

Когда я проснулась, всюду светило солнце. Пора было навестить человека, которого все считали умершим.

Уже мысленно приготовившись увидеть очередной дом престарелых, производящий гнетущее впечатление своей антисанитарией и навевающей сплошное уныние обстановкой, я была приятно удивлена, увидев приют Паддокс. Приют располагался на возвышенности, окна выходили на долину реки.

Перед самым поворотом на подъездную аллею я проехала мимо конюшни, а когда вышла из машины, увидела, что уголья вокруг приюта обнесены забором и превращены в загоны для животных. Сразу за садом на лугу паслись четыре лошади. Еще три — на лугу справа от меня. Стройная серая кобылица, которой не хватало только рога, чтобы выглядеть настоящим сказочным единорогом, пустилась ко мне легким галопом. Остальные лошади последовали ее примеру, и, когда они приблизились, я почувствовала, как под весом их тел дрожит земля.

Я вошла через главный вход. На террасе сидели несколько пациентов, они любовались лошадьми и наслаждались солнечным утром.

Я толкнула массивные двустворчатые двери и вошла.

«...Это всего лишь шрам».

Женщина за стойкой администратора подняла на меня глаза и улыбнулась.

«Уверен, что я не единственный в мире мужчина, который считает тебя красавицей».

Сосредоточься!

Через пять минут сиделка вела меня по современному зданию, залитому солнечным светом. Большая часть окон была открыта. Я чувствовала аромат свежего кофе и недавно скошенной травы.

— Красивое место, — признала я, когда мы свернули за угол и пошли по короткому коридору.

— Спасибо, — ответила моя проводница. — Мы открылись всего полгода назад. Уолтер — один из наших первых подопечных.

— В своем сообщении вы намекнули, что он очень болен. Она остановилась у выкрашенной в белый цвет двери и взялась за ручку.

— Боюсь, так оно и есть. Он поступил сюда, когда только-только оправился от осложненной пневмонии. Честно признаться, мы не ожидали, что он здесь надолго задержится. Вы же не родственница, верно? Он сказал, что родственников у него нет.

Я покачала головой.

— Просто друг, — ответила я. — Мы живем в одном поселке.

— Что ж, ему только на пользу пойдет, если наконец его кто-нибудь навестит. За полгода вы первая.

В ее голосе слышалось осуждение, но любые слова оправдания могли привести к долгому спору. Теперь, когда дело осталось за малым, я почувствовала, что очень нервничаю, стоя перед дверью в его палату.

— Ваши пациенты когда-нибудь покидают приют? — спросила я, не совсем понимая, как верно сформулировать вопрос. — Навестить родных, друзей. Просто соседи говорили, что видели Уолтера в поселке.

Сиделка энергично помотала головой.

— Это абсолютно невозможно! С тех пор как Уолтер попал сюда, он не ходит. Без посторонней помощи он даже встать не может. Хотя он находится в здравом уме и твердой памяти, так что вы сможете с ним поговорить. Прямо сейчас. Уолтер, доброе утро! К вам молодая леди.

Это был он. Мой старый друг. Мой призрак. Мой главный подозреваемый в ужасных преступлениях, совершенных в моем доме. Ох, Уолтер, если бы я знала!..

Его бледно-голубые глаза следили за мной, пока я шла к кровати. Он совсем не изменился. Простое добродушное лицо с крупноватыми носом и подбородком, тонкие пряди седых волос на макушке и возле ушей. Тот же Уолтер, но он стал чуть меньше, вероятно из-за того, что похудел и ослаб. Казалось, что с каждой минутой из него утекают жизненные силы.

— Привет, — выдавила я, чувствуя, как ком подкатывает к горлу, как начинает сводить скулы. — Вы меня помните?

Я услышала звук закрывающейся двери и поняла, что мы с Уолтером остались наедине. Он шевелил губами. Пытался что-то сказать, но безуспешно. Я догадалась, что у него сели голосовые связки. Я нагнулась пониже, чуть ли не распласталась на кровати.

— Наверное, кролик, которого вы подлечили, уже слопал мой салат, — прохрипел он.

Возглас, слетевший с моих губ, был наполовину смешком, наполовину всхлипом. Я села на стул у кровати Уолтера и взяла старика за руку. Помню, когда-то это была большая крепкая рука настоящего садовника. Она и сейчас была большой, но очень слабой.

— Я вчера ночью была в вашем саду, — призналась я. — Выглядит он замечательно. Много роз. Их аромат чувствуешь, едва свернув в переулок. Особенно пахнут желтые, которые растут у ворот.

Я еще несколько минут продолжала в том же духе, чувствуя, что для

Уолтера новости о его драгоценном саде важнее всего. На его губах появилось подобие улыбки, он несколько раз кивнул. Когда иссякли темы о саде, я извинилась, что не смогла проведать его раньше.

— Я не имела ни малейшего понятия, где вы, — сообщила я, понимая, что не смогу сказать ему, что его жена распространила слух о его преждевременной кончине. — Похоже, об этом никто не знает. Уверена, в поселке найдутся люди, которые с удовольствием бы вас навестили, если бы знали, что вы здесь.

— Знаете, Эделина умерла, — сказал он. Интересно, а ему известно, что она наболтала о нем? — В ноябре.

— Я знаю, примите мои соболезнования.

Я постаралась забыть, как я сердилась на Эделину из-за ее поступка, попыталась вспомнить, что именно она мне сказала. Употребила ли слово «умер»? Или просто это мы ее превратно поняли?

— Я была на ее могиле несколько дней назад, — сообщила я, ощутив внезапное раскаяние из-за того, что, возможно, заблуждалась насчет Эделины. — Хотите, я положу на ее могилу цветы от вас? Помнится, она рассказывала, что в ее свадебном букете были розы из вашего сада. Ей бы понравились розы, верно? Или я могу купить цветы в магазине, как скажете...

Уолтер лишь кивнул.

— Красные, — сказал он. — Те, что растут возле фруктовых деревьев. Она всегда любила красные. Они так шли к ее темным волосам.

Насколько я помнила, у Эделины волосы были седые, но я улыбнулась и согласилась: да, удивительно шли.

— Эделина была очень красивой женщиной, когда я женился на ней, — сказал Уолтер, который, казалось, в очередной раз прочитал мои мысли. — Самой красивой девушкой в округе. Одно лицо с Арчи. Оба высокие, густые гривы темных волос, большие карие глаза. Эти двое получили семейные гены красоты.

Но Эделина породнилась с Арчи, только выйдя замуж за Уолтера, разве нет? Какие семейные гены? Уолтер, должно быть, заметил мое замешательство.

— Эделина была нашей кузиной. А ты не знала?

Я отрицательно покачала головой. Нет, не знала.

— Да-да, двоюродной сестрой. Ее мать была родной сестрой нашего отца. Некоторые по этой причине отговаривали нас от брака, но в то время подобное случалось сплошь и рядом. Тогда-то ведь было не уехать в дальние края, не то что сейчас! Разве со столькими людьми можно было

раньше познакомиться!

— Я понимаю, — откликнулась я. — Двоюродные братья и сестры и сейчас женятся.

— Я думал лишь о том, какая она красавица. И почему она вышла замуж за меня, а не за Арчи или кого-то из тех, что ухлестывали за ней.

При этих словах лицо Уолтера помрачнело. Он отвел взгляд и устремил его в распахнутое окно.

— По-видимому, люди были правы, — продолжил он. Похоже, он думал о чем-то своем. Старые воспоминания, не слишком приятные. Потом опять перевел взгляд на меня. — У нас никогда не было детей, возможно поэтому...

Мысль осталась недосказанной. Я подождала — на случай, если он захочет ее закончить, но он казался совершенно довольным, держа меня за руку и глядя в окно. Спустя некоторое время я решилась задать ему вопрос:

— Уолтер, а у кого-нибудь из ваших братьев были дети? У вас есть племянники? Племянницы?

Я не совсем понимала, зачем спросила его об этом. Я была уверена, что незваный гость, которого я видела, — человек пожилой, а не средних лет, правда, очень похож на Уолтера. Мне необходимо было докопаться до разгадки этой тайны.

— У Сола и Элис был сын, — ответил Уолтер. — Они переехали, вы знаете, после... после всего, что случилось.

— А что случилось? — отважилась я на следующий вопрос, почти не надеясь на успех.

Уолтер покачал головой.

— Милая, это события столетней давности. Гарри, Сол и Арчи — все они умерли. Не стоит ворошить прошлое. — Он вновь посмотрел на меня, и я осознала, что больше он мне ничего не скажет. Никогда.

— А что случилось с сыном Сола? — поинтересовалась я.

По словам Мэта, через десять лет после изгнания из поселка Сол убил Элис, за что и был приговорен к пожизненному заключению. Их девятилетний сын остался один-одинешенек.

— После смерти его матери к нам приходили из отдела опеки. Хотели, чтобы мы забрали ребенка. Сказали, что мы его единственные родственники.

Я внимательно слушала, не отпуская руку Уолтера, желая, чтобы он продолжал свой рассказ.

— Я вынужден был отказаться, — признался Уолтер. — Эделина к тому времени... она была нездорова. Мы не смогли бы дать мальчику

должное воспитание. Его отправили в приют... нет... в детский дом, так они сказали. Но, думаю, это одно и то же. Непорядочно с моей стороны? А что мне было делать?

В глазах Уолтера читалась мольба, но я совершенно ничего не понимала. Уолтер о многом умолчал. «Они переехали... после того, что случилось». Ему известно что-то о событиях 1958 года. И об Эделине он чего-то недоговаривает. Но он так слаб! Как мне расспросить его, не сделав ему больно?

— Значит, вы больше ничего о нем не слышали? Что с ним стало?

Ребенок родился приблизительно в 1960-м, сейчас ему лет пятьдесят. Слишком молод для моего незваного гостя.

— Он приезжал к нам несколько лет спустя. Было ему тогда лет семнадцать. Покинул детдом и просил немного денег, чтобы уехать за границу. Я дал ему, сколько мог, но сумма была невелика. Мне парень не понравился — вылитый отец. Поведал нам о том, как ему жилось в детдоме. Хотел, чтобы мы почувствовали свою вину.

— Несладко ему пришлось?

— Так он утверждал, но я не поверил его рассказам. Я считаю, что Сол заморочил ему голову.

— Он продолжал видеться с отцом?

Уолтер кивнул.

— Парень навещал его в тюрьме. Они поощряли эти визиты, воспитатели в детдоме. Полагали, что для мальчика лучше, если он будет поддерживать связь с отцом. Но Сол рассказывал сыну небылицы, он искажал правду: вроде бы поселок ополчился против него и они с мамой вынуждены были уехать. Он утверждал, что именно из-за этого его мать и умерла. Разумеется, это была ерунда, Сол получил по заслугам, но мальчик попался на эту удочку. В нем взрастили ненависть к нам, ненависть к жителям поселка, повинным, по его мнению, в несчастьях, случившихся с его родителями.

— И долго он здесь пробыл?

— Нет, не долго. Он уехал, когда понял, что больше от нас ничего не получит. С тех пор мы о нем ничего не слышали.

— А не помните, как его зовут?

— Его называли Сол. Как и отца. Как его отца.

Я невольно вздрогнула. Еще один Сол Уитчер, затаивший злобу на поселок.

Блеск в глазах Уолтера стал угасать. Наше общение его утомило.

— Уолтер, в поселке поговаривают об Альфреде. Я тут подумала...

Рука, сжимавшая мою руку, напряглась. Я ошибалась, назвав ее немощной. Старик был еще довольно силен.

— Мы сделали для Альфреда все, что было в наших силах. Никто не смог бы... Понимаете, он был нездоров. Родился больным. С годами ему становилось только хуже. Не видел, не слышал, не говорил. Но он был таким сильным! Я не мог с ним справиться. И он с Эделиной... Как я мог их остановить? Я никого не мог остановить.

Я зашла слишком далеко. Уолтер сильно разнервничался. Я, чтобы его успокоить, накрыла его руку обеими своими руками.

— Уолтер, все в порядке. Это было давным-давно. Не стоит...

— А после того... что они с ним сделали...

В палате Уолтера не было никакой медицинской аппаратуры, но я была совершенно уверена, что его пульс опасно участился, старик начал задыхаться.

— Уолтер, я уверена, что это был несчастный случай. Прошу вас...

— Я был вынужден его отослать. Нам помог доктор Эмблин. И священник. Нашли для него место. Там ему было неплохо. У них были доктора и санитары-мужчины. Они могли о нем позаботиться.

— Я уверена, с ним все отлично. Вы правильно поступили.

Дыхание Уолтера немного успокоилось. Я ждала, чтобы расслабились напряженные мышцы его лица.

— Полагаю, вы могли его навещать? — спросила я, когда решила, что опасность миновала.

Уолтер назвал психиатрическую лечебницу километрах в восьмидесяти отсюда, уже в Девоне. Я несколько раз повторила про себя название, чтобы не забыть.

— Мы ездили туда пару раз, — признался он. — Увидели, что ему там хорошо, за ним ухаживают. Даже позволили завести змею. Похоже, он тяготился нашим присутствием. Наши визиты были бессмысленны, поэтому мы перестали ездить.

— А он все еще там? Он до сих пор жив?

— Я не слышал, чтобы он умер, дорогая. Думаю, он там.

Время приближалось к одиннадцати часам утра, когда я направила свою машину в переулок, ведущий к черному ходу лечебницы Святого Франциска. Еще несколько сотен метров — и я въехала в открытые ворота, припарковала мамину машину прямо у изгороди. Вышла, закрыла ворота и припустила по аллее. До лечебницы оставалось еще несколько минут ходьбы.

Все вокруг меня, казалось, застыло. Полная неподвижность. Атмосферное давление упало, смолкли птицы, даже чайки попрятались. Где-то там, за горизонтом, сгущались тяжелые тучи — природа готовилась к буре.

Я перелезла через забор и направилась через поле, где мы держали нашего идущего на поправку оленя. Интересно, как обходилась без меня моя маленькая команда? Я очень редко куда-нибудь уезжала, а если подобное и случалось, то обычно звонила дважды в день. Раньше я так надолго не исчезала. В этот час персонал должен делать обход и кормить пациентов. Если повезет, пройду незамеченной. Держась поближе к изгороди, я направилась к пристройке с тыльной стороны лечебницы, где стояли два наших «лендровера». Запасные ключи от обеих машин и от гаража всегда болтались в моей связке.

Мне удалось открыть гараж, не подняв шума. Я выбрала «лендровер», который знала лучше, и включила зажигание. Выехала во двор, потратила драгоценное время на то, чтобы выбраться из машины и запереть ворота гаража. Если не будет вызова на спасательную операцию — а такие вызовы случались не каждый день, — то отсутствия автомобиля никто и не заметит.

Полиция уже поняла, что я упорхнула из семейного гнезда. С помощью отца — в этом я не сомневалась — полиция узнает, что я взяла мамину машину. Воспользовавшись другим автомобилем, я уменьшила свои шансы быть остановленной автоинспекторами, но все равно придется пробираться объездными путями. А это значит, что мой путь будет длиннее.

Старое здание приюта, построенное в викторианском стиле, было массивным: его стена из красного кирпича протянулась почти на сотню метров. Приют располагался в низине, со всех сторон окруженной холмами, поросшими мрачноватым буковым лесом. Даже в солнечные дни

сюда не проникал свет.

Подъезжая к приюту, я пыталась расставить по полочкам полученную только что информацию. Но мысли мои путались, словно вещи в сушильном барабане. Уолтеру что-то известно о пожаре в церкви. Вероятно, он добровольно ничего не расскажет, а у меня не хватит совести на него надавить. Но он что-то знает! Это означает, что я могу узнать подробности, если найду подходящий источник информации.

С Эделиной что-то было не в порядке. Виолетта намекала не просто на ее неразборчивость. Уолтер упоминал об отношениях между Эделиной и Арчи, но, по словам Виолетты, Эделина спала со всеми братьями Уитчер. Как она сказала? Никогда нельзя было знать, из какого дома утром выйдет Эделина.

Какой роковой сценарий! Четыре брата Уитчер: Уолтер, Арчи, Гарри и Сол, каждый жил в одном из четырех домов, принадлежащих семье Уитчер, пока дома не соединили. Эделина официально была замужем за одним из братьев, но у всех вела хозяйство и оказывала другие, интимные, услуги остальным братьям. Разве женщина — даже с большими сексуальными аппетитами — способна на такое? Разве это не указывает на болезненное сознание? На нарушенную психику сразу у нескольких людей?

Но самое важное — я узнала, что Альфред существовал. Мэт не слишком тщательно провел расследование. Альфред проскочил через паутину Мэта, и теперь его не найти.

Мне вспомнилось выражение лица Уолтера, когда он сказал: «А после того... что они с ним сделали...», и я ощутила, как меня пробрала дрожь. Но что бы они там ни сделали с Альфредом, его не убили. Уолтер, Эрнест Эмблин и викарий отправили его в лечебницу, к которой я как раз подъезжала. Уолтер навещал его. И ему не сообщали о смерти Альфреда. Вероятно, он все еще здесь. А может быть, и нет. Возможно, он вернулся в свой поселок и слоняется у своего старого дома.

Когда я припарковала машину, то почувствовала, что волнение нарастает. Вот и разгадка, скорее всего. Опасно больной Альфред, один из братьев Уолтера, с которым много лет назад случилось нечто ужасное. Я подошла к парадному входу — двустворчатые двери из старого массивного дуба, обитые железом. Они были широко распахнуты. Табличка сообщила мне, что я прибыла в государственную психиатрическую лечебницу двух графств, основанную в 1857 году. Переступив через порог, я толкнула внутренние стеклянные двери и вошла внутрь.

Мужчина в комбинезоне мыл пол шваброй с длинной ручкой, что-то напевая себе под нос. Проходя мимо него к стойке администратора, я

заметила, что он обут в комнатные тапочки. А в ведре нет воды.

За стойкой никого не было. Я огляделась, увидела звонок и нажала на кнопку. Ничего не произошло. Минуты три или четыре я наблюдала, как мужчина «моет» пол, потом опять нажала на кнопку звонка. Двери кабинета за стойкой открылись, и оттуда вышла женщина лет сорока пяти с удивительно черными волосами. В руках она держала кружку.

— Прощу прощения, — извинилась она. — Я только-только заварила чай. Не люблю пить остывший. Чем могу вам помочь?

— Я хочу навести справки об одном пациенте, — сказала я.

— Вы родственница? — поинтересовалась она, ставя чашку на стол.

Я не продумала свою легенду.

— Нет, не родственница, — выпалила я первое, что пришло в голову, — но я только что общалась со старшим братом пациента. Тот очень болен. Было бы неплохо, если бы я смогла переговорить с вашим руководством. Или с кем-то из персонала.

От пара, поднимающегося над чашкой, стекла ее очков запотели.

— Обычно мы не... — начала она.

— Я могу вам помочь? — раздался голос за моей спиной.

Я обернулась и увидела в другом конце коридора еще одну женщину, худую и необычайно высокую. Несмотря на вежливую фразу, по виду этой женщины нельзя было сказать, что она хочет помочь. Она подходила все ближе, пока не нависла надо мной. Я вновь почувствовала себя ребенком, глядящим снизу вверх на злого взрослого. Я поборола искушение отступить назад.

— Я ищу одного пациента, — сказала я, — который лечится у вас уже несколько лет. Я только что видела его брата. Мне нет нужды с ним встречаться. — Я не могла себе объяснить почему, но мне не хотелось видеть Альфреда. — Мне просто необходимо знать, что он еще жив.

Женщина нахмурилась.

— Когда наш пациент умирает, мы всегда сообщаем родственникам.

— Именно так я и думала. Но уже давно никто ничего не слышал о нем. Ему уже лет семьдесят с лишним. Единственное, что от вас требуется, — подтвердить, что он жив.

— Как его зовут?

— Альфред Уитчер.

Женщина удивленно подняла брови и покачала головой.

— Это имя мне незнакомо.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но она шагнула назад и поманила меня за собой. Открыла дверь справа по коридору, и мы прошли

в еще один коридор. Приемное отделение, в котором мы только что находились, было отделано пластиком, стены выкрашены в нежно-желтый цвет, но стены коридора, по которому мы сейчас шли, были из такого же темно-красного кирпича, что и наружная стена здания. Справа и слева, через равные промежутки были расположены двери, но ни одна не была распахнута. По всей длине потолка — лампы дневного света. Некоторые мигали, когда мы проходили под ними. Вдалеке я периодически слышала диссонирующие звуки: людские крики и стук падающих тяжелых предметов.

Мы достигли конца коридора и повернули. Слева от меня за стеклянной дверью виднелся кабинет, который и был пунктом нашего назначения. Моя высокая спутница открыла дверь, мы вошли внутрь. За столом, ссутулившись, сидел мужчина в темно-синей рубашке и брюках, пил кофе и читал газету. Когда мы вошли, он поднял глаза. Еще здесь была женщина, ниже и плотнее, чем моя провожатая, она сидела за компьютером и тоже взглянула на нас.

— Нам необходимо проверить списки пациентов, — сказала моя провожатая, не обращая ни к кому конкретно. — Никто из вас не помнит некоего...

Она запнулась и взглянула на меня.

— Альфреда Уитчера, — подсказала я.

Толстушка застучала клавишами.

— Как пишется? — через несколько секунд уточнила она.

Я произнесла имя и фамилию по буквам, и она вновь забарабанила по клавишам. Где-то в глубине здания плакал мужчина.

— Нет такого, — через пару минут сказала толстушка.

Моя провожатая посмотрела на меня — она явно была удовлетворена ответом.

— Я так и думала, — заявила она. — Я работаю здесь уже десять лет и помню большинство пациентов.

— Давайте попробуем написать по-другому, — предложила толстушка. — Иногда фамилию изначально записывают неправильно, а потом никто не удосуживается исправить.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я.

— Мы не можем искать по имени, к сожалению, программа на это не рассчитана. Жаль. Думаю, вряд ли нашлось бы много Альфредов.

— Да, имя необычное, — согласилась я. — Он должен был поступить году в 1958-м, может быть в 1959-м. Это поможет?

— Узнаем через минуту... Такого нет.

— Несколько лет назад у нас лечился Уишарт, — вмешался в разговор санитар. — Но его выписали. Его звали Рэг. Мужчина лет пятидесяти.

— Альфред значительно старше, — сказала я.

Мое отчаяние нарастало с каждым щелчком клавиши. Неужели очередной тупик?

— Зайдем с другой стороны. Я открыла список поступивших в 1958 году, — сообщила толстушка. Она не сводила глаз с экрана монитора. — Тогда больница была переполнена, много людей поступило и много выписалось.

Мы все окружили толстушку. Она подвела курсор в конец списка, туда, где начинались фамилии на «У». Уотерс, Уильямс, Уоттрен. Уитчеров нет. Никого даже с похожей фамилией.

— Ладно, посмотрим 1959-й, — не унывала девушка.

Через несколько минут мы вынуждены были сдаться. В этой больнице Альфред Уитчер не лечился. Никогда.

— Извините, что забрала у вас драгоценное время, — сказала я.

Уолтер меня обманул. Какие могут быть еще объяснения?

— А вы уверены, что обратились в ту больницу? — Я обернулась и увидела, что ко мне обращается моя провожатая.

Я кивнула.

— Уверена, что именно эту больницу назвал его брат. А здесь есть поблизости другие психиатрические лечебницы?

Моя призрачная надежда тут же рухнула под сокрушительным ударом. Собеседница покачала головой.

— Нет, поблизости нет. А тогда уж точно и быть не могло. В викторианскую эпоху приюты намеренно строили очень большими, чтобы можно было принимать больных со всей страны. В нашем случае — из двух графств. Если человек проживал в Дорсете, в 1958 году его могли поместить только сюда.

— Не буду больше отнимать у вас время. Огромное спасибо за то, что проверили.

Моя высокая провожатая, немного смягчившаяся по отношению ко мне, вела меня по коридору в обратном направлении. Откуда-то сверху доносился смех, который становился все громче и истеричнее, пока не перешел в визг. Я невольно вздрогнула.

— С непривычки жутко, — заметила моя провожатая.

— А сколько у вас сейчас пациентов? — спросила я, когда мы подошли к двери.

— Около сотни, — ответила она, открывая дверь и улыбаясь уборщику

в тапочках. — Выглядит изумительно, Эрик, отличная работа. Нам необходимо более современное оборудование, — продолжила она, вновь повернувшись ко мне, — но денег, как всегда, не хватает. Прошу прощения, больше мы вам ничем помочь не можем.

— Премного благодарна вам за то, что попытались.

— Меня зовут Роза Скотт, — представилась она, протягивая визитную карточку. — Позвоните, если еще что-нибудь вспомните.

Оказавшись на улице, я едва смогла дойти до машины — силы иссякли. Почему Уолтер меня обманул? Неужели и он виновен в смерти Альфреда? Уолтер хороший человек, но даже лучшие из нас совершают ошибки. Вероятно, произошел какой-то ужасный несчастный случай, и теперь Уолтер, как и остальные, намеренно скрывает это. Особо ни на что не надеюсь, я набрала номер приюта Паддокс.

— Мне очень жаль, — сказала дежурная медсестра, когда меня соединили. — Я же вас предупреждала, что Уолтер очень слаб.

— Что-то случилось?

— Он пока жив, но после того, как вы ушли, впал в бессознательное состояние. Нам кажется, что больше он не придет в себя.

Я не могла говорить, но медсестра понимала, что я все еще на проводе.

— Ни в коем случае не вините себя. Мы ожидали чего-то подобного уже несколько дней. Мы рады, что он повидался с вами. Хоть что-то приятное перед смертью.

Перед смертью? Неужели опять тупик? Был уже полдень, а версии таяли на глазах. Я завела машину и, не имея ни малейшего понятия, куда ехать, скорее по привычке, включила радио. Музыку я не воспринимала, слышала только, как заколачивают гвозди в крышку моего гроба.

«Полиция разослала описание местной жительницы, которую хочет допросить в связи со смертью жителя Дорсета, скончавшегося сегодня рано утром. Клара Беннинг. Рост 160 сантиметров, худощавая, волосы длинные, темно-каштановые. Левая сторона лица обезображена. Полиция просит не приближаться к мисс Беннинг, а немедленно сообщить о ее местонахождении. Человека, который скончался сегодня, звали Эрнест Эмблин, 78 лет, бывший врач. Его тело обнаружили сегодня утром в поле недалеко от его дома. Говорят, что он отправился на ночную рыбалку. Его смерть выглядит подозрительной. С полицией можно связаться по телефону...»

Как мне удавалось вести машину, не знаю. Я не могла перестать думать о том, что знакомые, услышав это сообщение, станут считать меня

причастной к смерти человека. Мой отец, сестра, коллеги по работе, Салли, Мэт... если только... Это мог сделать только Мэт. Он дал добро на объявление, он превратил меня в преступницу, которую разыскивает полиция.

Эрнест Эмблин, этот нервный, сварливый старикашка, умер. Его убили сегодня рано утром, когда я, послушавшись однозначного приказа Мэта оставаться с семьей, провела ночь в машине. У меня нет абсолютно никакого алиби.

Ради всего святого, что происходит? Три пожилых человека мертвы. Кто-то убивает их, одного за другим. А полицейские, ведущие это дело, вероятно, и не ищут виновника. Потому что считают виновницей меня.

Моя следующая поездка заняла чуть больше двадцати минут. На этот раз я прошла не через парадный вход. У меня было такое чувство, что, если я попрошу разрешения на посещение, мне будет отказано. Поэтому я обошла здание с тыльной стороны.

Удушающая утренняя жара спала. Поднялся ветер, и наконец появились грозовые тучи. Они нависли над горизонтом на западе и надвигались сюда, низкие и черные. Я дошла до знакомой части сада и проскользнула в застекленную дверь.

— Здравствуйте, Руби, — поприветствовала я женщину, сидящую в кресле возле кровати. Та испугалась.

При виде меня Руби попыталась встать. Она не сводила глаз с кнопки вызова медсестры, расположенной у изголовья кровати. Я подошла к кнопке и прикрыла ее рукой.

— Прошу прощения, — сказала я, когда она снова опустилась в кресло, — но пока не время. У меня есть к вам несколько вопросов.

Она молчала, и я подошла ближе, остановившись прямо перед ее креслом.

— Руби, людям угрожает опасность. Джон Эллингтон, Виолетта Баклер, Эрнест Эмблин — они все погибли. Не хочу вас пугать, но кто-то убивает пожилых людей, которые когда-то посещали церковь Святого Бириня. Вы обязаны мне помочь, ради вашей же собственной безопасности.

Руби, как и прежде, избегала смотреть мне в глаза. Она вся дрожала, ее испуганный взгляд метался под жиденькими ресницами. Я нагнулась, чтобы мое лицо оказалось на уровне ее глаз, заставив тем самым взглянуть на себя.

— Вы считаете, что я отвратительна, верно? Но дело в том, что мне на это плевать. У нас есть более важные темы для разговоров, чем обсуждение

моей внешности.

Руби несколько раз метнула взгляд в сторону кнопки вызова, но не сделала попытки дотянуться до нее.

— Давайте поговорим об укусах змей, — предложила я. — Вам известно, что происходит с плотью, когда в нее проникает змеиный яд? Известно? Позвольте я вам расскажу, Руби. Этот шрам на моем лице покажется пустяковой царапиной по сравнению с последствиями змеиного укуса.

Руби вжалась в кресло, пытаясь отодвинуться от меня, но пожалеть ее я себе позволить не могла.

— Сперва плоть начинает распухать, — сказала я. — Вы видели руку, похожую на воздушный шарик? Раздутую настолько, что кожа и мышцы начинают лопаться и рваться? И рука становится красной, фиолетовой и в конце концов черной. Очень часто, даже если вовремя вводят противоядие и пациент выживает, плоть продолжает отмирать. Конечность приходится ампутировать. А что, по-вашему, происходит с человеком, если змея укусила его в лицо? Каково это — иметь лицо, напоминающее надутый черный шар? Лицо не ампутируешь, Руби, можете мне поверить.

Я пыталась говорить шепотом — не хотела, чтобы кто-то из персонала, проходя по коридору, услышал меня и пришел Руби на помощь. Я еще не закончила.

— Сейчас в нашем поселке кто-то содержит чрезвычайно ядовитых змей и направляет их на людей. Яда, выделяемого при одном укусе этой змеи, достаточно, чтобы убить пятьдесят человек. Пятьдесят! У ребенка шансов выжить нет. Я знаю, вам что-то известно о происходящем в поселке. Вы можете мне рассказать некоторые подробности о событиях 1958 года. И пока вы не расскажете, я не уйду.

Она в очередной раз бросила взгляд на кнопку.

— Пожалуйста, Руби, — мягко добавила я.

Она посмотрела на меня. Пожалуй, наши взгляды встретились впервые. Потом она нагнулась. Я слышала, как хрустнули ее суставы, когда она наклонялась, увидела розовый голый череп, проглядывающий между космами седых волос. Она задрала подол ночной рубашки. У нее были худые ноги, казалось, пергаментная кожа вот-вот отслоится. Лопнувшие капилляры образовали густую сетку. Колени в синяках.

Уже не испытывая былой уверенности, я даже чуть подалась назад, но сорочка продолжала медленно, но неуклонно подниматься, открывая то, что осталось от ее сморщенных ног.

Обнажив ноги до середины бедра, она остановилась. Опять

посмотрела на меня — мне показалось, что в ее глазах горел настоящий триумф. Ее правое бедро было обычным для женщины ее возраста. А левое вообще едва ли можно было назвать бедром.

Под старческой кожей угадывались истерзанные мышцы. Казалось, что страшный зверь огромной лапой вырвал кусок ее плоти. Оставшуюся кожу натянули на рану и кое-как заштопали это место — было похоже на по-детски неловкую попытку сшить одеяло из лоскутов. Рана была старой, но местами все еще красной, даже фиолетовой. В сотню раз страшнее, чем мой шрам. К счастью для Руби, находилась она в том месте, которое несложно спрятать.

— Кто это сделал? — негромко спросила я.

Мы больше не были врагами. Как по мне, так никогда и не были, просто не сразу поняли друг друга. Она покачала головой.

— Не знаю, — ответила она. — Их были десятки. В основном коричневые. Несколько серых. С узором вдоль спины, а хвостом они издавали странные звуки. Звуки, напоминающие...

— Погремушку? — подсказала я, а сама подумала: «Конечно, а что же еще?»

Она кивнула.

— Именно. Погремушку. Мы все побежали, когда они выползли, и, должно быть, напугали их. Они были повсюду. Эта настигла меня у двери. Никогда не думала, что можно испытывать такую боль.

Я нагнулась к собеседнице.

— Мне очень жаль. Правда. Значит, вы понимаете, насколько важно то, что вы знаете. Вы должны мне рассказать, что произошло той ночью.

Она долго-долго смотрела на меня.

— Я умирала от голода, — наконец произнесла она. — Честно признаться, голода уже не чувствовала, и боли тоже, но сил совершенно не осталось. Я даже думала с трудом. Казалось, я спала стоя.

Церковь, которая морит паству голодом. Я вспомнила, отец говорил, что в церкви Позднего дождя поощряется многонедельный пост и молитва. Вспомнила о девушке, которая умерла в Южной Каролине. Она была прихожанкой церкви Арчи Уитчера.

— Но у меня было столько надежд на ту ночь! — продолжила Руби. — Я думала, что это наконец со мной случится. Я стану говорить на разных языках и смогу взять в руки змею.

Она приподнялась, вытянула шею и громко начала цитировать:

— «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и

если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы...»

— Руби!

Она опять смотрела на меня, но секунду назад выражение ее лица меня напугало. Я уже не была уверена, что имею дело с психически здоровым человеком. Но я не ушла и выслушала историю о том, что случилось воскресной ночью пятьдесят лет назад.

Воскресенье, 15 июня 1958 года.

В переулке темно, но не тихо. Все молчат, однако воздух наполнен низкими звуками, плечи задевают изгородь, камни хрустят под ногами, над головами хлопают крылья. На растущем неподалеку дереве ухаает сова. Некоторые из жителей поселка несут фонари, но их света недостаточно. Многие люди присоединяются к идущим, пока процессия медленно и неуклонно приближается к церкви.

Они идут по аллее, обсаженной липами. Самая юная из них, двадцатилетняя Руби Баклер, едва не теряет сознание после того, как ей назначили пятидневный пост. Девушка спотыкается и чуть не падает. Сзади ее подхватывают сильные руки и ставят на ноги, а потом мягко подталкивают вперед.

Каменная церковь кажется огромной. Тусклые витражи похожи на неограниченные самоцветы, за ними мелькают едва различимые огоньки. Тропинка делает поворот, процессия жителей поселка тоже поворачивает. Северные двери церкви уже распахнуты.

Прихожане, один за другим, молча переступают порог. Вскоре на скамьях не остается свободных мест. Посторонний может подумать, что здесь собрался весь поселок, но Руби знает, что это не так. Некоторые не смогли прийти, например ее подруга Виолетта, которая осталась дома присматривать за младшими братом и сестрой. Другие, и это известно Руби, никогда не придут. Даже после всего, что они видели и слышали, находились те, кто отказывался слышать истинное слово Божие. И они не хотят иметь ничего общего с преподобным Фейном.

Руби щурится, в глазах печет от дыма. Она чувствует в воздухе какой-то запах, но это не чад от свечей. Что-то резкое, незнакомое, удушающее. У входа в церковь возникает огромная фигура в черном. У Руби сосет под ложечкой. Это стоит преподобный Джоэль Морган Фейн.

— В его присутствии, в присутствии преподобного Фейна, всегда было так, — призналась Руби. — Возникало ощущение — я даже не могу это

объяснить, — как будто по телу проходит электрический ток. Почти невозможно было усидеть спокойно на месте. Хотелось вскакивать, кричать, бросаться на землю и предлагать себя Господу.

— Он был красив? — спросила я.

Руби протянула руку и взяла мою.

— Самый красивый мужчина на земле, — заявила она, и глаза ее заблестели. Большим пальцем она чертила круги на моей ладони. — Высокий и стройный, как молодой дубок. Густые черные волосы, глаза — как зимнее небо.

Я потянула руку, и мне удалось освободиться от хватки Руби. Даже мне понятна разница между религиозным экстазом и сексуальным возбуждением. Рубихватило яркое воспоминание пятидесятилетней давности.

— Он ждал, пока мы войдем внутрь, — продолжала она. — Стоял перед алтарем. Он казался воплощением духа, парящим над нами в облаках.

Руби погружалась в воспоминания. Или...

— Свет в церкви горел? — спросила я.

Она покачала головой.

— Только свечи, — ответила она, ее глаза снова заблестели. — Повсюду свечи. Там было столько дыма, что дышать было трудно. И я чувствовала еще какой-то запах. Божественный фимиам.

Никогда не слышала, чтобы пятидесятники пользовались ладаном. Неужели в церкви в ту ночь жгли какие-то галлюциногенные снадобья?

— Руби, а Уитчеры были в церкви? — спросила я.

Выражение лица Руби изменилось.

— Была Эделина, — зло сказала она. — Сидела прямо перед алтарем, скидывала голову, волосы у нее рассыпались по плечам. Я всегда считала, что она не верит, а только притворяется.

Руби наклонилась ко мне. Я едва смогла сдержаться, чтобы не отпрянуть.

— Почему господин всегда расстегивал пуговицы на ее блузке? — требовательно спросила она. — Понимаете, она всегда падала первой. И всегда возле преподобного Фейна.

Старики, похоже, солидарны в своей оценке жены Уолтера. Но меня интересовала не Эделина.

— А остальные? — спросила я. — Братья Уитчеры? Уолтер?

— Уолтер никогда не ходил в нашу церковь, — ответила она, едва заметно покачав головой. — Уолтер был хорошим человеком.

Я не сводила с нее глаз.

— А остальные? — настаивала я, прежде чем она осознает, что уже сказала. — Сол? Арчи? Гарри? Альфред?

Выражение ее лица снова изменилось, и я почувствовала, что на этот раз отпрянула она. Руби взглянула на дверь.

— Скоро принесут чай, — сообщила она. — Чай с печеньем. Две штуки, если хорошо себя ведешь.

— Руби, прошу вас, рассказывайте дальше.

Какое-то время служба идет своим чередом. Преподобный читает проповедь, прихожане молятся. Очень часто прихожане, на которых снизошел Святой Дух, вскакивают с мест и начинают выкрикивать хвалу Господу. За спиной у Руби впадает в транс Флоренс Эллингтон. Интересно, когда же лишится чувств сама Руби? Она бросает взгляд на пол — удостовериться, что в том месте, где она упадет, на холодном каменном полу лежит коврик для молитв.

Я хотела было спросить, имеет ли какое-то отношение Флоренс Эллингтон к Джону, но решила не перебивать Руби.

— И вы упали? — поинтересовалась я. — Я имею в виду, впали в транс?

Она кивнула.

— Это было несложно, — призналась она. — Особенно если пять дней ничего не есть. Делаешь глубокий вдох и задерживаешь дыхание. В глазах темнеет, и ты падаешь.

Я услышала движение в коридоре. Где-то далеко, но я почувствовала, что время мое на исходе.

— А змеи, Руби? Людей кусали змеи, ведь верно? Не только вас? В ту ночь погибли люди?

Гремучих змей держат в огромном деревянном сундуке с резным орнаментом в виде роз и листьев плюща. Лежа на полу, Руби видит, как Гарри Уитчер выносит сундук из ризницы. Руби встает на колени и заползает на скамью, молясь, чтобы на этот раз — сегодня ночью — она получила дар от Святого Духа и смогла прикоснуться к змее.

Преподобный Фейн лезет за пазуху и вытаскивает змею: метра полтора длиной, коричневую с черным узором, толстую. Со змеей в руках он движется к прихожанам. «Се, — говорит он, — даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не

повредит вам».

Голос Руби окреп, стал слишком громким. Кто-нибудь мог нас услышать и, взяв чай и два печенья, положить конец нашей бредовой беседе.

— Евангелие от Луки, глава десятая, стих девятнадцатый, — гордо возвестила она. — Вот что он говорил, когда нес змею, призывая всех, на кого снизошла сила, коснуться змеи.

Я попыталась представить, как он мог ввести нормальных, разумных людей в такое состояние, что они позволяли носить среди них гремучую змею.

— И люди брали ее в руки? — поинтересовалась я.

Руби кивнула.

— Лишь посвященные. Те же, на кого просветление не снизошло, склонив головы, молились.

«Ну конечно же», — подумала я.

— Кто еще касался змей?

Преподобный Фейн уже три месяца был с ними, и несколько жителей поселка получили дар управляться со змеями. Руби видит, как к ящику подходит Джон Доддс и запускает туда руку. Он достает змею, чуть меньше, чем у преподобного, серого окраса, и вешает ее себе на шею. Он стоит там, наслаждаясь обращенными к нему восхищенными взорами, а змея соскальзывает вниз по его телу, обвивается вокруг его правой руки. К ящику подходит Питер Морфет, за ним Реймонд Гиллард. Руби хочет посмотреть, что будет дальше, но к ней приближается преподобный Фейн. Сейчас или никогда.

Она встает, смотрит в его зимние глаза и чувствует, как по ее телу, начиная от паха, проходит электрический ток. Это и есть знак, которого она ждала. Она протягивает обе руки, преподобный наклоняется, и она уже держит в руках змею. Она ожидала, что ощутит нечто мокрое и скользкое, и удивлена, чувствуя теплое мускулистое тело змеи, которое скользит по ее пальцам. Не думая ни о чем, она смотрит на преподобного, опускает взгляд чуть ниже ремня, и что-то начинает шевелиться у нее глубоко внутри. Лицо заливают краской стыда, она возвращает змею преподобному. Он улыбается, шепчет благословение и двигается дальше. Руби падает на колени.

— Я никогда не была так счастлива, — призналась Руби. — На меня снизошел Святой Дух, благословил меня одним из своих даров. Мне

хотелось молиться, молиться и...

— Когда сбежали змеи? Когда покусали людей? Служба уже окончилась?

Она посмотрела на меня как на слабоумную.

— Вы не слышали ни слова из того, что я говорила, да? Это была не обычная служба. Это было только начало. Мы собрались, чтобы воскресить Альфреда.

— Воскресить? — переспросила я, надеясь, что ослышалась, и в то же время побаиваясь, что поняла правильно. Я вспомнила кабинет отца. Оранжевую с черным брошюру, написанную преподобным Франклином Холлом. «Формула...»

— Да, воскресить его, — повторила Руби. — Из мертвых.

Змей убрали, но забыли запереть стоявший у алтаря сундук. Питер Морфет и Реймонд Гиллард отпирают огромный деревянный люк, находящийся перед ступенями, ведущими к алтарю. Прихожане опять хранят молчание, не молятся и не читают псалмы. Все смотрят, как отпирают висячие замки, отодвигают задвижки и крышку люка. Руби вытягивает шею и видит со своего места стоячую черную воду, мерцающую при свете свечи.

Один из многочисленных подземных ручьев, текущих в поселке, наполнил недавно выкопанный бассейн для крещения. Руби наблюдала за тем, как последние три месяца здесь крестили односельчан, и ждала, когда окрестят ее. Она не может избавиться от мысли — хотя и понимает, что это богохульство, — холодная ли там вода? Живет ли кто-нибудь в ее глубинах?

Распахивается дверь в ризницу, оттуда появляется странная процессия. Первым выходит Арчи Уитчер, высокий красавец, чем-то похожий на преподобного Фейна, особенно в рясе священника. За ним — Сол Уитчер, зажав концы двух толстых жердей под мышками. Сол приближается к алтарю, и прихожане, все как один, вытягивают головы, чтобы лучше видеть. К жердям ремнями привязано старое, но добротное сделанное кресло. Теперь Руби видит Гарри Уитчера, который поддерживает жерди с другого конца. Между ними, подобно древнему королю, захваченному в плен во время сражения, сидит Альфред. От лодыжек до шеи он привязан толстыми веревками к креслу. Рот заткнут голубой тряпкой, а глаза хотя и открыты, но бегают, взгляд затуманен.

Руби крепко сжимает руки и заставляет себя продолжать молиться. Внутри у нее понемногу поднимаются тревога и страх.

Под предводительством Арчи Сол и Гарри медленно идут к алтарю,

подходят к ступенькам. Альфред пытается вырваться, натягивает веревки, которые держат его так крепко, что он едва может пошевелиться. Руби вдруг испытывает сильное желание убежать, оказаться подальше от церкви, не смотреть на то, что произойдет дальше. Она пытается молиться еще истовее, но не может вспомнить слов даже простой молитвы.

Ей все объяснили. Альфред одержим дьяволом. Поэтому он не слышит и плохо видит, поэтому издает странные и страшные звуки. Поэтому обладает странной властью над змеями. Но не власть, дарованная Господом, дает Альфреду силу держать в руках змей без вреда для себя. Так объяснил преподобный Фейн. Сила Альфреда — от Змия из райского сада. От самого дьявола.

«Отче наш, — молится Руби, — Отче наш». Если бы она могла вспомнить последующие слова молитвы, было бы не так страшно. А если она закричит, потребует, чтобы они прекратили?

Преподобный после своего появления в их поселке много раз пытался изгнать из Альфреда дьявола, но демон, сидевший в том, был силен. В прошлое воскресенье преподобный Фейн объяснил, что существует лишь один способ спасти нашего брата Альфреда — освободить его от брэнной плоти. Тогда демону придется возвратиться в ад. Потом по воле Божьей Альфред воскреснет, как воскрес Христос, и дух его будет чист и свободен. Он сможет видеть, слышать и разговаривать. Он станет избегать змей, как всякий добрый христианин. Они делают это ради Альфреда. Потому что любят его. Впервые услышав такое объяснение, Руби испугалась. Она обвела глазами церковь, ожидая, что люди начнут возмущаться. Но...

Сол и Гарри опускают кресло на пол. Демон, живущий в Альфреде, испуганно смотрит мутными, полуслепыми глазами Альфреда. Преподобный Фейн — возвышая голос, чтобы перекрыть ужасные звуки, издаваемые Альфредом, — помогает братьям, укрепляя их дух молитвой. Руби пытается молиться, но не может. Голос ее больше не слушается. Она смотрит вокруг себя, и увиденное пугает ее еще больше: совсем немногие ужасаются происходящему, как и она. Питер Морфет обхватил голову руками, Флоренс Эллингтон упала на колени и, похоже, плачет. Ее муж Джон не сводит глаз с двери. Со своего места поднимается священник Стэнси. Остальные неотрывно смотрят остекленевшими глазами на четырех мужчин, собравшихся вокруг узника возле бассейна для крещения. Прихожане бормочут слова, которые Руби больше не считает молитвой.

По сигналу преподобного Гарри и Сол наклоняются. Гарри спотыкается и чуть не падает. Они опять берутся за концы жердей. Альфред вопит, Руби хочет заткнуть уши, чтобы не слышать этих ужасных

звуков. Альфред так не может кричать, это, должно быть, демон, сидящий внутри него, — знает, что его собираются изгнать, потому что сам Альфред, бедный безумный Альфред явно не понимает, что происходит.

Гарри и Сол одновременно резко выдергивают ту жердь, что оказалась ближе к прихожанам, и Руби с ужасом наблюдает за тем, как самодельный портшез опрокидывается и Альфред оказывается под водой.

Больше его крики не слышны, но столб пузырей, вырвавшийся на поверхность, свидетельствует о том, что он продолжает вопить. Руби не в силах смотреть дальше. Она отнимает руки от ушей и закрывает лицо; вспоминает слова молитвы, просит о том, чтобы все это прекратилось, чтобы кто-нибудь положил этому конец. Они же не всерьез, не взаправду? Они же не собираются...

Но сквозь пальцы она видит. Она не может смотреть, но и не в силах оторвать взгляд. Кресло начинает бешено раскачиваться, жерди стучат о плиты. Гарри и Сол надавливают сильнее, Руби видит, как на их обнаженных руках вздуваются вены. Пузырей на поверхности все меньше. Арчи опускает Библию, делает шаг вперед, вглядывается в воду.

Руби вскакивает сместа, открывает рот.

— Прекратите! Ради всего святого, вытащите его оттуда!

Это кричит не Руби. По проходу к бассейну шагает Джим Баклер. Руби кажется, что она сейчас потеряет сознание из-за испытываемого облегчения. Встает Питер Морфет с побагровевшим лицом и присоединяется к Джону. Выражение лиц присутствующих говорит о том, что они потрясены. Некоторые озлоблены, другие разочарованы, остальные испытывают огромное облегчение.

Преподобный Фейн становится в проходе, и двоим мужчинам, бросившимся спасать Альфреда, приходится его обходить. Но Сол с Гарри — самые сильные мужчины в поселке, они уже справились со своим делом. Кресло больше не двигается, поверхность воды не пузырится.

— Умоляю, кто-нибудь, помогите нам! — кричит Питер, и Руби кажется, что она видит, как поднимается еще один мужчина.

Гарри бросает жердь. Сол что-то ему кричит, но Гарри качает головой и отступает. Эделина занимает место Гарри и вопит, когда Питер Морфет хватается за нее и пытается оттащить. Джим Баклер схватился с преподобным Фейном, они толкают и пинают друг друга, но преподобный намного сильнее, и Джиму не удастся пройти вперед. Двери в церковь с грохотом распахиваются, Руби поворачивает голову, надеясь увидеть тех, кто пришел на помощь. Но это покидают церковь прихожане, бегут отсюда в темноту.

Несколько мужчин и даже кое-кто из женщин подходят к бассейну.

Завязывается драка, Руби с ужасом видит, как кулак преподобного врезается Джиму в нос. Кровь брызжет во все стороны, и капли ее крошечными рубинами падают на каменный пол церкви.

Люди кричат. Некоторые молятся. Руби бросает взгляд на дверь и шагает в проход. Шум перекрывает высокий вой, Руби против воли оглядывается назад. Двое мужчин схватили Эделину за волосы и пытаются оттащить ее от бассейна. Эделина брыкается и лягается, воеет и настолько грязно ругается, что Руби уверена: ее тут же постигнет кара, потому что никому не дозволено произнести подобные речи в церкви и остаться живым.

Эделина высвободилась. Мужчины преграждают ей путь, не давая подойти к бассейну, разъяренная женщина оглядывается. Потом бросается вперед. Мужчины бегут за ней, но она уже добежала до сундука со змеями. Он не заперт. Она тянется к нему, дергает, и сундук переворачивается. Крышка открывается, и гремучие змеи вываливаются на каменный пол. Секунду они лежат не двигаясь, потом начинают извиваться, пытаясь найти укрытие. Раздаются новые крики. Руби бросается к двери, но какая-то бегущая женщина сбивает ее с ног.

Тело Руби пронзает боль. Она сильно ударилась спиной, упав на что-то острое. Она чувствует запах гари. Чувствует жар и понимает, что горят ее собственные волосы. Руби вскакивает на ноги, хлопает себя по голове и кричит также громко, как и все вокруг. Она видит, что загорелся один из ковров. Видит, как огонь перекинулся на деревянные скамьи. Руби мечется из стороны в сторону, бежит в конец центрального нефа, сбивая по пути еще одну стойку со свечами. Змея поджидает ее на крыльце. Она угрожающе поднимается над плитами, изгибаясь наподобие латинской буквы S. В следующую секунду у Руби мелькает мысль: какая змея красивая! И тут змея нападает.

— Спасибо, — поблагодарила я Руби. — Спасибо, что рассказали.

Я сидела на ее кровати, рядом с креслом. Правой рукой Руби сжимала подлокотник кресла, левой — мою руку. Я тоже сжимала ее руку как можно крепче, надеясь, что это поможет унять ее дрожь.

— Мне показалось, что я сгорю, — призналась Руби. — Огонь был повсюду. Все кричали, куда-то бежали. Никто не остановился, чтобы помочь. Я билась в агонии, но мне пришлось выползть самой.

— Должно быть, вы были не в себе от страха, — машинально сказала я.

Мысли разбегались. Итак, той ночью Альфред не утонул, его убили — с молчаливого согласия половины поселка. Это было последнее несчастье в череде трагических событий.

В поселке появился харизматичный, но с больной психикой человек — и взбудоражил тихую, размеренную жизнь английской глубинки своей устрашающей, маниакальной манерой читать проповеди. Паства — в большинстве своем нормальные, добропорядочные люди — увидела в этом избавление от своего монотонного существования и ухватилась за эту возможность. Она последовала за своим поводырем, и вначале дорога казалась безобидной: службы были немного волнующими, обряды — может, и необычными, но уж точно безобидными. Но постепенно путь становился все мрачнее и повернул, куда никто из них не ожидал.

В ту последнюю ночь вынужденный пост и, готова спорить на что угодно, наркотические вещества, галлюциногены, выявили самые темные уголки сущности этих людей. Я была рада узнать, что даже в этой ситуации большинство проявили человечность. Некоторые прихожане в ту ночь попытались спасти Альфреда. Другие, среди них и Руби, не решились вмешиваться, но пришли в ужас, осознав, что происходит.

Я больше не удивлялась тому, что свидетели событий, случившихся 15 июня 1958 года, не хотят о них говорить. Если бы я была тогда в церкви, я бы попыталась стереть из памяти такое воспоминание. Я понимала, почему Уолтер солгал мне. Прекрасно зная, что его братья и жена сделали с самым беззащитным членом семьи, он решил, что лучше представить все так, будто Альфреда отправили в больницу.

Рука Руби продолжала дрожать, в комнату через открытое окно стал врываться прохладный вечерний ветерок.

— Принести вам кофту? — предложила я.

Она взглянула на меня, выражение ее глаз изменилось.

— Что это было? — спросила она. — Зм...

Она запнулась. Я не сразу поняла, что она имеет в виду.

— Нет, — ответила я. — Меня не кусала змея.

Руби протянула руку и коснулась моей левой щеки. Я даже не попыталась ее остановить.

— Я так и не вышла замуж, — сказала она. — По поселку поползли слухи о моем уродстве. О ноге с отметиной. Никому не было до меня дела. После войны женихов на всех не хватало. Повезло только красавицам, таким как Виолетта и Эделина, они вышли замуж.

Руби отняла руку от моей щеки и накрыла ею мою кисть.

— Моя мама пила, — призналась я. — Она была женой архидьякона, но несмотря на это — а может быть, именно поэтому — безбожно пила. Забеременев, она на время бросила пить, но потом не смогла смириться с тем, что сидит в четырех стенах с двумя маленькими детьми. Однажды вечером она, моя сестра и я сидели в гостиной. Я была совсем крошкой, даже года не исполнилось. Она посадила меня на ковер перед камином. Она пила с самого утра, а потом... уснула.

Руби впилась в меня взглядом. Она, похоже, успокоилась, но руки дрожать не перестали.

— Думаю, Ванесса поиграла, поиграла со мной, и ей стало скучно. Она ушла в другую комнату.

За окном небо, такое голубое еще час назад, приобрело странный желтоватый оттенок — быть буре.

— А потом из кухни выскочили два маминых терьера — вероятно, сестра забыла закрыть дверь, не знаю. Собак целый день не кормили. И утром не выгуливали. Они были голодными и беспокойными. Вбежали в гостиную, услышали, какая попискиваю на ковре, и пришли в возбуждение. Понимаете, они привыкли забавляться с игрушками-пицалками. Они решили, что я игрушка. Стали катать меня по комнате... думаю, что чем громче я кричала, тем больше они распались.

— Собаки могли вас загрызть, — прошептала Руби.

— Сестра услышала мои крики и прибежала в гостиную. Она, конечно, и сама закричала, а на ее крик прибежал отец.

Это длилось всего несколько минут, но, когда отец поднял меня с пола, собаки уже изгрызли...

Я замолчала. Мне потребовалось меньше двух минут, чтобы наконец хоть кому-то рассказать, каким образом перевернулась моя жизнь. Двадцать

девять лет — и всего две минуты.

— Самое ужасное — я все помню. Я понимаю, что это может показаться ложным воспоминанием, — мне ведь было всего девять месяцев от роду. Что я могла запомнить? В детстве меня мучили кошмары, вероятно, с этого все и началось. Но воспоминания такие яркие! Я помню горячее дыхание собак на своем лице, даже ощущение, как бежит по моему подбородку их слюна. И звуки, которые они издавали, — лай и визг, ведь они все больше увлекались игрой. Я помню мать, лежащую в полубессознательном состоянии на диване. Она разговаривала с собаками, думая, что они просто играют, даже подбадривала их. Не имея ни малейшего понятия, что их игрушка — это я...

Теперь руки дрожали у меня.

— Мою сестру тоже мучили кошмары, — сказала я. — Еще долго я слышала, как она кричит по ночам. Даже сейчас она не может выносить вида крови. В тот день в гостиной все было в крови.

Я знала, что тогда и у меня, и у Ванессы остались рубцы. Но внимание семьи было всецело приковано к ребенку, пострадавшему физически. А четырехлетняя Ванесса осталась один на один со своими страхами.

— Вот она боится собак, — продолжила я, наконец осознав, куда уходит корнями этот необъяснимый, истерический страх. — А я — нет. Я собак люблю, а Ванесса даже близко к ним не подойдет. Бедняжка.

— А ты когда-нибудь жалела, что не умерла? — спросила Руби, переходя на «ты». Она вновь посмотрела на мой шрам. — Такой шрам, если ты женщина, рушит всю твою жизнь.

Я взглянула на Руби: она задала вопрос, которым я и сама неоднократно задавалась: а жалею ли я, что собаки меня не убили? И клянусь, в тот момент я увидела, как передо мной распаивается дверь; казалось, что печальная хрупкая фигурка Руби — это мое собственное будущее. Минуту-другую я смотрела на призрак того, что станет со мной через пятьдесят лет, — одинокая, нерастраченная, снедаемая горечью. И я приняла решение.

— Это всего лишь шрам, — ответила я. — Мою жизнь он не разрушит.

Оказавшись на улице, я прислонилась к боку «лендровера» и закрыла глаза. Я наконец рассказала правду о том, что со мной произошло, и поняла: придет время, и я буду рада, что сделала это. Хотя пока я не чувствовала ничего, кроме усталости. Особенно потому, что, чем больше я узнавала, тем меньше понимала. Я все-таки узнала правду об ужасном пожаре в церкви. Но это случилось давным-давно. Даже если кто-то

захотел отомстить за то, что сделали с Альфредом, даже если этот человек имел достаточно оснований, зачем было ждать пятьдесят лет? Кому это надо? Его невестка и двое из четырех братьев умерли, о третьем вот уже много лет ничего не слышно, оставшийся, четвертый, уже сам на пороге смерти.

Не стоит ходить вокруг да около. Я не могла найти связь между настоящим и прошлым, и я оставалась главной подозреваемой.

Я забралась в машину и поехала. Я не знала куда, но мне просто необходимо было двигаться. Держалась дорог «Б», где могла, ехала прямо по полям; так прошел час. Я пыталась понять, что мне предпринять дальше, но была не в силах не думать об ужасной истории, которую только что поведала мне Руби.

Мы, по-видимому, никогда не узнаем, что привело сюда преподобного Фейна: то ли он бежал из Соединенных Штатов, то ли им двигал религиозный пыл нести свои идеи в другие уголки мира. Но его появление в результате погубило тех людей, которые приняли его с распростертыми объятиями. Даже через пятьдесят лет происшедшее тогда вызвало во мне волну гнева. Я знаю харизматичных священников, мой отец сам принадлежит к их числу. Успех священника у паствы во многом зависит от его личности. Но я никогда раньше не слышала, чтобы священник использовал свой дар в таких губительных целях.

Благодаря подробному рассказу Руби я ясно представила себе Джоэля Фейна: молодой, красавец, высокий, загадочный, с холодными голубыми глазами. В рясе священника — внушительная фигура у алтаря. Пятьдесят лет назад его звучный голос с мелодичным алабамским акцентом звучал необычно для жителей Дорсета. И, если честно, его физическая привлекательность особенно меня раздражала. Джоэль Фейн был высок и красив и пользовался этим, зная, что его внешность помогает затягивать доверчивых прихожан в темные глубины.

Я стала главным подозреваемым в деле об убийстве в основном из-за своей внешности. А вот Джоэлю Фейну все поклонялись и уважали его. Даже Руби, жизнь которой была исковеркана в результате действий Фейна, до сих пор вспоминает о нем с любовью. А еще Эделина, темноволосая красавица, пользовавшаяся своей красотой для удовлетворения необузданной страсти. И Арчи, который унаследовал, как и Эделина, семейные гены привлекательности. Я так старалась всю свою жизнь не завидовать людям, чья внешность облегчает им жизнь, но...

Внезапно меня осенило, причем непонятно почему.

Я связывала моего незваного гостя с семейством Уитчеров большей

частью из-за его внешности: среднего роста и комплекции, крупные резкие черты лица, чуть отвисшая челюсть, тусклые глаза, редкие остатки волос вокруг макушки. Уолтер, Гарри и Сол в молодости были похожи и, вероятно, остались похожими и в старости. Но не все Уитчеры имели такую внешность. Арчи и Эделина выглядели абсолютно иначе: высокие, атлетически сложенные, темноглазые красавцы, их даже не портил чуть крючковатый нос.

Я остановила машину, свернулась с картой и поехала дальше.

А что, если Сол Уитчер-младший, мальчик, которой остался сиротой в девять лет, когда мать убили, а отца посадили в тюрьму, вернулся? А что, если он жаждет отомстить всем тем, кто изгнал его родителей из поселка, кто, по крайней мере по его мнению, раскрутил маховик событий, приведших к тому, что он осиротел и был помещен в детский дом, где царили жестокость и насилие? Сол Уитчер-младший может быть психически нездоров и опасен. И у меня есть предположение, кто он на самом деле.

Я заехала в близлежащий городок и нашла публичную библиотеку. Когда я вышла из машины, накрапывал дождь. Библиотекарь обслуживала читателей, когда я прошла мимо ее стола, и, казалось, не заметила меня. Я нашла компьютеры, предназначенные для общего пользования и имеющие выход в Интернет. Запустила поисковую систему, набрала имя, пришедшее мне на ум. Нашлось несколько ссылок, включая информацию о нефтедобывающих компаниях и разработке месторождений. Эти компании принадлежали человеку, которого я искала. Южноафриканская компания, владеющая контрольным пакетом акций, сообщила скудные сведения о своем основном акционере, особенно о его личных данных. Но мне удалось отыскать несколько газетных публикаций, в которых выражалась обеспокоенность вопросами, касающимися защиты окружающей среды и условий труда на многочисленных предприятиях холдинга.

Никаких упоминаний о его детстве и юности. Лишь краткая справка о том, что он женился на коренной жительнице ЮАР и получил гражданство этой страны. Я узнала, что он владеет нефтедобывающими компаниями в Анголе, Нигерии, Нигере, Ливии и Южно-Африканской Республике. Эти предприятия специализируются на повторной разработке недр там, где не повезло его предшественникам, используя новейшие технологии. Если наличие нефти подтверждалось, он получал лицензию на бурение, а потом либо сам разрабатывал месторождение, либо продавал свои права более крупным нефтяным компаниям. Кроме нефтедобывающих компаний ему принадлежали несколько шахт в Австралии, на Тасмании и в Папуа-Новой

Гвинее.

Папуа-Новая Гвинея.

В последние годы, имея на счетах миллионы долларов, он увлекся парусным спортом, ходил на яхтах на дальние расстояния. Он совершил несколько одиночных кругосветных плаваний, став чем-то вроде звезды в кругу яхтсменов. Шон был уверен, что яйца тайпана не могли прибыть в Англию по воздуху. Он призвал проверить наземные маршруты, небольшие коммерческие суда и частные яхты.

По словам Уолтера, сын Сола и Элис эмигрировал. Если Сол Уитчер-младший и человек, сведения о котором я изучаю, — одно и то же лицо, значит, он вернулся с достаточным количеством денег, имея довольно высокий статус, чтобы гарантированно влиться в общество, ненавидеть которое имел веские причины.

Я сидела и размышляла. Его брак с местной жительницей позволил ему получить гражданство ЮАР. После брака относительно несложно изменить имя и фамилию законным порядком. Спустя несколько лет явиться сюда — с новым именем и национальностью, с новым акцентом: кто узнает в преуспевающем бизнесмене того мальчишку, который и приезжал-то всего на пару дней?

Меня посетила еще одна мысль. Я ввела в поисковую систему запрос о бракосочетаниях. Было несколько компаний, которые предлагали осуществить за вознаграждение поиск записей актов гражданского состояния. У меня была с собой кредитная карточка, и после небольшой заминки (пока регистрировались мои данные) я набрала: «Сол Уитчер, 1957 год».

Через десять секунд я уже просматривала список людей с фамилиями, начинающимися на «Уит», которые зарегистрировали брак в 1957 году. На первой странице я ничего не нашла, поэтому перешла на вторую. На третьей обнаружила то, что искала. 13 апреля 1957 года Сол Клайв Уитчер, уроженец Дорсета, женился на Элис Оливии Вентри, дочери Грэма Вентри.

Девичья фамилия Элис — Вентри, второе имя Сола — Клайв. Клайв Вентри, владелец местного особняка, миллионер, который выбился из низов, известный яхтсмен — урожденный Сол Уитчер.

Значит, Сол Уитчер вернулся в поселок, где жили его родители, под новым именем и никому не сообщил о своих корнях. Я распечатала несколько страниц, выключила компьютер и выбежала на улицу под проливной дождь. На улице было шумно: разбрызгивая лужи, по дороге неслись машины, а по тротуарам, укрывшись под зонтиками, спешили пешеходы. Мне нужно было время, чтобы успокоиться, привести в порядок мысли. Я побежала к машине, села за руль и рванула с места.

Проехала пару километров до следующего городка. Вероятно, повинувшись инстинкту или в силу привычки, направилась к колокольне, что возвышалась над крышами домов, и обнаружила, что уже выезжаю из города в сторону побережья. Я остановилась на маленьком пяточке перед церковью, почти у самого обрыва. За исключением моего «лендровера» и старенького голубого «Форда Фиеста», на парковке машин не было. Я не стала выключать радио, прежде всего потому, что хотела узнать, как продвигается расследование по делу об убийстве Эрнеста Эмблина. Хотя я и так знала, что полиция пока не обнаружила свою главную подозреваемую.

Обо мне — ни слова. Вместо этого в новостях сообщалось, что на всем юго-западе погода сильно ухудшится. По всей территории ожидаются штормы и ливни. Уже в нескольких городах и поселках пострадали линии электропередач; как и предсказывали, некоторые реки вышли из берегов, дороги были заблокированы поваленными деревьями, а людям советовали по возможности не выходить из дому.

Не успела я набрать номер, как на том конце уже взяли трубку.

— Мэт Хоар.

— Это Клара.

Собеседник резко вдохнул.

— Ты хоть, черт возьми, понимаешь... — Он запнулся. Я слышала, как он дышит, и ждала продолжения. Наконец он спросил: — Ты где?

— Неподалеку. Пожалуйста, выслушай меня. Дай мне пять минут.

И Мэт, надо отдать ему должное, поступил так, как я его просила. Он слушал, не перебивая, пока я рассказывала о встрече с Уолтером, о моей неудавшейся попытке найти Альфреда в психиатрической клинике. Я описала, как смогла, то, что произошло 15 июня 1958 года, в ночь убийства Альфреда, — со слов Руби. Выложила все, что узнала о Клайве Вентри (он

же Сол Уитчер), о том, как над ним, по-видимому, издевались в детском доме.

— Он винит жителей поселка в том, что они изгнали его родителей, — сказала я. — В ту ночь в церкви были десятки людей, но остальные, похоже, изменили свое отношение к братьям Уитчер, им пришлось...

— Клара...

— У Клайва Вентри есть предприятия в Папуа-Новой Гвинее. Змее, которую мы поймали, месяца четыре. Обычно тайпаны вылупливаются из яиц через два месяца. Если держать яйца в прохладном месте, кладка может пролежать сотню дней. Вернемся на семь месяцев назад, и, держу пари, мы выясним, что Клайв наведывался на одно из своих предприятий в Папуа-Новой Гвинее.

— Клара, замолчи!

Я замолчала.

— Я хочу знать, где именно ты находишься.

Я сказала.

— Хорошо, я высылаю за тобой человека. И не смей двигаться с места.

— Только не Таскера. Он считает, что Виолетту убила я. Я вернусь в поселок и сама сдамся полиции.

— Лучше слушай, что я говорю. Мы получили результаты графологической экспертизы завещания Виолетты. Писала не она и не ты. На бумаге имеются отпечатки пальцев Виолетты, но не в тех местах, где должны быть, если бы она просто держала завещание в руках. Похоже на топорную попытку тебя подставить. Но неужели преступник считает, что его обман не раскроют?

— А мои отпечатки?

— Их нет. Тому, кто украл у тебя бумагу, не повезло. Нам удалось снять с документа отпечатки пальцев еще одного человека. Бумагу держал кто-то третий.

Я дышала с трудом. Неужели все кончилось?

— Мы также получили заключение патологоанатома, — продолжил Мэт уже тише. — В ее крови обнаружена высокая концентрация яда гадюки, но умерла она от удушья. Ее задушили подушкой.

Молчание. Я слышала, как он дышит на том конце провода. Вероятно, он тоже слышал мое дыхание.

— Ты как, держишься? — спросил Мэт.

— Да.

— Это еще не все. Похоже, перед смертью она сопротивлялась. Под ногтями у нее обнаружены частички кожи. Нам удастся получить ДНК

убийцы. И у того, кто это сделал, на теле остались заметные царапины.

Сразу после ареста меня осматривали врач и женщина-полицейский. На моем теле обнаружили множество царапин — у меня их всегда полно, — но ни одна из них не была оставлена ногтями человека. Результаты ДНК снимут с меня все подозрения. Мэт продолжал что-то говорить. Мне с трудом удалось сосредоточиться.

— Эрнеста Эмблина обнаружил его сын около полуночи. Тело старика лежало на берегу реки. Эмблин захлебнулся, но патологоанатом обнаружил у него на плечах синяки. Кто-то силой удерживал его голову под водой. — Мэт помолчал, потом вновь заговорил, в его голосе звучал металл. — Как я понимаю, у тебя на вчерашний вечер имеется алиби.

— Да, я была... — Я запнулась.

— У Шона Норта. Я знаю. Он помогает нам в расследовании с самого утра. Но разве я не говорил, чтобы ты держалась от него подальше? — Мэт повысил голос, он едва не кричал на меня.

— Его подозревают?

Очередная пауза. Глубокий вдох.

— К сожалению, нет. До твоего приезда он целый час общался по телефону с режиссером своей телепередачи. После твоего отъезда звонил в Австралию. В телефонной компании подтвердили, что оба звонка он сделал из своего дома. Он никак не мог находиться возле Эмблина, когда на того напали. А теперь слушай, у меня мало времени.

Мэт куда-то шел. Я слышала шорох гравия у него под ногами и вой ветра в кронах деревьев. Хлопнула дверца машины.

— Я негласно уже некоторое время присматриваюсь к Клайву Вентри, — признался Мэт. — Он владелец нефтедобывающей компании, которая год назад обратилась к правительству за разрешением провести разведочное бурение в разных местах вокруг поселка. Очевидно, когда-то давно тут уже проводились разработки, и его компания решила их возобновить. У меня под ногами, возможно, находится 600 миллионов баррелей^[16] нефти — самое большое прибрежное нефтяное месторождение в Европе.

Я услышала звук мотора, шорох шин по камешкам.

— Ему дважды отказывали, — продолжал Мэт, — в основном из-за сильного сопротивления местного населения. Но Клайв, похоже, не из тех, кто легко сдается. Он уже скупил много земли. За этими письмами с предложениями продать землю, которые мы все получаем, стоит его компания. Мы также полагаем, что его прихвостни запугивают население. Все эти хулиганские выходки, обрезанные телефонные провода и так далее.

Мы считаем, что он пытается как можно больше усложнить жизнь людям, чтобы они продали свои участки земли и...

— Чтобы сопротивление наконец ослабло, — закончила я за него. — Аллан Кич и компашка его брата работают на него, да?

— Мы так предполагаем. Мы обнаружили у них в гараже что-то вроде притона. Похоже, там собирается вся компания. Обнаружили там краску, которая очень похожа на ту, что ты недавно отдирала со своей входной двери. И двух ужей в ящике. По-видимому, именно эти ребята подбрасывают змей в дома.

Подростки берут в руки змей, не говоря уже о тайпане, и змеи их не кусают? Подростки убили трех стариков? Я вздохнула с облегчением, поскольку уже не была главной подозреваемой, но подростки — маловероятно!

— Я не подозревал, что Вентри как-то связан с Уитчерами, но, если ты права, это в корне меняет дело. Ладно, я еду на радио. За тобой через десять минут приедут.

— Ой, пожалуйста, давай я поеду домой. Обещаю, что отправлюсь прямо в поселок.

— Это невозможно. Час назад проклятый дуб-великан упал прямо на дорогу. Сегодня никто не попадет в поселок и никто не выедет из него.

— А ты где сейчас?

— В поселке. Я только что ездил туда, посмотрел, можно ли убрать дерево. Никак нельзя. Потребуется мощное подъемное устройство. К счастью, Вентри тоже здесь. А поскольку его вертолет не может взлететь при таком ветре, он застрял в поселке на неопределенное время. И не спорь. Я прикажу, чтобы тебя никто не допрашивал, пока я сам не приеду в участок. Возможно, тебе придется ночь провести в камере. Мне очень жаль, но тебе это, черт возьми, послужит уроком — не надо было сбегать.

— Ладно, — согласилась я, поняв, что улыбаюсь.

Я убеждала себя, что улыбаюсь потому, что больше не являюсь подозреваемой. В любом случае, я так устала, что провести ночь в камере не считала большой проблемой. Я усну, как только захлопнется дверь.

Еще одна секундная пауза, потом я поняла, что у меня сперло дыхание.

— Я рад, что с тобой все нормально, — сказал Мэт. — До скорого.

В трубке щелкнуло, и голос Мэта исчез, связь оборвалась.

Я сидела в машине; из-за проливного дождя, который застил лобовое стекло, ничего не было видно, и каждые несколько секунд в кузов автомобиля ударяли резкие порывы ветра. Прошло десять минут, но

патрульная машина за мной так и не приехала. Глаза у меня стали закрываться. Мне казалось: все наконец закончилось. Остались, конечно, кое-какие мелочи, но пусть этим займется полиция. Это не моя работа, меня это не касается. Я могу вернуться к своей размеренной жизни, лечить раненых животных, прятать лицо от людей.

«Это всего лишь шрам».

«Я рад, что с тобой все нормально. До скорого».

Мои глаза открылись. Двадцать пять лет я возводила вокруг себя стену, которую считала нерушимой и неприступной, как стена крепости. Но события последних дней развалили ее, словно динамит — песочный домик. Двадцать пять лет я играла с судьбой в прятки, но жизнь в конечном счете меня настигла. Нет, даже больше того. Жизнь схватила меня за шкуру и вытянула, упирающуюся и сопротивляющуюся, на дневной свет. А теперь... неужели я снова нырну в тень?

Прошло двадцать минут с тех пор, как Мэт закончил говорить по телефону, — ни намек на патрульную машину. Я решила, что у патрульных из-за бури работы выше крыши, но вскоре они все же за мной приедут.

Я отогнула солнцезащитный козырек над водительским сиденьем и посмотрела в зеркало, которым раньше никогда не пользовалась. И долго, пристально разглядывала свое лицо — впервые в жизни настолько придирчиво.

Не такое уж оно и страшное. Я не была красавицей (но все равно спасибо, Шон), да и хорошенькой меня не назовешь (спасибо, Виолетта, на добром слове), но реальность, если говорить откровенно, не имела ничего общего с тем уродливым чудовищем, которое я сама придумала. Со времени последней пластической операции прошло десять лет, но наука не стоит на месте, возможно, сейчас врачи могли бы сделать больше. И я смогу купить пристойную одежду, в которой Милдред, тетушке Мэта, не стыдно было бы и в гроб лечь. При этой мысли я уже улыбалась своему отражению — чего тоже никогда не делала раньше. Может, стоило бы и косметику купить. Черт возьми, я даже пойду к Шону на телепробы!

От стука в окно я вздрогнула. Обернулась, надеясь увидеть полицейского в форме, боясь, что это может оказаться Таскер, но не сомневаясь, что смогу поставить его на место. Но увидела я худого пожилого мужчину в мокрой голубой куртке поверх мокрого черного костюма. Намокшие пряди редких волос прилипли к лицу. Я перегнулась через сиденье и открыла дверцу со стороны пассажира.

— Клара! — сказал он, глядя на меня. — Вы хотя бы понимаете, что

полстраны вас ищет?

Я обернулась и еще раз взглянула на голубой «Форд Фиеста», припаркованный неподалеку. Если бы я пригляделась получше, когда приехала, тут же узнала бы машину. В конце концов, я ведь находилась возле церкви! Преподобный Персиваль Стэнси, вне всякого сомнения, навещал одного из своих коллег.

— Почему вы меня обманули? — спросила я, выпрямляясь и глядя ему прямо в глаза. Я всегда считала этого маленького, одетого в черное старика милым, старомодным, возможно чуть эгоистичным, но в целом хорошим человеком. Мое мнение теперь изменилось. — Зачем вы сказали, что вас не было в поселке в 1958 году? Вы были в церкви в ту ночь, когда она сгорела. Мне рассказала Руби. Она видела, что вы сидели в задних рядах.

Преподобный Персиваль Стэнси вздохнул.

— Кажется, дождь стихает, — сказал он. — Может, немного прогуляемся, дорогая?

Я вылезла из машины, нашла свою куртку. Мне не показалось, что дождь стихает, скорее наоборот, но было наплевать. Персиваль жестом пригласил следовать по дорожке, усыпанной гравием, к вершине утеса. Я пошла за ним. Неужели я еще не все знаю?

— В 1958 году я был приходским священником, — начал преподобный Перси, когда мы подошли к невысокой стене, отделявшей парковку от каменистой дорожки, идущей вдоль края утеса. — Кажется, здесь есть ворота.

Мы повернули и пошли вдоль стены.

— Я жил тогда не в поселке, — продолжал он. — Мой приход находился в пятнадцати километрах от него. Услышал о преподобном Фейне, и мне стало любопытно. Поэтому однажды вечером я сел на велосипед и посетил его службу.

Мы подошли к воротам. Персиваль открыл их и жестом предложил мне пройти. Я секунду поколебалась. Край утеса был так близко, а поверхность неровная, каменистая. Совсем неподходящее место для прогулки семидесятилетнего старика. Особенно в такую погоду.

— Это было 15 июня? — спросила я.

— Нет-нет, несколькими неделями ранее. Проходите, моя дорогая.

Я вышла за ворота, стараясь держаться поближе к стене. Хотя я уже и не главная подозреваемая, меньше всего мне хотелось бы объяснять полицейским, почему пожилой священник, находившийся в моей компании, разбился насмерть.

— В церкви царил истерия, — рассказывал Перси. — Люди кричали,

размахивали руками, что-то несвязно бормотали и громко пели. На мой взгляд, полнейший абсурд. Я доложил об этом своему начальству, которое попросило меня приглядеться к этой церкви. Поэтому я стал ездить туда пару раз в месяц, чтобы мы знали, что там происходит.

— И что вы скажете о преподобном Фейпе?

Перси переместился ближе к стене, оттеснив меня к краю обрыва. Взял меня за руку, и мы пошли дальше. Капли дождя закатывались мне за шиворот, а из-за сильного ветра слов было почти не разобрать. Однако Перси, казалось, не замечал непогоды.

— Очень сильная личность. Яркая индивидуальность и настоящий красавец. Я считал, что он имел на людей огромное влияние, невзирая на то, представлял он силы добра или зла.

— И на чью сторону он встал?

Преподобный Перси вздохнул.

— На сторону зла, конечно. Такие люди всегда выбирают зло.

— Но, похоже, он повел за собой весь поселок. — Мне показалось или преподобный Перси действительно чуть сдвинулся влево, подталкивая меня к краю обрыва?

— Нет, нет. Я бы сказал, гораздо меньше, чем половину поселка. Но прежде чем винить этих людей, вспомните, что им пришлось пережить затяжную чудовищную войну. А тот, кто был постарше, пережил даже две войны. Проповеди Фейна поражали, он говорил о знамениях, предвещающих конец света, о том, что мы живем на этой земле последние дни, но тогда его речи звучали убедительно. Фейн утверждал, что он последователь Илии-пророка — из тех праведников, которых Господь послал на землю, чтобы привести своих настоящих детей в царство Божие. По его словам, у него были свои причины приехать в Англию. Он считал себя живым святым. Должен признаться, его слова можно было принять за чистую монету.

Мы остановились. Быстрый взгляд налево — и я поняла, что стою всего в полуметре от обрыва.

— Когда умирают миллионы людей, — продолжил Перси, — не нужно быть слишком религиозным, чтобы увидеть знамения Апокалипсиса.

— Я понимаю, что тогда было совсем другое время. Но зачем голодать по многу дней? Брать в руки ядовитых змей? Как церковь допустила такие вещи?

— Церковь и не допускала, но нам приходилось действовать осмотрительно. Он не нарушал английских законов. В приходе не было священника, и жители поселка имели право проводить богослужения в

помещении церкви.

Преподобный улыбался, но как-то грустно, и отводил взгляд. Подымался ветер, и мне стало очень неуютно у края высокого обрыва.

— И что вы сделали? — спросила я, размышляя над тем, как бы мне отодвинуться, чтобы это не выглядело глупо.

Стэнси стоял слишком близко ко мне и постепенно придвигался все ближе и ближе.

— Мы написали своим знакомым в Соединенные Штаты, пытаюсь узнать побольше о Фейне. В то время во многих штатах было запрещено укрощение змей, и мы задавались вопросом, не нарушил ли он закон и не поэтому ли находился в бегах.

— Вы писали письма, — укорила я его, не удержалась и оглянулась. Мне в лицо ударил порыв ветра. — А пять человек погибли.

Стэнси схватил меня за плечо.

— Мы не могли предположить, что все пойдет так далеко. В ту ночь события вышли из-под контроля.

— Еще бы! — воскликнула я, отступая от края обрыва. — Вы понимаете, что каждого, кто находился в ту ночь в церкви, можно считать соучастником убийства?

Стэнси замер.

— Господь с вами, о чем вы говорите?

— Альфреда убили, — заявила я. — Ни один здравомыслящий человек не мог всерьез верить, что можно убить человека, а потом воскресить его из мертвых.

— Думаю, вы... — Он шагнул ко мне.

Я отступила к стене.

— Я знаю, что вы и еще кое-кто пытались остановить происходящее, но, ради всего святого, как вы допустили это?

— Клара...

Я прижалась спиной к кустам утесника.

— Вы позволили связать и утопить психически больного человека.

— Что именно вам рассказала Руби?

Стэнси приблизился. Чтобы обойти его и куст, мне пришлось ступить почти на край утеса.

— Что сделали с телом? — спросила я. — Он похоронен где-то на церковном кладбище? В безымянной могиле?

В этот момент земля поехала у меня из-под ног. У меня внутри все похолодело, когда я начала соскальзывать вниз. Я слышала, как далеко внизу осыпаются камни. Я взмахнула руками и ухватилась за Перси. С

удивительной для такого немолодого человека силой он схватил меня за руку и потянул на себя. На секунду мне показалось, что все, конец. Но все же мои ноги нащупали что-то твердое, я оттолкнулась и навалилась на священника.

Мы оба упали на невысокую каменную стену. Ни один из нас не мог говорить, мы пытались отдышаться. Первым заговорил Перси.

— Похоже, не очень хорошая идея — прогуляться здесь, — сказал Перси. — Давайте вернемся к машинам.

Мы опять прошли в ворота, и мне наконец удалось восстановить дыхание.

— Когда вспыхнул пожар, многие убежали, — рассказывал Перси, но оборвал свою речь — его стал душить приступ кашля. — Нам с Эрнестом Эмблином удалось пробраться к алтарю, к бассейну для крещения. Мы вытащили Альфреда и освободили его.

Я опять схватила Перси за руку.

— Он был...

— Он уже не дышал. Эрнесту не удалось нащупать пульс.

Я сама едва дышала, но не осмеливалась перебить.

— Эрнест показал, как делать массаж сердца. А сам принялся делать искусственное дыхание. Сейчас это называется «сердечно-легочная реанимация». А вокруг нас горела церковь.

Я пыталась представить происходящее: жар, треск пламени, крики и стоны. Перси накрыл мою руку своей ладонью.

— Иногда мне кажется, дорогая, что, если я попаду в ад, уже ничему там не удивлюсь, — признался он. — В ту ночь я побывал в аду.

— Вы его спасли? — выдавила я после минутного молчания.

— Да. Через несколько минут он глубоко вздохнул, изо рта хлынула вода. Нам удалось вынести его из церкви, отнести домой. Видите, Клара, можно сказать, что мы тогда все же воскресили человека из мертвых.

— А что произошло потом?

— О нем позаботился Уолтер, устроил в какую-то больницу. Очень предусмотрительно с его стороны. Солу и Гарри настоятельно рекомендовали подыскать другое место жительства. Арчи уже уехал, больше его никто никогда не видел, но он прислал деньги, чтобы оплатить надгробие на могиле преподобного Фейна. Эделине разрешили остаться — из уважения к Уолтеру. И с тех пор больше никто не вспоминал о той ночи. Думаю, многие считают, что Альфред на самом деле умер.

Мы подошли к стене, и мне пришлось отпустить руку Перси.

— Вскоре пришло письмо из Штатов, — продолжил он. — Разумеется,

было уже слишком поздно.

— И что же в нем сообщалось?

— Ужасная история. Джоэля Фейна судили за убийство собственного отца. По-видимому, Фейн-старший застал своего сына, уже тогда посвященного в сан, на церковном погосте. Тот с другими служителями своей церкви раскопал свежую могилу. Сразу было понятно, что они собирались делать. По крайней мере пытались. Отец потерял голову, набросился на сына, запер его в доме. А потом отец пропал. Его нашли через неделю — в запертой лачуге в чаще леса.

— Мертвым? — спросила я.

— Мертвым. Его заперли там с гремучей змеей. Смерть его была долгой и мучительной.

— Фейн предстал перед судом?

— Он настоял на том, что будет защищать себя сам. В те дни только об этом и говорили. Обвиняемый постоянно ссылаясь на Цицерона, на его первый суд, когда известный римский философ и оратор защищал молодого человека, которого обвиняли в подобном преступлении.

— В отцеубийстве?

— Именно. Известно, что Фейн считал себя знатоком античности. Как бы то ни было, мать Фейна наняла адвоката, пытаясь убедить суд, что ее сын невинен. Если бы его признали виновным, то его ждала бы казнь на электрическом стуле. Вероятно, мать считала, что единственный способ спасти сына — признать его невинным. Должно быть, им повезло, потому что Фейна перевели в соответствующую лечебницу, откуда он сбежал. Считали, что ему помогла сбежать мать, что она где-то прятала сына. Но, как мы уже знали, сына она не прятала, а лишь помогла ему уехать в Англию.

Фейн убил собственного отца! И такой человек имел власть над целым приходом!

— Если бы мы узнали об этом раньше, — сказал Перси, — мы бы спасли тех троих, что погибли вместе с ним. Хотя не могу избавиться от мысли, что Альфреду все это пошло на пользу. Ему была просто необходима помощь специалистов.

Я покачала головой.

— Нет-нет. Все равно не вижу никакого смысла.

Мы пришли на парковку. Я остановилась и повернулась лицом к священнику.

— Уолтер не умер, — сообщила я.

Перси удивленно посмотрел на меня.

— Он жив, — подтвердила я. — Я видела его сегодня утром. Он сказал, что отправил Альфреда в психиатрическую больницу, — это сходится с тем, что вы мне рассказали, — но я ездила туда, к ним никогда не поступал больной Альфред Уитчер. Они проверили все записи с 1958 года. Проверили тщательно. Никакого намека на пребывание Альфреда.

Перси выглядел раздражающе спокойным.

— Конечно, не нашли. Но, тем не менее, он там. Раньше и я туда ездил, навещал его.

— Я не...

— Фамилия Альфреда — Додвелл. Он Уолтеру не родной брат. Он брат Эделины.

— Додвелл? Фред Додвелл? Вы его имеете в виду?

Фред? Альфред! Вот оно что! Я никак не могла сосредоточиться на дороге, поэтому свернула с главной дороги и остановилась.

— Да, думаю, да, — сказала я, держа телефон у уха, и заглушила мотор. — Прошу прощения, что сегодня угром отняла у вас время. Возникло недоразумение. Значит, вы знаете Фреда Додвелла?

— Конечно! Я бы сразу ответила вам, если бы вы назвали правильную фамилию. Кто не знает Фреда?! Он поступил сюда в начале шестидесятых годов, живет здесь дольше нас всех, а может даже...

— В 1958 году? — негромко подсказала я.

— Возможно, — согласилась она.

— Значит, он все еще у вас? Он все еще... — Я с трудом подбирала слова. Молилась только о том, чтобы она сказала, что Альфред тихо скончался несколько лет назад. Но я знала, что она так не скажет. На другом конце провода повисло молчание. Я сидела, слушая шелест листьев на ветру. Ветер все крепчал.

— Миссис Скотт? — позвала я.

— Понимаете, существует такое понятие, как врачебная тайна. Единственное, что я в таких случаях могу сообщить, — это то, что мистер Додвелл поступил к нам и до сих пор является нашим пациентом. Но вам будет необходимо получить разрешение на посещение.

— Я понимаю. — Я ждала, чувствуя, что ей есть что добавить.

— Не могли бы вы объяснить, почему интересуетесь этим пациентом? — наконец спросила она.

Я на секунду задумалась. Что я теряю, говоря правду? Или, по крайней мере, половину правды?

— В поселке видели странного человека, — призналась я. — В том доме, где мистер Додвелл жил до поступления в лечебницу. Кто-то вламывается в дома, в том числе и в мой дом. Я видела этого человека и, кажется, узнала.

— Вы знакомы с Фредом?

— Нет, нет. Я считала, что видела другого мужчину, которого зовут Уолтер. Но Уолтер и Фред — двоюродные братья. Возможно, они похожи.

Роза Скотт молчала.

— Возможно, он живет в своем старом доме, — продолжала я. — Он

пугает людей, даже причиняет им вред.

Я помолчала.

— Этот Альфред — Фред — он помешан на змеях, — добавила я.

— Ох!..

Я ждала. Пожалуй, довольно долго.

— Миссис Скотт! — позвала я. — Вы меня слышите?

— Вы можете к нам приехать?

Времени у меня не было. Чтобы добраться до лечебницы, понадобится не меньше часа. Если существует хотя бы небольшая вероятность того, что Альфред все еще жив, я должна сообщить об этом Мэту.

— К сожалению, нет. Мне нужно кое с кем переговорить. У вас есть что мне сообщить? Это может как-то помочь?

Она помолчала.

— Ладно, — в конце концов протянула она. — При сложившихся обстоятельствах, я думаю, мы можем немного нарушить правила. Фреда поместили в лечебницу, когда он был еще молодым мужчиной. Эта лечебница — для него весь мир. Согласно истории болезни, его доставили сюда в ужасном состоянии. Докторам так и не удалось установить истинную причину его заболевания.

— Я понимаю, — сказала я, а сама подумала: «Я и сама не сразу об этом узнала». И продолжила, не обращая внимания на холодок под ложечкой: — Кажется, он был инвалидом. Мне сказали, что он был слепым, глухим и немым. И что он был... как бы это сказать... умственно отсталым.

Мой голос оборвался, я не подобрала более корректного названия болезни.

— Фред не умственно отсталый. Я бы сказала, что его умственные способности чуть ниже средних. Но он очень хитер, особенно когда дело касается его собственных интересов. И он не слепой. Когда его доставили, у него была запущенная катаракта обоих глаз. В семидесятых ему сделали операцию. Пусть у него и не стопроцентное зрение, но видел он довольно хорошо. Хотя остался совершенно глухим.

Человек, который забрался в мой дом, не слышал, как я спускалась по лестнице, никак не отреагировал, когда я уронила стакан и тот разбился.

— Он читал по губам, — продолжала Роза Скотт. — И мы научили его разговаривать, но, если человек никогда не слышал звуков, его речь отличается от речи нормального человека. Он всегда путает интонацию, не соблюдает мелодику.

Я вспомнила странные гортанные звуки, доносившиеся ночью из моего подвала, и глухой стон, который мы с Мэтом слышали в доме

Уитчеров. Я также отметила, что Роза говорила об Альфреде в прошедшем времени.

— Он никогда не входил в число наших легких пациентов, — продолжала Роза. — Вы разбираетесь в медицине, мисс Беннинг?

— Да, но... Я ветеринар.

— Отлично. За несколько десятилетий отношение к болезни Фреда много раз менялось, возникали новые теории, мы узнавали больше о психических заболеваниях. Сравнительно недавно, в начале девяностых, ему поставили такой диагноз: две различные формы расстройства контроля над побуждениями. Он страдает парафилией. У него также диагностировали перемежающееся эксплозивное расстройство. Не знаю, знакомы ли вам эти термины.

Я напрягла память.

— Парафилия означает извращенное сексуальное поведение, я права?

— Крайне извращенное. У Фреда наблюдались симптомы как эксгибиционизма,^[17] так и фроттеризма.^[18] Мы однажды обнаружили его... ну, вам не нужны эти подробности. Но больше всего нас беспокоило второе расстройство. Перемежающееся эксплозивное. Разумеется, ему было предписано лечение: комбинация антидепрессантов и стабилизаторов состояния. Несколько месяцев он мог оставаться совершенно спокойным, послушно выполнял все, что от него требовалось, а потом, без всякой на то причины, внезапно впадал в ярость. Когда такое происходило, мы вынуждены были надевать на него смирительную рубашку. Он был очень сильным. И, похоже, совсем не понимал, какой вред причиняет окружающим.

Я ждала, чувствуя, что это еще не все.

— Мы не оставляли его наедине с пациентками и даже с медсестрами и санитарками.

— Он все еще у вас? — отважилась спросить я, внезапно вспомнив ту ночь, когда оказалась один на один с незнакомцем, пробравшимся в мой дом. Как он смотрел на меня, как касался!..

— Эти змеи... — Похоже, Роза Скотт меня не слышала. — Это было самым странным. Он чувствовал их. Он шел в лес, подходил к месту, где, как ему казалось, находились их норы, распластывался на земле, как будто прислушивался, что они делают. Если не считать того...

— Что слышать он не мог, — закончила я за нее.

— Именно. Он умел с ними обращаться. Приносил с собой гадюк, пугал нас, но его змеи никогда не кусали. Ни разу.

Интересно, Шон тоже будет утверждать, что Альфред стал со змеями

одним целым? Слился в Божественном единстве? Я была уверена, что все это чепуха, мне не понравилась сама мысль о том, что человек может держать в руках ядовитых змей и не бояться, что его укусят.

— А он все еще... — Когда я приезжала утром, двери психиатрической больницы были широко распахнуты. Да и вокруг никакого забора я не заметила.

— В истории болезни сказано, что у него нет родных. — На этот раз миссис Скотт меня точно услышала. Она намеренно избегала ответа на вопрос. — Когда пациенты остаются у нас на длительный срок, мы регулярно общаемся с близкими родственниками, но в случае с Фредом мы много лет не получали никаких известий от родных. За все время моей работы в лечебнице к нему лишь однажды приходил посетитель. Совсем недавно. Высокий, по виду волевой человек.

Клайв Вентри был высоким и очень волевым человеком. Он познакомился с Альфредом. Я с трудом сдержалась, чтобы не оборвать разговор с Розой и не позвонить Мэту прямо сейчас. Я хотела тут же завести мотор и отправиться в поселок. Черт, я даже Таскеру позвоню, если не будет другого выхода! Я приказала себе успокоиться. Чем больше Роза мне расскажет, тем лучше.

Она продолжала говорить.

— Он сказал, что сам он не англичанин. Говорил с акцентом. Он дал Альфреду несколько яиц. — Розу, похоже, не смущало мое молчание. Должно быть, она чувствовала, что я ловлю каждое ее слово. — По-моему, шесть. Размером с гусиное, но с более жесткой скорлупой. Сказал, что это змеиные яйца. Он собрал их во время своих путешествий. Заявил, что зародыши мертвы, и подчеркнул это. Мы не могли запретить Альфреду оставить у себя эти яйца.

Я поняла, что оглядываюсь, рассматриваю дорогу впереди и позади себя. После того как я целую ночь и большую часть дня провела, скрываясь от полиции, сейчас я бы все отдала, чтобы за мной приехала патрульная машина. Ну же, Роза, давай, продолжай!

— У Альфреда уже была змея. Пятнистый полоз, маленькая змейка, совершенно безобидная. Мы надеялись, что теперь он перестанет ловить змей. Он положил яйца в клетку, где сидел полоз. Как он объяснил, чтобы они согрелись. Мы не стали возражать — мы ведь знали, что яйца мертвые.

— Когда это было?

— Не очень давно. Прошлой осенью. Мы через какое-то время попытались связаться с посетителем, просто на случай если ему что-нибудь известно. Но, написав по адресу, который он оставил, мы ответа не

получили. Даже полиция не смогла его найти.

— Полиция?

— Да. Мы их тут же поставили в известность. Фред не преступник, но ему было рекомендовано постоянное медицинское наблюдение, даже если бы у него и была семья, которая могла бы о нем позаботиться.

— Альфред больше не у вас, я права?

На этот раз долгое молчание.

— Да, к сожалению, не у нас, — наконец призналась она. — В ноябре он пропал. Понимаете, многие наши пациенты остаются в больнице добровольно. Если они хотят, то могут свободно уходить и приходить. У нас никогда никто не пропадал. Но однажды Фред пошел в лес и больше не вернулся. Мы искали его несколько часов, прежде чем поставить в известность полицию. Вероятно, он пошел в город, а там сел на автобус. Потому что он просто исчез. А с ним и змеиные яйца.

— Полиция его искала? — Я снова вела машину, зажав телефон между ухом и левым плечом.

Учитывая погоду, это было чрезвычайно опасно, не говоря уже о том, что я нарушала правила. Но на дорогах никого не было. Буря разогнала людей по домам.

— Разумеется, его ищут как уязвимого и потенциально опасного больного. Полиция приняла чрезвычайные меры.

Мысли мелькали у меня в голове. Лечебница находится в Девоне, вне юрисдикции ребят Мэта. Его подчиненных могли и не задействовать в поисках. Вероятно, им просто сообщили о том, что разыскивается пропавший больной, но у полиции не было причин связать Фреда Додвелла, уже давно находящегося на излечении в психиатрической больнице, с Уитчерами.

— Мы написали на его последний известный нам адрес, но письмо вернулось с пометкой «адресат выбыл».

— Его сестра умерла, — сказала я. — А шурин — в доме престарелых.

— Это все объясняет, — согласилась Роза. — Фред до сих пор числится пропавшим, но полиция через несколько месяцев свернула поиски. О нем никто ничего не слышал, никто его не видел. Офицер, ведущий это дело, решил, что Фред, вероятно, умер где-нибудь на улице.

Ах, если бы!

— Он не умер, — возразила я. — Он живет в своем старом доме. Я думаю, он убил троих людей.

— О Боже! — Роза замолчала, пытаясь осмыслить мою последнюю фразу, но у меня не было времени, чтобы помочь ей справиться с потрясением.

— Мне сейчас нужно ехать дальше. Миссис Скотт, вы не могли бы связаться с полицейским, ведущим это дело, и сообщить ему то, что я только что рассказала вам?

— Конечно, но он захочет побеседовать с вами лично. Вы не могли бы приехать?

— Мне нужно домой. Я дам вам свой адрес.

— Но... вы говорили, что живете с ним в одном поселке. Мисс Беннинг, Фред Додвелл уже несколько месяцев не принимает лекарств. Он может быть очень опасен. Пожалуйста, скажите, что не...

Я нажала на кнопку «отбой». Роза Скотт могла бы меня и не предупреждать, что Фред Додвелл очень опасен. Я и сама это знала. У меня не было времени слушать ее продиктованные лучшими побуждениями увещевания держаться от него подальше. Я и не собиралась приближаться к Альфреду.

Я нашла клочок бумаги, который дал мне Мэт, взглянула на номер мобильного телефона и, держа руль одной рукой, набрала номер.

В ноябре прошлого года Альфред сбежал из психиатрической больницы и вернулся домой! У меня в ухе звучали короткие гудки — связи не было. Я набрала домашний номер Мэта.

Слова Розы Скотт о состоянии Альфреда заставили меня вспомнить мрачные намеки Уолтера. «Я не мог с ним справиться. Ион с Эделиной. Как я мог их остановить? Я никого не мог остановить».

Эделина и Альфред — родные брат и сестра. Сексуальная распушенность — это понятно, но спать не только со всеми братьями мужа, но и со своим родным братом?! Неудивительно, что Уолтер не захотел оставить у себя племянника. Эделина не из тех женщин, кого можно подпускать к детям.

Спустя несколько недель после побега Альфреда из больницы умерла Эделина. Неужели виной всему ее брат?

Длинные гудки. Я опять пытаюсь набрать номер мобильного телефона Мэта.

Джон Эллингтон был в церкви в ту ночь 1958 года. Эделина активно помогала убивать брата. А если Альфред хотел отомстить за то, что с ним произошло? Эти двое явно могли стать его жертвами. Однако Виолетты в церкви вообще не было. А Эрнест Эмблин спас Альфреду жизнь. Зачем ему их убивать?

Чем больше я размышляла, тем бессмысленнее мне все это казалось.

Альфред мстит своим ровесникам, людям, которые, хотели они того или нет, причастны к случившемуся с ним. Он психически нездоров, а поэтому очень опасен.

А мог ли психически нездоровый человек подделать завещание Виолетты? Ввести шприцом змеиный яд Джону Эллингтону?

Альфреда навещал мужчина — без сомнения, Клайв Вентри, он же Сол Уитчер. Не приложил ли он руку к исчезновению Альфреда? Неужели Клайв разворошил прошлое, раздул искры обиды в душе Альфреда, пока его желание отомстить не воспыало так же сильно, как и желание самого Клайва-Сола? Неужели Клайв использовал Альфреда как орудие собственной мести? Или это обычная жадность? Может быть, Альфреда

Клайв использовал в кампании против местного населения? Пока все — о ужас! — не вышло из-под контроля?

Неужели Клайв решил повесить всех собак на меня, так как почувствовал, что мы с Мэтом вот-вот выйдем на Альфреда? Неужели он сделал это лишь для того, чтобы выиграть время, пока правительство не даст ему добро на бурение?

По мобильному с Мэтом все еще не было связи. Я опять позвонила ему домой. Те же длинные гудки. Должно быть, гроза повредила телефонные провода в поселке. Если оборвало провода по всей округе, местные жители будут пользоваться только мобильными телефонами. Неизвестно, смогу ли я вообще дозвониться.

По словам Мэта, огромное дерево упало на единственную дорогу, ведущую в поселок. Она может быть заблокирована несколько часов, возможно и всю ночь. «Сегодня никто не попадет в поселок и не выедет из него».

Если Мэт считает, что поселок отрезан, он не станет просить помощи. Он дождется утра, тогда приедет подкрепление, и они арестуют Клайва Вентри. Но Мэт не знает о другой угрозе, о еще большей опасности, таящейся в поселке. Не знает об Альфреде. А что, если Мэт решит еще раз осмотреть дом Уитчеров?

Ладно. Есть еще вариант. Я могу отправиться в ближайший полицейский участок, сдать дежурному и убедить полицию в том, что Альфред представляет настоящую опасность. Они должны немедленно отправиться в поселок.

А если мне не поверят? А что, если со мной не захотят разговаривать? А что, если меня запрут в камере на несколько часов?

Мэт сказал: никто не попадет и никто не выедет. Он вырос в поселке, еще мальчишкой играл в округе. Но, по-видимому, он последние четыре года не совершал ежедневных пробежек вокруг поселка, не изведal все дороги, тропинки, тропочки и горные тропы. Он не проводил целые выходные над картами, пытаясь отыскать новые пути, где возможность встречи с человеком равняется нулю. Он не раскатывал каждую неделю по полям, лесам и долинам в поисках раненых животных.

Я знала все старые проселочные дороги, многие из которых теперь не используются, все горные тропы, тропинки, где можно проехать только на велосипеде или пройти пешком. Знала, какие реки судоходны, где можно проехать на обычной машине, где только на полноприводной, а где автомобиль вообще не пройдет. Знала кратчайший путь из пункта А в пункт Б, знала такие пункты А и Б, о которых никто и не догадывался.

Несмотря на заверения Мэта, я не сомневалась: чтобы попасть в поселок, не обязательно ехать по основной дороге.

Не доезжая километров трех до поселка, я свернула на старую проселочную дорогу, ведущую к заброшенному меловому карьеру. Я направлялась на север, по хорошо знакомому мне пути. Я ездила здесь совсем недавно, когда мы с Крэгом и Саймоном спасали лебедя-шипуну.

Конечно, ехать днем в хорошую погоду с двумя подручными-мужчинами — одно дело, и совсем другое — ехать одной, в грозу, когда тьма сгущается с каждой секундой.

Дорога к карьеру тянулась почти на километр, последние метров двести она совсем заросла вереском и утесником. В конце дороги стояли полуразвалившиеся лачуги, где когда-то рабочие хранили инструменты, и в склоне холма зияла огромная дыра — все, что осталось от старой горной выработки. Я не собиралась здесь задерживаться. Слева от меня находились массивные железные ворота, запертые на навесной замок. Обычно, когда мы ездили по этой дороге, брали с собой ключ, которого сегодня у меня не было, но подобные мелочи не могли меня остановить.

Три дня назад мы заметили в заборе прогнившую секцию, всего в нескольких метрах от ворот. Терновник по ту сторону забора был негустым. Я развернула машину таким образом, чтобы она оказалась как раз напротив прогнившей секции, и, прежде чем протаранить ее «лендрровером», переключила двигатель на первую передачу и убедилась, что колеса достаточно хорошо держат на дороге.

Когда я притормозила у забора, собираясь с духом, невольно вспомнила ту ночь, когда мы стояли с Мэтом у ворот дома Уитчеров. Я напомнила ему: «Хода нет». Он усмехнулся и достал ключ, которым за считанные секунды открыл замок. «Теперь есть», — сказал он, ослабившись. Я вжала в пол педаль газа, «лендрровер» рванулся на забор и с ужасным треском протаранил его. На секунду обломки деревянного штакетника взметнулись перед лобовым стеклом, я услышала, как кусты стали царапать днище автомобиля, потом планки отлетели в сторону и я оказалась по ту сторону забора. «Теперь есть», — сказала я себе, но мне было не до смеха.

Еще с километр я ехала по лесу. Это была старая буковая роща, некоторые деревья достигали больше двадцати метров в высоту. Этим вечером они раскачивались, словно одержимые, сильно наклоняясь к земле. Обычно говорят, что деревья шелестят или шепчутся. Сегодня они выли и кричали на меня, а ветер рвал их кроны, обламывал ветви, гнул стволы

деревьев, которые за свою жизнь пережили множество гроз и ураганов. Я бы не стала ставить деньги на кон, что всем им удастся выстоять этим вечером.

Сломанные ветки падали на «лендровер», барабанили по крыше, по крыльям, ударялись о лобовое стекло, чуть не разбивая его. Один раз мне даже пришлось резко затормозить, чтобы не врезаться в рухнувшее дерево. Ему было, наверное, лет триста — огромный ствол и густое переплетение ветвей, распластавшихся по земле подобно паутине. Я сдала назад и объехала его.

Я ехала через буковую рощу, прекрасно понимая, что «лендровер» получил серьезные повреждения и мне придется это как-то объяснять. Но потом вспомнила, что меньше всего меня должно волновать объяснение с начальством. Теперь ехать стало чуть легче, но опять начался проливной дождь, видимость была никудышная, земля размокла. Если я застряну, все кончено.

Но «лендровер» был сконструирован именно для такого бездорожья, и я не застряла. Я проехала еще в одни ворота, на этот раз не запертые, и оказалась на земле Клайва Вентри. В этом месте дорога разветвлялась. Если бы я повернула налево — приехала бы к реке, как когда мы ехали с Крэгом и Саймоном, чтобы спасти лебедя. По ней можно было попасть в поселок, но у меня была надежда отделаться малой кровью. Поэтому я погасила фары и повернула направо, направляясь вверх по холму. Проехала по одному полю, потом по другому, размером побольше. Теперь я была в непосредственной близости от усадьбы. Дом был погружен во тьму. Чтобы выехать на дорогу в поселок, нужно было пересечь лужайку, примыкающую к торцу дома Клайва. Поэтому я остановила машину и выбралась наружу.

На секунду окружающий меня пейзаж озарила молния, мне показалось, что стало видно как днем, и я почувствовала себя беззащитной. Потом опять все погрузилось в темноту и послышались раскаты грома. Буря усиливалась.

Я обежала машину и открыла задний откидной борт. Никогда не знаешь, куда тебя вызовут и кого надо будет спасти, поэтому в наших «лендроверах» всегда имеются веревка, проволока, фонари, необходимые инструменты и лекарства. Я взяла самый мощный фонарь, свою медицинскую сумку, бинокль, острый нож и гаечный ключ. После этого направилась в сторону дома, чувствуя естественное желание, свойственное всем живым существам: сесть на корточки и сжаться, укрываясь от бури, — но я заставила себя продолжить путь.

К этому моменту дождь напоминал уже тропический ливень, струи с шумом падали с неба, и мне пришло в голову, что тайпан, оказавшись он на свободе, чувствовал бы себя в такой ливень как дома. Интересно, где он теперь? Спрятался где-нибудь в доме? Или притаился в кустах? Я тут же пожалела, что не надела вместо кроссовок прочные сапоги, желательнее выше колен.

В нашем поселке не было уличного освещения, и с наступлением ночи все погружалось во тьму. Можно было рассчитывать только на фонари во дворах соседей. Обычно этого достаточно, но сейчас ни одна лампочка не горела — и в нашем поселке пропало электричество. Я прокралась мимо дома, пробежала через сад перед домом. Вокруг сада разрослась тисовая изгородь, но я была уверена, что смогу пробраться сквозь нее. По ту сторону изгороди передо мной виднелись лишь темные очертания домов. Я опять кинулась бежать, беспрестанно оглядываясь по сторонам. Сегодня меня не застанет врасплох Аллан Кич с дружкойми — да и никто другой, если уж на то пошло.

Я пересекла лужайку, не смогла побороть дрожь, когда увидела еще более густую темноту под мостом, и решила, что никакая сила на земле больше меня туда не загонит. Вокруг не было ни души. Я вбежала на холм, за которым был мой дом, и перед самой Бурн-лейн повернула и припустила по узкой, обсаженной лаврами аллее, ведущей к дому Мэта. У дома стояла машина, зеленый «хэтчбек». В окне рядом с входной дверью мерцала свеча. Я постучала в дверь и услышала звук шагов по кафельному полу. Звук отодвигаемой задвижки. Дверь медленно приотворилась.

— Я не смогла тебе дозвони... — начала я и смолкла на полуслове.

— Здравствуйте, — приветствовала меня женщина, стоящая на пороге дома Мэта, словно прекрасный страж у тех ворот, за которые мне путь заказан. — Вы ищете Мэта?

Мне удалось кивнуть.

— Ему пришлось уйти, — сказала она. — Но он должен был уже вернуться. Я приготовила ужин.

Что-то внутри меня встрепенулось, что-то, вызывающее растерянность и наводящее ужас, но я была вынуждена погасить зарождающуюся панику, не то она могла разрастись и поглотить меня.

— Он сказал куда? — прохрипела я.

— Зайдите на минуту, на улице льет как из ведра.

Она отошла от двери, и мне ничего не оставалось, как принять ее приглашение. За несколько секунд я успела заметить, что у Мэта большая прихожая, стены отделаны камнем. Горел камин, плитки на полу были

старыми и потрескавшимися, а вот картины на стенах — на удивление современными. А сама я не могла оторвать глаз от женщины, от которой пахло сандаловым деревом и индийскими пряностями. Она была довольно высокой, стройной как тростинка, с копной рыжих вьющихся волос.

— Это срочно? Может, я смогу помочь? — спросила она.

— Вы служите в полиции? — поинтересовалась я, уже прекрасно зная ответ.

— Нет. Меня зовут Рэчел. Я девушка Мэта.

Я сама напросилась.

— Что-то случилось? — продолжала допытываться она. Значит, вот оно как бывает, когда чувствуешь, что сердце разбито! Господи, Клара, сосредоточься!

— Не знаю, — начала я. Что я могла ей рассказать? — Можно позвонить ему на работу?

— Нет. Час назад оборвало телефонные провода. После того как Мэту позвонили. Ни один мобильный не работал. У Мэта есть рация, но он, конечно, взял ее с собой.

— Послушайте, это очень важно. Вы знаете, кто ему звонил и куда он ушел?

Рэчел нахмурила брови, ей передалось мое беспокойство, и она уже, наверное, жалела, что пригласила меня войти.

— Да, — спокойно ответила она. — Я брала трубку. Звонил этот, как его... Крис, Колин...

— Клайв? — подсказала я. Нет, пожалуйста, нет!..

— Точно, Клайв. Голос звучал очень взволнованно. Хотел немедленно встретиться с Мэтом. Мэт поговорил с ним минуту-две и сразу ушел. Взял машину, вероятно потому что идет дождь. Но он же не мог выехать из поселка, верно?

— Это дело непростое, — пробормотала я, усердно размышляя. — И это произошло час назад?

— Примерно. Послушайте, мне нужно...

— Пробуйте звонить на мобильный. Попробуйте связаться с коллегами Мэта. Попросите детектива Таскера. Скажите, что Клара Беннинг вернулась в поселок. Он тут же примчится. — Рэчел пару секунд смотрела на меня, потом повернулась к маленькому столику. Там лежали ручка и блокнот, она стала что-то писать. — Передайте ему, чтобы связался с коллегами из девонской полиции по поводу Альфреда Додвелла. И с психиатрической лечебницей. Вы запомнили?

— Клара Беннинг. Альфред Додвелл. Психбольница. Записала. —

Рэчел выглядела настороженной: может, она пригласила зайти в дом сумасшедшую?

— Спасибо. Скажите ему, чтобы ехал к карьеру в Рикстоуне, а потом по моим следам на северо-восток, так он сможет добраться до поселка.

— Ладно. — Она отошла от стола и направилась к двери. Хотела меня спровадить. Но, скорее всего, она сделает то, что я попросила.

— Если кто-то постучит в дверь, не открывайте, пока не убедитесь, что знаете этого человека.

— Не волнуйтесь, не открою, — заверила она, энергично качая головой.

Вниз по холму, через лужайку, по подъездной аллее Клайва Вентри — я бежала так, как будто за мной гналась стая собак. Мэт уже час как уехал. Ему позвонил встревоженный Клайв, и Мэт исчез. Я подбежала к каменному своду усадьбы и промчалась по вымощенному булыжником двору. Потом заставила себя остановиться, восстановить дыхание и оценить ситуацию.

Меня окружали средневековые здания. Со всех сторон таращили черные глазницы окна в стиле Тюдоров. За любым из них могли скрываться внимательные глаза. В небольшом саду столетние лавровые деревья были подстрижены и напоминали высокие грибы. Много удобных местечек для того, кто хочет спрятаться. Я насчитала четыре массивные дубовые двери, включая и двустворчатые двери парадного входа. Любая из них могла открыться через секунду.

У входной двери стояли три машины. Темный «ягуар», который я сама видела разъезжающим по поселку, — он, скорее всего, принадлежал Клайву Вентри. Маленький серебристый «хэтчбек», очень похожий на ту машину, которая следовала за мной ночью, когда я впервые приехала к Шону в Андерклифф. Неужели за мной следили обитатели этого дома? Тут же стоял и черный «гольф». Вчера Мэт вез меня домой на похожем темном «фольксвагене». Я подошла к водительской двери «гольфа» и открыла ее. Здесь имелась рация — значит, вряд ли автомобиль принадлежал кому-то из штатских. На полу — знакомая красная папка. Это была машина Мэта.

Быстро преодолев мощеный двор, я подошла к дому. Стала вглядываться в окна. Дом, казалось, был полностью погружен во тьму, я не заметила даже отблеска свечи.

Все мои инстинкты кричали: обойди дом с тыльной стороны. Ты понятия не имеешь, что внутри. Если придется туда войти, пусть этот момент наступит как можно позднее.

«Но ты только этим и занимаешься, — утверждал другой голос, спокойный тихий голос, который, как мне показалось, я узнала, но в таком взвинченном состоянии я не была уверена в этом до конца, — отсрочиваешь момент. Почему бы тебе не вернуться домой, если не собираешься входить?»

Парадная дверь с огромной круглой железной ручкой была сделана из массивного дуба. Ручка легко повернулась, и дверь открылась. Я вошла в дом.

В холле что-то мерцало и двигалось, но это были не живые существа, которых я боялась, а игра света, проникающего с улицы. Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, где его источник, а потом увидела через одно из небольших стекол тюдоровского окна, что взошла полная луна. Небо местами прояснилось, гроза закончилась, а тучи неслись по небосводу, отчего свет луны дрожал и метался по комнате. Большое зеркало над камином и десятки оконных стекол отражали лучи в разных направлениях.

Я стояла, вглядываясь поочередно во все углы огромного помещения, и наконец убедилась, что каждое движение — всего лишь игра света, что в тени не притаился противник. Прямо передо мной находилась лестница, по которой меня вынудили взойти чуть больше недели назад.

Слева от меня стоял массивный дубовый стол, вокруг которого заседали жители поселка. На нем стояла различная оловянная посуда, но никто не обвинялся вокруг нее. Я нагнулась, проверила пол, ножки стульев — внимательно осмотрела все, что внушало мне тревогу и казалось здесь неуместным. Лишь тогда я решила отойти от двери.

Остановилась в центре помещения и прислушалась. Только звук дождя и протестующее поскрипывание старого дома из-за сильного ветра. Откуда начать поиски? Дом огромный. Руководствуясь лишь наитием, я повернула направо, к резной дубовой двери у подножия лестницы.

Я натянула рукава, чтобы не братья за ручку двери голой рукой, и осторожно повернула ее. Дверь открылась, я вошла внутрь и оказалась в гостиной, уставленной резной мебелью черного дерева. В другом конце комнаты я увидела старинный камин. От сквозняка в воздух взметнулось облачко пепла. Я обошла комнату по периметру, опасаясь, что кто-то — или что-то — может подкрасться ко мне сзади, если хоть на секунду повернусь спиной к двери. Распахнутая дверь в дальнем конце комнаты вела в кромешную тьму. Я включила фонарь и увидела еще одну большую, обшитую дубовыми панелями комнату — это был кабинет. Вдоль стен стояли книжные полки. Шторы на всех трех окнах были опущены. Я прошла по комнате, освещая каждый уголок фонарем, пока не оказалась у письменного стола Клайва Вентри.

Несколько телефонных аппаратов, современный компьютер и настольный принтер соседствовали на антикварном столе с разбросанными бумагами. Я посветила на стол, просмотрела счета, сведения о прибылях и

убытках, отчеты геологов, где было много специфических терминов, — я ничего не поняла. Ни один документ не привлек моего внимания. Мне было не по себе, я не могла оставаться так долго на одном месте. Я уже собиралась было повернуть назад, когда свет моего фонаря выхватил из тьмы письмо на бланке, показавшееся мне интересным. Это было официальное письмо от департамента по делам предпринимательства и реформы системы управления, бывшего министерства торговли и промышленности.

Краем фонаря я подвинула письмо так, чтобы смогла его прочитать целиком. Оно было коротким, всего три абзаца, и подписано начальником департамента по изысканию источников энергии. «Дорогой Клайв» — с такого обращения начиналось письмо, а дальше следовали «хорошие новости»: министр наконец дал разрешение на бурение.

Несмотря на протесты местного населения, Клайв Вентри все-таки получил разрешение на разведочное бурение вокруг поселка. Если под поселком находится большое нефтяное месторождение, как полагал Мэт, Клайв заработает на этом миллионы. В придачу к уже имеющимся.

А затем, словно следуя за ходом моих мыслей, свет фонаря упал на другое письмо, на этот раз от местного стряпчего. В нем адвокат подтверждал согласие встретиться с Клайвом на следующей неделе. Клайв намеревался пересмотреть завещание. Во втором абзаце адвокат объяснял, что при сложившихся обстоятельствах имущество Клайва перейдет к ныне живущим родственникам, долю каждого наследника определит суд. Его бывшей жене, пояснялось в письме, с учетом щедрых отступных, полученных ею при разводе, вряд ли хоть что-нибудь достанется.

Я обошла уже весь дом, нужно было поворачивать назад. Я выключила фонарь и, пока шла по темным комнатам, невольно размышляла над тем, кому Клайв собрался оставить свои миллионы. Может, и его дядя Альфред значится в списке наследников? Потом я вспомнила еще одного его дядю. Неужели перспектива получить наследство заставила преподобного Арчи вернуться домой?

Я вернулась в прихожую и выглянула в окно. Машина Мэта все еще стояла на улице. Я прошла мимо огромного дубового сгола, мимо буфетов, заставленных оловянной посудой и фарфором, мимо угла, где недавно нервно жались друг к другу пять стариков. Двое из пяти, Виолетта и Эрнест, уже мертвы. Скольким еще придется умереть, прежде чем Альфред почувствует себя удовлетворенным?

В дальнем левом углу холла три маленькие ступеньки вели к сводчатому проходу. Там царил тьма и металась тень. Я хотела было

включить фонарик, но поняла, что тогда стану легкой мишенью. Средняя ступенька скрипнула, но, похоже, кроме меня, этого никто не услышал.

Я находилась в коридоре в задней части дома, в месте, где раньше сновали слуги. Наверх вела деревянная винтовая лестница. Конца коридора я не видела, но вдоль стен висели пальто и шляпы, на полу стояли сапоги. Я подождала несколько секунд, чтобы убедиться, что никто не прячется среди пальто, шляп и сапог. Потом двинулась дальше.

Комната, открывшаяся моему взору, оказалась столовой. Опять массивная мебель мореного дуба, опять фарфор, стеклянная посуда и серебро. Неужели здесь живет один человек? Очевидно, этот человек, вышедший из низов, страдал манией величия, раз купил и содержал такой особняк только для себя, любимого.

Я решила, что в столовой все стоит на своих местах, и сделала шаг назад. Теперь я крайне осторожно — мне очень не нравился этот ворох пальто — прошла еще несколько шагов по коридору. Дверь справа вела в кухню. У одной из стен стояла громадная плита, напротив нее — раковина. Тут были еще большие кухонные шкафы, и я понимала, что стоило бы заглянуть и туда, но мое сердцебиение, и без того учащенное, просто зашкалило. В кухне я ощутила запах — слишком хорошо мне знакомый.

«Поосторожнее, Клара, ты подошла уже очень близко», — шептал знакомый рассудительный голос в моей голове.

Дверь слева от меня вела в еще одну кухню. Люди, знакомые с планировкой особняков, называют эту комнату буфетной, помещением для мытья посуды — для меня же она была второй кухней. Тут находились раковина, нечто, похожее на большую посудомоечную машину, полки, забитые стеклянной посудой и разными приборами. Еще один коридор, очередная комната.

Не успела я пройти по коридору и двух метров, как увидела блестящую темную лужу на полу и поняла, что обоняние меня не подвело. Тут явно пахло свежей кровью.

«Осторожно, Клара! Успокойся, — приказывал голос. — Еще несколько шагов».

Я не помнила, как сделала эти шаги. Я понятия не имела, сколько прошло времени, прежде чем я поняла, что сейчас увижу. А потом, стоя уже в третьей кухне особняка, я включила фонарь и осветила на то, что когда-то было человеком.

Не помню я, и как вновь очутилась на улице. Я стояла, опершись о машину Мэта, дождь — ледяной ливень как из ведра — лил мне на голову, но я была даже этому рада. Подняла голову и увидела, как с бескрайнего неба падают мне на лицо дождевые капли. Я подставила им лицо, желая, чтобы дождь омыл меня и изнутри, вымыл из памяти воспоминания, из ноздрей — оставшийся там запах. Но даже тогда я прекрасно понимала, что это невозможно.

На подкашивающихся ногах я прошла через сад и снова подошла к дому, но уже с тыльной стороны. Мне казалось, что я навидалась всякой жестокости, какую только может животное под названием «человек» причинить себе подобным. Но я ошибалась.

У человека, лежащего на полу в кухне, не было головы; просто бесформенное месиво, кости и мясо. То, что когда-то было головой, — частички мозга, лица, клочья волос — было разбросано по полу. Как будто ее разорвало изнутри.

Мерзкий привкус во рту и непроизвольное сокращение мышц живота дали понять, что меня вот-вот вырвет. Я остановилась, согнулась пополам и начала блевать, но я целый день ничего не ела, поэтому рвала одной желчью. Когда я смогла выпрямиться, опять подняла лицо к небу, желая — впервые за свою сознательную жизнь — найти слова, чтобы искренне помолиться, от всего сердца. Потому что именно сейчас мне просто необходима была вера.

«Осторожно, Клара». Опять этот голос! Такой навязчивый, успокаивающий, знакомый, от которого хотелось свернуться в клубочек и прижаться к чему-то теплomu и безопасному, к тому, что олицетворял собой этот голос. «Спокойно, — продолжал голос, — ты знаешь, что тебе нужно делать».

Я стала пересекать лужайку, примыкающую к тыльной стороне дома.

«Так тебя заметят, Клара, прижмись к изгороди».

Я повернула к живой изгороди, окружающей лужайку по периметру. Она, казалось, была далеко. Внезапно в мозгу пронеслось воспоминание: человеческий глаз, выскочивший из глазницы, откатился на добрый метр от тела и закатился под стол. Я упала. Стояла на четвереньках в мокрой траве, руки увязали в грязи.

«Клара, не останавливайся».

Я не могу.

«Нет, можешь! Бедолага, которого ты видела, — не Мэт». Я заставила себя подняться. На кухонном полу, среди всего этого жуткого месива, нигде не было видно продолговатых очков в черной оправе. На шее у жертвы при свете фонарика блеснула тоненькая золотая цепочка, а на мизинце левой руки — перстень-печатка. Мэт украшений не носил. К тому же и одежда на нем была не та, да и мужчина этот был выше и плотнее Мэта. Я тут же поняла, что передо мной останки Клайва Вентри. Если бы там лежал Мэт, я бы, наверное, до сих пор продолжала стоять над трупом.

Это не Мэт, не Мэт. Повторяя про себя эти слова, будто молитву, я добралась до конца лужайки и взобралась на каменную стену, отделяющую сад Клайва от остальных его угодий. Только теперь эти земли Клайву не принадлежали. Они перешли в собственность двух его дядей: крайне опасного Альфреда, давным-давно запроторенного в психиатрическую лечебницу, и Арчи, который уже один раз пытался убить своего двоюродного брата.

Убить близкого родственника. Арчи, Сол-старший, Гарри и Эделина пытались убить Альфреда. Первым троим он приходился двоюродным братом, а последней — родным. Достаточно ли это близкое родство? Если Альфред решил наконец отомстить, не этим ли объясняется древнеримский символизм, который просматривается в его преступлениях? Но откуда человек с интеллектом ниже среднего, практически без образования, узнал о роена cullei? Что-то не сходится. Сол-младший, конечно, совсем другое дело. Если он полагал, что все жители поселка повинны в смерти его родителей, он мог бы прибегнуть к самосуду, подражая древним казням. Но был он главным дирижером последних событий или нет, больше он уже никому не причинит зла.

«Лендровер» стоял там, где я его припарковала. Мобильная связь по-прежнему отсутствовала. Приходилось лишь надеяться, что Рэчел повезет больше, чем мне. Я стянула мокрую куртку и забралась на водительское сиденье.

Куда ехать?

«Конечно, в дом со змеями».

Я уронила голову на руки, при этом больно стукнувшись о рулевое колесо. Почему? Почему, Господи Боже мой, я должна туда ехать?

«Потому что туда отправился Мэт. Он обнаружил тело Клайва и решил выследить и задержать Альфреда. От Мэта уже больше часа нет никаких вестей».

Я подняла голову. Альфред будет начеку. Он заметит, как я

приближаюсь.

«Но есть еще один ход. Ты знаешь где. Недавно узнала».

Не могу.

Молчание. Но я узнала этот голос; я отлично знала, кому он принадлежит, и мне было известно, что, если начинала с ним спорить, всегда проигрывала.

Тогда зачем терять время?

Прошло еще пятнадцать минут, прежде чем я добралась до реки. Рискуя увязнуть в грязи, сдала назад, пока машина задним бампером едва не коснулась воды, и заглушила мотор. Я нашла и натянула на себя болотные сапоги, непромокаемые штаны и спасательный жилет. Даже в тихую погоду (что уж говорить о сегодняшней буре) течение в реке было очень сильным. Кроме того, нам в головы спасатели вдолбили железное правило (я действовала на автомате): работаешь возле воды — надевай все, что положено.

Я набросила на плечи легкую непромокаемую куртку и выбралась из машины. Одной тянуть и спускаться на воду спасательную шлюпку было неудобно, но я справилась. Положила сумку с инструментами на дно, забралась сама и что было сил оттолкнулась от берега.

Мое подсознание наконец разгадало загадку, мучившую меня несколько дней. Если кто-то живет в старом доме Уитчеров, как он может входить туда и выходить, как может передвигаться по поселку, чтобы его никто не видел? Теперь я знала ответ. Он передвигается по воде и заброшенным меловым шахтам. Этим вечером я последую его примеру.

В нашем поселке ручьев, вероятно, больше, чем дорог. Я и понятия не имела, сколько рукавов имеет река Лиффин, но вдоль почти каждой дороги проходит небольшой, выложенный кирпичами судоходный канал. Через каждый переброшено множество мостиков, часто под дорогами пролегают туннели, по которым бегут ручьи. Любой человек мог лазать по этим туннелям, не рискуя быть увиденным, особенно ночью. А там, где нет ручьев, есть меловые шахты.

Сперва я плыла по течению, река сама несла меня, поэтому весло я использовала только как руль. Однако вскоре пришлось плыть против течения, я всю заработала веслом, чтобы попасть в заросшую запруды с быстрым течением.

В ночь, когда мы с Мэтом обыскивали жилище Уитчеров, я почувствовала: дом обитаем. Мэт списал это на девичью нервозность, но вонь в туалете, теплая стена на первом этаже, шум, который я слышала, —

все это убедило меня в том, что дом не заброшен, как мы раньше полагали.

«Мы тщательно обыскали весь дом, — напомнил мне Мэт. — Ни единой живой души».

Значит, обыскали недостаточно тщательно. В третьем доме осталась комната на первом этаже, в которую нам так и не удалось попасть. Единственная дверь была заложена кирпичом, но я почувствовала, что кирпичи теплые. Где-то был вход.

Я достигла нижнего мыса острова, где мы спасали лебедя. Пришло время узнать, насколько сильные у меня руки. Я резко развернула шлюпку и погребла назад, против течения, на этот раз огибая остров.

Течение было сильным, но кроны деревьев, нависая над заводью, художественно спасали от дождя. Я опустила голову и сосредоточилась на том, чтобы работать веслами синхронно.

Узкий ручей был завален всякими обломками: ветками, мусором, даже трупами утонувших животных. Некоторые обломки бились о шлюпку, от тех, что покрупнее, шлюпку качало, я боялась, что меня отнесет назад, прежде чем я успею выровнять шлюпку. Мои руки уже давно устали, но я продолжала налегать на весла.

Ночью с реки сложно разглядеть окрестности, но я помнила, что из воды торчала коряга. Я дождалась момента, когда проплывала мимо этой коряги, побросала весла в шлюпку и ухватилась за ветки ивы, свисавшие перед моим лицом.

Река стала тащить меня назад, как будто не одобряя взятого мной направления. Я уцепилась за одну ветку и рискнула ухватиться за следующую, как можно дальше. Так я и продвигалась — хватаясь за ветки и подтягивая шлюпку вперед; меня скрывали ивы и темнота. Я нашла место, где можно было пристать к берегу, и привязала шлюпку веревкой к стволу дерева.

Тяжело дыша, я окинула придирчивым взглядом окрестности, но тщетно: берега были слишком крутыми, а меловая порода тускло светилась сквозь растительность. Густые нестриженные ивы и редкие черные тополя росли так близко к воде, что, казалось, вот-вот упадут. Мне нужно было определить, где именно я нахожусь. Я отыскала фонарик и осветила вокруг.

Я плыла по быстрой узкой речушке всего в сотне метров от мелового обрыва, на котором стоял дом Уитчеров. Берега по обе стороны от меня, насколько я могла видеть, густо поросли утесником, орешником и ежевикой. Заросли почти непроходимые. Единственный способ подобраться к дому — по воде.

А это было, похоже, делом нелегким. Плыть приходилось вверх, против сильного течения. Я посветила фонариком на берег и заметила на скалах зазубрины, сделанные каким-то примитивным орудием. Я решила, что нахожусь в одной из древних выработок, а не в природном проходе.

Здесь работать веслами не представлялось возможным, придется преодолевать ручей вброд. Я использовала корни дерева в качестве опоры и шагнула в воду. Воды оказалось по пояс. Я отвязала шлюпку от ствола и вскинула ее на плечо. Если придется срочно уходить, шлюпка, несомненно, мне пригодится. С тяжелым сердцем я выключила фонарик, но мне нужно было оставаться незамеченной да и самой привыкнуть к темноте.

Я начала свой нелегкий путь, держась середины ручья, чтобы шлюпка не цеплялась за берег, и стараясь не обращать внимания на холодную воду, на то, что меня неуклонно тянет назад. Каким бы извилистым ни был этот путь, я знала: это единственный способ попасть к дому.

С той ночи, когда я услышала крик лебедя-шипуня так близко у дома Уитчеров, я знала, что где-то недалеко должна быть вода. Уолтер, как никто другой, должен был об этом знать. Так что уловить связь между необычным течением и заводью реки Лиффин было лишь вопросом времени. Я поняла, что в этом месте в реку впадает еще один ручей. Ручей, который течет через весь поселок, проходит под большинством домов и выходит на поверхность лишь у мелового карьера под домом Уитчеров.

Карабкаясь по наклонной плоскости, я заметила, что деревья растут почти перпендикулярно склону, из-за недостатка света ветви у них тонкие и длинные, а листьев практически нет. Одно дерево упало поперек ручья, образовав живой полог над водой.

Миновав упавшее дерево, я обнаружила, что дно становится все круче, берега — все ниже, а света — больше. Всего метрах в двадцати, на самом краю мелового обрыва, я увидела дом Уитчеров. Когда я смотрела на него с этого места, мне стало понятно, почему никто в поселке не догадывался о существовании огромной пещеры в карьере, всего в четырех метрах от фундамента дома. Из этой пещеры черным пенящимся потоком выбегала река.

Приблизившись, я решила, что это место давным-давно следовало признать непригодным для проживания. И не только потому, что дом находился на самом краю осыпающегося мелового карьера; он еще и располагался прямо над старыми шахтами, которые изрешетили грунт под поселком.

Теперь, когда темень уже не была такой густой, я смогла различить растущие на берегу папоротники и больше не запутывалась в отломанных

ветках, которые несло на меня течение, смогла заметить крошечные глазки, со страхом взирающие на незваную гостью, вторгшуюся на их территорию. Справа, в том месте, где камни обвалились в воду, я увидела узкую тропинку, ведущую от края воды и скрывающуюся в подлеске. На пару секунд я остановилась и посмотрела на раскисшую тропу. Неужели следы? Или все смыл дождь? Трудно было определить, а у меня совершенно не было времени размышлять над тем, не это ли еще один путь в дом. Я пошла дальше, и с каждым шагом похожая на пещеру дыра, ведущая под дом, становилась все шире и шире.

Ручей мельчал, а напряжение в ногах свидетельствовало о том, что подъем был довольно крутым. Казалось, передо мной в темноте раскрывалась в предвкушении громадная пасть, и у меня появилось ощущение, что там лежит и поджидает меня нечто прожорливое. И оно знает, что я уже близко.

Впервые с тех пор, как я покинула особняк, ведомая своим внутренним голосом, я задумалась, что ждет меня впереди, в старом доме Уитчеров. В змеином доме, как я стала его про себя называть.

Альфред Додвелл в те годы, когда формировалась его личность, сторонился и опасался людей. Над ним смеялись, его дразнили и в конце концов над ним надругались самым ужасным образом. Он попал в больницу молодым мужчиной и провел там целых пятьдесят лет. Даже после того, как благодаря постоянному медицинскому уходу частично восстановилось его зрение и он смог общаться с окружающими, Альфред продолжал избегать людей, ища утешения у диких животных. Он намеренно выбрал компанию созданий, таких же скрытных, непонятых и пугливых, как он сам.

Мне следовало помнить, что человек, с которым я готовилась встретиться, не имеет моральных принципов. Что он воспринимает всех жителей поселка, включая меня, как своих врагов. И мне не стоило делать скидку на его возраст. Мужчины, преодолевшие семидесятилетний рубеж, совсем не дряхлые. Альфред все еще сильный и хитрый. Он научился передвигаться заброшенными шахтами и водным путем. Он двигается бесшумно, способен видеть в темноте. И он обладает удивительной, непостижимой властью над змеями. Он — дитя ночи.

Я достигла тени под обрывом. Еще несколько шагов — и я окажусь под домом, в логове сумасшедшего. Спрячусь от дождя. Выберусь из этой реки, может быть, хоть чуточку согреюсь. Я уже промерзла до костей. Но этот близкий мрак в скале так непрогляден! Отважусь ли я?

Я сбросила на воду шлюпку. Если я сейчас в нее запрыгну, река унесет

меня назад, в безопасное место. Но я знала, что мой внутренний голос (который так долго молчал) тотчас же оживет, как только я начну колебаться. Он скажет мне, как поступить с Альфредом. Напомнит, что я молодая и сильная, что у меня отменное зрение, чуткое обоняние и острый слух. Но еще важнее было то, что я привыкла к темноте, знала, как оставаться невидимой, как преследовать испуганных, враждебно настроенных существ. Так что я в какой-то мерс тоже дитя ночи. Я шагнула во мрак пещеры, и тьма поглотила меня.

Несколько секунд, показавшихся вечностью, темнота представлялась мне такой же плотной, как окружающие меня стены пещеры. Я почти осязала ее, чувствовала, как она протягивает ко мне лапы, гладит по лицу. Потом, чересчур медленно, темнота стала рассеиваться, проступили смутные очертания пещеры, больше похожей на расщелину, которая тянулась далеко вперед, вглубь карьера. Я подняла голову: каменный свод навис всего в метре надо мной, постепенно принимая форму узкого мелового выступа, на котором стоял дом. Справа в породе было грубо вытесано некое подобие причала, а за ним я могла разглядеть лестницу. Я вылезла из воды, не отпуская шлюпку, и заметила небольшое железное кольцо, вбитое в скалу. Кто-то привязывал здесь лодку.

Я вернулась к входу в пещеру. Дождь все еще не утих, а из пещеры его потоки вообще казались водопадом. Поблизости были заросли бузины и ежевики. Я нагнулась, отыскивала ветку потолще, чтобы привязать к ней шлюпку. Затем спрятала ее в зарослях ежевики. Если кто-то приплывет сюда ночью, под проливным дождем, лодку он не заметит.

Лестница, стоявшая в расщелине у стены, была очень старая, ржавая. Похоже, ею когда-то пользовались добытчики мела. Когда-то через каждые полметра были приделаны поручни. Они давно уже отвалились, остались только штыри. В полуметре надо мной в свод был вмурован деревянный люк. Осторожно, стараясь не шуметь, я взяла лестницу и попыталась приставить ее к люку. К счастью (или так и было задумано), расщелина оказалась шире люка, и края лестницы легко скользнули в пространство между скалой и деревом. Я попробовала, устойчиво ли стоит лестница, и начала взбираться.

Оказавшись наверху, я прижалась лицом к люку; он был сухим и значительно теплее, чем я ожидала. Я не слышала ни звука. Пошарив рукой, я обнаружила маленькую железную задвижку. Открыла. Люк упал на меня. Я опустила его, потом полезла вверх.

Не обращая внимания на вонь, я вытащила фонарик и включила его. Посветила в каждый угол, на каждую тень, оценила размеры помещения, поискала тайники, ловя малейшее движение. В комнате кишела жизнь, но людей в ней не было. Я поднялась еще на одну ступеньку и выбралась из люка.

Комната оказалась маленькой, когда-то она была частью дома. На

стенах — остатки штукатурки, в местах, где некогда висели лампочки, торчат провода. К одной из стен приставлена узкая лестница без перил. У противоположной стены лежат матрас и гора грязных одеял, которые отчасти и являются причиной этой ужасной вони.

Я прошла вглубь комнаты, мимо заплесневевших остатков консервов и прокисшего молока в бутылках, которое, как я догадалась, было украдено с порогов домов. В комнате было жарко из-за четырех газовых обогревателей, стоящих в каждом углу и включенных на полную мощность. Вдоль стены стояли пустые газовые баллоны. Мне не верилось, что Альфред смог принести их сюда один, без посторонней помощи. Возможно, они были здесь еще до его возвращения, может быть, Уитчеры по одной им ведомой причине хранили их в этом помещении. На случай внезапных перебоев с электричеством? На случай конца света? Или как очередное доказательство того, что Альфреду помогает нечистая сила?

Альфред, естественно, использовал газовые обогреватели для того, чтобы содержать свой зверинец. Я как будто вновь очутилась в доме у Шона, только в кошмарном параллельном мире. Повсюду стояли сделанные на скорую руку виварии: большой садок для рыбы с крышкой из фанеры, пластмассовые ящики, металлические ведра, даже коробки для обуви. Я осторожно приподняла крышку на одной из них и обнаружила штук шесть извивающихся молодых ужей.

Я обошла комнату, заглядывая в клетки, осторожно приподнимая крышки сосудов и коробков. В одном из ведер я обнаружила мертвую гадюку и еще одну, которой тоже скоро суждено было сдохнуть. В пластмассовом ящике лежали восемь змеиных яиц. Ужам еще слишком рано откладывать яйца, но, по-видимому, жара в комнате нарушила цикл размножения.

Все животные были больны. Их содержали в недопустимых условиях — в тесноте и грязи. В комнате было слишком жарко для местных видов змей. Интересно, когда их последний раз кормили? Я вспомнила своих птенцов и наконец поняла, какая участь их постигла. Я продолжила осматривать комнату, пока не удостоверилась, что заглянула в каждую коробку, в каждый ящик. Обнаружила лишь местных змей. Половина из них были дохлыми или вот-вот должны были погибнуть.

Тайпана нигде не было. Равно как и следов пребывания здесь Мэта. Делать нечего — придется проверить остальную часть дома.

Я погасила фонарик и направилась к лестнице. Впереди была сплошная темень. Уже на середине пути я услышала какой-то шум, и это был не шум дождя снаружи. Я замерла, но звук не повторился, и я

продолжила путь. Я теперь не различала ступенек, ничего не видела впереди. Карабкалась на ощупь, вытянув одну руку перед собой, а другой цепляясь за стену. Я медленно ползла вверх.

Уже наверху, борясь с желанием вновь включить фонарик, я ощупала то, что меня окружало. С обеих сторон кирпичные стены. Я шагнула вперед, вытянув обе руки. Дерево. Мои пальцы коснулись его шершавой поверхности, а через секунду оно подалось — я толкнула дверь. Вглядевшись в темноту, увидела знакомую комнату. Именно в ней мы стояли с Мэтом за секунду до того, как на первом этаже разбился аквариум. Вдоль одной стены от пола до потолка стояли шкафы. Мэту не удалось открыть ни один из них, он решил, что дверцы перекосились от времени. Нет, не перекосились. Они были заперты изнутри, и я как раз выходила из недр одного такого шкафа.

Опять тот же шум, на этот раз громче, явственнее. По деревянному полу тянули что-то тяжелое. Глухое мычание, а потом — о Боже! — тихий стон. Я была уверена, что узнала голос. Нечто двигалось в мою сторону, оно было в соседней комнате. Я слышала тяжелые медленные шаги, слышала, как что-то тянут, как это что-то задевает углы, потом перемещается легче.

В вонючем, кишасщем змеями логове Альфреда спрятаться было негде. Я бы еще успела вскочить в люк, но тогда не узнала бы, что происходит у меня над головой. Нужно посмотреть, что — или кого — тащит Альфред. Я шагнула назад в шкаф, прикрыла дверь и отступила в сторону. Если, на мое счастье, шкафы, которые тянутся вдоль всей стены, сообщаются друг с другом, мне удастся спрятаться в самом укромном уголке, подальше от прохода и лестницы.

Но моего счастья для этого оказалось недостаточно. Я сделала всего лишь пару-тройку шагов и уперлась в деревянную стену. Я порылась в кармане в поисках ножа. Никогда не могла представить, что применю нож против человека, но я не собиралась сдаваться и складывать лапки. Дверь «моего» шкафа распахнулась.

Я затаила дыхание, вжалась в стенку шкафа и увидела бесформенную тень. Лишь по негромкому бормотанию я поняла, что передо мной человек. Он постоянно повторял что-то похожее на «хазза тон мэн». Что хотел сказать Альфред, мне было неизвестно. Тут он нагнулся, и я услышала ворчание, когда он за что-то взялся и стал заталкивать это в шкаф, к лестнице.

Его ноша была тяжелой, дышал Альфред с трудом, часто. При каждом выдохе из его груди вырывался свист. Семь месяцев жизни отшельника в

доме Уитчеров не пошли ему на пользу. Он закрыл дверь, и темнота стала кромешной. Он стоял не шевелясь и глубоко втягивал воздух носом. Потом затих — задержал дыхание.

Мы стояли с ним в кромешной тьме, которая напоминала космический вакуум, и я поняла, что он чувствует присутствие постороннего. Шли секунды, а он не двигался. Что он делает? Точно не прислушивается — Альфред не слышит. Надеется разглядеть что-нибудь? Зная, что меня может выдать блеск глаз, я заставила себя закрыть глаза. Неужели он ощущал мой запах, как я его? А может, он ощупывал стены и ждал, когда я выдам себя неосторожным движением? Теперь я не смогу вытащить нож, но я крепко держала в руке фонарик. Если Альфред шагнет ко мне, я изо всех сил ударю его фонариком по голове. Я больше не могла стоять с закрытыми глазами, поэтому приоткрыла их на миллиметр. Судя по застывшим очертаниям, самый опасный человек из всех, с кем мне доводилось сталкиваться, не двигался, он стоял всего в метре от меня.

Когда я, чтобы не закричать, начала мысленно считать до десяти, он шевельнулся, напряжение спало.

Я слышала, как он медленно, тяжело спускается по лестнице и тащит за собой свою ношу. С каждым шагом чье-то тело — а это, скорее всего, было тело — с глухим стуком билось о ступеньку, и я поняла, что во мне нарастает не столько страх, сколько ярость. Неужели это голова Мэта так глухо, с силой бьется о деревянные ступеньки? Сколько ударов может выдержать голова? А если будет сотрясение мозга? А если человек умрет?

Я шагнула вперед, думая лишь о том, что могу прыгнуть сверху и вцепиться в него, выдавить ему глаза...

«Не смей!»

Нужно было что-то делать. Я не могла просто стоять и...

«Клара, ради всего святого! Он намного сильнее тебя. Подожди, подумай».

Меня била дрожь, и я с трудом удерживала себя на месте, опасаясь быть замеченной с лестницы. Шум внизу говорил о том, что Альфред теперь двигается легко. Он больше ничего — или никого — не тащил. Потом скрип дерева и дрожь стены, о которую я опиралась, сообщили мне о том, что Альфред поднимается по лестнице. Я шагнула назад. Он возвращается за мной?

Я закрыла глаза, опустила голову и затаила дыхание. Если он меня схватит, я буду биться как тигрица. У меня есть фонарик, а в кармане нож — почему я его не достала, когда была возможность?

Альфред вскарабкался по лестнице. Он на мгновение остановился,

втянул носом воздух, и я поняла: все кончено. Я кожей чувствовала, что он смотрит прямо на меня. Я была готова прыгнуть на него. Но тут я услышала скрип петель — дверцы шкафа вновь открылись. В сумеречном свете, льющемся из комнаты, я увидела, как Альфред шагнул из шкафа и закрыл за собой дверь.

Я прислушалась к звуку удаляющихся шагов.

«Что ж, настало время для решительных действий!»

Ладно, ладно! Я шагнула вперед и включила фонарик. За секунду я нашла деревянные щеколды, которые надежно запирали шкафы изнутри. Я задвинула их.

Отдавая себе отчет, что запертые дверцы для Альфреда отнюдь не проблема, я повернулась и стала поспешно спускаться по ступеням. Со светом было намного проще. Внизу я сразу налетела на лежащее ничком у стены тело. Мне не нужно было заглядывать в лицо, чтобы понять, кто передо мной. Я когда-то надевала эту куртку.

Я схватила Мэта за плечо. Когда я разворачивала его к себе лицом, он тихонько застонал. Сначала я испытала громадное облегчение от того, что он все еще жив, но через секунду увидела его заплывшие кровью серые глаза. Кровь сочилась и изо рта. С губ слетали отрывистые хриплые звуки, и я поняла, что ему трудно дышать.

— Мэт!

Глупо было вести разговоры, шуметь, но я не могла ничего с собой поделаться. Мэт сфокусировал взгляд на мне. Его губы опять задвигались.

— Рука, — выдохнул он.

Я попыталась повернуть его так, чтобы можно было осмотреть правую руку.

Мне удалось стянуть с него куртку и освободить руку. Рубашка была красной от крови. Я наконец нашла нож и разрежала пропитавшуюся кровью ткань, пока не добралась до тела.

Это не был укус гадюки. Если бы даже не было обильного кровотечения, я все равно сразу поняла бы чей. Тайпан укусил его в плечо. Кожа вокруг укуса начала опухать и синеть. Его плоть умирала у меня на глазах. Яд, распространяясь в организме, разъедает внутренние органы, постепенно перестают выполняться жизненно важные функции. Через некоторое время Мэт не сможет самостоятельно дышать. К утру его внутренние органы разложатся. Он превратится в оболочку, наполненную гнилью.

«В случае укуса у тебя есть всего несколько часов, так?»

Мэт вышел из дому чуть больше часа назад. Время еще было. Из

одного из бесчисленных карманов своей куртки я достала контейнер с пузырьками, которые дал мне Шон, и шприц, взятый мною из аптечки «лендровера». Обычно я беру шприц, когда нужно ввести транквилизатор крупным млекопитающим. Я посчитала Мэту крупным млекопитающим. Бросила взгляд на инструкцию на контейнере. Вводить противоядие необходимо медленно, желательнее через капельницу. Сейчас не тот случай, но осторожность соблюдать нужно. Я набрала жидкость в шприц, нашла вену и затем неимоверно медленно, следя за секундной стрелкой на своих часах, ввела Мэту единственное в мире средство, способное его спасти. Взяла второй пузырек и проделала то же самое. Потом пришлось подождать.

Я не могла ввести Мэту противоядие без перерыва. Это наверняка убило бы его. Я дала ему шанс выжить, но его необходимо было срочно доставить в больницу. Я нашла в его куртке внутренний карман, намереваясь положить туда остальные пузырьки, но для этого мне пришлось вытащить оттуда сложенный лист бумаги. Я бы не стала читать, что там написано, если бы не заметила имя Клайва Вентри и адрес в левом верхнем углу листа.

Я знала, что теряю драгоценное время, но все же развернула бумагу и посветила фонариком на отчет из генетической лаборатории, адресованный Клайву. Вначале ему выразили благодарность за присланные образцы, а затем сообщалось, что эти образцы тестировались по методу короткого концевоего повтора полиразмерной цепной реакции ДНК — самому современному и надежному методу. По результатам анализа с долей вероятности в 99,99 % можно утверждать, что объект А не имеет никаких биологических связей с объектом Б.

Уж не об этом ли Клайв хотел сообщить Мэту? Вполне вероятно, но я понятия не имела, что все это значит. Я понимала, что времени у меня в обрез, поэтому засунула документ в свой карман, положила противоядие в карман куртки Мэты и потом авторучкой написала на его лбу слово «карман». Ни на что не надеясь, проверила мобильный. Сигнала не было.

Дышал Мэт неглубоко, с трудом и очень часто. Он страдал от невыносимой боли. А дальше будет еще хуже. Но он должен был встать и идти.

Я положила нож в карман брюк и, подхватив его под мышки, подтянула к себе. Он находился в сознании, но в любую минуту мог впасть в забытье.

— Ну, давай же, — бормотала я настолько громко, насколько могла себе позволить. — Нужно убираться отсюда. Нужно ехать в больницу.

Я рванула его на себя, пытаюсь поднять, но он был слишком тяжел. К моменту, когда мне все-таки удалось его усадить, я чуть не рыдала от безысходности. Мне ни за что не спустить его по лестнице, ни за что в одиночку не вытащить из пещеры! Я обхватила его голову, заставив смотреть на меня.

— Мэт, Шон дал мне противоядие. — Его лицо было всего в нескольких сантиметрах от моего. Я по глазам видела, что он меня понимает. — Если удастся доставить тебя в больницу, все будет в порядке. Но если ты останешься здесь — умрешь. Тебе необходимо встать.

И, слава Богу, он встал. Он сделал невероятное усилие — как только выдержало его бедное сердце, ослабленное ядовитым коктейлем, который неизбежно распространялся по всему организму! — и всем своим весом навалился на меня. Ему даже удалось какое-то время удержаться на ногах. Но потом он упал на четвереньки, но и это было хорошо. Он смог ползти. Я подталкивала его вперед, постоянно подгоняя, пока мы не достигли люка.

Как я, скажите на милость, могла одна спустить его вниз?

«Клара, ради Бога, включи мозги! Как ты поднимаешь коосулю?»

Веревка! Я уверена, что видела веревку. Обернувшись, я обнаружила ее. Тонкая нейлоновая веревка, вероятнее всего бельевая, но и она подойдет. Я схватила ее, продела у Мэта под мышками и завязала на груди беседочным узлом. Потом я поискала что-нибудь прочное, чтобы уменьшить нагрузку на руки. Ничего подходящего не было видно, оставалось воспользоваться лестницей. Я перекинула веревку через верхнюю ступеньку, а конец обвязала вокруг своей талии. Затем подтолкнула ноги Мэта, пока они не стали свободно свисать в отверстие люка. Мы встретились взглядами.

— Здесь мне понадобится твоя помощь, — сказала я.

Губы его искривились, он протянул руку и взялся за верхнюю ступеньку. Потом он провалился в люк, и нейлоновая веревка глубоко впилась мне в талию и руки.

Я оказалась не готова к этому, тело Мэта своей тяжестью увлекло меня за собой. Я обеими ногами уперлась в верхние ступеньки лестницы. Теперь Мэт болтался в воздухе, а веревка впилась мне в тело, разрезая его пополам. Я стала потихоньку отпускать веревку. По сантиметру. Мэт уже приближался к скале внизу. И тут в глубине дома послышалось движение. Альфред вернулся!

Я рискнула выпустить побольше веревки. Лестница скользнула в сторону, и Мэт кулем свалился на землю. Он чуть не утащил меня за собой, но в последний момент я бросила веревку вниз.

Самое плохое было позади, я выровняла лестницу и за считанные секунды спустилась к Мэту. Обрезала веревку, связывающую Мэта, и, оставив его лежать, где упал, побежала за шляпкой и вытащила ее из зарослей ежевики. Затащила шляпку в пещеру, привязала к вмурованному в скале железному кольцу и на секунду задумалась: а как же погрузить туда Мэта?

— Прости, Мэт, — прошептала я, понимая, что это единственный способ.

Я рывком потянула его на себя, держа за плечи, потом за спину, опять за плечи, таким образом перекатила через каменную пристань и, прикрывая его голову, сбросила в шляпку. Убедилась, что его ноги и руки в шляпке и голова защищена.

Пока все шло хорошо. Мне осталось только отвязать канат, забраться в шляпку — и вода сама отнесет нас к тому месту, где я оставила «лендровер». Потом доеду до ближайшего отделения «Скорой помощи», и врачи введут оставшееся противоядие. Люди выживали после укусов тайпана, если им вовремя вводили противоядие и доставляли в больницу. С Мэтом все будет хорошо.

Через секунду я учуяла новый запах — запах трубочного табака.

«Клара, осторожно!» — громко прокричал голос мамы в моем мозгу. Я отпустила канат и с силой оттолкнула шляпку. В дело вступила река, шляпка поплыла прочь из пещеры, в лощину. Я обернулась как раз в тот момент, когда знакомая коренастая фигура была уже на нижней ступеньке лестницы, и поняла, что именно Альфреда я видела на поле возле дома Вентри, когда он ловил змей, а не братьев Кич. Альфред включил фонарь и направил его прямо на меня. На секунду я задумалась, не прыгнуть ли мне в воду и не поплыть ли вниз по течению за шляпкой с Мэтом? Был ли хоть крошечный шанс, что меня не поймают? Я шагнула назад.

Если той ночью в поле был Альфред, то с кем?

В следующее мгновение я, похоже, услышала гром. Вероятнее всего, мне на голову опустился тяжелый камень. Все зарябило перед глазами, как кадры старого фильма на обветшалом экране. Потом и это исчезло.

Открывать глаза не хотелось. Как я могла испытать такую боль и остаться в живых? Мне, должно быть, раздавило череп, иначе как еще можно объяснить нестерпимую головную боль? Меня тошнило, я знала, что меня вот-вот вырвет, но не могла пошевелиться. Я так и умру здесь, на этом мокром каменном полу, задохнувшись собственными рвотными массами, и это покажется мне благословенным избавлением.

Я не вырвала. Рвать было нечем, но внезапный приступ кашля вынудил меня открыть глаза. Шершавый меловой пол пещеры изменился. Здесь камень был гладко обтесан, а этот ужасный пронзительный писк стоял не в моих ушах. Его издавали десятки крошечных существ, круживших высоко над моей головой. Я находилась в старой церкви.

Пряжка спасательного жилета впилась мне в грудь. Я попыталась вытянуть одну руку, чтобы чуть приподняться, ощупать голову и оценить повреждения, но не смогла. Мои руки были привязаны вдоль тела той же нейлоновой бельевой веревкой, которую я использовала, чтобы спустить Мэта в пещеру из дома.

Лежа ничком на каменном полу, я мало что видела. Даже двигая глазами, я испытывала боль. Но я видела, что лежу у центрального нефа. С одной стороны я чувствовала запах застоявшейся воды в крестильном бассейне, в том самом, где чуть не утопили Альфреда. И уже стала различать несколько рядов скамей: некоторые перевернуты, другие на своем месте. Я увидела и самого Альфреда, всего в каких-то трех метрах от себя. Он спокойно сидел в первом ряду.

Я моргнула и сфокусировала на нем взгляд. Очень похож на Уолтера. Только глаза чуть меньше и подбородок резче очерчен. У Альфреда волос было больше, чем у Уолтера, и он сам был чуть крупнее. В остальном они были как родные братья. Их, при неярком освещении и на расстоянии, легко можно было перепутать. Вот только я не смогла бы представить, чтобы у Уолтера на коленях (как сейчас у Альфреда) лежал тонкий папуасский тайпан. Я увидела, как заскоруждые пальцы погладили змею, пробежалась вдоль всего ее тела. И змея позволяла себя гладить, она и не думала убегать или защищаться.

«Лежи тихо», — велела я себе, вновь закрывая глаза. Пока Альфред думает, что я без сознания, он меня не тронет. Если Рэчел удалось дозвониться в полицию и в точности передать мои слова, они вот-вот

подоспеют. Возможно, они уже в поселке, идут по моим следам или даже направляются за Мэтом в дом Клайва Вентри. Они найдут тело Клайва. Станут искать Мэта. И меня.

Но последний раз, когда я пыталась позвонить, сигнала не было. После обнаружения тела Клайва Мэт, должно быть, запросил помощь по рации. Поскольку речь шла об очередном убийстве, полиция, если нужно, доберется в поселок и пешком. Но это в том случае, если Мэт видел Клайва. Если он заметил лишь выходящего из дома Альфреда и решил за ним проследить, тогда он подмогу не вызывал. Господи!..

Роза Скотт, администратор психиатрической лечебницы! Она должна забить тревогу, сообщить властям, что Альфред появился в своем родном поселке. Так или иначе, помощь не за горами. Должно быть, не за горами. Меня найдут, это лишь вопрос времени.

Какое-то движение в церкви. Шаги. Но Альфред сидел на том же месте. Забыв приказать себе лежать не шевелясь, я напряглась.

— Кажется, вы проснулись, дорогая моя.

Губы Альфреда не двигались, но я бы никогда и не подумала, что это мог произнести он. В тихом, хорошо поставленном голосе человека, который обращался ко мне, не было и намека на деревенский говор. Арчи Уитчер, говорящий со всеми оттенками и модуляциями речи коренных жителей своей второй родины — южных штатов США, — наконец вернулся домой.

Я подогнула под себя ноги и, рывком перевернувшись, встала на четвереньки. Капающая с головы кровь уносила с собой боль. Я смогла разглядеть говорящего — передо мной стоял высокий, со все еще прямой спиной, старик.

Арчи был красив, как я уже слышала, намного красивее, чем на фотографии. В молодости он, должно быть, был настоящим красавцем, настолько идеальными были черты и пропорции его лица. Белую кожу покрыла сеточка морщин (как и должно быть у человека его возраста), но лицо оставалось пленительным, притягивало взгляд, особенно глаза — добрые, светло-бирюзовые, окаймленные черными ресницами. Он отлично сохранился для своих семидесяти с лишним лет. А после того, как унаследует состояние своего племянника, оставшиеся годы жизни вообще покажутся ему раем.

Но меня все-таки точил червячок разочарования. Неужели все это задумывалось ради денег? Неужели Арчи вернулся домой, избежав скандала и возможного приговора на своей второй родине, в Америке, только для того, чтобы получить огромное состояние, которое унаследует в

случае безвременной кончины племянника?

— Мне очень жаль, мисс Клара, что вы претерпели некоторые неудобства, когда вас переносили, — сказал Арчи, глядя на меня с высоты своего огромного роста. — Если хотите, могу дать воды.

Я кивнула, прохрипев: «Да, пожалуйста». Мне нужно было выиграть время. Бегство невозможно, но помощь уже близка. Я должна продержаться.

Арчи повернулся и пошел прочь, а я вспомнила поселковое собрание в доме Клайва Вентри, состоявшееся ровно неделю назад. Тогда я заметила, как высокая фигура, вся в черном, скрылась в коридоре второго этажа. Роза Скотт рассказывала мне о том, что Альфреда навещал импозантный мужчина, который говорил с акцентом. Я решила, что это был Клайв, но ведь с таким же успехом это мог быть и Арчи.

Когда Арчи исчез из виду, я стала размышлять над тем, чья же рука нанесла Клайву удары, оборвавшие его жизнь. Альфред продолжал рассеянно гладить змею; он казался всего лишь печальным, немного озадаченным стариком. Явно это он тогда забрался в мой дом и напугал меня до смерти, но... Шаги возвращались.

Альфред, следует признать, той ночью не причинил мне никакого вреда. Ему представился еще один шанс несколько дней спустя, в меловой шахте. Я стояла от него на расстоянии вытянутой руки, чувствовала его дыхание, но он меня не тронул. Неужели это Альфред убил четырех человек? Или Альфреда использовал его кузен Арчи? Это он помог Альфреду убежать из больницы? Он спрятал его в их старом доме, снабжал едой и топливом? Неужели появление Альфреда в поселке — всего лишь прикрытие и это Арчи организовал инциденты со змеями, будучи уверенным, что все подумают на Альфреда?

Арчи подошел ближе, нагнулся так, что его лицо оказалось почти на одном уровне с моим. На нем были черная рубашка и брюки, но я заметила десятки блестящих темных пятнышек на его одежде. Из-за руки, державшей стакан, вода имела красноватый оттенок. Его рука напоминала руку мясника. Я взглянула на Альфреда. Одежда на нем была грязной, но, насколько я видела, пятен крови на ней не было. Я, кажется, поняла, кто из этих двоих превратил голову Клайва Вентри в кровавое месиво.

Но вся вина падет на Альфреда. Я теперь понимала и суть уловки. Альфреда, если его признают виновным, просто отправят назад в больницу, где он прожил последние пятьдесят лет. Но зачем Арчи, помимо своего богатого племянника, убивать еще троих? Какая ему польза от смерти Джона Эллингтона, Виолетты Баклер и Эрнеста Эмблина?

Арчи поднес стакан к моим губам, я стала пить. Холодная вода облегчила мое состояние.

— Спасибо, — поблагодарила я каменный пол, когда стакан убрали от моего рта. — Я могу... могу задать вам вопрос, преподобный Уитчер? Пожалуйста.

Я продолжала смотреть в пол и говорила очень тихо. Он не должен заподозрить, что я представляю хоть какую-то угрозу для него.

— Конечно, дорогая моя.

Дыхание Арчи имело резкий кисловатый запах, как у человека, который долгое время ничего не ел. Говорил он шепотом. Мы негромко разговаривали в Богом забытой церкви, а за ее стенами бушевала гроза. О чем я могла спросить, не вызвав у него опасений? Наконец придумала.

— Почему... зачем Альфред оставил змею в детской кроватке? — спросила я, не решаясь поднять глаза.

Арчи покачал головой — воплощение скорби.

— Я благодарил Господа, что вы успели вовремя, мисс Клара, — сказал он. — Могла случиться настоящая трагедия. Милая невинная крошка...

— Но... трагедия... Он не хотел причинять малышке вред?

— Разумеется, нет. Родители малышки разводят кур. У них недавно вылупились цыплята. Альфреду они понадобились, чтобы... — Он смотрел на меня так, будто врожденная деликатность не позволяла ему выразиться яснее.

— Кормить змей, — подсказала я, опять опуская глаза.

— Да, именно. Как я понял из его слов, родители малышки проснулись, когда он забрался к ним в дом. И он в спешке выронил змею, свою любимицу. Так же произошло и в случае с тайпаном в доме доктора Эмблина. Милый Альфред обладает массой талантов, но на него не всегда, к сожалению, можно положиться.

Значит, он не собирался убивать малышку Софию и детей Паулсонов. Они просто подвернулись под руку.

— Как Альфред проникает в дома? — Это было первое, что пришло мне в голову. Я знала, как он попал в мой, но как в остальные? — Пользуется старыми ключами Эделины?

Подняв глаза, я увидела, что Арчи улыбается и едва заметно качает головой.

— Милый Альфред такой изобретательный, — сказал он. — Даже не знаю, как у него все это получается, мисс Клара. Старые ключи Эделины, разумеется, помогли, но у Альфреда настоящий дар проникать куда бы то

ни было. Едва ли в округе найдется дом, который был бы ему незнаком. Понимаете, он вырос в этом поселке.

Но и сам Арчи тоже здесь вырос. И что-то в его акценте не давало мне покоя. Пусть даже прошло пятьдесят лет, но неужели его речь стала звучать настолько по-американски? И дело не только в произношении, он полностью впитал ритмику речи и фразеологию другой нации.

Он вновь нагнулся ко мне.

— Кстати, мисс Клара, что вы сделали со вторым тайпаном? Понимаете, Альфред очень привязан к своим змеям. Он в доме в Лайм-Андерклиффе?

Несколько дней назад на Андерклиффе Шон удивился, встретив пожилого американского туриста, который, по его словам, искал орхидеи. Через два дня кто-то пытался забраться к нему в дом. Теперь все стало на свои места. Арчи следил за мной, знал, что я выведу его на тайпана. Он хотел вновь получить свое смертоносное оружие.

Я чуть повернула голову, чтобы видеть Альфреда. Он внимательно наблюдал за нами, а когда я говорила, не сводил глаз с моего рта.

— Она в полной безопасности, твоя красавица змея, — медленно проговорила я, продолжая смотреть на Альфреда. — О ней хорошо заботятся.

Маленькие глазки Альфреда еще больше сузились, а пальцы, поглаживающие змею, задрожали.

— Ты ведь поэтому забрался в мой дом, да? Искал ее? Я могу ее вернуть.

Арчи качнулся на каблуках, готовясь встать.

«Спроси его о чем-нибудь. Пусть продолжает говорить».

— А почему мы в церкви? — поинтересовалась я, когда Арчи поднялся. — Теперь, когда вы вернулись, будете здесь отправлять службы?

Он не ответил, а подошел к ступеням перед алтарем, поднялся по ним и опустился на колени позади алтаря.

«Заставь его говорить».

— Мой отец архидьякон, — в отчаянии прокричала я, понимая, что очень скоро узнаю ответ на свой вопрос и мне он не понравится. — Ему бы было интересно узнать о вашей церкви. О вашей работе в Америке.

Я не видела, что делал Арчи, но слышала звук застегиваемой «молнии», какой-то шорох.

— Уверовавших же будут сопровождать сии знамения! — выкрикнула я. Как там дальше? Черт возьми, как там дальше? — Именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей... и...

и...

Бесполезно, совершенно бесполезно, он не возвращался, сейчас что-то тяжелое опустится мне на голову и мозги брызнут во все стороны. А пол он вымоет водой из бассейна? Я открыла рот, чтобы закричать.

Сзади меня схватили за плечи.

— Вы впустили в свое сердце Господа нашего и спасителя Иисуса Христа, мисс Клара?

Я поняла, что неистово киваю головой.

— Я очень рад. — Теперь он стоял совсем близко. Я чувствовала запах трубочного табака, исходящий от его одежды, ацетоном пахло его дыхание, и присутствовал едва ощутимый запах крови. Его руки стали массировать мои плечи. — В эти последние дни на земле, когда все истинно верующие будут спасены, а грешники будут гореть в геенне огненной, я так рад, что вы, мисс Клара, пришли к Господу.

Я чувствовала, что место сковывающего меня изнутри ужаса занимает разрастающийся гнев. Я знаю, кто такой Божий человек. Это человек, принявший сердцем Христа, и он не имеет ничего общего с дьяволом, прикасающимся ко мне сейчас своими ручищами.

— Да будут благословенны ученики Ильи-пророка, да будут благословенны святые, которые без усталости трудятся над искоренением греха и разврата в эти последние дни. — Он наклонялся все ближе, тонкая кожа на его щеке касалась моей щеки, он наваливался на меня всем телом. Его руки опустились ниже. А я с каждой секундой злилась все сильнее. Я не хотела, чтобы меня лапали, он-то уж во всяком случае.

— Именно поэтому мы и в церкви, моя дорогая, — произнес он, опять понижая голос до шепота. — Пусть наш друг Альфред еще поживет в своем старом доме. Если вас найдут там, мисс Клара, жилище тщательно обыщут. Обнаружат его убежище, его маленькую коллекцию. Этого пока не должно произойти.

Арчи выигрывал время. Совсем как раньше, когда попытался свалить вину на меня. Когда подкинул гадюку в мой подвал, состряпал поддельное завещание на моей бумаге и оставил его в доме у Виолетты. Выигрывал, насколько мог, время. Зачем? Что это чудовище еще собиралось сотворить?

Во мне боролись злость и страх, но я понимала, что лучше бы победил страх. Страх парализует меня, делает покорной, а это поможет мне сохранить жизнь. Альфред, все еще сидевший в первом ряду и по-прежнему поглаживавший тайпана, не сводил с нас глаз.

— Я вижу, вы беседовали с Руби Моттрам, — сказал Арчи. — Где она, мисс Клара?

Победила злость. Неужели эта немощная старушка станет очередной жертвой? Я вскинула голову и посмотрела на Арчи.

— Вы не сможете остаться в стороне... — начала было я. Взглянула в эти холодные голубые глаза — и все стало на свои места. «Глаза, словно зимнее небо». О Боже! Должно быть, мои собственные глаза расширились от ужаса, может быть, я невольно дернулась назад. Как бы то ни было, он заметил происшедшую во мне перемену.

«Клара, нет! Молчи! Хуже будет».

Он впился в меня взглядом. Я не собиралась отводить взгляд. Он открыл было рот, но настал мой черед говорить.

— Вы не Арчи Уитчер, — заявила я.

Голубые глаза превратились в щелочки.

— Я Арчи Уитчер. Кто же еще, мисс Клара?

«Клара, он безумец. Не зли его».

Я намеренно пыталась говорить медленно, не кричать.

— Арчи Уитчер покоится на церковном кладбище. Он лежит там уже пятьдесят лет. В могиле, на которой написано ваше имя. Вы даже заплатили за надгробие.

— Моя дорогая...

— Вы не из Дорсета. — Я попыталась встать, он не препятствовал мне. — Человек родом из Англии никогда не будет говорить так, как вы. Даже если проживет в Америке сто лет.

Почти получилось, почти встала. Он все еще не мешал мне. Он подымался вместе со мной.

— И знаете что? — продолжала я. — У Арчи Уитчера были карие глаза. Темно-карие. Несколько человек упоминали об этом. Вчера в участке я видела вашу фотографию из досье, цветную. Я должна была сразу догадаться. Карие глаза не становятся голубыми. Даже спустя пятьдесят лет.

При этих словах он наконец шагнул ко мне. Такой высокий, настоящий великан. Схватил меня за плечи и притянул к себе.

— Арчи Уитчер той ночью сгорел заживо, — прошипела я ему в лицо. — Той ночью, когда вы чуть не убили Альфреда. Ваши змеи укусили троих. Двое умерли. Вы знали, что полиция будет проводить расследование, вам предъявят обвинение, поэтому сбежали на родину. Но вы не стали возвращаться под собственным именем, на родине вас тоже разыскивала полиция — за убийство собственного отца. Поэтому вы украли жизнь у Арчи. Вы пятьдесят лет выдавал и себя за другого человека, а теперь вернулись, чтобы украсть деньги его племянника.

Он куда-то направился, увлекая меня за собой. Я вынуждена была уцепиться за него, чтобы не упасть. Мы обошли бассейн для крещения, проходя в опасной близости от него. Со скамьи первого ряда, не выпуская из рук тайпана, поднялся Альфред.

— Вот почему умерли эти люди! — Мой голос перешел на визг. — Джон Эллингтон, Виолетта, доктор Эмблин. Они вас знали. Могли бы узнать. Вы убиваете людей, которые знают, что вы не Арчи.

«И теперь ты одна из них. Ох, Клара, когда ты поумнеешь?»

Мы остановились. Он, продолжая крепко сжимать мое плечо, нагнулся, и его лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от моего. Мне показалось, что краешком глаза я увидела, как Альфред шагнул вперед.

— И кто же я, Клара? — прошептал он. — Если я не Арчи, тогда кто?

— Джоэль Фейн, — выдавила я без всякого почтения к его возрасту. — Ты преподобный Джоэль Морган Фейн. Ты пятьдесят лет назад был священником в этой церкви. Люди доверяли тебе, шли за тобой, а ты...

Я не могла продолжать. Фейн изменился. Он отпустил меня, выпрямился и глубоко вздохнул. Закрыв глаза, по его телу пробежала дрожь. Когда его глаза вновь открылись, передо мной, я готова была поклясться, стоял другой человек, как будто размытый кадр наконец стал виден в фокусе. Глаза его горели, он даже стал выше ростом. Заговорил, и даже голос у него стал молодым и крепким.

— Спасибо, Клара, — сказал он. — Так приятно слышать звук собственного имени.

Я отступила назад, но потеряла равновесие и схватилась за перила у алтаря. Джоэль Фейн шагнул ко мне. За его спиной двигался Альфред, подходя к нам все ближе и ближе.

— Я слышал о тебе, Клара, — прогудел Фейн. — Даже укрывшись в стенах дома Вентри. Слуги и жители поселка поговаривают о красавице со шрамом, которая прячется здесь от всего света. Судачат о твоей матери, о том, что ты с ней сделала. Ты убила собственную мать, Клара. Она напивалась до смерти, потому что не могла видеть тебя. Верно?

Голос мамы в моей голове молчал. Успокаивающие мудрые слова, которые вели меня по жизни, извратились в устах Джоэля Фейна. Однако я признала его правоту. Смерть матери на моей совести. Она тянулась к бутылке всякий раз, когда смотрела на меня. Фейн протянул руку и провел ею по моей щеке со шрамом.

— Клейми грешника, — прошептал он, — несущего Каинову печать.

Где-то в подсознании билась мысль.

— Ты знаешь, что случается с теми, кто убивает своих родителей, Клара? — Он продолжал меня касаться.

— Их наказывают, — захныкала я и почувствовала, что щеки стали влажными.

Фейн поднял руку, и мы оба смотрели на следы слез, блестевшие на обогранных кровью жертв пальцах. Потом он нагнулся и кончиком языка провел по моей щеке к уголку глаза, вдоль линии волос, слизывая слезы, как будто наслаждаясь вкусом боли. Я изо всех сил старалась сдержаться, не откинуть голову и не завывать. Потом он отстранился. Он не сводил с меня взгляда, но я уже не была уверена, что он меня видит.

— Наказывают, наказывают, — повторил он, — как наказали меня.

В мгновение ока он расстегнул рубашку и буквально сорвал ее с себя. Местами кожа на некогда отлично сложенном теле обвисла, местами виднелись багровые, искорежившие тело шрамы от сильных ожогов. Он протянул мне свои руки, чтобы я их рассмотрела. Еще шрамы, но уже не от ожогов.

— Мой отец держал мою голову под водой, ты знала об этом, Клара? Держал, пока я не ощущал, что мое тело вот-вот разорвется от боли. Но я не умер. Мое тело горело в этой церкви, но я не умер. — Он протянул мне обе руки. — Змеи, эти ползучие гады, много раз кусали мою плоть и отравляли ее, но я не умер. Глашатаи смерти не могут причинить мне вред, Клара. Господь Бог дал мне силу над смертью. Я истинный ученик Ильи, я глашатай последних дней царства Божия!

Он внезапно шума мы оба вздрогнули. Одна из летучих мышей летала между труб органа, она размахивала крыльями, издавая звук, похожий на завывание ветра в старых колоколах. Услышат ли люди в поселке? Вероятно, нет, но...

Я повернулась и побежала прочь от алтаря. Налетела на кафедру, но мне как-то удалось удержаться на ногах, и я бросилась за хоры. Там я подпрыгнула и упала лицом на клавиши органа. Давным-давно молчавшие трубы ожили, звук разнесся по церкви. Летучие мыши начали пищать, перепуганные грачи метались по нефу. Схватив меня сзади за волосы, свободной рукой Фейн зажал мою шею. Он рванул меня к себе, потащил по полу, вниз по ступеням перед алтарем, к бассейну. Мы остановились, и он поставил меня на ноги.

— Я видел, как восстают умершие, Клара, — сказал Фейн, но его взгляд больше не встречался с моим. — Я могу воскресить тебя, если вера твоя сильна. Воскресить? Может, мы вместе воскресим твою мать?

— Прекрати.

Пузырьки пены появились в уголках его рта.

— Может, воскресим твоего красавчика полицейского?

— Он жив! — Не успели слова слететь с моих губ, как я поняла, какую глупость совершила.

Фейн и Альфред примутся искать Мэта, как только со мной будет покончено. И найдут, уж будьте уверены.

— Пока жив! Тайпан — самое ядовитое пресмыкающееся на земле. Этот глупец Вентри понятия не имел, что привез с собой из путешествия. Он думал, что яйца мертвые. Я отнес их Альфреду. Я знал, что, если кто-то и сможет сделать так, чтобы из яиц вылупились змееныши, так это только он.

Мы стояли у края бассейна, возле ступеней перед алтарем. Насколько я могла видеть, Альфред не сводил с нас глаз. Я нагнула голову, чтобы он видел мои губы.

— За все содеянное тобой ответит Альфред, — заявила я. — Таков был твой план, верно? Ты помог ему бежать, потому что знал: рано или поздно люди поймут, что старики умирают не сами по себе. Потом обнаружат мое тело, тело Мэта, Клайва Вентри. Все решат, что это дело рук Альфреда. Он вернется в психушку, а ты получишь все деньги Клайва.

Фейн наваливался на меня сверху, пытаясь прижать к полу. Я сопротивлялась, но понимала, что надолго меня не хватит. Он был очень сильным, к тому же руки у него не были связаны.

— И все его змеи погибнут! — прокричала я для Альфреда. — Они уже погибают. Ты же не станешь заботиться о них, верно?

— Что за... — Терпение Фейна лопнуло.

Он наотмашь ударил меня по лицу. Потом подбил мои ноги так, чтобы я упала. Я чуть не потеряла сознание от боли в спине, когда ударилась о каменный пол. Но краешком сознания я поняла, что лежу на пластике. На большом черном пластиковом мешке с «молнией» посередине. В подобных мешках в моргах хранят трупы. Только этот мешок, судя по размерам, был предназначен для трупов животных, более крупных, чем человек. Такие мешки есть в зоопарках. У нас в ветклиникоже есть такие, на случай если погибнет, к примеру, олень. И у меня в подвале есть такие. Я умру в своем собственном мешке.

Я, извиваясь, поползла от бассейна. Фейн ногой ударил меня в живот, и я затихла.

Как сквозь туман я наблюдала за Фейном, а он протянул руку и взял большой камень, отвалившийся от стены. Он положил его у меня в ногах и пошел к алтарю. Альфред подошел ближе и стал смотреть в бассейн, на его

лице был написан ужас. Фейн приблизился к Альфреду и протянул руку, чтобы взять змею. Альфред шагнул назад и, казалось, еще крепче прижал к себе тайпана.

Я видела, как Фейн покачал головой и что-то сказал Альфреду, но я слышала лишь звенящую тишину. Кажется, я видела, как Альфред слегка ударил змею по голове, но не уверена. Потом он передал тайпана Фейну, и тот направился ко мне.

От меня, лежащей на каменном полу, не способной пошевелиться, до мужчин, передающих один другому змею, было всего несколько метров, но Фейн, казалось, шел ко мне целую вечность. Потому что я успела о многом подумать: о том, что змея, которая укусила Мэта, сейчас укусит и меня, и это непостижимым образом связывало нас с ним. Что, если Мэт не утонет в реке, если не погибнет из-за бури, если доберется до больницы вовремя, он будет всегда меня помнить, потому что нелегко забыть человека, принявшего твою смерть.

А потом я подумала, что должна была умереть именно так. Должна познать муки роена *cullei*, потому что Фейн прав. Я стала причиной смерти матери. Из-за меня она спилась до смерти.

И последнее, что мне пришло в голову, когда Фейн опустился возле меня на колени и положил тонкое, почти невесомое тело змеи мне на грудь: Шон будет очень, очень зол на меня.

Тяжелый камень из кладки стены помещен внутрь мешка, «молния» застегнута. Я не двигалась. Не двигался и тайпан. Я едва ощущала его вес, такой легкой была змея, но я знала: ее голова всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Потом меня схватили две сильные руки. С силой толкнули, и я с каменного пола соскользнула в воду.

И нас потянуло вниз, двух существ, которым судьбой было уготовано погибнуть вместе. Все глубже и глубже — туда, откуда ничего не видно, ничего не слышно. Не двигаясь, мы опускались все ниже, у меня в ушах зашумело. Я почувствовала, как мир вращается вокруг меня, как все, что я любила, несется вверх, будто уплывает прочь сама жизнь. И мне захотелось броситься за ней, притянуть ее к себе, потому что еще никогда мне не было так одиноко.

Ощувив себя в этом аду, таком холодном и всепоглощающем, я поняла, что больше не тону. Подо мной было каменное дно. И в моем аду воняло пластмассой.

Я все еще могла дышать.

Плотный полиуретановый мешок, в который запихнул меня Фейн, оказался водопроницаемым — мне поведали об этом пробивающиеся сквозь швы холодные струйки воды, — но пока он выдерживал давление воды, и внутри него осталось немного воздуха, которым я и мой пресмыкающийся друг могли дышать.

Блеснул лучик надежды — но я пока не решалась пошевелиться. Если змея меня укусит, мне конец. Противоядие уплыло вместе с Мэтом, да и было его немного — доза рассчитана на один укус. К моему удивлению, змея тоже не шевелилась. Но если пошевелюсь я, она занервничает и станет защищаться.

Столб воды давил на мешок, и мне все же пришлось медленно повернуть голову набок, чтобы продолжать дышать. Змея не шевелилась. Я стала из-за спины вытаскивать правую руку, пытаюсь дотянуться до брючного кармана, где хранила нож.

Моя рука лежала вдоль тела. Как раз на кармане. Но тело мое было крепко стянуто веревкой, и с каждым движением силы покидали меня.

Тут змея пошевелилась.

Я почувствовала, как она поползла по мне вверх. Ей не понравился мой мокрый, возможно, и холодный спасательный жилет. Она направлялась туда, где было теплее. Я чувствовала, как она заползает — такая невесомая, такая смертельно опасная — ко мне на плечо.

«Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам».

Неужели это мой голос? Или мамин? Я не знала. Но слова стучали у

меня в висках, а пальцы пытались забраться в карман.

Шелковистая кожа тайпана коснулась моей щеки, змея замерла. Я приготовилась к невыносимой боли, к ощущению впивающихся в мою плоть клыков — я осознала, что потеряла. Я, казалось, чувствовала змеиное дыхание. Потом змея снова поползла и коснулась моего лица.

Пальцы нащупали холодную рукоятку ножа. Еще несколько секунд, и я смогу его достать. Но мешок быстро наполнялся водой. А самая опасная в мире змея обвилась вокруг моей шеи, положив голову мне на лицо.

«...и ничто не повредит вам».

Я схватила нож, осторожно вытащила руку из кармана и попыталась разрезать ближайший виток веревки. Перерезать бельевую веревку оказалось делом недолгим. Я перерезала еще один виток, затем еще один, пока не смогла согнуть руку в локте, и тогда я нацелила острие ножа на пластиковый мешок прямо над своим лицом. Как можно глубже вдохнула — возможно, это мой последний вдох! — и резанула ножом вдоль мешка. На меня хлынула вода. Я все еще оставалась связанной и не могла плыть, но я нащупала шнурок на спасательном жилете (Фейн даже не догадывался, что он на мне) и потянула за него изо всех сил.

Спасательный жилет наполнился воздухом, и я вылетела на поверхность, как пробка из бутылки. Мне показалось, что голова сейчас лопнет от гула, стоящего в церкви. Откуда, черт побери, доносился этот ужасный шум? Неужели рушилось здание? Веревка ослабла. Освободившись от пут, я потянулась к кромке бассейна, с силой оттолкнулась от воды и снова оказалась на каменном полу. Не обращая внимания на головную боль и грохот, сотрясающий церковь, я поднялась на ноги, испытывая одно желание — добраться до выхода. К тому же смертельно опасная змея, которая всего минуту назад делила со мной могилу, выплыла на поверхность и медленно поплыла в мою сторону. «И ничто не повредит вам».

Я, пошатываясь, попятилась. И увидела Альфреда, который одной рукой вцепился в трубу органа, а другой бил по клавишам, и Фейна, сжимавшего своими сильными пальцами горло несчастного.

Не нужно было звать на помощь — громкие, диссонирующие звуки церковного органа сделали все за меня. И знаете что? Думаю, здесь не обошлось без участия моей мамы. Тайпан выползал из бассейна, его чистые янтарные глаза смотрели прямо на меня. Но ни одна змея не может догнать человека.

Я повернулась и побежала: мимо темной воды, где и Альфред, и я едва не окончили свою жизнь, вдоль длинного прохода, где пламя настигло

Ларри Ходжеса и погиб настоящий Арчи, на крыльцо, где змея укусила Руби. Я продолжала бежать. В ночь, по аллее с древними липами, быстрее за ворота.

Прямо в объятия детектива Роберта Таскера.

Старое дерево разлетелось как хрупкое стекло. Три удара топором — и замок отлетел, дверь стала свободно болтаться на петлях. Констебль в форме вошел внутрь и закрепил ее, чтобы она не закрывалась.

Один за другим вошли эксперты-криминалисты и разобрались по старому дому: что-то измеряли, записывали, фотографировали. Мы вошли последними, поскольку были менее важными специалистами — нас пригласили только для того, чтобы мы позаботились о живности.

Переступить порог для меня оказалось несложно, но оставаться там, вновь вдыхать тошнотворный воздух — самое ужасное, что мне приходилось делать за свою жизнь.

— Впервые вхожу сюда через парадную дверь, — проговорила я, узнавая собственного голоса.

— Подожди в машине, — предложил Шон. — Мы с Крэгом сами справимся.

— Твоя машина опасна для жизни, — отрезала я. Сделала шаг вперед, и запах, казалось, сделался гуще.

— Что ни говори, это местечко как раз для больных, которым предписан постельный режим, — пробормотал Крэг, замыкающий нашу троицу.

— Куда, мисс? — поинтересовался полицейский, которому было приказано нас сопровождать.

Стараясь не мешать экспертам, я прошла по комнатам первого этажа, по коридорам, где уже не царила темнота — все было залито светом, — вниз по лестнице в берлогу Альфреда. Повсюду было шумно, горели электрические лампочки, словно ножами прорезая темноту. Только с вонью полиция ничего поделать не могла.

— Ни хрена себе! — раздался за моей спиной голос Шона, когда мы вошли в потайную комнату. — Клара, извини.

— Черт! — пробормотал Крэг при виде открывшейся картины. — Прошу прощения, леди.

Я уже хотела было признаться, что и сама не сдержалась минувшей ночью, но поняла, что не могу произнести ни слова. Молодая женщина в защитном комбинезоне брала соскобы с пола, где были пятна крови. Крови Мэта.

Я обернулась и увидела, что Шон медленно обходит комнату, совсем

как я несколько часов назад, заглядывает в ящики и контейнеры. На его лице читались ужас и сострадание. Я заметила, что он подавил зевок, и через секунду сделала то же самое. Он не спал почти целую ночь. Я же вообще не ложилась.

Когда я, выбравшись из церкви, смогла говорить, я рассказала детективу Таскеру, где найти его начальника. На поиски отрядили десяток констеблей, и через час Мэта доставили в дорсетскую больницу. Как раз вовремя. Через десять минут у него отказали легкие, он перестал дышать. Его оставят на аппарате искусственного дыхания до тех пор, пока он будет парализован, — если, конечно, он выйдет из этого состояния. По моему настоянию Шона вытащили из постели в два часа ночи, чтобы он проследил за тем, как местные доктора вводят Мэту оставшееся противоядие.

Шон из больницы связался по телефону со специалистами по ядам из Сиднея. Австралийские врачи, имеющие опыт в этой области, продолжали консультировать местных докторов, лечащих Мэта. Было сделано все возможное, но не меньше чем через сутки станет ясно, будет ли он жить.

Как же мне пережить эти сутки? Я не знала. Но ближайший час я могла посвятить своей работе — позаботиться о змеях.

Шон и Крэг уже пересадили несколько ужей в вентилируемые контейнеры-переноски, которые мы используем для транспортировки мелких животных. Крэг взял три контейнера, наш помощник-полицейский — еще три, и они поднялись по лестнице, чтобы погрузить их в ожидающий «лендровер». Я нагнулась, взяла еще один контейнер и протянула его Шону. С помощью петли он достал из старой картонной коробки большую на вид гадюку и опустил ее в контейнер. Взглянул на меня, потом опять на змею.

— Нам не спасти и половины, — пробормотал он, наклоняясь, чтобы осмотреть рептилий в следующем ящике. Потом выпрямился. — Как Фейн это проделал? Как ему удалось приручить человека, которого он когда-то мучил и даже пытался убить?

— Я не уверена, что он его приручил, — возразила я. За последние несколько часов я не раз задумывалась над тем, каким образом Фейн влиял на окружающих его людей. — Вначале, вероятно, это были страх и зависимость. Я думаю, Альфред боялся Джоэля Фейна. Кажется, он помнил, какую власть Фейн имел над людьми, когда они оба были молодыми. И все те ужасные вещи, которые Фейн заставил односельчан сделать с Альфредом... Откуда нам знать, чем Фейн ему пригрозил?

— Он явно снабжал его едой, — заметил Шон, бросая взгляд на

остатки консервов и разбитые бутылки с прокисшим молоком.

— И топливом, — согласилась я, кивая на баллоны с газом. — Здесь открытый огонь не разведешь. И, разумеется, оба помешались на змеях.

Шаги сообщили о возвращении Крэга и полицейского. Мы молча принялись пересаживать живых особей в контейнеры. Когда Крэг и полицейский вновь ушли, Шон посмотрел на меня.

— Мы закончили, — сказал он. — Мне нужно осмотреть церковь, возможно, я найду старшего брата Шипящей Клары. Сомневаюсь, что он далеко уполз в такую бурю. А тебе нужно поспать.

— Если удастся. Детектив Таскер опять хочет со мною побеседовать, а с самого утра папа и сестра каждые полчаса оставляют сообщения на автоответчике.

— Ну, полицейские могут и подождать. Я отвезу тебя домой.

Я покачала головой.

— Я поеду в больницу, — сказала я. — Хочу посмотреть, как он.

Шон поджал губы.

— Ничего не прояснится по крайней мере до вечера, — ответил он. — Тебе придется долго ждать.

— Я имела в виду: посмотреть, как Альфред.

Вчера Фейн пытался задушить Альфреда, но парни Таскера подросли вовремя. Альфред незамедлительно был доставлен в больницу и теперь находился в палате недалеко от палаты интенсивной терапии, где лежал Мэт. Фейна поместили в тюремную камеру.

— Альфред обладает тем даром, о котором ты мне рассказывал, — сказала я, когда теплые руки Шона коснулись моих плеч. — Он имеет власть над змеями. Я уверена, вчера он что-то сделал с тайпаном. Я знаю, это звучит смешно, но именно поэтому змея меня не укусила.

— Я был свидетелем и более странных вещей. Пошли, мы здесь уже достаточно насмотрелись.

Я стала взбираться по лестнице. Оказавшись наверху, я позволила Шону вывести меня по коридору, вниз по лестнице, прочь из дома со змеями.

Заключение

Три недели спустя

Благодаря солнечной погоде, стоявшей последние несколько дней, распустились георгины. Я сорвала семь и присоединила их к красным розам, таким же как и те, из которых когда-то, давным-давно, был составлен свадебный букет девушки с волосами цвета воронова крыла. Я попыталась думать о ней только хорошо, об этой красивой, психически нездоровой женщине. Попыталась порадоваться тому, что она познала любовь хорошего человека.

К сожалению, вскоре после моего визита Уолтер умер, не приходя в сознание. Только что в соседней церкви Святого Николая закончилась заупокойная служба по нему. Я уехала раньше, опередив похоронную процессию, чтобы в последний раз посетить его сад. Через несколько минут он упокоится рядом с Эделиной.

Казалось, со времени моего последнего посещения с дома Уитчеров было снято заклятие. Глицинии отцвели, но ярко-розовые плетущиеся розы, растущие возле главного входа, был и в самом цвету. Цветы и яркое солнце украсили этот дом. Я представляла, как уютно когда-то было здесь. Больше дому таким уже не быть.

Дело в том, что недавно дом Уитчеров официально был признан опасным для жизни и теперь его снесут, а землю продадут. Будет построен новый дом, чуть дальше от края карьера. В саду смогут играть дети. И, возможно, ужасная история семьи Уитчер будет навсегда забыта.

— Я так и думал, что найду тебя здесь.

Я обернулась. К створке ворот прислонился заместитель начальника полиции Дорсета. Форма висела на нем мешковато, и держался он как-то скованно. Он двинулся ко мне, осторожно ступая по неровной дорожке, и я снова, как когда-то, почувствовала, что сердце мое затрепетало. Последний раз, по сути, я видела его в шляпке, уносимой быстрым течением. Сегодня, чуть раньше, в церкви, я лишь разглядывала его затылок. Встретиться лицом к лицу — совсем другое дело.

— Отличный костюм, — выдавила-таки я, глядя на его туфли.

— Уж кто бы говорил! — отозвался он. — А ты мне нравишься в зеленом!

На клумбе у моих ног раскрывался восточный мак, но я знала, что эти

цветы поникнут, как только их сорвут. Есть цветы, которые гибнут, оказавшись в неестественной среде.

— Салли поводила меня по магазинам, — призналась я.

Черные туфли остановились всего в метре от моих, и я заставила себя поднять глаза. На фоне снежно-белой рубашки лицо Мэта выглядело чересчур серым.

— Ты вернулся на работу? — спросила я, прекрасно зная, что этого не произошло.

Салли каждый день рассказывала мне о его состоянии. Пройдет еще несколько недель, а возможно и месяцев, прежде чем Мэт сможет вернуться на службу.

— Боже, нет, конечно! Я едва на ногах стою. Не следовало мне уходить так далеко.

— Присядь на минутку, — предложила я, не надеясь, что он согласится.

Но он кивнул, и мы направились к деревянной скамье в зарослях роз. Когда мы сели, на нас дождем посыпались крошечные лепестки персикового цвета. Минуту-другую мы оба молчали.

— Альфреда выписали из больницы, — наконец сказал Мэт. — Слышала? Он вернулся в лечебницу.

— Мне об этом не сообщили, — ответила я, поддев лепестки носком туфли. — Я до сих пор чуть ли не каждый день навещаю участок Лайм-Риджис, но они только спрашивают, а сами ничего не говорят.

— Спрашивай, — разрешил он. — Я сейчас не прочь поболтать.

И внезапно мне пришло в голову, что, если я посмотрю ему прямо в лицо, мой шрам будет не слишком заметен. Как я не додумалась до этого раньше? Я повернулась к нему. Пожелтевшие белки его глаз были покрыты сеточкой красных сосудиков, глаза были воспаленными.

— Что случилось с тобой тем вечером? — спросила я.

В темно-серых глазах вспыхнул крошечный огонек.

— Ты имеешь в виду — до того как ты связала меня, словно цыпленка, и швырнула в люк, так что я сломал два ребра?

— Не сломал. В них просто трещины. Это не одно и то же. — Я смотрела на него, осознавая: не так уж это и трудно.

— А болели, как сломанные. Но раз уж ты спросила: после нашего разговора мне позвонил Клайв, я отправился к нему. Он хотел поговорить со мной о человеке, который жил у него.

— О Фейне?

— Да, о Фейне, — кивнул Мэт. — Который выдавал себя за Арчи

Уитчера, давно потерянного дядю. Он появился в октябре прошлого года, вероятно добрался сюда по морю, окольными путями, поскольку в иммиграционной службе аэропорта о нем данных нет. Домработнице Клайв сообщил, что это его дальний родственник из Штатов, священник, удалившийся от мира. Она утверждает, что большую часть суток он не покидал своей комнаты. Выходил гулять только с наступлением темноты, любил ходить в старую церковь.

— Человек, которого разыскивает полиция, жил среди нас несколько месяцев, и никто и понятия не имел, что он здесь, — сказала я. — Тоже мне полицейский!

— Я был слишком занят тем, что пытался узнать тебя лучше.

Контакт глаза в глаза был прерван — я посмотрела на часы, желая узнать время. Но на моей левой руке часов не было.

— Что, у Клайва возникли сомнения? — спросила я, рассматривая царапину на тыльной стороне кисти.

— И давно. Хотя встретил он «дядю» с распростертыми объятиями. Обычное дело: если ты воспитывался в детдоме, тебе хочется иметь настоящую семью. Потом он что-то заподозрил, поэтому стащил его зубную щетку, чтобы иметь материал для анализа ДНК.

— Я видела заключение, — призналась я, посмотрев на Мэта. — Оно было в твоём кармане. Значит, объект А и объект Б — это Клайв и Фейн?

— Именно. И анализ не подтвердил их биологического родства. Клайв считал, что результат будет положительным. Он также признался, что его фамилия Уитчер (как ты и предполагала). Но он предпочитал об этом помалкивать, поскольку знал, что его семью, особенно отца, не очень-то жаловали в поселке. Я не смог добиться от него признания в хулиганстве, но мы продолжаем беседовать с Кичем и компанией.

— Почему он просто не поговорил с Фейном по душам? — удивилась я. — Клайв Вентри никогда не производил впечатления застенчивого малого.

— Не производил. Но исчезли яйца тайпана.

— Значит, это Клайв...

— Да. Он нашел их где-то в Новой Гвинее. Разумеется, когда летаешь на собственных самолетах, провезти контрабанду проще простого. Он поклялся, что искренне считал, что яйца мертвые, но когда услышал, что в округе видели молодую тропическую змею, и обнаружил пропажу яиц, то уж сложил два и два. Кстати, нам, похоже, пора, скоро сюда придут.

Мы остались сидеть на скамейке. Правда, Мэт подался вперед, отклонился от меня.

— Я сказал Клайву, что найду способ вызвать подкрепление. Попросил его оставаться дома и запереть все двери, — продолжил Мэт, обращаясь к лепесткам роз у своих ног. — Как оказалось, это была моя самая большая ошибка за все годы службы в полиции.

Я посмотрела на руку, лежащую на скамейке рядом со мной, и невольно потянулась к ней.

— Фейн тогда все еще находился в доме? — негромко спросила я.

Мэт убрал руку до того, как я успела к ней притронуться. Он взял пригоршню розовых лепестков и стал мять их пальцами.

— Думаю, да, — ответил он. — Когда я уходил, Клайв был жив, а когда приехала ты, всего час спустя, — уже мертв. Фейн наверняка подслушал наш разговор и понял, что его игра окончена. Он испугался.

— Но он все равно бы его убил, не так ли? Из-за денег? Это же все из-за денег?

Мэт покачал головой.

— Не уверен, что он решился бы на это, Клара. Возможно, он просто хотел провести остаток своей жизни тихо и спокойно под именем Арчи Уитчера. Клайв нашел бы ему отличный домик, назначил бы какое-то содержание. А может быть, он планировал устроить несчастный случай, если бы окружающие сочли его единственным оставшимся в живых родственником. Разумеется, для того чтобы он мог получить шанс стать наследником, люди, знавшие его пятьдесят лет назад, должны были исчезнуть.

Я на минуту задумалась над словами Мэта. Джон, Виолетта, Эрнест. Он убирал их одного за другим. Кто был бы следующим? Руби? Преподобный Перси?

— Как ты тогда здесь оказался? — поинтересовалась я.

— Увидел Уолтера.

Я даже на секунду задумалась.

— Ты имеешь в виду — Альфреда?

— Всего лишь мельком. Было ужасно темно, и дождь лил как из ведра. Но я мог бы поклясться, что это был Уолтер, он стоял у изгороди в начале Боттом-лейн. Потом исчез.

— Он мастер исчезать.

— Я побежал по переулку, но его и след простыл. Я понял, что он каким-то образом попал в дом. Я по рации связался с дежурным, сообщил, куда направляюсь, и пошел за ним. — Мэт откинулся на спинку скамейки, я почувствовала, как его китель коснулся моей кожи.

— Намного страшнее оказаться здесь одному, — признался он, глядя

на дом Уитчеров.

— И ты мне говоришь об этом! — бросила я.

Пока Мэт излагал свою версию событий, я мысленно вернулась в тот вечер, когда мы оба едва не погибли.

— Мы играли в старую как мир игру — в прятки, — сказал Мэт. Казалось, его губы вот-вот растянутся в улыбке. — Дом выглядел необитаемым. Я осмотрел все. Уже хотел сдать, уже шел к выходу...

Я не была уверена, что хочу услышать подробности. Если он решит, что и так рассказал достаточно, я возражать не стану.

— Нам нужно идти, — сказала я.

— Они догнали меня на лестнице, — снова заговорил Мэт. — Я открыл дверь и увидел внизу Фейна, на шее которого, словно игрушка, висела эта проклятая змея. Должно быть, он убил Клайва и выследил меня.

— Понятно. Не нужно...

— Я уже собирался крикнуть, чтобы он опустил свое оружие... Боже, я когда-нибудь буду над этим смеяться! А тогда я не успел даже договорить. У меня за спиной раздался шум. Альфред, очевидно, выбрал тот же «живописный» путь, что и ты. Он чем-то ударил меня, я упал. Вырубился на несколько минут. Этого времени хватило нашему другу-проповеднику. Похоже, остальное ты знаешь. Ты права. Нам нужно идти. Помоги старичку подняться.

Мэт протянул руку, я взялась за нее, осторожно потянула его на себя и легко подняла — весил он как пушинка.

— А где сейчас Фейн? — спросила я, когда мы возвращались по тропинке к машине.

— За решеткой. Он продолжает утверждать, что его зовут Арчи Уитчер и что виновен во всех убийствах Альфред. Просто зря теряет время. Даже без анализа ДНК у нас есть три свидетеля, которые могут его опознать.

— Спустя столько лет?

— Да. Преподобный Стэнси, Джанет Доддс и Маргарет Роузинг. Думаю, они были бы следующими жертвами. Даже спустя пятьдесят лет они его, несомненно, узнают.

— А ты в спешке никого не забыл? — удивилась я. — А как же Руби? Почему не пригласили ее?

— Она слишком измучена, не стоит ее подвергать такому испытанию.

— Она очень слаба, — сказала я, желая быть объективной по отношению к Руби.

— Она трижды писала ему. И попросила разрешить свидание.

— Ты шутишь?

— Мы нередко сталкиваемся с подобными вещами. — Мэт остановился, снял очки и потер глаза. — Беспринципный, но харизматичный заключенный неизбежно привлекателен для женщин. А на таких замечательных парней, как я, женщины даже не смотрят.

Он бросил взгляд на мое левое запястье. Но часов там не было! Неужели он пытается заигрывать? И тут я вспомнила о рыжеволосой амазонке, которую тем вечером видела в доме Мэта. «Меня зовут Рэчел. Я девушка Мэта».

Мне показалось, что я услышала рев нескольких машин. Мы продолжили свой путь.

— Ведь это Фейн навещал Альфреда? — уточнила я.

— Фейн. Роза Скотт его тоже опознала. И на липовом завещании Виолетты его отпечатки пальцев. Улики против него неопровержимые.

— Он предстанет перед судом?

Мэт сделал глубокий вдох.

— Лично я сомневаюсь, — ответил он.

— Почему?

Мы почти достигли ворот. Остановились, повернулись лицом друг к другу — нас разделяла благоухающая тропинка Уолтера.

— Думаю, его признают невменяемым, — пояснил он. — Будет назначена судебно-психиатрическая экспертиза, даже если сам Фейн не даст на нее согласия. Этот человек совершенно безумен.

— Ты говоришь, как будто ничуть не сомневаешься в этом.

— Я заглянул в его глаза, когда он клал на меня змею.

На секунду его налитые кровью глаза, глядящие на меня из-за стекол очков, поменяли цвет: серый превратился в цвет слежавшегося снега.

Я слышала, как захлопали дверцы автомобилей. Уолтер прибыл к церкви Святого Биринна.

— Когда ты уезжаешь? — спросил Мэт, который тоже слышал хлопанье дверей.

— Через месяц. — Нам уже пора было идти. Гроб с телом Уолтера вытащили из катафалка и понесли по тропинке к церкви.

— Ну вот, только мы стали привыкать друг к другу, — вздохнул Мэт.

— Я вернусь на Рождество, — пробормотала я, заметив, что на крошечных бутонах розовых кустов уже появилась тля. Уолтер-то знал, как с ней бороться! — Меня временно заменит другой врач. Я же не уволилась.

— М-да.

— Что?

— Ну, понятно, ветеринар из глухой провинции становится звездой

телеэкрана. Трудно поверить, что она вернется.

Мы обменялись взглядами, потом я опять подняла левую руку и взглянула на запястье.

— У тебя на руке нет часов, — заметил Мэт. — Мы опаздываем уже на десять минут. Достанется же нам от преподобного Перси!

— Я к этому уже привыкла. — Я продолжала рассматривать свое запястье, как будто, если смотреть достаточно долго, часы волшебным образом появятся на моей руке. — У него свои цели: он хочет заманить меня в церковный хор.

— Он утверждает, что в последнее время вы часто встречаетесь.

Мы невольно приблизились друг к другу. Я чувствовала теплый запах шерстяного кителя Мэта, его кожи, волос.

— Как ты-то себя чувствуешь? — спросил он.

На этот вопрос я не находила ответа. За последние три недели я довольно часто навещала церковь Святого Николая. После того как я побывала в старой церкви, мои помыслы стали чисты. Обрывки жутких воспоминаний о замкнутом пространстве, о Фейне, Альфреде, темной воде, отравленной плоти испарились, в моей голове появилось место для мыслей — о том, что надо оплакать маму, подумать о будущем. И когда мне становится страшно, когда меня преследуют тени и дыхание мое учащается, я сажусь за орган — действует безотказно, я успокаиваюсь.

Я уловила в воздухе знакомый аромат. Низко наклонившись, я провела рукой по ромашкам, которые росли вдоль тропинки Уолтера, выпрямилась и поднесла руку к лицу Мэта. Он поднял свою руку и прижал мою к своему лицу. Я чувствовала его дыхание на своих пальцах, губы на своей ладони. Колокола зазвонили по умершему.

Неужели я обрела веру, которую искала всю жизнь? Честно сказать, я не знала. Был ли то голос моей матери, голос, который я слышала той ночью, который направлял и успокаивал меня, когда я смотрела в глаза смерти? Или то была просто лучшая и более сильная моя половина? Я продолжаю размышлять над этим. Пока я с уверенностью могу сказать одно: настала ночь, когда я могла ступить по змеям. И они мне не навредили.

Эпилог

Шипящую Клару, меньшую змею из двух папуасских тайпанов, через несколько месяцев выпустили на поросшем травой склоне горы на ее родном острове. Разумеется, более шести миллионов телезрителей по всему земному шару смотрели репортаж Шона Норта и видели, как он отпирал замок ее клетки и осторожно выманивал змею наружу. Я тоже попала в кадр, я улыбалась, когда серебристая, с янтарно-желтыми переливами змея, выросшая почти до трех метров, оказалась на воле. Блеснув на солнце, ее тело исчезло в траве. Ее старшего собрата так и не нашли.

От автора

В книге «Последняя жертва» я описала, насколько возможно точно, змей, их привычки и действие яда благодаря консультациям Ричарда Гибсона, руководителя отдела беспозвоночных и низших позвоночных в зоопарке Честера. Он исправил мои наиболее нелепые ошибки. Те же, что остались, — на моей совести, не на его. Не всегда легко удавалось найти компромисс между настойчивым желанием Ричарда придерживаться достоверности и точности и необходимостью придумать устрашающую историю. Но, надеюсь, в конце концов он понял, что я отдала должное этим пленительным и красивым созданиям. Хочу также заметить, что я нашла доказательства того, что ужи перемещаются группами, как описано в «Последней жертве»: я знаю людей, которые клянутся, что видели подобное. Ричард же полагает, что это можно отнести к случаям ошибочного опознания. Но я предпочитаю думать, что в окружающем нас мире еще остались загадки.

Церковь Божья с Сопровождающими Знаменами и церковь Позднего дождя — реально существующие организации. Данные об их создании и периоде становления, приведенные в «Последней жертве», основаны на документальных свидетельствах. Джоэль Морган Фейн — вымышленный персонаж, но Джордж Хенсли, Уильям Бренем и Франклин Холл реально существовали. Книга «Рецепт воскрешения мертвых» также существует на самом деле — у меня даже есть экземпляр.

Благодарности

При работе над этой книгой очень пригодились следующие издания: «Ядовитые змеи планеты» Марка О'Ши, «Змеиная сказка: змеи в фольклоре и литературе» Грегори Макнами, «Содержание и разведение змей» Криса Маттисона и «Искусство ухаживать за змеями» Филиппа де Восжоли. Еще раз хочу выразить благодарность сотрудникам библиотеки.

Кроме того, хочу поблагодарить огромное число людей, которые не пожалели времени и знаний, чтобы помочь мне при написании этой книги. За подробности, связанные с религиозными традициями и церковным укладом, я в долгу перед Аврилом Нилом и Эндрю Хезелдайном; также помогли мне мои друзья, специалисты в области медицины и психиатрии, — Бриджит Дейвис, Дениз Скотт и Мэри Уэйстерс. В знании полицейских процедур нет равных Адриану Саммонзу. За все, что касается ветеринарии и зоологии, я от всего сердца хочу сказать спасибо Фионе Смит, Ричарду Гибсону, Кевину Итвеллу и всем сотрудникам ветклиники, занимающейся спасением лебедей в графстве Йоркшир.

Хотелось бы поблагодарить сотрудников издательства «Трансуорлд паблишерз» за их поддержку, энтузиазм и безупречную работу и лично Сару Тернер, Пэтси Ирвин, Ника Робинсона и Кейт Самано. Хочу также выразить благодарность живущим в Соединенных Штатах Келли Рэгланд и Метьо Мартцу из «Сент-Мартинз Минотавр»

notes

Примечания

1

Лайм-Риджис, небольшой курортный город в графстве Дорсет на юге Англии.

2

Старинный город на юге Англии.

3

Полное название — министерство окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства.

4

Главный город графства Дорсет.

5

Следователь, ведущий дела о насильственной или скоропостижной смерти.

6

Эол — в греческой мифологии: бог ветров.

Путаница произошла из-за созвучия английских слов: tie-pin — булавка для галстука, taipan — название змеи.

В отличие от классического вестерна спагетти-вестерн многозначительно мрачен, насыщен жестокостью, его герои — холодные и безжалостные авантюристы, кроме того, такие фильмы не претендуют на реалистичность, это своего рода кинематографические притчи.

9

Организация по охране исторических памятников,
достопримечательностей и живописных мест.

10

Дезинфицирующее средство.

Согласно учению гностиков, Плерома представляет собой совокупность небесных духовных сущностей, эонов. Иисус Христос, по их мнению, также был одним из эонов, посланных на землю для того, чтобы вернуть людям утраченное знание (гносис), и тогда люди воссоединились бы с Плеромой.

«Пернатый змей» на языке науатль — имя божества древней Америки, один из главных богов ацтекского пантеона и пантеонов других цивилизаций Центральной Америки, а также имя исторической личности.

13

Полубог в образе змея, кусающего собственный хвост.

Четвертая книга Пятикнижия (Торы) и Ветхого Завета.

Один из трех методов раскрытия тайного смысла слова, записанного на иврите. Широко применяется в каббалистических текстах.

Баррель (англ. barrel, буквально «бочка») — мера объема нефти, принятая в англоязычных странах; равна примерно 159 литрам. В одной тонне нефти от 7 до 8 баррелей, в зависимости от плотности нефти.

Форма отклонения сексуального поведения, когда сексуальное удовлетворение достигается путем демонстрации половых органов незнакомым лицам, обычно противоположного пола, а также в публичных местах.

Извращенная форма полового влечения, при котором половое возбуждение и сексуальное удовлетворение достигаются трением о тело человека противоположного пола.